

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ И ОТДЕЛЕНИЙ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы XVII Всероссийской научной конференции
молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук

Новосибирск
2019

УДК 101 + 304
ББК 87
А 437

*Сборник издан по решению
Ученого совета Института философии и права НГУ
и Ученого совета Института философии и права СО РАН
при финансовой поддержке
Института философии и права НГУ*

Рецензент:

д-р филос. наук, проф. В.С. Диев

Ответственные редакторы:

канд. филос. наук, доц. В.В. Петров, А.Н. Артемова,
О.А. Персидская, канд. филос. наук А.А. Санженяков

Составители:

канд. ист. наук Е.М. Лбова, канд. филос. наук С.А. Мадюкова,
Н.А. Синюкова, И.С. Табрастаева

А 437 Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / редкол.: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санженяков; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. – 286 с.
ISBN 978-5-4437-0943-7

В сборнике опубликованы доклады участников XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Книга рассчитана на специалистов в области философии, социальных исследований и права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 101 + 304
ББК 87

© Новосибирский государственный
университет, 2019

© Институт философии и права
СО РАН, 2019

ISBN 978-5-4437-0943-7

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

«...Я СТОРОННИК ЕЩЕ БОЛЕЕ РАДИКАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ»: РЕФОРМИРОВАНИЕ НАУКИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

А.М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск
ablazhey63@gmail.com

Взаимодействуя сложным образом с различными культурными образцами (поведения, построения карьеры и т.д.), находясь под мощным влиянием изменяющихся социальных и экономических условий, и сама наука как социальный институт, и люди науки существенным образом меняются. Эти изменения особенно характерны для периодов кризиса традиционной модели профессиональной карьеры учёного (появления нескольких конкурирующих векторов жизненного пути учёного), что ярко проявилось в отечественной науке в постсоветский период. Нынешний молодой учёный, работающий в академическом институте, с одной стороны, хорошо усвоил правила игры и выстраивания карьерных стратегий, сложившиеся в современном российском, преимущественно советском по происхождению, академическом сообществе, с другой – гораздо более адекватно реагирует на постоянно изменяющиеся условия существования науки, более активен в различного рода контактах с зарубежными коллегами, не заикливается на устоявшихся формах успеха и т.д. Такой тип учёного – это продукт тех изменений, которые пережила наука в последние десятилетия.

Переход науки на постсоветскую стадию закономерно приводит к постепенной, весьма существенной трансформации системы ценностей и профессиональных приоритетов российских учёных. Воспроизводство науки как социального института и той сложной системы взаимоотношений, которая вокруг него выстраивается, происходит в качественно иных условиях, при том, что важнейшие тенденции, складывавшиеся с середины 1990-х гг., когда, собственно, и началась масштабная реформа российской науки, продолжали сохранять своё значение и на момент принятия решения о проведении последней по времени (2013 г.) реформе Академии наук. Среди учёных нарастало ощущение того, что кризисное положение науки в обществе, невнимание к её нуждам негативно сказывается на квалификации людей, работающих в науке. В то же время среди самых разных слоев научной общности росла убежденность в том, что именно академическая бюрократия становится основным препятствием на пути развития российской науки. Серьезным ударом по престижу Академии наук стало пролоббированная ее руководством в 2008 г. отмена возрастного ценза для занятия административных должностей после 70 лет (главной целью было оставить на своем посту бессменного президента РАН Ю. Осипова, а значит,

и всю его команду). Во многих институтах, где должна была произойти запланированная смена руководства, этого не случилось, что приводило зачастую к росту социальной напряженности в коллективах, конфликтам, не редкостью стал и связанный с этим уход из науки молодых талантливых ученых, морально и профессионально более подготовленных к работе в новых условиях.

Неумение (да и нежелание) академической верхушки пойти на серьезные изменения, убежденность в своей непогрешимости и особом положении в социальной и властной структуре постсоветской России сыграли свою роковую роль. Нельзя не согласиться с И. Дежиной в том, что «в период всеобщего слома, когда перестал существовать СССР, Академия фактически сохранилась в прежнем виде с точки зрения базовых принципов работы. Дальнейшая история показала, что Академия оказалась *очень консервативной структурой, не идущей на серьезные компромиссы (курсив наш – Авт)*. Это отсутствие гибкости и неумение вовремя инициировать и провести внутреннюю реформу и привело ее к краху» [1. С. 18].

Проведенное нами в 2015–2018 гг. социологическое исследование настроений и образцов поведения ученых, работающих в академической сфере, показало, что, несмотря на превалирование главным образом резко отрицательных оценок как механизма, так и последствий реформы, были и положительные ее оценки. Речь идет прежде всего о представителях такой группы ученых, как заметная часть научной молодежи. Полученные результаты свидетельствуют, что многие начинающие исследователи восприняли реформу как шанс для ускорения собственной карьеры, поскольку закостеневшая структура Академии наук мешала появлению новых имен. Слишком много в ней борьбы за власть и влияние (очень симптоматичны последние по времени выборы в РАН, прошедшие уже после начала ее реформирования, в 2016 г.), и все меньше науки. (Именно этим, кстати, и объясняется убежденность большинства наших респондентов в том, что реформа назрела и перезрела).

Мы постарались сравнить точки зрения нескольких представителей российской научной молодежи на то, что происходит с наукой и в науке, их личные профессиональные истории, степень адаптации к изменившимся условиям деятельности, которые носят в целом типичный характер. Напомним, что когда реформа только начиналась, снова пошли разговоры о новой волне эмиграции молодых ученых в зарубежные университеты и научные центры. Именно поэтому этот вопрос был одним из основных – является ли эмиграция из страны типичной стратегией адаптации к реформе науки для молодого ученого? Мы намеренно взяли для сравнения несколько интервью, чтобы показать наличие нескольких стратегий адаптации молодых к нынешней ситуации в науке. Кроме того, выбраны представители разных научных дисциплин и разных научных центров (в данном случае – Иркутска и Красноярска). В этих условиях радикальная перестройка всей системы фундаментальных исследований и появление нового центра власти в лице ФАНО способствовали появлению прослойки сторонников происходящих

изменений среди молодых сотрудников. Приведем в этой связи весьма показательное высказывание: *«у меня очень положительное отношение к реформе. На самом деле, я сторонник еще более радикальных изменений... Сейчас есть возможность тем ребятам, которые умеют работать, которые хотят работать, действительно пробиться. У нас [в институте] такие возможности точно есть. Пожалуйста, вперед... [сейчас] новый мир, здесь все по другому, все по другому, абсолютно. Не в 60-х годах живем». Свойственный молодежи оптимизм также способствует тому, что именно эта часть ученого сообщества становится главной опорой реформаторов: *«да, перемены, да, а что, будем работать, тем более, если у тебя семья, дети и пр., тебя подталкивают к этому... вот эта... категория – она преобладает. И в ФАНО – там люди молодые, без этого академического тона... им можно позвонить, найти общий язык, они открыты. Мы – люди примерно одного возраста, одних взглядов на жизнь, несмотря на то, что они чиновники, вроде бы, такие прожженные. И в целом все смотрят... все-таки больше с оптимизмом, как бы то ни было».**

В целом позиция молодежи может быть сведена к следующим моментам: реформа как шанс, реформа как точка бифуркации, реформа как опасность увидеть еще одно потерянное поколение в науке. Молодые ученые в большинстве своем подобны двуликтому Янусу: с одной стороны, как всякая молодежь, они нацелены на изменения и новации, с другой – они плоть от плоти именно академическая молодежь, с младых, еще студенческих ногтей впитавшая профессиональные и мировоззренческие ценности сообщества. Также, как и старшие товарищи, многие из них на дух не принимают дух коммерциализации, не мыслят своей личной карьеры вне стен воспитавшей их лаборатории, воспринимают Академию наук не просто как учреждение или место работы, но как безусловную культурную ценность страны.

Литература

1. Дежина И. Реформа РАН: причины и последствия для науки в России. М.: IFRI, Центр Россия/ННГ, 2014.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПЬЮТЕРНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Л.Д. Ламберов

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
lev.lamberov@urfu.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект №19-011-00301 «Эпистемология компьютерного доказательства
с точки зрения теоретико-типového подхода к основаниям математики»*

Традиционное понимание математического доказательства предполагает, что (1) оно является средством достижения убеждённости, (2) оно

представляет собой обозримую конструкцию, (3) оно может быть формализовано. Причём, убедительность доказательства зависит от формализуемости и от его обозримости, поскольку именно эти характеристики обеспечивают доказательству проверяемость. Источники данных положений можно выявить глубоко в истории философии, начиная с идей Платона и Аристотеля, но наиболее ясно они были выражены в философских концепциях Нового времени (в частности, это понятия промежуточного шага и непрерывности мышления у Ф. Бэкона, Р. Декарта, Дж. Локка и др. [7], [6]). В настоящее время математики всё чаще обращаются к помощи вычислительных машин для построения и/или проверки доказательств, что актуализирует соответствующую эпистемологическую проблематику.

Собственно, можно выделить два связанных подхода к понятию компьютерного доказательства, различающиеся скорее по типу описываемого и объясняемого явления. Первый состоит в использовании доказательств для проверки корректности программного обеспечения [2] (предлагается заменить тестирование, являющееся чем-то сродни эксперименту в естественных науках, математическим доказательством того, что программа работает в соответствии со своей спецификацией). Второй же подход касается непосредственно доказательств математических результатов [3]. Необходимо отметить, что и в том, и в другом случае возникают одни и те же эпистемологические проблемы, однако акценты ставятся различным образом. С одной стороны, в случае применения вычислительных машин для получения математических результатов существенным образом страдает обозримость доказательств (например, при использовании метода перебора доказательства оказываются чрезмерно большими), также теряется определённый «социологический» аспект (компьютерные доказательства не «живут жизнью» обычных математических результатов, а скорее принимаются как нечто данное). С другой стороны, использование математических методов для доказательства корректности программного обеспечения полностью отсутствует «социологический» аспект (так как в этом случае важен лишь результат в духе «корректно/некорректно», а вовсе не структура доказательства и, соответственно, интуитивность перехода между элементарными шагами), доказательства корректности тоже вполне могут оказаться слишком большими.

Распространение компьютерных доказательств (в первую очередь методом перебора), начиная с 1970-х гг., привело к проблематизации традиционного понятия доказательства, что без сомнения серьёзно повлияло и на обсуждения природы математики в целом. К примеру в некоторых дискуссиях возникали идеи пересмотра традиционного понятия доказательства в плане отказа от обозримости. В таком случае под математикой понималось бы нечто сродни естественным наукам [13], в которых одним из ключевых средств достижения убеждённости являются эксперименты (следует отметить, что эксперименты, конечно же, не дают тех же гарантий и однозначности, как математические доказательства). Либо же

рассматривались идеи того, что сложности с обозримостью возникают в силу принципиальной эпистемологической ограниченности людей, сама же по себе математика (в противовес человеческой математике) свободна в указанном отношении [12], и в ней вовсе не требуется какая-либо ограничивающая обозримость.

Тем не менее после «освоения» в рамках чистой математики прикладных теоретико-типовых результатов, полученных в рамках исследований по компьютерным наукам, ситуация начала несколько меняться. Дело в том, что в отличие от доказательств, например, методом перебора, теоретико-типовые доказательства вполне себе обладают локальной обозримостью (обозримость переходов между шагами доказательства) и пишутся зачастую самим исследователем, а не вычислительной машиной. В особенности это проявляется в рамках унивалентных оснований математики [11], что, правда, так же приводит к пересмотру и математической практики, и математики в целом. Последнее предполагает переход к структуралистскому и конструктивистскому подхода к обоснованию математики [1].

Литература

1. Ламберов Л. Д. Основания математики: теория множеств vs. теория типов // *Философия науки*. 2017. № 1. С. 41–60.
2. Ламберов Л. Д. Понятие доказательства в контексте теоретико-типового подхода, I: доказательство программ // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 46. С. 49–57.
3. Ламберов Л. Д. Понятие доказательства в контексте теоретико-типового подхода, II: доказательства теорем // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 49. С. 34–41.
4. Ламберов Л. Д. Унивалентность и понятие структуры в философии математики // *Сибирский философский журнал*. 2018. Т. 16, № 1. С. 20–32.
5. Целищев В. В. *Философия математики*. Ч.1. Новосибирск: Наука, 2002. 212 с.
6. Целищев В. В. *Эпистемология математического доказательства*. Новосибирск: Параллель, 2006. 212 с.
7. Bassler O. V. The Surveyability of Mathematical Proof: A Historical Perspective // *Synthese*. 2006. Vol. 148, No. 1. P. 99–133.
8. Corfield D. Homotopy Type Theory and the Vertical Unity of Mathematics // *What is a Mathematical Concept?* / ed. by E. de Freitas, N. Sinclair, Alf Coles. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. pp. 125–142.
9. DeMillo R., Lipton R., Perlis A. Social Processes and Proofs of Theorems and Programs // *Proceedings of the Fourth ACM Symposium on Principles of Programming Languages*. 1977. pp. 206–214.
10. Fetzer J. Program Verification: The Very Idea // *Communications of the ACM*. 1988. Vol. 31, No. 9. P. 1048–1063.

11. Homotopy Type Theory: Univalent Foundations of Mathematics. 2013. URL: <https://homotopytypetheory.org/book/> (Дата обращения: 27.07.2019).
12. Teller P. Computer Proof // The Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77, No. 12. P. 797–803.
13. Tymoczko T. The Four-Color Theorem and Its Philosophical Significance // The Journal of Philosophy. 1979. Vol. 76, No. 2. P. 57–83.

НОРМАТИВНО-ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Е.Ю. Моисеева

Новосибирский государственный университет
evgen-moiseeva@yandex.ru

Достижения нанобиологии, генной инженерии, трансплантологии, репродуктивной медицины и т.д. повлекли возникновение новой категории прав, способов их реализации, обеспечения и защиты. В связи с появлением новых правоприязаний человека и гражданина на собственную телесность, трансформации подвергся и институт прав и свобод. В 2000-м году профессором В.И. Круссом было указано на существование особой категории прав человека – соматических (личностных) прав, которые не поддаются существующим классификациям [1]. К категории соматических прав и свобод правоведы относят право на осуществление эвтаназии, клонирование, заключение однополых браков, использование ВРТ и т.д. Проблема прав и свобод человека и гражданина является, безусловно, актуальной для любого демократического и социального государства, одним из факторов развития которых, стал антропоцентризм.

Анализ теоретических взглядов на проблему соматических прав и свобод справедливо приводит к выводу о том, что под категорией соматических прав следует понимать признанную обществом и государством возможность определенного поведения, выражающегося в правоприязаниях на свободное принятие решений и их реализацию относительно возможности / невозможности своего физического существования как биологической единицы, а также относительно свободного распоряжения собственным телом и его составными частями, определения своего сексуального гендера.

Правовая материя подвергается множественным изменениям с течением времени. Основным качественным способом изменения правовой материи служит конституционализация определенных правоотношений при условии стабильности и непоколебимости конституционного текста. Конституционализация прав и свобод человека и гражданина выступает в качестве гаранта их незыблемости, нерушимости, а также примата для государства. Судья Верховного Суда США У.Д. Бреннан отмечал, что

подлинный дух Конституции состоит не в каком-то статичном значении, которое она могла бы иметь в мертвом и ушедшем мире, но в адаптируемости ее великих принципов, что позволяет справляться с текущими проблемами и нуждами [2]. Именно конституционализация обеспечивает существование «живого права», обеспечивающего реальные потребности каждого члена общества в регулировании тех или иных общественных отношений. Конституционализация прав и свобод может осуществляться несколькими способами, одним из которых является нормативно – интерпретационный.

Автор определяет нормативно-интерпретационную конституционализацию прав и свобод человека и гражданина как специализированную деятельность судебных органов конституционной юстиции, направленную на интерпретацию конституционных положений и расширение буквального смысла применяемой конституционной нормы в области прав и свобод человека и гражданина. Ярким примером стран, активно использующих нормативно-интерпретационный тип конституционализации соматических прав и свобод, являются Соединенные Штаты Америки. Всемирно известными решениями, касающимися конституционализации правопритязаний на эвтаназию, физическую свободу и т.п., являются дела: *Skinner v. Oklahoma*, *Vacco v. Quill*, *Baxter v. Montana*, *James Obergefell v. Hodges* и другие. Еще одним примером является Канада, где Верховный суд в 2015 году конституционализировал право граждан Канады на осуществление эвтаназии в постановлении по делу *Carter v. Canada* [3]. Деятельность Конституционной коллегии Верховного суда Индии также привела к конституционализации некоторых соматических правопритязаний, в том числе, в 2018 году в Индии было конституционализировано право граждан на осуществление пассивной эвтаназии. Конституционный суд РФ также активно участвует в процессе интерпретационно – правовой конституционализации соматических прав, о чем, к примеру, свидетельствуют некоторые принятые им акты: определение от 04.12.2003 года № 459-О, определение от 10.02.2016 года №224-О, подтвердившие наличие у граждан РФ права на корпоральную свободу. Особая роль в процессе интерпретационно – правовой конституционализации соматических прав и свобод человека и гражданина на территории ЕС отводится Европейскому Суду по правам человека.

Представляется, что нормативно-интерпретационная конституционализация прав и свобод, осуществляемая судебными органами, позволяет демократическим государствам трактовать определенную норму права с учетом потребностей и интересов общества, в условиях поступательного непрекращающегося научно-технического прогресса, без внесения в текст конституций многочисленных изменений, обеспечивая его максимальную устойчивость, тем самым гарантируя стабильность и непоколебимость конституционно-правовых институтов.

Литература

1. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении. К постановке проблемы // Государство и права. 2000. № 10. С. 43.
2. Николаев Б.В. Права и свободы человека в США: очерки развития законодательства и практики Верховного суда: монография / Б.В. Николаев. М.: изд. «МУ им. С.Ю. Витте», 2015. С. 9.
3. Carter v. Canada [Электронный ресурс] // Supreme Court judgments. URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/14637/index.do> (дата обращения: 10.07.2019).

ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «УНИВЕРСИТЕТ 3.0» Й. ВИССЕМЫ

В.В. Петров

Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
v.v.p@ngs.ru

Под воздействием глобализационных процессов [1. С. 26] в условиях формирующегося общества знания российские университеты столкнулись с серьезным давлением, которое требует от них преобразований. В условиях перехода к ценностям информационной цивилизации отношения между университетом и средой, в которой он существует, характеризуются все возрастающей асимметрией между запросами этой среды и способностью университета отвечать на них. От университетов сегодня требуют настолько много, что зачастую они оказываются не в состоянии дать адекватный ответ на изменения, происходящие практически во всех сферах социума. При этом у российских вузов отсутствует возможность ограничивать эти запросы, чтобы в большей степени сфокусироваться на собственном институциональном характере [2. С. 67]. Выступая в ноябре 2017 года в Национальном исследовательском Томском государственном университете, Й. Виссема обозначил девять ключевых характеристик университета нового поколения («Университет 3.0») [3]. Для того, чтобы понять потенциальную возможность применения данной концепции в российских условиях, возьмем данные характеристики за основу и сфокусируемся на опыте Новосибирского государственного университета, принимающего участие в Проекте 5–100–2020.

Итак, Й. Виссема обозначил, что, во-первых, «Университет 3.0» занимается фундаментальными исследованиями, что формирует основу любого прогресса, не только в области науки, но также в сфере экономики; во-вторых, в современном университете акцент делается на междисциплинарность; в-третьих, университет, проводя большие успешные

исследования, тесно взаимодействует с промышленными корпорациями, способными вывести разработки на международный рынок; в-четвертых, университет третьего поколения должен представлять собой пример открытого университета, т.е. должен работать не только под эгидой министерства науки и образования, но и быть открытым для промышленности, бизнес-структур и т.д. В-пятых, у университета третьего поколения должен быть определенный масштаб деятельности, который подразумевает наличие развитой инфраструктуры, что является определенным конкурентным преимуществом, хотя, распространяя свою деятельность на разные сферы, существует опасность снижения качества образования, поэтому исключительно важно удерживать студентов, предлагая им диплом, который будет востребован на рынке труда. В-шестых – необходимость реализации творческого потенциала. В-седьмых – развитие общего (английского) языка академического сообщества, что отличает «Университет 3.0» от университетов второго поколения, которые национализированными. В-восьмых – необходимость вывода на первое место производства и коммерциализации разработанных ноу-хау. И, наконец, в-девятых, было подчеркнуто, что университету третьего поколения необходима децентрализация, отсутствие которой не позволяет эффективно работать ректору и профессорско-преподавательскому составу. К сожалению, формат данной работы не дает возможности подробно остановиться на каждом тезисе, но это, в общем то и не нужно – для нас примечательно, что практически по всем позициям НГУ в большей или меньшей степени соответствует концепции Й. Виссемы, и, более того, он соответствовал этой концепции задолго до ее появления [4. С. 18]. Однако, вписываясь в целом в концепцию университета третьего поколения, НГУ, тем не менее не входит в верхние строчки мировых рейтингов (максимум – топ 50-200 по ряду направлений). Как известно, образовательный запрос к университету формируется тремя акторами образовательного процесса: государством, обществом и студенчеством. Если взаимодействие «университет – государство» и «университет – общество» достаточно подробно разбирается Й. Виссемой, то о запросах студенчества, как одного из акторов образовательного процесса, практически не говорится. Поскольку мы выявили, что НГУ, конструктивно интегрированный в Новосибирский научный центр СО РАН, в той или иной степени соответствует требованиям, предъявляемым к университету нового поколения со стороны общества и государства, то правомерной, на наш взгляд, стала попытка провести социологическое исследование именно среди студентов Новосибирского государственного университета, тем самым установив, какие требования сегодня предъявляет студенчество к университетскому образованию в России. В представленном социологическом опросе приняли участие 256 респондентов из НГУ. При проведении опроса нам удалось сохранить процентное соотношение 50% / 50% между студентами, имеющими гуманитарную специализацию и студентами точных и естественнонаучных специальностей. Почти 90% опрошенных обучаются на бюджетной форме, при этом половина студентов проходит бакалаврскую ступень образования, половина магистерскую. 51,3% опрошенных не имеют постоянной работы.

Стоит отметить, что преимущественное количество участников опроса ответили, что преподаватели обладают развитыми академическими способностями, знают предмет не только в объеме учебного курса, а значительно шире и глубже при этом предъявляя четкие и разумные требования к студентам. Показательные результаты дал вопрос о реальной теоретической или практической значимости исследования в рамках подготовки выпускной квалификационной работы: только 45,6% опрошенных ответили утвердительно. Если студент, обучаясь в университете, полагает, что его научная деятельность не имеет теоретической и практической значимости, то это означает, что в процессе обучения он не вовлекается в разработку технологий, которые по замыслу университета третьего поколения обязаны приносить прибыль. Хотя 87,2% студентов ответили, что в университете проводятся мероприятия, направленные на взаимодействие с будущими работодателями, но, тем не менее, на вопрос о возможности реализовать себя на рынке труда после окончания учебы в университете ответы были сильно дифференцированными. Только 21,3% опрошенных ответили, что уже работают по специальности, а 20,5% уверены, что найдут работу по специальности сразу после выпуска. В тоже время, 35,9% студентов не уверены, что найдут работу в своей специальности сразу после выпуска, а 20,5% вообще не собираются работать по специальности. На вопрос о наличии научно-исследовательской практики всего 41,5% респондентов ответили, что у них имеется таковая во время обучения. В это же время 56% из числа студентов, проходивших научную и научно-исследовательскую практику, отметили, что они не чувствуют пользу от ее наличия.

Как мы обозначили выше, основным принципом «Университета 3.0», как и университета второго поколения, по-прежнему является его вовлеченность в научную деятельность и фундаментальные исследования, что, по словам Й. Виссемы, как раз и «формирует основу любого прогресса». Мы видим, что с одной стороны, НГУ действительно тесно вовлечён в научную деятельность (штатных преподавателей и научных сотрудников НГУ всего 498 человек, тогда как 2186 являются сотрудниками академических институтов и работают в НГУ по совместительству) [5], но с другой стороны, результаты проведенного социологического исследования показали, что фактически такая вовлеченность относится к профессорско-преподавательскому составу, но не к студентам.

Соответственно, проблемность перехода университета в новый формат («предпринимательский», «университет *.0» и пр.) вызвана, в том числе, и таким фактором, что не в полной мере соблюдается баланс между требованиями всех акторов, влияющих на формирование образовательного запроса: государства, общества и студенчества. Если удастся пересмотреть критерии вовлечения не только профессорско-преподавательского состава, но и студенчества в научно-исследовательскую деятельность, то это может способствовать формированию университета третьего поколения как двигателя экономического роста.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2014. 188 с.
2. Петров В.В. Организационная культура производства фундаментального знания в условиях системных трансформаций: российская специфика // Гуманитарный вектор. Серия: философия, культурология. 2016. Т. 11, вып. 2. С. 65–71.
3. Виссема Й. Как изменятся университеты в течение следующих 20 лет [Электронный ресурс] // URL: <http://www.tsu.ru/podrobnosti/kak-izmenyatsya-universitety-v-techenie-sleduyushchikh-20-let/> (дата обращения: 16.03.2018).
4. Лаврентьев М.А. ...Прирастать будет Сибирию. 2-е изд. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 175 с.
5. Материалы к отчету ректора о деятельности НГУ в 2018 году. Новосибирск: издательско-полиграфический центр НГУ, 2019.

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П.А. ФЛОРЕНСКИЙ О ФИЗИЧЕСКОМ И СУБЪЕКТИВНОМ ВОСПРИЯТИИ ВРЕМЕНИ

С.П. Антипова, Л.А. Смолина, С.А. Рябко

Институт общественных наук и массовых коммуникаций «Белгородский
государственный национальный исследовательский университет»
lana.antipovas@mail.ru

Актуальность исследования. Вопрос о времени всегда был волнующим для человека. В данном исследовании разбирается учение выдающегося философа и богослова русского религиозного Ренессанса – П.А. Флоренского. Хотя уже не только в отечественной научной среде, но за рубежом проделано не мало исследований работ П.А. Флоренского, но обычно это поверхностный, предварительный анализ его трудов. Многие аспекты его учения или плохо изучены, или вообще не затронуты.

Материалы и методы. Материалом для исследования является книга П.А. Флоренского «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях» (1924). При проведении данного исследования были использованы методы историческо-культурологического, структурно-функционального и каузального анализа для выявления взглядов религиозного философа на проблему понимания времени.

Результаты и их обсуждение. Павел Александрович Флоренский священник РПЦ и ученый-энциклопедист, математик, физик, поэт, культуролог, филолог, инженер и религиозный философ. Философия о. Павла строится на антиномичности разума, одна из центральных антиномий для него является антиномия «конечность-бесконечность». Поэтому вопрос времени для него очень интересен как философская проблема. В частности, внутреннее его понимание. Павел Флоренский пишет об отличии временных интервалах и человеческого субъективного его восприятия как о общеизвестном факте: «“Мало спалось, да много выделось” – такова сжатая формула этой сгущенности сновидческих образов» [1. С. 5]. Особенно ощущается различие между реальным и внутренним восприятием времени во время сновидений. За относительно короткое время сна человек может пережить гораздо большие временные отрезки: месяцы, годы и даже тысячелетия. Флоренский объясняет это переходом человеческого сознания во время сна в другую систему, другую реальность, которую отец Павел как математик обозначает как мнимую реальность. В этой реальности возможно все, что невозможно в обычной реальности, в ней меняются местами причина и следствие. Время, пространство и материя во мнимой реальности становятся обратной стороной обычной реальности. Так, Флоренский, используя преобразование Лоренца для скорости, превышающей скорость света, показывает возможность

существования скоростей больше световых, при которых пространство переходит в область мнимого пространства, для которого действуют мнимые законы физики [2. С. 23]. В обычной реальности человеку невозможно создать необходимые инструменты для исследования этой мнимой реальности. Но воспринимать человек эту мнимую реальность может только сознанием, в котором также есть мнимая сторона, как неотъемлемая часть бытия. Во время сна человек отключает обычную реальность и начинает воспринимать мнимой стороной своего сознания другую мнимую реальность в другом мнимом времени.

Красной нитью у П.А. Флоренского через все его сочинения проходит мысль о парадоксальной важности мнимой «зеркальной» реальности, чем действительности. В ней открывается для человека то, что не может быть открыто в обычной реальности. Как человек может увидеть себя только в зеркале, так и внутреннее состояние, и смыслы раскрываются только во мнимой реальности. В обратной «зеркальной» реальности вследствие законов обратного времени и обратной причинности становятся понятны цели и смыслы, которые как идеи Платона подчиняются не реальной, а мнимой физике. В своих философствованиях отец Павел опирается и на мысли античных философов, и на достижения современной науки.

Поэтому неслучайна математическая аналогия Флоренского, который в своих произведениях подчеркивает, что, если мнимые величины, значит существует мнимая реальность, которую описывают эти величины [2. С. 6]. Так физическое время течет одинаково и непрерывно для любого объекта и процесса, и независимо от него, то есть оно объективно. Но физическое время неразрывно с протекающими процессами, если бы не было движения, не было бы и времени. Но с другой стороны согласно еще античным философам существуют парадоксы, апории, утверждающие, что движение невозможно и в дискретном, и в непрерывном пространстве (апории «Дихотомия» и «Стадий»). Эту парадоксальность обычной физической реальности уравнивает, по мнению Флоренского, мнимая «зеркальная» реальность.

Выводы. Философ Флоренский еще раз подчеркивает тот факт, что внутреннее ощущение отличается от восприятия физического времени, время и пространство имеют обратную «зеркальную» сторону и именно на этой мнимой стороне пространства-времени человек видит цели и смыслы своего существования. Но эти две разные стороны являются частями одного, единого бытия.

Литература

1. Флоренский П.А. Иконостас. СПб., 1993.
2. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М., 1991.
3. Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000.

ЭЛЕМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ АТРИБУТЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

К.С. Арутюнян

Рязанский государственный радиотехнический университет им В.Ф. Уткина
Carin-dop@yandex.ru

В данной статье рассматриваются элементы управления общественного сознания (на примере правового сознания): глобализация, информация, сетевое общество. Автор приходит к выводу, что использование ресурсов информационного общества, интернет-технологии и сетевые формы самоорганизации как элементы управления общественным сознанием изменяют традиционные механизмы влияния на ценности правового сознания (справедливость, свобода и т.д.).

Историческая эволюция управленческой мысли привела к тому, что в настоящее время в теории и практике реализации функций управления получил широкое распространение не один, а ряд подходов, принципов, методов. По мере эволюции развития теории менеджмента, изменений в структуре управленческого сознания, закономерно возникает вопрос о том, соответствуют ли социально-философские принципы, функции запросам современной эпохи. Как показывает историческое развитие теории менеджмента, может быть разное соотношение между экономической эффективностью управления и основными проявлениями управленческого сознания.

Неудовлетворительное соотношение, несоответствие и даже возникающие противоречия между экономической и другими видами эффективности управления привели к острой постановке в современных исследованиях проблемы управленческого сознания, которое находит свое проявление в практической деятельности управления (социальная ответственность корпораций, этика менеджмента). Поэтому роль управленческого сознания определяется через социально-философские принципы и функции управления, а также степени соответствия и развития современной эпохи.

Первоначальной функцией управления является планирование. Традиционно основную ответственность за планирование несут исполнительные директора и старшие менеджеры компаний. Однако современный подход к планированию опирается на требование участия в этом процессе всех членов организации. Современная децентрализация планирования деятельности корпорации вовлекает в свой процесс каждого работника, который рассматривается как индивид, личность, хорошо знающая работу и способная к ее творческому развитию. Социально-философской основой функции планирования является принцип индивидуализма. Индивидуализм современной эпохи определен потребностями решения

глобальных проблем, вызванных индустриальной цивилизацией, и проблемами, порожденных переходом человечества от индустриальной к информационной цивилизации (технико-технологическая модернизация, демократизация общества). Принцип индивидуализма требует от менеджера учета индивидуальности каждого работника: его способностей и возможности осуществлять ту или иную конкретную работу с требуемым качеством и эффективностью: степень усвоения корпоративной культуры и следование ей; равенство всех работников; степень развитости каждого работника. Принцип индивидуализма дополняется индивидуальным подходом к каждому работнику (учет уникальных черт, максимальное удовлетворение потребностей). Современные корпорации рассматривают своих работников не как группу, а с позиции индивидуалистических подходов. При этом каждый работник рассматривается как неповторимая личность со своими специфическими чертами и со своим индивидуальным управленческим сознанием.

За планированием следует вторая функция – организация. Под организацией понимают процесс создания структуры предприятия, которая дает возможность людям эффективно работать вместе для достижения целей. Средством, при помощи которого руководство устанавливает отношения между уровнем полномочий, является делегирование. Под делегированием понимается передача задач и полномочий лиц, которое принимает на себя ответственность за их выполнение. Фундаментальным социально-философским принципом любой организационной структуры корпорации, должна быть диалектичность, которая предохраняет от состояния метафизичности. Принципы диалектичности требуют прежде всего конкретно-исторического, пространственно-временного подхода к организационной структуре.

Важнейшей стороной деятельности всех уровней является управление человеческими ресурсами. Корпорации преследуют свои цели в управлении человеческими ресурсами: постановка человека в центр внимания корпораций и общества его развития, обнаружения, реализации его творческих задатков. Действие такой тенденции в отношении к человеку требует новых методологических оснований, и социально-философских принципов. Главным из них является принцип гуманизма. Максимальная реализация принципа гуманизма направлена на реализацию индивидуальности человека, его индивидуального управленческого сознания. Данный принцип приводит не просто к развитию личности, а к постепенному выявлению, развитию и реализации индивидуальности. Принцип гуманизма подготавливает работника к повышению квалификации, к информации.

Третья важная функция менеджмента – мотивация. Задача менеджеров – побуждать подчиненных к высококачественному труду, к достижению общих для компании целей. Все современные теории мотивации делают основной упор на определение перечня и структуры потребностей индивидов. При этом потребности, как самые фундаментальные побудители деятельности

людей, иерархируются по степени значимости для индивидов. Социально-философский смысл поведения людей обусловлен принципом не марксового материализма, а индивидуалистического материализма, полагающего первичным в понимании человека и общества материальные потребности и интересы конкретных индивидов как особенного аспекта рассмотрения человечества. Новый материализм как принцип берет за первичное, главное, определяющее в понимании человека материальные потребности и интересы. Речь должна идти о человеке как о носителе особых свойств, качеств. Современный менеджмент использует методы, приемы, системы, мотивации работников к эффективному труду ради получения высокой заработной платы. Человек постоянно стремится к своему развитию (развитие управленческого сознания, формирования управленческой и корпоративной культуры) и это развитие идет от удовлетворения потребностей.

Четвертой функцией менеджмента является контроль. Контроль является неотъемлемым элементом всей сущности всякой организации. В основе функции контроля лежит принцип индивидуализма, который требует от менеджера учета индивидуальности каждого работника, его способностей осуществлять ту или иную работу с требуемым качеством и эффективностью; степень развитости у каждого работника самодисциплины, самоконтроля, управленческого самосознания. Принцип индивидуализма используется в процессе мотивации труда, а также в процессе контролирования.

Правовое сознание отражает правовую реальность, а также концентрирует в себе социально-историческую определенность общественного сознания, определяет правотворческую стратегию и формирует правовую реальность. Правосознание – это форма общественного сознания, которая формирует ценности справедливости, равенства, свободы, то есть некий императив, рассматривающий систему права (тенденции, развитие), социальные институты, степень правовой защищенности социального субъекта. В основе правового сознания лежат правовые отношения, которые не являются особыми социальными отношениями, если речь идет о сознательно действующем субъекте. В эти отношения любой человек погружается в тот момент, когда начинает выстраивать сознательные отношения с другими людьми [5. С. 164].

Общество не имеет других специфических духовных определений, кроме тех, которые обнаруживаются в наличном праве народа, или иначе говоря, определяют себя. Отношение между индивидами как свободно действующими волями (практическим сознанием), в котором признается свобода всех его участников, является необходимым моментом развития всякого самосознания. Общественное сознание выражается в праве, т.к. право пронизывает все сферы социальности. Правосознание формирует правовые понятия общества и индивида, которые выражает общезначимое содержание любой социальной сферы [3. С. 496].

Правовое сознание становится социальным тогда, когда является формой общественного сознания. В тот же самый момент, по мнению

современных исследователей, природа человека и права не ограничивается общественной формой воплощения данной природы [1. С. 115]. Понятие правового сознания не должно сводиться только к действующему понятию права, а представлять собой активное формирование базисных ценностей правового сознания – справедливости, равенства, свободы.

Основным элементом управления форм общественного сознания является глобализация, информационное общество, сетевые технологии. Глобальные процессы в сфере права представляют собой часть процессов, направленных на объективность и универсальность правовых норм, необходимых для повышения эффективности между субъектом и объектом правового сознания. Правовое сознание всегда перспективно в части предоставления общеобязательных границ социальных норм. Согласно И.А. Ильину, «нет человека без правосознания, но есть люди с пренебрежением правосознания» [2. С. 127].

Следующим не менее важным моментом современных трансформаций правового сознания является расширяющаяся атомаризация социальных связей. Информационные глобальные сети способствовали дифференциации общества на отдельных пользователей и множественные виртуально объединенные сообщества. Атомаризация произошла не собственно в обществе, а в его главном связующем звене общественном сознании, сопровождаясь одновременным увеличением мозаичности сознания индивидуальности.

Процессы глобализации современных общественных отношений сопровождаются трансформациями в правовой сфере на международном и национальном уровнях. Наиболее характерными тенденциями являются универсализация и унификация правовых принципов и норм [4. С. 39]. Распространение СМИ, мультимедийных форм культуры приводят к атомизации правового сознания, социальных отношений.

Процессы глобализации формируют тенденции унификации правовых норм и приводят к сближению принципов, на основе которых формируется правовое сознание. Единство принципов правового сознания направлено на сохранение общеправовых принципов. Одним из важных противоречий правового сознания в эпоху глобализации является то, что правовое сознание, находясь в постоянном взаимодействии с моралью, оказывается в ситуации отсутствия нравственных норм и ориентиров.

Однако процессы глобализации как элемент управления приводят к изменению социализации, ценностей, которые уже не замыкаются на традиционных социальных институтах. Система базовых ценностей больше не является инертной, а ее влияние на формирование сознания, уже не столь безусловной. Основной предпосылкой для этих изменений является как глобализация, так и информация. Принципиально важной составляющей глобальных процессов является возрастающий характер социальных связей. В информационном обществе правовое сознание все меньше основывается на традиции. Ценности сознания формируются не в замкнутой культуре, а в

интернациональном диалоге. Приоритет сознания уже в процессе социализации появляется не столько на базе национальной идеологии, сколько в процессе живого общения и дискуссии между различными традициями.

Глобальные информационные связи позволяют преодолевать противоречие между нормативной базой, модернизирующейся в связи с высокой динамикой интеграционных процессов, и консервативным характером ценностей в сознании. Система права постепенно формируется не на основе традиций, обычаев, а на основе международных ценностей, идей, взглядов.

Таким образом, элементы управления глобализации направлены на единство общеправовых принципов правового сознания, для наиболее полной реализации в практической деятельности.

Литература

1. Басин А.А. Эволюция «юридического мировоззрения» в социальной философии Нового времени // Вестник МГТУ. Т. 2. № 1. С. 107–118.
2. Ильин А.А. О сущности правосознания. М.: Парогъ, 1993. 235 с.
3. Маркс К. Сочинения в 2т. Т.2. М.: Мысль, 1976. 630 с.
4. Нерсянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. №5. С. 38–47.
5. Туманов В.А. Ф. Энгельс о «юридическом мировоззрении». М.: Юридическая литература, 1970. С. 164–181.

«ПОДЛИННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ» И «ЧЕЛОВЕЧНОЕ СОПЕРЕЖИВАНИЕ» КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ЭККЛЕСИИ – ГЛАВНЫЕ ПРИЗНАКИ ОБЩЕСТВА НОВОЙ ФОРМАЦИИ В ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ А.А. МЕЙЕРА

О.Н. Багаева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова
olga_bagaeva1@yahoo.com

Александр Александрович Мейер (1874–1939) утверждает, что «будущая жизнь подчинена идеалам общности жизни» [5. С. 87]. По мнению мыслителя, о воспитании солидарности у молодого поколения необходимо заботиться; но на пути к такому воспитанию может встретиться ряд ошибок. Первое неправильное понимание солидарности – это не ощущение солидарности в обычно-текущей жизни, а обретение ее только в борьбе с «чужими». Но, отмечает Мейер, если в данном случае происходит зарождение нечего большего, чем чисто внешнего чувства единения, то именно здесь имеет место быть «подлинная солидарность». Тогда большую роль имеет феномен народной души и народного духа, нежели механистическое служение гуманистическим тенденциям.

А.А. Мейер называет «вечной мечтой человечества об общности жизни» [5. С. 87] процесс нахождения чувства солидарности и единения. Мыслитель именует принцип общности жизни правилом, которое охватывает собой все содержание жизни. Общность жизни Александр Александрович именует «отражением идеала свободного общения, постигаемое как бытие высшее» [5. С. 88]. Глубинный смысл социальных отношений, согласно Мейеру, содержится в «истинно-религиозной жажде разрешить на земле проблему свободного общения, проблему, которая является частью намеченной христианством задачи – реализации начала личности в земном человеческом существе» [4. С. 2]. Залогом такой свободы, как утверждает А.А. Мейер, является «полное и абсолютное доверие».

Феномен свободного общения, как утверждает А.А. Мейер, принадлежит царству Божьему. Люди, пребывая вместе, начиная разрушать твердыню несвободы, начинают творить путь к миру настоящему. Для этого необходимо служить идеалу общности, «общего проживания» [3. С. 95], ощущению общности со многими. Даже думая о материальном, о завтрашнем дне, иногда борясь с врагами, которые предпринимают попытки разрушить их мироздание, чувствуя свою неполную свободу, все же именно в этом случае создается экклесия, создается в мире второй мир, живущий иначе, по другим законам. Философ уверен, что это – единственно-верный путь человеческого духа. Мыслитель продолжает: «Всякое движение, в котором слышится дыхание духа, в котором так или иначе сказывается предчувствие новой жизни, жизни, приближающей человечество к свободному общению, становясь религиозным, углубляясь и поднимаясь, вызывает людей на подвиг внутреннего обновления» [5. С. 90].

Дожидающиеся нового мира соединяются вместе и осуществляют жизнедеятельность солидарно, именно жить, а не только работать, так как жизнедеятельный процесс объемнее работы. Существует угроза появления у некоторых индивидов начала обособления, «начала несвободы» [1. С. 36]; в этом случае перестают служить царству бога, превращают себя в служителей косности и обособления. Пути религиозного делания в контексте человеческого общения могут осложняться. Внешние дела, внешняя работа соединяется с «деланием внутренним». Мыслитель высказывает сомнение в том, что подвиг внутреннего перерождения и освобождения может быть равнозначен по силе подвигу внешней деятельности. Мейер высказывает озабоченность той мыслью, суть которой сводится к следующему: человек, который занят своим собственным совершенствованием, может стать более безразличным к несовершенству вне себя, вне своего мироздания. Индивид может осуждать данное несовершенство и необустройство, но это осуждение носит хладнокровный и даже жесткий, «мертвенный» характер. Тому человеку, который озабочен только собственным строительством, погружением только в собственное спасение, трудно принимать участие в борьбе за спасение Других. Они оказываются бессильными в помощи Другому.

У А.А. Мейера возникает представление о религиозном чувствовании общественного служения. Живое ощущение преобразования, активного соучастия разнится от бессердечно холодного. Именно первое философ именуется религиозным. Таким образом, религиозное ощущение и религиозное отношение к общественному долгу обнаруживается в естественном возрождении сущностного содержания жизнедеятельности, к оперативному соучастию в жизни. Мыслитель именуется такое положение витальным и выделяет его от безжизненного, так как оно утратило органическую суть. Александр Александрович заявляет, что предположения о пути к идеалу могут пониматься инаково среди тех, кто размышляет гуманно, и теми, для кого общинность жизни есть толкование религиозного статута, «космологического миропонимания» [4. С. 4].

А.А. Мейер продолжает: «жизнь – не производство и законодательство, а творчество и жертвенное служение неведомому началу жизни» [5. С. 93]. Большое внимание мыслитель уделяет важности труда в жизни человеческого общества. Совместный труд, труд сообща является торжеством, творческим актом. Только в этом случае он становится сутью самой жизни, превыше оной может быть единственно безусловное созидание, общение, которое выше всяких норм. В данном контексте возможна попытка религиозного возрождения в виде сильнейшего религиозного подъема, общего «переживания восторга общения» [2. С. 108].

Литература

1. Лихачев Д.С. Об Александре Александровиче Мейере // Вопросы философии. 1992, № 7. С. 34–40.
2. Лукьянов В.Г. Русская религиозная аксиология / В.Г. Лукьянов. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. 224 с.
3. Медведев Ю. Воскресение. К истории религиозно-философского кружка А.А. Мейера // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999, № 4. С. 82–93.
4. Мейер А.А. Новое религиозное сознание. М.: Директ-Медиа, 2008. 10 с.
5. Мейер А.А. Философские сочинения Париж: La Presse Libre, 1982. 473 с.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ФИЗИЧЕСКИМ И ПСИХИЧЕСКИМ

Е.А. Безлепкин

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
evgeny-bezlepkin@mail.ru

Отношения между физической и психической системами, как мне кажется, всегда сводятся к небольшому количеству состояний, связанных с понятиями субстанции и атрибута. Под субстанцией можно понимать нечто, обладающее независимым от сознания существованием в пространстве и во времени. На микроскопическом уровне под субстанцией понимают

элементарные частицы. На макроскопическом уровне – материальные предметы, которые могут быть декомпозированы на «более маленькие» субстанции. То есть субстанция – это относительно от контекста понятие. Под атрибутом можно понимать структурную или функциональную характеристику субстанции. Например, атрибуты элементарной частицы – это масса, спин и прочие.

При переходе с уровня объектных атрибутов на уровень системных атрибутов вводят понятие «эмерджентность», которое обозначает наличие у системы особой характеристики, не принадлежащей элементам этой системы по отдельности. Иначе говоря, отношение эмерджентности возникает тогда, когда характеристики системы не сводятся к сумме характеристик её элементов.

Теперь мы можем рассмотреть базовые отношения между физической и психической системами, которых в рамках бинарной логики можно выделить всего четыре.

Во-первых, модель отношений между двумя субстанциями. Это могут быть либо две разные субстанции (такое отношение называется дуализмом), либо проявление одной субстанции (такое отношение называется монизмом). В первом случае необходимо рассмотреть понятие взаимодействия между субстанциями: оно может быть (аттракционизм) или не быть (эпифеноменализм).

Дуалистические теории предполагают, что сознание – это субстанция иного рода: нематериальная, идеальная и так далее. Монистические теории предполагают, что сознание и окружающий мир – это одна и та же субстанция, либо материальная, либо идеальная. У дуализма существуют две проблемы. Первая: сложность описания того, как сознание влияет на мозг. Вторая: дуализм требует, чтобы мир был наделен «элементами сознания», т.е. каждой вещи присуще феноменальное сознание.

Одной из разновидностей этого подхода является эпифеноменализм (Д. Чалмерс). По его мнению,

1) все во вселенной имеет протофеноменальные свойства (квалиа), которые подчиняются особым психофизическим законам;

2) квалиа – это свойство информации;

3) мозг связан с сознанием, поскольку перерабатывает информацию.

Другая разновидность дуализма – это интеракционизм, утверждающий, что сознание и мозг оказывают влияние друг на друга, но не уточняющий как именно. Классическая теория такого рода – учение Декарта, который предполагал, что тело и сознание «пересекаются» в эпифизе.

Монистические теории говорят о том, что сознание – это процесс, происходящий в мозге. И здесь также есть два варианта. Либо сознание полностью тождественно событиям в мозге (теории тождества, например, Д. Армстронга), либо сознание может быть полностью сведено к деятельности мозга (редуктивный материализм).

Среди монистических теорий интересна теория виртуальной реальности Т. Метцингера. Человеческий мозг является системой обработки информации. Сознание развилось для контроля над собственным поведением и для предсказания поведения других. Сознание создает модель реальности, необходимую и достаточную для выживания человека. Прямого и непосредственного контакта с внешней реальностью не существует. Человек обладает субъективным образом мира и я-моделью, которая является образом себя. Воспринимаемый мир и самосознание – это феноменальные образы, созданные мозгом в процессе эволюции для повышения адаптации.

Во-вторых, модель отношений между субстанцией и атрибутом. В этом типе отношений атрибут является характеристикой субстанции, т.е. его появление связано с особой структурной или функциональной организацией субстанции.

Первый тип таких отношений – это материализм, или эмерджентизм, при котором субстанцией являются атомы, или материя, а атрибутом – сознание, или психика.

Сознание в этом подходе понимается как информационный процесс, происходящий в ходе мозговой активности, возникший эволюционно в ходе усложняющейся структурной организации мозга. При этом этот процесс не зависит от мозга и полностью не сводим к деятельности мозга. Таких теорий существует немало. Их базовое название – эмерджентный материализм. Сюда можно отнести, например, теорию Сёрла, который утверждает, что:

1) сознание – результат работы нейробиологических процессов и нейронных систем;

2) сознание оказывает обратное влияние на мозговую активность;

3) квалиа являются проявлением эмерджентности сознания.

Второй тип отношений между субстанцией и атрибутом – это идеализм, при котором субстанцией является сознание, или психика, а атрибутом – материя. По факту, подобные подходы являются не научными, а теологическими. Например, в модели М. Велманса феноменальный мир реален и находится вне мозга, соответственно, и сознание существует везде.

В-третьих, модель отношений между атрибутами. Об этом типе отношений писал В. А. Лефевр, называя их «отношениями “ткань-рисунок”». Связь между тканью и рисунком напоминает связь между текстом бегущей рекламы и лампочками, по которым бежит текст. Это напоминает эмерджентные отношения. У нас есть микроскопический уровень (атомная субстанция), на которой строится биологическое тело. Последнее является субстанцией на макроскопическом уровне и свойством атомной субстанции на микроуровне. На биологическом теле строится психический уровень (сознание), который является субстанцией сам для себя (рефлексия), и свойством биологического тела. Теперь у нас есть цепочка иерархических субстанциально-атрибутивных отношений, зависящих от рассматриваемого контекста. В истории философии мне не довелось найти классические работы, посвященные рассмотрению такого вида отношений.

На мой взгляд иных типов отношения, помимо вышеизложенных, не может существовать в рамках концепции «субстанция-атрибут». Хватит ли этих отношений для описания сознания должен решить научно-технический прогресс, но, как мне кажется, в рамках развития вычислительной техники и улучшения возможности моделирования мозга и сознания таких терминов и концептов уже недостаточно для развития науки о сознании.

Литература

1. Лефевр В. А. Рефлексия. М.: Когито-центр, 2003.
2. Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. М.: АСТ, 2017.
3. Прист С. Теории сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
4. Ревонсуо А. Психология сознания. СПб.: Питер, 2013.

ФЕОДОР БЕЗБОЖНИК О БОГАХ

В.В. Бровкин

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
drakar@ngs.ru

Вопрос, который мы хотим рассмотреть, касается отношения Феодора Безбожника к богам. Феодор прославился как один из главных атеистов в античной философии. Однако источники не дают однозначного ответа на вопрос о том, каково было истинное отношение философа к богам. Уже в Античности сложилось два основных мнения о теологии Феодора. Цицерон (см.: [5. С. 60]), Секст Эмпирик (см.: [4. С. 252]) и Лактанций (см.: [3. С. 89]) полагали, что Феодор отрицал само существование богов. Согласно Диогену Лаэртскому (см.: [1. С. 122]) и Клименту Александрийскому (см.: [2. С. 64]), Феодор отрицал ходячие суждения о богах. Климент Александрийский даже удостоил похвалы Феодора за то, что тот якобы разоблачал ложные представления язычников о богах (см.: [2. С. 64]). Отсутствие надежных источников вынуждает современных исследователей очень осторожно высказываться по данному вопросу. Я. Н. Бреммер отмечает, что учение Феодора о богах трудно реконструировать, поскольку все наши доказательства взяты из анекдотов о нем (см.: [7. Р. 19]). К. Лампе полагает, что Феодор мог приводить аргументы как против греческой религии, так и против самого существования богов (см.: [8. Р. 161]). М. М. Шахнович отмечает острую критику Феодора в отношении религии, но при этом, не утверждает, что философ отрицал само существование богов (см.: [6. С. 41–43]).

Чтобы лучше разобраться в интересующем нас вопросе, рассмотрим все возможные аргументы в пользу обеих версий. В пользу версии о том, что Феодор не ограничивался критикой религиозных представлений, но и отрицал само существование богов, можно привести следующие аргументы. Во-

первых, это общий характер антирелигиозной критики Феодора. Сохранившиеся свидетельства позволяют нам говорить о том, что в отношении религиозных представлений Феодор занимал крайне жесткую позицию. Он отрицал божественное провидение (см.: [3. С. 90]), благочестие, выдвигал аргументы против теодицеи (см.: [3. С. 235]), насмехался над олимпийскими богами (см.: [1. С. 128]), допускал святотатство (см.: [1. С. 122]). На наш взгляд, из критики Феодора в отношении религии не вытекает прямо отрицание им существования богов. Тем не менее позицию Феодора вполне можно рассматривать в качестве своего рода дополнительного или косвенного свидетельства в пользу его полного атеизма. К числу таких же косвенных свидетельств может относиться и второй аргумент. Речь идет о дурной славе Феодора. Именно за ним закрепилось прозвище «Безбожник» (ἄθεος). Диоген Лаэртский называет его самым грубым философом (см.: [1. С. 128]). Лактанций называет его лживым, незначительным и бездарным философом (см.: [3. С. 90]). И совершенно не удивляет сообщение о том, что Феодор был обвинен в Афинах в безбожии (см.: [1. С. 123]). Третьим аргументом можно считать связь Феодора с Бионом Борисфенским. Как сообщает Диоген Лаэртский, Бион не только принял учение Феодора, но и «высказывал много безбожных мыслей», заимствованных у последнего (см.: [1. С. 183]). Одна из таких безбожных мыслей заключалась в прямом отрицании существования богов (см.: [1. С. 184]). Невольно напрашивается предположение о том, что Бион заимствовал эту мысль у Феодора. В качестве четвертого аргумента может выступать морально-этический радикализм Феодора. Взгляды философа отличались крайним эгоизмом и индивидуализмом. Феодор отрицал ценность дружбы, допускал кражу, блуд, открытые однополюе отношения, отрицал патриотизм и выступал сторонником космополитизма. В морально-этическом радикализме Феодора отчетливо просматривается его общефилософская позиция. Можно предположить, что своим философским учением Феодор стремился поколебать существовавшие в Греции религиозные и моральные нормы. В этой связи отрицание существования богов вполне могло быть частью его философского учения.

В пользу версии о том, что Феодор не отрицал существования богов, могут выступать следующие аргументы. Во-первых, это агностицизм киренаиков. Как известно в вопросах, касающихся природы, киренаики придерживались мнения о ее принципиальной непознаваемости. Сообщается, что на основании этого, киренаики даже отвергали физику как часть философии (см.: [1. С. 120]). Если допустить, что Феодор придерживался именно этой позиции, то маловероятно, чтобы он отрицал существование богов. Это было бы слишком категорично и непоследовательно для агностика. Во-вторых, это сообщение Диогена Лаэртского о том, что Эпикур заимствовал большинство своих положений из книги Феодора «О богах» (см.: [1. С. 123]). Но Эпикур, как хорошо известно, не отрицал существования богов. Его критика была обращена против распространенных религиозных

представлений, предрассудков и суеверий. Если это сообщение соответствует действительности, то оно может служить доказательством того, что и у Феодора главным объектом критики были не боги, а человеческие представления о них. В качестве третьего аргумента можно привести несколько анекдотов, в которых Феодор признает существование богов. В одном из них, Феодор отвечает, упрекнувшему его в непризнании богов домоправителю Лисимаха Митре, следующим образом: «Как же я не признаю богов, если прямо говорю, что ты богами обижен!» [1. С. 123]. Мы согласны с К. Лампе в том, что «эти анекдоты имеют очень мало доказательной ценности, но они, кажется, предполагают, что Феодор признает существование богов» [8. P. 161].

Подводя итоги, следует признать, что ни одна из версий позиции Феодора в отношении богов не выглядит более убедительной. Все аргументы, которые мы рассмотрели, являются достаточно слабыми, поскольку никак не связаны с текстами самого Феодора. Мы вынуждены признать, что на вопрос о том, отрицал ли Феодор существование богов или нет, крайне сложно дать однозначный ответ. С уверенностью можно сказать только одно: в плане критики религиозных представлений Феодор занимал одну из самых радикальных позиций в Античности.

Литература

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях, изречения знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.
2. Климент Александрийский. Увещание к язычникам. Кто из богатых спасется. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006.
3. Лактанций. О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007.
4. Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
5. Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985.
6. Шахнович М. М. Сад Эпикура: Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры. СПб.: С.-Петербург. ун-т., 2002.
7. Bremmer J. N. Atheism in Antiquity // The Cambridge Companion to Atheism. Martin M. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 11–26.
8. Lampe K. The birth of hedonism: The Cyrenaic philosophers and pleasure as a way of life. Princeton: Princeton Univ. Press, 2015.

ПЕРСОНАЛИЗМ Н. А. БЕРДЯЕВА КАК ДУХОВНОЕ УПРАЖНЕНИЕ В ЭМЕРДЖЕНТНОСТИ СВОБОДЫ И ТВОРЧЕСТВА

О.С. Валув

Колледж архитектуры, дизайна и реинжиниринга № 26, г. Москва
o.valuev@yandex.ru

К 145-летию со дня рождения Н. А. Бердяева

«Философия духа» Н. А. Бердяева, сердцевиной которой является антропология и персонология [5], получила практическую реализацию в жизни и творчестве философа, в актах его самопознания, нашедших выражение в одноименном произведении (черновое название книги – «Философская автобиография») [4], дополнено и подтверждено воспоминаниями его нежно любимой супруги [6]. Н. А. Бердяев – «трансформирующий мыслитель», философ-практик [12. С. 61], выходящий за пределы поверхностного уровня существования и собственного мировоззрения с приложением личностных усилий при достижении полноты бытия и более глубоких уровней существования. С этой целью в современной философской практике используются «духовные упражнения», исторически связанные с мистикой, магией, религией, экзистенциальной философией, психотерапией, психологическим консультированием, культурными практиками развития и саморазвития человека и группы. Духовное упражнение – это личностная практика «преобразования индивида, способствующая его самотрансформации» [Там же. С. 30]. Считая истинную антропологию персоналистической, Бердяев рассматривает личность как аксиологическую [2. С. 92] и смысловую [1. С. 108] категорию. «Достоинство человека есть личность в нем. Только личность имеет человеческое достоинство» [3. С. 28–29]. Почему именно личность?

Личность есть «неизменное в изменении, единство в многообразии» [Там же. С. 23] и «единство сложное, духовно-душевно-телесное» [1. С. 109]. Следовательно, существенным принципом личности является ее эмерджентность: «Личность не составляется из частей, не есть агрегат, не есть слагаемое, она есть первичная целость» [3. С. 24], представляющая собой «абсолютный экзистенциальный центр» [Там же. С. 28]. Личность требует реализации, возрастания, обогачения, наполнения, самосозидания, интегративности. Сложность личности и умение с ней работать, искусство работы личности с самой собой – экзистенциальные и даже духовная практика.

В обиходе слышим объективирующую человека и межличностные отношения фразу «Нет незаменимых людей!». Бердяев возразил бы на это, что «тайна существования личности в ее абсолютной незаменимости, в ее однократности и единичности, в ее несравнимости» [Там же. С. 24]. Отсюда, как постулировано в монологе М. Жванецкого: «Нет заменимых людей. Нет заменимых людей!». Персонализм Н. А. Бердяева является духовным

упражнением в эмерджентности человеческого достоинства. Поскольку последнее избавляет от рабства [Там же], персонализм становится упражнением в эмерджентности свободы. И нужна высокая творческая мощь дерзать в манифестации человеческого достоинства. Таким образом в персонализме введен аристократический принцип: «Реализация личности есть аристократическая задача» [1. С. 131–132], – решение которой связывает личность со сверхличным, раскрывая экзистенциальную диалектику свободы и судьбы в открытии и развитии эмерджентности человеческого потенциала – потенцировании человеческого. В последнем видится творческая свобода как «сущностная возможность и структурная способность» человека [7. С. 109]. Значит, персонализм есть духовное упражнение в эмерджентности человеческого потенциала.

Как выразился В. Н. Порус, Н. А. Бердяев – «свободный человек в несвободном мире» [9. С. 174]. Поэтому личность в своей эмерджентности исторична и биографична [1. С. 110], а существование ее «многопланное» [Там же. С. 118]. Говоря языком физики, личность философа квантуется «в мире, где сосуществуют в неразрывной связи различные времена и ископаемые различных эпох» [10. С. 272]. Особую роль в этих процессах играет парадокс, отмеченный Е. Н. Князевой: творчество предполагает «принципиальную эмерджентность нового» при «его скрытой пред-детерминации» [8. С. 107]. Бердяев писал, что «человеческое творчество из «ничего» не означает отсутствия сопротивляющегося материала, а означает лишь ничем не детерминированную абсолютную прибыль» [5. С. 151]. Поэтому эмерджентность свободы и творчества «прорывает» детерминированную цепь событий и судьбу человека. «Совместное действие стохастических и детерминированных «сил» («случайность» и «необходимость») переводит системы из исходных состояний в новые, определяя при этом, какие именно новые конфигурации реализуются» [11. С. 379]. Персонализация творчества и свободы организует неповторимость судьбы и жизни. Персонализм суть упражнение в эмерджентности индивидуальной жизни.

Таким образом, личность в философии Н. А. Бердяева – верховная ценность, потому что являет собой человеческое достоинство как человеческий потенциал, т.е. ансамбль возможностей свободы и творчества: «И утверждение верховной ценности личности совсем не есть забота о личном спасении, а есть выражение высшего творческого призвания личности в жизни мировой» [2. С. 474].

Литература

1. Бердяев Н. А. Дух и реальность. М.: АСТ, 2011.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: АСТ, 2010.
3. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ, 2010.
4. Бердяев Н. А. Самопознание: сочинения. М.: Эксмо, 2008.
5. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ, 2007.

6. Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа / сост. Е. В. Бронникова. М.: Молодая гвардия, 2002.
7. Киященко Л. Онтология – событие философской мысли // Событие и смысл (Синергетический опыт языка). М., 1999. С. 88–123.
8. Князева Е. Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995.
9. Н. А. Бердяев и единство европейского духа / под ред. В. Поруса. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2007.
10. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс, 1986.
11. Хакен Г. Синергетика / пер. с англ. В. И. Емельянова. М.: Мир, 1980.
12. Язык философской практики: краткий словарь-презентация / под ред. С. В. Борисова. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2018.

ТИПОЛОГИЯ И СПОСОБЫ АРГУМЕНТАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКЕ

С.В. Воробьева

Белорусский государственный университет, г. Минск
cherbourg@mail.ru

Любая версия социальной аналитики представляет собой аргументацию, открывающую новый взгляд на различные явления и процессы, происходящие в обществе. Она ищет ответы на вопросы о связях и взаимодействиях, влияниях и факторах роста и развития и др. В контексте содержательной тематики социальные явления и процессы обретают множество интерпретаций, например, конфликта или диалога во взаимодействии, конструктивного или деструктивного влияния, экономических, правовых или политических факторов. В модальном контексте раскрываются субъективные и объективные шкалы оценок, используемых в концептуализации и анализе явлений и процессов. Они могут включать, в частности, необходимые или вероятностные связи, разрешающие, запрещающие или обязывающие схемы, временные или вневременные параметры роста.

В социальной аналитике, допускающей разнообразные способы корректного описания своих объектов, необходимо различать номиналистическую и реалистическую аргументацию. Их типологические отличия вытекают из разных способов фиксирования определенности социального референта. Значение становится фиксированной определенностью при конкретных условиях, отображающих отношение части к какому-либо целому или контексту [1. С. 130]. Поэтому направляющей силой во вменяемой аргументации выступает ее цель. Цель как образ результата в аргументации зависит от ответственности ее агента относительно своих

действий [4. С. 74]. Такая зависимость детерминирует границы вменяемости в отношении предпринимаемых аргументационных ходов. Иначе, осмысление лишь затрудняет понимание, ибо каждый аналитик имеет право создать свою трактовку социальной реальности.

Достижение цели опосредовано внешними или внутренними критериями истины, предопределяющими, соответственно, реалистическую категориальную однородность («очищенную» беспристрастную сущность) или номиналистическую согласованность множества образов (концептов) проявления ангажированной сущности. Поэтому в социальной аналитике следует различать универсальную антипсихологическую и уникальную психологическую структуру значения. Первая структура воспроизводит неизменные сущностные основания, вторая – изменчивые, образуемые в меж-, кросс- или трансграничных условиях.

Поиск универсальных и уникальных референтов осуществляется разными способами. Способ аргументации в социальной аналитике – целесообразная когнитивная схема обработки данных. Она включает их структурное моделирование и установление логической взаимосвязи категориальных переменных. Это означает, что аргументация двойственна, так как ее способы функционально опосредованы конструируемыми наглядными модельными представлениями и их операционной стороной. Категориальные переменные представляют собой значимые в каком-либо аспекте признаки (основания), делающие объекты отличимыми друг от друга, и объединяемые в структуры, которые репрезентируют референты социальной реальности, например, социальную каузальность, в которой следствие становится таковым благодаря своим свойствам, но в присутствии причины.

Качественно разные аналитические модели воспроизводят связи и отношения в некоторой когнитивной целостности, или контекстной активизации памяти. Такая целостность является топографической, топонимической или топологической, т. е. географической, номиналистической или логической репрезентацией контекста. Топографический контекст отображает географическое в буквальном или переносном значении расположение элементов относительно друг друга, топонимический – совокупность названий какой-либо определенной или конструируемой когнитивной территории (когнитивной карты), топологический – взаимное расположение элементов относительно друг друга, воспроизводящее какое-либо свойство.

Топография, топонимия и топология как методы агрегирования категориальных переменных в аналитические структуры имеют разный эвристический потенциал. Наибольшей силой в аргументации обладает отношение логического следования [1. С. 50–51], устанавливаемое в топологических аналитических структурах. Например, сила агрегации списка ключевых слов как категориальных переменных, которые не должны воспроизводить название темы, детерминирована их объединением в

топографию, топонимию или топологию как аналитические группировки с разной степенью мощности.

Условиями непротиворечивости топографии и топонимии пространства аргументации выступает дополнение их физической объективации концептуальной осмысленностью. Собрание социального начинается с конструирования пространства, а не с упорядочивания во времени. При наличии компетенций временного порядка, «у нас нет даже идеи пространства, в котором мы могли бы собирать самих себя» [3. С. 299]. Пространственное место не производно от комбинаций различных объектов, входящих в него. Оно постоянно продуцируется и модифицируется, конструируется на пересечении потоков информации и взаимодействий. Поэтому топография, топонимия и топология динамики во времени способствует выявлению новых типов социальных референтов. «Новые видимые объекты, по-другому мобилизующие пространство и время», раскрываются как «связи между разными точками во времени и пространстве» и как «следы бесчисленных мест и моментов времени» [2. С. 114, 112, 115].

Таким образом, в социальной аналитике реалистическая и номиналистическая аргументация обусловлена факторами пространства и времени, предопределяющими постоянство и изменчивость социальных референтов.

Литература

1. Воробьева С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
2. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. Т. 27. № 2. 2017. С. 95–156.
3. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.
4. Лисанюк Е.Н. Аналитика ответственности // Философия ответственности. Коллективная монография / под ред. Лисанюк Е.Н., Перова В.Ю. М.: Наука, 2014. С. 74–99.

ТАБЛИЧНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ЛОГИКИ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

А.Р. Гавриков

Томский государственный университет
alph97@mail.ru

Рассмотрим следующее высказывание:

Джон мог бы быть выше, чем Мэри (как она есть).

Данное высказывание гласит, что существует некий возможный мир Δ , в котором Джон выше, чем Мэри в актуальном мире Γ . Высказывания, содержащие подобные сравнения, нельзя формализовать средствами

классической модальной логики. В статье «Subjectivity and Cross-World Predication» Вемайер предложил кросс-мировую логику сослагательного наклонения, позволяющую адекватно формализовывать высказывания данного типа [2. Р. 107–122], однако не предложил правил для доказательства валидности формул методом семантического дерева для своей формальной системы. Цель данной работы – предложить модификацию семантики Вемайера и правила доказательства валидности формул методом семантического дерева для получившегося формального языка.

Особенность предложенного Вемайером формального языка L заключается в использовании специальных маркеров наклонения предиката: «i» – для изъявительного и «s» – для сослагательного. Другими словами, маркер «i» отсылает нас к интерпретации предиката в актуальном мире Γ' , маркер «s» отсылает нас к интерпретации предиката в Δ . В случае, если предикат двухместный, маркеры наклонения предлагается использовать для каждого термина, который занимает некоторое место в этом отношении [2. Р. 107–122]. Таким образом, вокабуляр языка L помимо стандартных наборов знаков пунктуации, логических союзов и модальных операторов содержит: а) две пары кванторных символов: \forall^i, \exists^i (пробегают по домену актуального мира) и \forall^s, \exists^s (пробегают по домену возможного мира), б) два типа предикатных символов с маркерами наклонения для обозначения n -местных отношений, где $n \neq 2$: (P^i, Q^i, R^i, \dots) и (P^s, Q^s, R^s, \dots) , с) четыре типа предикатных символов с маркерами наклонения для обозначения двухместных отношений: $(P^{ii}, Q^{ii}, R^{ii}, \dots)$, $(P^{is}, Q^{is}, R^{is}, \dots)$, $(P^{si}, Q^{si}, R^{si}, \dots)$ и $(P^{ss}, Q^{ss}, R^{ss}, \dots)$ d) два вида термов: индивидуальные переменные и индивидуальные константы.

Теперь дадим определение модели M для языка L .

Def.: Модель M для языка L представляет собой упорядоченную пятерку вида (G, Γ', R, D, I) , где:

1. G – непустое множество возможных миров;
2. Γ' – актуальный мир модели M ;
3. R – бинарное отношение достижимости заданное на G ;
4. D – функция из множества возможных миров в множество непустых множеств; функция D так же называется доменной функцией;
5. I – функция, назначающая а) каждому n -местному предикатному символу R ($n \neq 2$) и каждому возможному миру $\Gamma \in G$, некое n -местное отношение на $D(M)$; б) каждому 2-местному предикатному символу R и каждой $(\Gamma, \Delta) \in G^2$, некое 2-местное отношение на $D(M)$; с) каждому константному символу некий член $D(\Gamma')$;

Используя предложенный Вемайером язык, мы можем формализовать наше предложение следующим образом:

$\diamond R^{si}jm$

Далее рассмотрим модифицированную кросс-мировую логику сослагательного наклонения. Суть модификации заключается в введении нежесткой интерпретации константных символов. Вокабуляр языка K кросс-мировой логики сослагательного наклонения с нежесткой интерпретацией

константных символов отличается от оригинала наличием лямбда-оператора (λ). Константные символы могут входить в правильно построенную формулу исключительно в составе лямбда-абстракций. Благодаря лямбда-абстракциям мы можем понять, относительно какого мира мы интерпретируем константный символ. В разных мирах референт на который указывает константа может быть различным.

Теперь дадим определение модели в кросс-мировой логике сослагательного наклонения с нежесткой интерпретацией константных символов:

Def.: Модель M для языка K представляет собой упорядоченную пятерку вида (G, Γ, R, D, I) , где:

1-4. Те же, что и в определении модели M для языка L .

5. I – функция, назначающая а) каждому n -местному предикатному символу R ($n \neq 2$) и каждому возможному миру $\Gamma \in G$, некое n -местное отношение на $D(M)$; б) каждому 2-местному предикатному символу R и каждой $(\Gamma, \Delta) \in G^2$, некое 2-местное отношение на $D(M)$; в) каждому константному символу c и каждому миру $\Gamma \in G$ некий член $D(M)$;

Наше высказывание может быть формализовано на языке кросс-мировой логики сослагательного наклонения с нежесткой интерпретацией константных символов следующим образом:

$$\diamond \langle \lambda y. \langle \lambda x. R^{si}xy \rangle^s(x) \rangle^i(y)$$

Ниже даны правила, необходимые для построения семантических деревьев для доказательства формул кросс-мировой логики сослагательного наклонения с нежесткой интерпретацией константных символов. Стандартные конъюнктивные и дизъюнктивные правила, а также правило снятия двойного отрицания, изложенные в учебнике «Fitting, Mendelsohn – First-Order Modal Logic (1998)» [1. Р. 46–51], с тем же успехом применяются и для языка K :

а) Правила для квантора всеобщности с маркером изъявительного наклонения. r_Γ может быть любым:

$$\frac{\sigma \ \forall^i x \Phi}{\sigma \ \Phi[x/p_\Gamma]} \qquad \frac{\sigma \ \sim \exists^i x \Phi}{\sigma \ \sim \Phi[x/p_\Gamma]}$$

б) Правила для квантора существования с маркером изъявительного наклонения. r_Γ должен быть новым на ветке:

$$\frac{\sigma \ \exists^i x \Phi}{\sigma \ \Phi[x/p_\Gamma]} \qquad \frac{\sigma \ \sim \forall^i x \Phi}{\sigma \ \sim \Phi[x/p_\Gamma]}$$

в) Правила для квантора всеобщности с маркером сослагательного наклонения. r_σ может быть любым:

$$\frac{\sigma \ \forall^s x \Phi}{\sigma \ \Phi[x/p_\sigma]} \qquad \frac{\sigma \ \sim \exists^s x \Phi}{\sigma \ \sim \Phi[x/p_\sigma]}$$

d) Правила для квантора существования с маркером сослагательного наклонения. p_σ должен быть новым на ветке:

$$\frac{\sigma \exists^s x \Phi}{\sigma \Phi[x/p_\sigma]} \qquad \frac{\sigma \sim \forall^s x \Phi}{\sigma \sim \Phi[x/p_\sigma]}$$

f) Правила для лямбда-абстракций с маркером изъявительного наклонения. Для каждого константного символа t :

$$\frac{\sigma < \lambda x. \Phi >^i(t)}{\sigma \Phi[x/t_\Gamma]} \qquad \frac{\sigma \sim < \lambda x. \Phi >^i(t)}{\sigma \sim \Phi[x/t_\Gamma]}$$

g) Правила для лямбда-абстракций с маркером сослагательного наклонения. Для каждого константного символа t :

$$\frac{\sigma < \lambda x. \Phi >^s(t)}{\sigma \Phi[x/t_\sigma]} \qquad \frac{\sigma \sim < \lambda x. \Phi >^s(t)}{\sigma \sim \Phi[x/t_\sigma]}$$

h) Правило рефлексивности. Если p – параметр или фундированная константа, и σ – префикс, и оба встречаются на ветке, то $\sigma(p=p)$ может быть записано в конце ветки:

$$\frac{}{\sigma(t=t)}$$

i) Правило подстановки. Если σ_1 ($p=q$) и σ_2 $\Phi(p)$ оба встречаются на ветке, σ_2 $\Phi(q)$ может быть помещено в конце ветки:

$$\frac{\sigma_1(p=q)}{\frac{\sigma_2 \Phi(p)}{\sigma_2 \Phi(q)}}$$

Литература

1. Fitting M., Mendelson R. First-Order Modal Logic. Dordrecht, Boston, London: Kluwer academic publishers, 1998.
2. Wehmeier K. Subjunctivity and cross-world predication // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. 2012. Vol. 159, No. 1. P. 107–122.

БИОПОЛИТИКА И ПОЛИТИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Р.И. Галлямов

Санкт-Петербургский государственный университет
gallyamovri@gmail.com

*Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00826 А
«Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики:
сравнительный анализ полемических дискурсов»*

Вопрос о связи политики и научного знания остается одним из важнейших как в политической философии, так и в философии науки. Все чаще возникает мысль, что научное знание оказалось политизированным, и для этого есть основания. Новую актуальность, после проблем, возникших на фоне войн и новых открытий, вопрос о политизации научного знания получил в связи с исследованиями М. Фуко нового типа управления, который получил название «Биополитика» [6, 9]. И хотя сам Фуко и исследователи после него писали и пишут о биополитике [1, 2, 3], и даже о ее связи с наукой, было обращено недостаточно внимания на связь появления биополитического типа управления с процессом политизации знания, которая представляет одну из ключевых характеристик биополитики, о чем писал Фуко [6. С.452–453].

В статье «Что такое Просвещение?» Фуко выделяет три области, на которых зиждется любая форма управления, суть которых: «...область господства над вещами, область действий по отношению к другим и область отношения к самому себе» [10. С. 356]. Фуко называет эти области знанием, властью и этосом. Из этого следует, что связь между знанием и властью имеет фундаментальный характер, на котором основывается любое управление. Если же мы говорим о современном обществе, то речь идет об особых формах власти и знания, а именно о политической власти, в которой человек оказывается с рождения, заключенный в окружение институтов власти, контролирующих его биологическую жизнь (помимо явных институтов власти это институты семьи, образования, медицины и т.д.), и о научном знании, которое сегодня отвечает за мировоззрение человека так же, как это делала религия в Средние века.

Однако, Фуко обнаруживает проблему, которую называет «парадоксом отношения между возможностью и властью». Заключается она в том, что, несмотря на тот факт, что развитие знания и технических возможностей всегда значило для людей увеличение степени их свободы, мы, тем не менее, сталкиваемся с тем, что прогресс в науке и технике ведет к новым формам управления человеком [10. С. 355]. Институты власти используют достижения науки для того, чтобы манипулировать тем, что в Средние века называлось желанием, и что характеризовалось преимущественно негативно. Сегодня же управление желанием является основой биополитики, и производится оно с помощью науки.

Но из вышесказанного вовсе не следует, что наука оказалась политизированной. Невозможно осуществление власти без ее отношения к знанию, и наоборот. Но до тех пор, пока наука имеет свои цели, задачи и методы, отличные политических, мы не можем говорить о политизированной науке. Это можно обнаружить уже в греческой цивилизации, где целью науки было обоснование положения человека в космосе. С этим согласуется и задача науки о политическом управлении, состоящая в обосновании положения полиса в космосе и человека в полисе. С другой стороны, при том, что греческая наука сохраняла свою самость, знание оказывало влияние на политическое управление извне. Фуко пишет, что дихотомия истинного и ложного стала не только прототипом европейской модели познания, но и основанием для процедуры исключения из публичного пространства [8. С. 54]. Истина стала некой демаркационной линией в политике, и те, кто был к ней близок, считались лучшими правителями, нежели те, кто шел с ней вразрез.

Развитие науки, а также вызовы, природные вызовы привели к тому, что наука об управлении все чаще прибегала к узкоспециализированному научному знанию в своих целях. В пример можно привести меры по предотвращению распространения чумы в больших городах Европы [7. С. 228]. Для того, чтобы сохранить население от новой пандемии, подобной «черной смерти», власти прибегали к научному знанию, как изолировать очаг болезни и не дать ей распространиться. Ученый стал влиять не только на медицинские практики, но также, например, на строительство канализационных системы и проектирование городов. То же самое можно обнаружить у Бруно Латура в книге «Пастер: война и мир микробов», в которой он говорит о том, как открытие Пастером мира микробов поставило ученых-гигиенистов в один ряд с политиками и военными стратегами [4. С. 70].

Постепенно ученый стал важной политической фигурой, однако, пока он сохраняет идеалы классической науки: стремление к объективности, к познанию мира, к истине – наука остается самодостаточной, непolitизированной. Однако изменения происходят не только в политике. К концу XIX века происходит смена типа рациональности: на смену классическому типу, основанному на представлении о мире детерминированном и однозначном, приходит время двойственных теорий и неоднозначных явлений, которые заставляют ученого действовать подобно политике для того, чтобы его теория стала основной в объяснении явлений природы [5]. Все это ведет к тому, что ученым все чаще движут не классические идеалы науки, а мотивы экономического, политического и социального характера. С этого момента мы можем говорить о том, что наука стала политизированной. Власть же, всегда стремившаяся к максимальной рационализации публичного пространства, заполучив в качестве инструмента политизированное научное знание, одновременно с этим получило возможность управлять желанием населения, что и стало основополагающим фактором рождения биополитики.

Литература

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.
2. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 192 с.
3. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической идеологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
4. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
5. Степин В. С. Глава 6. Научные революции и смена типов научной рациональности // Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. С. 267–330.
6. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011, 544 с.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
8. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону воли, знания и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.
9. Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
10. Фуко М. Что такое просвещение? // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 335–359.

EPISTEMIC MOWGLI: THE NATURE OF SPECULATIVE KNOWLEDGE ACCEPTANCE

A.V. Golubinskaya

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
golub@ioo.unn.ru

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00061

The theory of intuitive explaining of physical phenomena appeared in several projects in last decades of the XX century, the main conclusion of which was the point that scientific knowledge of physical reality seems to be “attached” to the previously formed system of ideas about physical reality [1; 3, p. 795; 4, p. 636; 8]. Today, in the frame of folk physics and folk epistemology [2; 6], we believe that the understanding of the physical world grows naturally and spontaneously in the process of biological and social development, and this permeates our adult, sensible idea of why the world works the way it works [7, p. 2].

However, interaction with the physical world is not an exclusive human right. Beavers build dams, otters open mollusks using stones, – the corresponding literature documents plenty of examples of these actions. For this report it is important only in the context of the following question: does the fact that all living systems somehow interact with gravity, space, force, form or motion imply that their mind contains something like folk physical representations?

Indeed, numerous studies concerning the use and creation of chimpanzee tools have failed to address the fundamental difference between understanding that tools work and understanding why they work. Psychologist W. Köhler [4] and later biologist D. Povinelli [7] devoted several years of their research practice to the search of this property of knowing in the evolutionary dynamics of species. D. Povinelli summarizes the main interests of studying the folk science of animals: since there is no doubt that chimpanzees can create and use tools, they must have some kind of idea about the “universe” [7], but does this mean that the chimpanzee is guided by folk physical knowledge?

Imagine that we can examine the process of transition from folk physics to scientific physics, from folk epistemology to scientific epistemology. To do this, we purpose the thought experiment of an adult, biologically able to theorize to high level, but isolated from any cultural foundations and norms of knowledge production and acceptance. In other words, the epistemic Mowgli. Now let us imagine that one day he or she becomes an expert in theoretical physics, so we can trace the transition from folk epistemological perspective. Here we can formulate the key question: what folk knowledge conditions are sufficient for such a transition?

Let us focus on three points on how this transformation distorts the “natural state of physics understanding” of the epistemic Mowgli. The first point follows from the fact that all rational physical knowledge rise from phenomena that are not available to explain with sensory experience. Therefore, the first thing that must happen to epistemic Mowgli is the acceptance of the fact of the insufficiency of sensory experience. Now, when the Mowgli becomes capable of mental work with “invisible” phenomena, he can cope with new variables, for example, with models of phenomena instead of phenomena themselves. Previously unknown experiences, speculative experience, complements his or her phenomenological experience enough to try to predict variants of events instead of algorithmically reproduce known cause-and-effect relations. Still, this is not yet enough to become a physicist, it will require another category, – the category of misconception.

The way humanity has come to actual knowledge of the physical world is hardly similar to the way the school course of physics tells students about it. The history of science is not only the history of great discoveries, but also the history of a great number of misconceptions, which were overcome. The overcoming would be impossible without the epistemic procedure of recognition of previously accepted knowledge as wrong. This procedure and such categories as misconception and wrong knowledge are unavailable for direct experience, like the experience of Köhler’s and Povinelli’s chimpanzee. However, epistemic Mowgli moves on: the

acceptance of the fact that knowledge can be a misconception is still insufficient to target level of theorizing.

In scientific epistemology, the truth seems to be secondary: first, we propose several hypotheses, than we exclude the false ones to discover the true one. Folk epistemological processes seem to be arranged vice versa: accepting knowledge is primary, a layperson has no need of hypotheses, especially the new ones, and tries to keep accepted knowledge true and protect from alien “new” truths. We can suppose now that the indicator of epistemic “de-mowgli-zation” is the ability to qualify misconceptions by distinguishing the true from the false, and not the false from the true.

Accordingly, three points about the transition of the epistemic Mowgli to the subject of theoretical reasoning reveals the nature of speculative knowledge acceptance. The first point refers to overcoming of the sufficiency of perceptive experience. It describes biological stage of knowing and presents the field of Köhler’s and Povinelli’s natural epistemology. The second point concerns the overcoming of the sufficiency of accepted knowledge. This point describes social-cultural stage of knowing and presents folk epistemological perspective. The third point is the overcoming of the sufficiency of permanent plausibility of accepted knowledge. The point describes the expert stage of knowing and presents scientific epistemology.

References

1. Caramazza A., McCloskey M., Green B. Naive beliefs in “sophisticated” subjects: Misconceptions about trajectories of objects // *Cognition*. 1981. Vol. 9. № 2. P. 117–123.
2. Gerken M. *On folk epistemology: How we think and talk about knowledge*. Oxford University Press, 2017. 368 p.
3. Kaiser M. K., Proffitt D. R., Anderson K. Judgments of natural and anomalous trajectories in the presence and absence of motion // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1985. Vol. 11. № 4. P. 795–803.
4. Kohler W. *The mentality of apes*. NY: Routledge, 2018. 344 p.
5. McCloskey M., Washburn A., Felch L. Intuitive physics: the straight-down belief and its origin // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1983. Vol. 9. № 4. P. 636–649.
6. Mercier H. The social origins of folk epistemology // *Review of Philosophy and Psychology*. 2010. Vol. 1. № 4. P. 499–514.
7. Povinelli D. *Folk physics for apes: The chimpanzee’s theory of how the world works*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 408 p.
8. Todorovic D. Is kinematic geometry an internalized regularity? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2001. Vol. 24. № 4. P. 641–651.

ОБ УСЛОВИЯХ КОНСТРУКТИВНОГО ДИАЛОГА МЕЖДУ ОНТОЛОГИЧЕСКИМИ КОНЦЕПЦИЯМИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

И.А. Гуцин

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
cfuffy@mail.ru

В онтологической проблематике современной аналитической философии особое значение имеет спор между актуализмом и POSSIBILITYИЗМОМ. Данное обстоятельство обуславливается как содержательными, так и методологическими особенностями этого спора. К содержательным относится то, что данный спор непосредственно обращается к наиболее общему вопросу онтологии, к вопросу «о том, что есть» (см.: [1]). Фундаментальный тезис актуализма формулируется так: всё, что есть, существует, или актуально; фундаментальный тезис POSSIBILITYИЗМА звучит как: среди всего, что есть, есть нечто, что возможно, но не актуально (см.: [2]). К методологическим особенностям можно отнести, во-первых, модальный характер данного спора и, как следствие, обращение к модальным логикам, а во-вторых лежащее в основании этого спора прямое противопоставление между двумя фундаментальными онтологическими тезисами.

Несмотря на очевидную содержательность данного спора, он породил большое количество затруднений, а концепции, основанные на одном из этих тезисов, в процессе своего развития начинают содержать следствия противоположного тезиса. По этим причинам имеет смысл обратиться к методологической стороне данного спора, чтобы попытаться обнаружить в ней причину этих затруднений. Основное внимание стоит уделить второй особенности, временно вынеся первую за скобки, так как в рамках обозначенного спора обращение к модальной логике зависит от того, какие модальные тезисы выбираются в качестве основных.

На первый взгляд, с прямым противопоставлением тезисов актуализма и POSSIBILITYИЗМА все в порядке. Утверждение о том, что всё, что есть, актуально, и все следствия из него несовместимы с утверждением о том, что есть что-то не актуальное, и со всеми следствиями из него. Таким образом, последовательный POSSIBILITYИЗМ никогда не согласится ни с одним из актуалистских утверждений, и наоборот.

Действительное положение дел в споре между этими двумя позициями раскрыл К. Файн [3]. Он показал как для каждой формулы A в языке актуализма определить соответствующую ей формулу $(A)^{pos}$ в языке POSSIBILITYИЗМА. Возможна и обратная процедура, которая для каждой формулы B языка POSSIBILITYИЗМА обеспечивает определение соответствующей её формулы $(B)^{act}$ в языке актуализма. Для получения $(A)^{pos}$ нужно заменить актуалистские кванторы в A на POSSIBILITYИЗМСТКИЕ, ограниченные предикатом существования. Содержательная интерпретация этой замены заключается в

следующем: поппилист интерпретирует актуалистское «о том, что есть» только в смысле чего-то, что обладает дополнительным свойством «существования», а актуалист интерпретирует поппилистское «о том, что есть» как разговор о том, что могло бы быть. При этом актуалист принимает некоторую актуалистскую формулу в своем языке, только если поппилист принимает соответствующую ей поппилистскую формулу в своем языке, и наоборот.

Результаты Файна позволяют сделать вывод о том, что спор между актуализмом и поппилизмом – это спор исключительно о языке. Любые сформулированные актуалистом возражения поппилисту уже имеют соответствующие им формулы в языке поппилизма, и наоборот. К такому подходу существует ряд возражений, однако ни одно из них не может преодолеть модельно-теоретическую эквивалентность языков актуализма и поппилизма, в результате чего спор между актуализмом и поппилизмом теряет содержательность и обрастает различными девиантными вопросами. Одним из таких вопросов является вопрос о том, чей язык более фундаментален. Этот вопрос сводится к спору о том, чьи кванторы более естественны, но так как разговор о естественности кванторов мы можем вести только на языках высоких порядков, которые сами по себе не естественны, то и такой вариант спора на выходе ничего не дает.

Эти соображения о бессмысленности спора между актуализмом и поппилизмом высказал Т. Уильямсон (см.: [4. С. 305–313]). Он предлагает заменить противопоставление актуализма и поппилизма на противопоставление несесситизма и контингентизма. Несесситизм – это метафизическая позиция, фундаментальный принцип которой, также известный как формула NNE, определяется так: всё, что есть, есть необходимо что-то. Фундаментальным тезисом контингентизма является отрицание принципа NNE. Обе позиции используют один язык, следовательно, перевод между ними не нужен. Несмотря на взаимное неприятие онтологических тезисов, сторонники этих позиций могут извлечь только полезные данные из утверждений друг друга, не принимая нежелательных для себя онтологических обязательств.

Для достижения этой цели Т. Уильямсон предлагает идею нейтрального по отношению к этим позициям языка, при этом для каждого нейтрального предложения предполагается перевод на язык соответствующей позиции. Таким образом, несесситист и контингентист согласятся в отношении нейтральной версии утверждений друг друга, оспаривая перевод этих предложений на язык конкурирующей позиции, что позволит им считать друг друга заблуждающимися в области метафизики, но при этом признавать прагматическую ценность результатов друг друга на уровне нейтрального языка.

Такая схема «тройного языка» позволяет достичь того, что не смог достичь спор актуализма и поппилизма: исследование онтологии становится

сравнением двух теорий с точки зрения их объяснительной силы, не оказываясь при этом тривиальным или девиантным, или запутанным.

Представленное выше сравнение позволяет определить ряд условий для достижения конструктивного диалога между различными онтологическими концепциями, которые необходимо соблюдать при формулировке фундаментальных онтологических тезисов:

1) Фундаментальные тезисы концепций должны представлять собой утверждение и отрицание этого утверждения. В противном случае спор рискует оказаться либо тривиальным, либо девиантным.

2) Необходим способ коммуникации между этими концепциями.

3) Неизбежным является обращение к логикам высоких порядков и к метаязыковым контекстам, так как иначе есть риск не заметить, что не было соблюдено первое условие – как это произошло в споре между актуализмом и попперизмом – а также не получится выполнить второе условие.

Литература

1. Quine W.V.O. On What There Is // From a Logical Point of View. Harvard: Harvard University Press, 1953. P. 1–9.

2. Menzel C. Actualism (Электронный ресурс) // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/entries/actualism/> (дата обращения: 12.07.2019).

3. Fine K. Prior on the Construction of Possible Worlds and Instants // A.N. Prior, K. Fine Worlds, Times and Selves. London: Gerald Duckworth & Company Limited, 1977. P. 116–161.

4. Williamson T. Modal Logic as Metaphysics. Oxford: Oxford Press University, 2013.

КОНЦЕПТ СЛОЖНОСТИ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА

А.В. Думов

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
avdumov@inbox.ru

Ключевое для постсовременной эпистемологической мысли и философии науки понятие сложности характеризуется содержательной неоднозначностью и множественностью возможных контекстов использования. Тем не менее, многообразие возможных интерпретаций содержания такой характеристики, как сложность, сочетается с единством семантического ядра ее возможных определений. Сложность представляет собой концепт, предназначенный для выражения ряда характерных свойств постигаемой действительности, фиксируемых в контексте осуществления познавательного процесса.

Зачастую исследователями «сложной» проблематики осуществляется обобщение данных свойств, результатом которого и становится определение сложности как интегральной гносеологической характеристики. В частности, подобная дефиниция предлагается А. П. Леоновым, в работе которого сложность определяется как «свойство, особенность или качество универсума, благодаря которому он предстает перед нашим взором как многогранное, единое, упорядоченное и взаимосвязанное целое, непрерывно эволюционирующее и изменяющееся взаимосогласованным, когерентным образом» [3. С. 8].

Несомненен тот факт, что в подобном определении удастся «схватить» контекстуальную сложность, фиксируемую в авторском исследовании определенной проблематики. Вполне закономерным является вопрос о том, насколько адекватной реальности человеческого познания является цель создания некоего единого определения сложности как свойства универсума, если проявления, характеризующиеся как сложные, разнятся в зависимости от контекста исследования. Не представляет ли собой сложность комплекс возможных определений, обобщенных указанием на некоторые свойства осуществления познавательного процесса в конкретном контексте?

По замечанию П. В. Ополева, эпитеты «простой» и «сложный» сообщают нам не только об объективных свойствах объектов, но и о сложности нашего сознания [5. С. 63]. Понятие сложности несет в себе двойственную семантику: с одной стороны, оно призвано указать на определенные содержательные аспекты информации о постигаемом, присутствующей в контексте осуществления познавательного процесса, с другой стороны, оно обращает к проблеме организации коммуникативного взаимодействия познающих, обладающих личностным знанием о сложном проявлении действительности. Сложностью как характеристикой познавательного процесса отмечается необходимость организации диалога познающих, исследовательские процессы которых не являются сопоставленными несмотря на единство постигаемой действительности.

Теоретиком сложного мышления и видным исследователем специфики познания сложности Э. Мореном утверждается необходимость овладения умением устанавливать циклическую связь между различными исследовательскими подходами как основу организации производства знания о сложном [4. С. 40]. В действительности, концепт сложности отсылает нас к проблеме взаимопонимания различных «культур познания», согласования различных методологий и теоретических подходов к осмыслению конкретных проявлений постигаемой действительности. Наиболее содержательным образом, на наш взгляд, специфика «сложного» подхода проявляется в определении познавательного континуума современной действительности как сосредоточения разума «на грани различных смыслов бытия, различных форм понимания и изобретения мира» [1. С. 381]. Концептом сложности фиксируется имманентная диалогичность познавательного процесса,

представляющего собой переплетение диалога смыслов, форм интерпретаций и способов организации взаимодействия между познающим и его средой.

Контекстуально определяемая сложность служит призывом к поиску способов понимания и путей приобщения к различным способам разума: познание сложности является диалогом множества познающих систем, с необходимостью определяющих и открывающих себя в другом, а другого – в себе. Ввиду этого представляется возможность характеризовать сложность в качестве метафорического концепта, объединяющего в себе множество концептуально используемых конструктов. В контексте настоящего рассмотрения больший интерес вызывает такой тип метафор, как ориентационные метафоры – концепты, не структурирующие один концепт в терминах другого, а организующих целую систему концептов относительно другой системы [2. С. 35]. Определяя концепт сложности как эпистемологическую метафору, мы руководствуемся его координирующей функцией: он становится началом пути к междисциплинарной интеракции и диалогу «культур познания».

Рассмотрение концепта сложности в качестве эпистемической метафоры, включающей в себя множество возможных контекстных реализаций, открывает новый путь к осмыслению вопросов сложности в целом. Этот путь предполагает в качестве альтернативы поиску определения сложности как свойства объективной действительности определение сложности в качестве совокупности характеристик осуществления познавательного процесса. Преимуществом данной модели понимания сложности является отказ от гипостазирования сложности, вынесения ее за рамки познавательных процессов, что может способствовать упорядочению и систематизации эпистемологических представлений о ней.

Литература

1. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философ. введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. Ред. и предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Леонов А. М. Познание сложности: Введение в философию Х-науки. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2002. 222 с.
4. Морен Э. Метод: природа природы / Пер. с фр. Е. Н. Князевой. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
5. Ополев П. В. Сложность сознания и мышления: опыт осмысления // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 63–75.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ОТ КРИТЕРИЕВ ЭТИЧЕСКОГО РАЗУМА

Л.Г. Дьяконова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
ladya4@mail.ru

Одной из актуальных на сегодняшний день задач для философии является поиск рациональных обоснований этики, которые могли бы дать ответ на ряд спорных вопросов, возникающих в области экологии жизни в условиях ускоренного развития общества. Вопросы относятся к сферам коммуникаций: человек – общество, человек – природа, человек – техника, Homo sapiens и цифровой разум.

Представление о человеке как о единственном существе, обладающим разумом, себя изжило – создан цифровой разум, которой изначально лишен представлений о морали. Очень важно еще на начальной стадии включать в сферу исследования и проектирования экспертную оценку последствий новейших научных и инженерных разработок. Таким образом, развитие технологий непосредственно связано с этикой ученого, инженера и социальной средой. Достижения в области биоинженерии поставили человечество перед рядом этических вопросов, относящихся к границам использования современных технологий и возможностей модернизации человеческого тела и его физических возможностей. Речь идет о необходимости нового типа рациональности, основывающегося на этических принципах и гуманном отношении как к миру, так и к человечеству в целом. Такой тип предельной рациональности предполагает разумную деятельность, которая направлена на сохранение и поддержание баланса в мире организмов, видов, сообществ, экосистемы и биосферы в целом и озабочена вопросами гуманизации. Речь идет о рациональности, которая в своем онтологическом статусе направлена на правду или ложь в отношении к жизни. Идея согласуется со взглядами неокантианцев, утверждавших, что разумный человек в пределе нацелен на добро, сохранение жизни, то есть на то, что для него является естественным и разумным.

В статье, посвященной базовым компонентам рациональности, кандидат философских наук В.Г. Мушич-Громько вводит фундаментальную единицу научного знания, которую называет высокой мировоззренческой стилистикой. Смысл ее в том, что она представляет собой систему рациональных принципов, которые связаны с сущностным отношением к действительности через сопряжение с понятием «жизнь». Эта идея согласуется с нашим направлением в исследовании в отношении поиска критериев предельной рациональности и их связи с ценностными категориями [4. С. 77].

Исследуя историю зарождения философской мысли, ее оснований, природу человека и его деятельность, мы предполагаем, что уместно обратиться к рациональности, имеющей под собой абсолютные онтологические основания, которые, согласно изысканиям античных

философов, непосредственно связаны с этическими представлениями, присущими сущности человека и типу его мировоззрения.

Выявление взаимосвязи рационального и этического как ключевых компонентов древнегреческой мысли, роли и места этики в рациональном мышлении, истоков зарождения этических представлений и их особенностей, исследование процесса формирования представлений о нравственном и безнравственном в зависимости от ценностных ориентиров эллинистического общества представляется интересным материалом в качестве осмысления особенностей мировоззрения граждан античного полиса. Результаты исследования могут быть интересными для анализа возможности их применения в качестве основы нового типа рациональности. При этом мы понимаем и учитываем, что любая культурная, философская традиция, любой дискурс предполагает свои гипотезы, задачи, определяет соответствующие объекты исследования и в соответствии с ними формулирует свои выводы.

К изучению вопроса о роли человеческого разума в рамках философии зарождения античной культуры обращался М. Хайдеггер, высказывая упреки античной философии в «началах забвения бытия» [6. С. 18] и истоках заблуждения разума. Мы же рассматриваем антропологическую проблематику в ее связи с метафизическими категориями, которые не уведут разум из осознанности, а, наоборот, выводят ее на новый уровень. В своей книге Г.В. Драч [1] указывает на важность обращения к антропоцентрическим идеалам античности в рамках необходимости гуманизации современного техногенного мира и поиска ориентиров, направленных на «жизнь по природе», а не «жизнь ради потребления», по Ф.Х. Кессиди.

Что понимается под рациональным действием? Что мы подразумеваем, когда оцениваем действие как более рациональное или менее рациональное? Речь идет о соответствии реального и должного, то есть того, что происходит в действительности, тому, как это должно делаться или мыслиться. Если бы разум сам задавал действия и мысли, при этом сам определял нормы, стандарты и правила того, как должно мыслиться или делаться, мы бы не сталкивались с проблемой нерационального в действительности. Если бы рациональность задавалась только разумом, то он обладал бы статусом всеобщности и не сталкивался со степенью рациональности «более» или «менее». Т.Г. Лешкевич в своих лекциях по философии рассуждает: «...отсюда возникает необходимость – вывести рациональность за пределы разума, связать с чем-то внешним, скажем, с извечной закономерностью или упорядоченностью природы, объявить рациональным все то, что отвечает идеям упорядоченности и закономерности. Но статистические закономерности, включающие вероятность, случайность и хаос как аperiодическое, лишённое регулярности движение, вновь опровергают рациональность с атрибутом упорядоченности» [3. С. 215–219].

В.Н. Порус в новой философской энциклопедии, в главе, посвященной рациональности, указывает, что «логоцентрическая парадигма», сложившаяся в античности и послужившая зарождению представлений классического

рационализма, основывалась на убеждении в абсолютности и неизменности законов вселенского разума, постигаемого человеком с помощью его духовной способности [5. С. 425–427]. «Разумность», помимо законов логики, которые, согласно Аристотелю, являются фундаментальными принципами бытия и мышления, может быть определена через целесообразность, эффективность в достижении цели, гармоничность и согласованность элементов. Автор указывает, что идеал рациональности в классическом понимании – это совпадение с Абсолютным Разумом. Однако человек, обладающий рядом ограничений в виде непостоянства функционального бытия, формами и средствами познания, антропософскими ограничениями, не может совпадать с подобным идеалом. Поэтому для описания рациональности выбираются свойства, которые полагаются существенными для сложившейся культуры и являются основополагающими и определяющими тип рациональности. В зависимости от выбора существенных признаков, которые обусловлены культурно-историческим характером, складываются определенные представления о рациональном.

Также В.Н. Порус высказался об уместности привлечения этических категорий в качестве определяющих рациональность: «если рациональность полностью определяется своими критериями, то сам выбор этих критериев не может быть обоснован рационально (из-за “логического круга”) и, следовательно, совершается по каким-то иным, например, по ценностным, соображениям» [5. С. 426].

Таким образом, предложение подойти к рациональности с позиции этики нам представляется вполне обоснованным. Опорой для такого исследования служат представления о рациональном, сложившиеся в философии античной школы. Рациональное в представлениях древних греков, помимо структурирующей способности, обладало еще и этическими свойствами и характеризовалось термином «прекрасное». Сократ первым поставил проблему прекрасного, как проблему сознания и разума, где красота проявилась в идее прекрасного, и ввел категорию «калокагатия» (*καλοκαγαθία*) – прекрасное и доброе, которое функционировало в пограничной области этического, разумного и эстетического и служило характеристикой идеального человека. У Платона понятие красоты соседствует с характеристикой благого, которое является для него наивысшей добродетелью, прекрасной самой по себе, служащей главной целью и идеалом для человека в его устремлении.

С появлением новых, не вписывающихся в классическую теорию открытий и научных разработок, требующих нового взгляда на мир и нового рационального обоснования, должны меняться цели и представления об истинном. «Разумность» диктует новые стандарты и новый тип рациональности, соответствующий гуманно-ценностным основаниям. Актуальность темы зарождения нового типа рациональности ярко представлена в книге историка Юваля Ноя Харари «Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня» [7], где он описывает происходящие изменения в

современном обществе и последствия развития в области информационных технологий и неограниченного доступа к любому виду информации.

Рассмотрение области рационального через этические категории с позиции их взаимосвязанности и целостности раскрывает сущность античной рациональности. Этика выступает как система регуляции, формирующая рациональные действия, поступки в отношении достижения определенных целей, сформированных на основании предпочтительных ценностных ориентиров и идеалов.

Литература

1. Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 2003. 318 с.

2. Исторические типы рациональности. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во ИФРАН, 1995. 350 с.

3. Лешкевич Т.Г. Философия: курс лекций. М.: Инфра-М, 2000. 240 с.

4. Мушич-Громыко В.Г. Рационализм предельно-мировоззренческий // Вестник КГУ им. Некрасова. 2011. № 3. С. 75–79.

5. Порус В.Н. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 425–427.

6. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // М. Хайдеггер. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 16–27.

7. Harari Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. NY.: Random House, 2017. 448 с.

ТЕМА НАСИЛИЯ В ФИЛОСОФИИ Ж.-П. САРТРА

К.Н. Евдокимова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
namnamki@mail.ru

Рассмотрение темы насилия в философии Ж.-П. Сартра – это прежде всего определение ее истоков, рамок и взаимосвязи с другими понятиями в философии Сартра, а именно такими, как свобода и отчуждение.

Заслуживает внимания тот факт, что данная тема получила свое развитие еще на раннем этапе (приблизительно с 1920–1929 гг. по 1940 г.) творчества Ж.-П. Сартра. Так, в романе «Тошнота» (1938), мы находим нечто схожее с темой насилия. Дальнейшее развитие данной темы происходит в труде «Бытие и ничто» (1943), а также в трудах политического периода творчества Сартра.

Тема насилия тесно граничит в творчестве Сартра с темами свободы и отчуждения. Свобода, отчуждение и насилие рассматриваются им в синтезе и образуют сложную триаду. Оккупация, нахождение Сартра в лагере для пленных в прямом и переносном смысле продемонстрировали для Сартра значимость его личной свободы и свободы человека как такового. С одной

стороны, Сартр утверждает, что человек не может не быть свободным. Об этом определенно свидетельствуют его следующие высказывания. «Это и есть то, что я выражаю словами: **человек осужден быть свободным**. Осужден, потому что не сам себя создал, и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает» [1. С. 327] или, «Иначе говоря, нет детерминизма, **человек свободен, человек – это свобода**» [Там же. С. 327]. Вместе с тем, Сартр не мог не учитывать исторические события, свидетелем и участником, которых он был. Дело в том, что эти события нарушали его свободу.

Рассматривая данную тему в философии Ж.-П. Сартра мы выделили три ее аспекта. А именно: **личные** (насильственное призвание в армию, плен, участие в политической жизни страны – манифесты, поддержка студенческих волнений и т.д.); **политические события** в послевоенной Франции, и **сартровское осмысление истории** (власть политических деятелей, войны и революции, колонизация и деколонизация стран, геноцид и т.д.). Важный момент, который мы также выделяем при рассмотрении темы насилия у Сартра – это то, что он отмечает положительную и отрицательную оценки этого феномена. Если с отрицательной оценкой все более или менее понятно, то оценка положительной вызывает определенные сложности. Положительная оценка, на наш взгляд, заключается в понимании Сартром исторической обусловленности насилия, о которых он говорит в своих литературных трудах. И это не только примеры ситуаций про кровную месть. Такими же примерами являются ситуации, которые происходили с героями в незавершенной тетралогии «Дороги свободы» (1945). Матье Деларю проходит путь от неприятия и насилия окружающего мира к абсолютной свободе, тем самым избавляясь от проблем, которые встают на его пути (аборт любовницы, разрыв с близкими ему друзьями и т.д.). Или крестьянин Гец из пьесы «Дьявол и Господь Бог» (1951), который убивает своего начальника и постулирует таким же крестьянам, как и он, что все они могут спокойно жить без попов, полководцев и др. людей высокого ранга, которые насильственно забирают их свободу. Такие ситуации, которые описывает Сартр, наглядно показывают затруднения с решением вопроса о том, где заканчивается свобода человека и начинается насилие одного человека над другим и наоборот. Положительная оценка, которую Сартр выделяет в понимании насилия, соотносится с этической составляющей в его философии [2].

Ж.-П. Сартр отмечает, что насилие – это все-таки вынужденная мера. На наш взгляд, Сартр попытался рассмотреть тему насилия со всех сторон. Делает он это тщательно, как и с предыдущими темами – свободой и отчуждением. В основе всех глобальных действий, которые происходят в мире, так или иначе заложено насилие. Ведь уже при упоминании, как отрицательной оценки насилия, так и положительной дает повод говорить об этом. Насилие – это, то, что разрушает и утверждает гуманизм.

Литература

1. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. с фр. А. А. Санина // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.

2. Quinn B. J. Sartre on Violence: a Political, Philosophical and Literary Study / Louisiana State University and Agricultural & Mechanical College (1970). [Электронный ресурс]. URL: https://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2804&context=gradschool_disstheses (дата обращения: 01.06.2019).

ОБРАЗ АРИСТОТЕЛЯ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ 18 ВЕКА

О.С. Егорова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
oksana12egorova@gmail.com

Исследование посвящено анализу восприятия образа Аристотеля в трудах различных деятелей русской общественной мысли 18 столетия. Образ древнегреческого мыслителя был изучен с трех разных точек зрения: как ученого, философа и человека. Однако данные направления его восприятия условны, поскольку иногда в работах весьма сложно отделить, к примеру, Аристотеля-философа от Аристотеля-человека.

Об Аристотеле, как ученом (в различных отраслях научного знания, за исключением философии), упоминалось весьма редко. Так, его воспринимали как наставника в области поэзии, автора правил для стихотворцев, создателя логики. Упоминания иных заслуг Аристотеля-ученого обнаружено не было.

Образ Аристотеля-философа представлен более широко, и в русской литературе можно выявить два различных направления его восприятия: положительное и отрицательное. В положительном ключе фигуру философа, как и его наследие, оценивали Ф. Прокопович, А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов и Г. Полетика. Для Н. П. Николева, наоборот, Аристотель-философ был не более чем критиком и подражателем, заимствовавшим чужие мысли. А. Н. Радищев также критиковал Стагирита, в частности, его концепцию о естественном происхождении рабства. И. А. Крылов видел в трудах Аристотеля помимо «умословий» «пустые и вздорные басенки», «совсем ложные и бесполезные» [2. С. 222]. Д. К. Кантемир, отец сатирика А. Кантемира, во многом критикуя и опровергая взгляды Аристотеля и его последователей, также негативно отзывался об Аристотеле. В нейтральном ключе наследие философа оценивал Н. М. Карамзин, полагавший, что человечество, накапливая и развивая научное знание, постоянно поднимается по лестнице познания, и, в связи с этим, философия Аристотеля давно утратила свою актуальность, уступив место трудам современных деятелей [1. С. 257].

Кроме того, в традиции восприятия образа Аристотеля-философа в русской литературе была выявлена следующая особенность: частое слияние образов самого Аристотеля и «Аристотеля схоластического». Так, к примеру, в работах А. Н. Радищева проявляется тенденция к отождествлению данных

понятий. В противоположность ему, М. В. Ломоносов был одним из немногих авторов, кто видел данную разницу, положительно оценивая Стагирита и его наследие, при этом критикуя схоластов, «слепая приверженность» учению Аристотеля которых не только сыграла отрицательную роль в развитии философии, но и способствовала падению славы своего учителя [3. С. 125].

Как уже было отмечено, образы Аристотеля-философа и Аристотеля-человека в восприятии русских авторов зачастую совпадают. Так в абсолютном большинстве случаев, когда речь идет об Аристотеле как о человеке, в русской литературе появляется явный положительный образ мудрого, сдержанного, рассудительного, постоянно стремящегося к знаниям и упражняющегося во всех возможных науках человека, представляющего собой некий эталон поведения. Данный образ скорее соответствует идеализированным представлениям о «философе» как таковом, чем о конкретной личности Аристотеля. Реже в русской литературе можно встретить критические отзывы о личности древнегреческого мыслителя. Так, к примеру, А. И. Крылов указывал на такие черты характера Аристотеля, как тщеславие, самовлюбленность, зависть, любовь к богатству, стремление к вечной славе [2. С. 222–223].

Также русская общественная мысль по-разному относилась к факту религиозной принадлежности Аристотеля. Стоит отметить, что философ всегда воспринимался как «язычник», т. е. «чужой», однако не во всех случаях это интерпретировалось негативно. Так Ф. Прокопович оправдывал язычника-Аристотеля тем, что последний не полностью разделял языческую веру, и пытался рационально ее интерпретировать. Негативное восприятие данного факта можно проследить в работах Д. Н. Кантемира и А. И. Крылова.

Что касается иных биографических фактов из жизни Аристотеля, то наиболее часто в русской литературе можно встретить упоминания о нем, как о советнике царя Филиппа, учителе и наставнике Александра Македонского. Характер взаимоотношений Аристотеля с Александром, за редким исключением, трактовался в нейтрально-положительном ключе, и лишь А. Н. Радищевым этот общеизвестный биографический факт был воспринят негативно. Так, проводя явную параллель между фигурами Александра Македонского и Аристотеля, с одной стороны, и Екатерины II с некоторыми из поддерживающих ее реформаторов с другой, сам факт служения влиятельному лицу принял у русского просветителя сугубо негативный характер. Аристотель предстал в труде А. Н. Радищева не в образе мудрого учителя и наставника, более привычном для русской литературы, а в отрицательном образе «ласкателя», заискивающего перед своим влиятельным учеником [4. С. 218].

На данном этапе исследования удалось установить, что в русской общественной мысли 18 века Аристотель довольно редко воспринимался в качестве ученого. Образы Аристотеля-философа и Аристотеля-человека, напротив, представлены весьма широко. Упомянув об Аристотеле как о философе, русские мыслители примерно в половине случаев отрицательно

относятся к его наследию. Одна из причин негативного отношения к древнегреческому философу – частое смешение в русской литературе образов самого Аристотеля и «Аристотеля схоластического». Говоря об Аристотеле как о человеке, большинство авторов идеализируют образ Стагирита, редко критикуя его личные качества, даже факт его религиозной принадлежности далеко не всегда оценивается ими однозначно негативно.

Литература

1. Карамзин Н. М. Филалет к Мелодору // Н. М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.-Л.: Художественная литература, 1964. С. 251–259.

2. Крылов И. А. Почта духов // И. А. Крылов. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1945. С. 11–273.

3. Ломоносов М. В. Из «Вольфианской экспериментальной физики» // М. В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1950. С. 123–132.

4. Радищев А. Н. Беседа о том, что есть сын отечества // А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.-Л.: АН СССР, 1938. С. 215–223.

СКЕПТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ КРИПКЕ И ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ СЛОВА

А.С. Зайкова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
zaykova.a.s@gmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-311-00113

Несмотря на то, что с момента публикации Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» прошло несколько десятков лет, в литературе до сих пор широко обсуждается скептический аргумент Крипке о невозможности следованию правилу, и, в результате, радикальной неопределенности значения. Если значение слов состоит в их употреблении, употребляем мы слова согласно некоторым правилам, и для любого употребления мы можем придумать самые разные правила, то, не отдавая себе отчёт в точности, какому правилу мы следуем, мы не можем точно установить и значение слова.

При этом если опустить вопрос о том, какая роль в постановке проблеме принадлежит Витгенштейну, а какая – Крипке, дискуссия сводится к тому, является ли скептический аргумент значимым и если да, то как можно его преодолеть. В большинстве случаев ответ на первый вопрос положителен, однако способы преодоления скептического аргумента разнятся. Для решения этого аргумента предлагается два пути: первое, прямое решение, заключается в утверждении, что каждому слову соответствует жёстко заданное (правилом

или иным способом) значение, а второе, скептическое, предполагает, что значение не есть факт, и, более того, мы не знаем в точности значения слов, но, тем не менее, мы можем использовать слова, опираясь на мнение сообщества о правильном использовании тех или иных слов.

Однако оба пути имеют свои проблемы. Признать прямой путь решения скептического аргумента означает также признать, что значения жёстко зафиксированы и объективны, что может быть верным для математических операций, но категорически не верно для слов естественного языка. Скептическое решение, однако, противоречит само себе: «Факты мира таковы, что не существует фактов мира; значение слова “значение” состоит в том факте, что значение не есть факт» [6].

Попытки найти третий путь чаще всего тоже сводятся к прямому или скептическому решению. Однако ошибочно было бы утверждать, что третий путь всё же невозможен. Фактически, нельзя сказать, что прямое и скептическое решение перекрывают все возможные варианты: они оба статичны, и вызывают наибольшие затруднения именно при попытке рассмотреть их в динамике.

Поэтому нам следует искать именно динамическое решение. И, поскольку оба решения часто апеллируют к процессу узнавания слова, здесь можно обратиться именно к проблеме познания слова. Ранее она не раз упоминалась, однако как самостоятельная проблема была поставлена совсем недавно [3].

Надо сказать, что наметки для этого пути довольно широко обсуждаются и Куайном, и самим Витгенштейном. Они рассматривают процесс овладения языком весьма подробно, и утверждают, что именно в процессе изучения того, как человек овладевает словом (неважно, ребёнок ли это, изучающий первый язык, или взрослый, овладевающий новым для себя языком) мы можем ответить на вопрос о значении [2, 5].

Понимаемое субъектом значение не ярлык, жёстко зафиксированный для некоторого объекта. Значение слова вообще означает не полностью и не только деннотируемый объект. К примеру, слово «собака» означает не только сам объект – любое домашнее животное вида «волк» подвида «собака», но некоторую область реальности, включающую вид, запах, звук, тактильные ощущения, причинно-следственную связь, части собаки и даже ассоциации, связанные с собакой, и, вместе с тем, некоторую целостность всего вышеперечисленного. Таким образом, вместо чёткой фиксации значения слова через объект или правило употребления мы обнаруживаем соотносённость слова с некоторой областью реальности.

В процессе познания слова вследствие изменения доступной области реальности или общения с членами сообщества соответствующая познаваемому слову область реальность может меняться, однако в каждый отдельный момент она зафиксирована. Значение слова для сообщества формируется на основе значений слова для отдельных индивидов. Отрефлексированное сообществом объединение и пересечение областей

реальности разных людей, соответствующих одному слову, даёт возможность определить наиболее конкретное и наиболее широкое значение слова соответственно. При этом сообщество при столкновении принципиально разных значений слов имеет широкий выбор действий: от изменения значения слова, выделении нового значения слово до отказа считать человека экспертом, формирующим значение слова или даже исключения человека из конкретного языкового сообщества.

Таким образом, значение слова для каждого человека в каждый момент времени объективно относится к какой-то области реальности, доступной для осмысления. Однако сам человек не всегда может точно определить, что входит или что не входит в эту область. Сообщество фиксирует минимальное и максимальное значение слова, давая возможность более широкой рефлексии по отношению к значению слова.

Конечно, можно заявить, что проблема следованию правилу не сводится только к проблеме значения слова, и что возможность следовать правилу в математике и в языке имеют разную природу: правило, определяющее область реальности, соответствующую слову «собака», весьма гибко, в то время как правило, определяющее, как получить сумму двух чисел, весьма однозначно определено.

Впрочем, здесь мы можем обратиться к позиции К.А. Родина и Е.В. Борисова. Они обращаются к утвердительно-вопросительному предложению Витгенштейна «309. Правило и эмпирическое суждение сливаются друг с другом?», приходя к выводу, что «как предложение не может высказываться о самом себе, так и правило не может быть выражено посредством “правил»» [8].

Литература

1. Борисов Е. В. Проблема Крипке и ее прямое решение // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4 (12). С. 5–14.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
3. Зайкова А.С. Л. Витгенштейн и У. Куайн о познании слова // Философия науки. 2019. №1(80). С. 85–95.
4. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 152 с.
5. Куайн У.В.О. От стимула к науке / Пер. В.С. Нестеренко, В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. 192 с.
6. Суровцев В.А., Ладов В.А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 136 с.
7. Патнем Х. Значение “значения” // Патнем Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 164–234.

8. Родин К.А. К вопросу о статусе проблемы правилосообразности // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 46–52.

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И НЕЙТРАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ

М.В. Исмаилова

Новосибирский государственный университет
ismailova.masha@gmail.com

В рамках традиционного сведения основного вопроса философии к разделению на материализм и идеализм в конце XIX века постепенно обозначился другой путь, заключающийся в том, чтобы признать первичным очевидное, наглядное, и утверждать, что именно оно представляет собой материал для конструирования и природного (естественного), и духовного (культурного) аспектов бытия. Тогда возникло то, что называется уже не просто монизмом, материалистическим или идеалистическим, но конструированием связываемых сторон из первично данного, т.е. нейтральным монизмом.

Именно в этой нейтральности виделось преимущество нового истолкования тождества бытия и мышления. Однако инструмент истолкования, логика, в ее широкой трактовке как содержательной дисциплины, и более того, по определению связанной с мыслительной, субъективно предопределенной способностью человека, сразу указывала на субъективистский характер истолкования тождества. Именно так трактовал логику, например, Хайдеггер, и предшествующие ему философы. Субъект, конечно, может мыслиться как трансцендентный (например, Абсолютный Дух, проявляющий себя, в частности, в индивидуальном сознании) или intersubъективное единство индивидуальных персон, но в любом из вариантов сознание предшествует материи как ее предварительная определенность, форма для некоторого содержания.

При таком истолковании логики как дисциплины, связанной с психологией, нейтральный монизм оказывался не совсем нейтральным. Однако примерно в это же время была создана так называемая символическая, или математическая, логика. Форма мышления была представлена как способ кодирования содержания, а синтаксические категории нарицательных и собственных имен – как элементы мышления, наполняющие эту форму. Семантика (значение знака) реализовалась в синтаксисе (структуре предложения), мыслительные операции преобразования и связи мыслительных единиц – в манипулирование знаками. И тогда конструкции из первично данного стали всего лишь разными истолкованиями выражений естественного языка. Затруднение субъективно ощущаемой первичности одной из сторон – мысли (идеального) или ее объекта (материального) – превратилось в разные способы конструирования, а логика стала набором

тавтологий, позволяющих производить соответствующие отождествление определяющего и определяемого, и при этом не привносить в определение никакой «лишней» информации; как потом стало понятно, тавтологии неинформативны, а значит не влияют на содержательную сторону информации. Так, благодаря идее Витгенштейна, реконструкции физического и культурного содержания знания предстали как равноправные, и нейтральный монизм утверждал себя как «ничья» земля между реконструкциями данной нам реальности духовной или физической (принцип «толерантности» философии от Карнапа и Рассела). При такой трактовке, логика это не теория, а лишь отражение мира. За счет комбинации фактов логическими средствами, отдельные предметы (партикулярии) реконструируются из данных физических или ментальных категорий за счет привязки к пространственно-временным или идеальным мирам путем регистрирующих конструкций, связывающих множество объектов в систему.

Важно это потому что таким же образом можно получить и научные объекты. Логика переосмыслена в сциентистском духе реализма. Объект научного исследования находится в индивидуальной области, предмет идентифицируется набором предикатов, включающих его в систему свойств и отношений объектов из предметной области. Те объекты из области, которые под предикаты не подходят ни в одной из двух конструкций – не существуют. Если подходят из одной – это физический объект, из другой – ментальный.

Выведение научных объектов представляет собой конструкцию, стол Рассела появляется как сконструированный из элементарных сущностей, найденных теоретическим способом [2. С. 25]. Это похоже на атомы Демокрита, корпускулы, электроны, либо же, как другой вариант – ощущения, восприятия, представления. И выведение тогда – это нахождение такого элементарного путем анализа и затем построение путем синтеза, т.е. конструирование из наличного знания дедуктивной (упорядоченной) теории [2. С. 46]. Эта упорядоченность в данном случае есть вариант “экономии мышления”, ибо порядок – суть экономия, а наведение его – реализация бритвы Оккама. Порядок восприятий обеспечивают формы чувственного созерцания, а именно – интуиция пространства и времени. Они пусты, а наполняют их 1) снаружи воздействия того, что за пределами сознания (объекты превратившиеся в предметы); 2) то, что изнутри ощущения, то что репрезентирует эти предметы для нас в формах пространства и времени. Чем обусловлен порядок снаружи узнать невозможно, а внутренний порядок обусловлен пространством и временем. Граница между этими порядками – точка схода, отображение двух систем на одну плоскость. Формы созерцания, т. е. интуиции – инструменты восприятия объектов, их можно назвать и формами существования материи. И вот она, нейтральность: из ощущений конструируем и атомы (условно), как представление о вещах самих по себе, и наблюдаемый стол. Две системы из порядка математического и логического.

Таким образом, особое понимание логики, тождества в процедуре определения, отказ от психологизма при кодировании информации в

логических структурах языка привели к особому пониманию монизма в начале XX века. Слово «монизм» меняет свое значение, и обозначает теперь единство физического и ментального описаний в каждом отдельном случае. Именно в этой методологической универсализации двух подходов и состоит «нейтральность» нового монизма, когда философская трактовка мира вещей совмещает как физическую, так и ментальную характеристики отдельных предметов. Парадокс в том, что это новое единство, не субстанциональное, а методологическое, обозначают словом «монизм», указывая на логическую всеобщность объяснения отдельных вещей и событий. Субстанциональное единство классической философии становится логическим единством при трактовке множественности вещного и событийного мира. Возможность совместить трактовки партикулярный (как вещных и одновременно духовных единиц) обозначается теперь как тот самый монизм, который «нейтрален» как философская реконструкция идеи «тождества бытия и мышления» (философской аксиомы, выражающей в традиционной философии тезис о познаваемости мира). Понятно, что в силу своей философской созерцательности такой монизм относительно независим от основанного на опыте научного знания, и в этом смысле философски нейтрален по отношению к науке, хотя как идея представляет собой шаг вперед в реализации концепции «единой науки» о мире во всех его проявлениях.

Литература

1. Рассел Б. Философия логического атомизма / Пер. Г. И. Рузавина // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология. Общ. ред. А. Ф. Грязнова. М., 1998.
2. Elkind L. D. C., Landini G. The Philosophy of Logical Atomism: A Centenary Reappraisal. Springer, 2018.

АРГУМЕНТ С. ШУМЕЙКЕРА ОТ САМОЗАБЛУЖДЕНИЯ: ВОЗМОЖНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ

О.А. Козырева

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
olgakozyreva@mail.ru

Традиционно проблематика знания о себе (self-knowledge) строится вокруг критики картезианского представления о том, как возможно знание агентом своих ментальных состояний. Одним из основных аспектов такого представления является методологический аспект, суть которого состоит в определении того, имеется ли у агента особый – отличный от способа познания объектов внешнего мира – способ познания своих ментальных состояний, который гарантировал бы сохранение отличительных свойств полученного агентом знания об этих состояниях, а именно непогрешимости, неисправимости, бесосновности и непосредственности. В картезианстве

признается наличие у агента такого особого способа познания – интроспекции, которая определяется как способность агента приобретать знание об имеющихся у него на данный момент ментальных состояниях. Эта когнитивная способность агента функционирует по аналогии со способностью к восприятию объектов внешнего мира, представляя своего рода квазивосприятие, и основывается на допущении прозрачности ментальных состояний агента для самого себя, из которого следует истинность всех высказываний агента о ментальных состояниях, обнаруженных им с помощью интроспекции.

Представление об интроспекции как о квазивосприятии подвергается критике по многим причинам. Наиболее содержательно эту критику осуществил С. Шумейкер. Выделяя восемь основных аспектов обыденного восприятия объектов внешнего мира (см.: [5. Р. 204–206]), он утверждает, что интроспективное знание агентом своих ментальных состояний не соответствует ни одному из них и, следовательно, не должно рассматриваться по аналогии с обыденным восприятием. Для доказательства своей идеи о том, что интроспекция не является квазивосприятием, С. Шумейкер развивает аргумент от самозаблуждения (см.: [6. Р. 224–226]): (1) если концептуально возможно помыслить самозаблуждающегося агента – т. е. такого агента, у которого наличествовала бы рациональность и интеллект и который владел бы понятием убеждения, но у которого отсутствовала бы осведомленность от первого лица о своих убеждениях – то интроспекция является квазивосприятием. (2) Однако помыслить самозаблуждающегося агента концептуально невозможно, так как отличить самозаблуждающегося агента от агента, обладающего осведомленностью о своих ментальных состояниях, по их поведению невозможно, поскольку оба являются рациональными и обладают интеллектуальными и концептуальными способностями, которые не позволяют им впадать в парадокс Мура и выносить такие утверждения, как «идет дождь, но я в это не верю» (см.: [4. Р. 34–42]). (3) Следовательно, интроспекция не является квазивосприятием.

Возражения аргументу от самозаблуждения связаны с неоднозначностью его посылок и отсутствием очевидного следования. Так, вслед за Д. Финкельштейном (см.: [1. Р. 114–116]), можно поставить под вопрос посылку (2), предполагая, что сторонник картезианства будет настаивать на том, что отсутствие у агента осведомленности о своих ментальных состояниях влияет на его рациональность, интеллект и концептуальные способности, и, следовательно, возможно отличить самозаблуждающегося агента от рационального агента, обладающего осведомленностью о своих ментальных состояниях, по их различающемуся поведению. Можно также сомневаться в наличии следования от (2) к (3): Б. Гертлер полагает, что «для того чтобы успешно поставить под сомнение теорию внутреннего чувства, Шумейкеру надо было показать, что процесс интроспекции отличается от процесса восприятия. Но он показал только то, что интроспекция существенно отличается от восприятия по своей

рациональной значимости; а этот вывод совместим с теорией внутреннего чувства» [2. P. 158–159].

Наиболее интересное возражение аргументу С. Шумейкера выдвинула Э. Кайнд (см.: [3. P. 44–47]). Она указывает на то, что та часть его аргументации, которая основывается на допущении того, что самозаблуждающийся агент по определению впадает в парадокс Мура, полностью зависит от сведения понятия знания о себе к понятию знакомства с собой (self-acquaintance). Так как С. Шумейкер формулирует понятие самозаблуждения в терминах знакомства с собой, а не в терминах знания о себе, то его самозаблуждающийся агент страдает не от отсутствия знания о себе, а от отсутствия знакомства с собой, что не предполагает необходимости отказываться от представления об интроспекции по аналогии с обыденным восприятием, потому как понятая таким образом интроспекция совместима со знанием о себе, приобретаемым посредством свидетельств от третьего лица в отсутствии знакомства с собой.

Несмотря на справедливость приведенных возражений, они опираются только на явные посылки аргумента С. Шумейкера и выпускают из вида обоснование аргумента как такового. С. Шумейкер отмечает, что представление об интроспекции как о квазивосприятии основывается на двух условиях: причинно-следственное условие определяет, что высказывания агента о его ментальных состояниях являются прямым следствием этих ментальных состояний, в то время как условие независимости утверждает реальное существование ментальных состояний в независимости от того, знает агент о них или нет. Однако его аргумент (неважно, действительно успешен он или нет) нацелен на опровержение второго условия, а первое условие остается незатронутым. Для того чтобы С. Шумейкер мог продемонстрировать неверность представления об интроспекции как о квазивосприятии, он должен опровергать не только второе условие этого представления, но и первое. Дело в том, что, не показав, что высказывания агента о своих ментальных состояниях могут отсылать не к ментальным состояниям, а к социально закрепленным формам говорения о них, он оставил сторонникам картезианства возможность разграничения на язык, который отсылает к объектам реального мира, и язык, который отсылает только к самому себе, которые в действительности отличить друг от друга проблематично. Таким образом, аргумента С. Шумейкера от самозаблуждения недостаточно для того, чтобы опровергнуть картезианское представление об интроспекции как о квазивосприятии.

Литература

1. Finkelstein D. On Self-blindness and Inner Sense // *Philosophical Topics*. 1999. Vol. 26. № 1, 2. P. 105–119.
2. Gertler B. *Self-knowledge*. Oxford: Routledge, 2011.
3. Kind A. Shoemaker, Self-Blindness and Moore's Paradox // *The Philosophical Quarterly*. 2003. Vol. 53. № 210. P. 39–48.

4. Shoemaker S. On Knowing One's Own Mind // Shoemaker S. The First Person Perspective. Cambridge, 1994. P. 25–49.

5. Shoemaker S. Self-knowledge and «Inner Sense». Lecture I: The Object Perception Model // S. Shoemaker The first-person perspective and other essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 201–223.

6. Shoemaker S. Self-knowledge and «Inner Sense». Lecture II: The Broad Perceptual Model // Shoemaker S. The First Person Perspective. Cambridge, 1994. P. 224–245.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ КРИТИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСТОРИКА ФИЛОСОФИИ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ XX ВЕКА

А.С. Кондакова

Санкт-Петербургский государственный университет
alyshek@mail.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ,
проект №17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»*

Философия существует в незавершенном виде. И даже более того, быть незавершенной – ее единственно возможно состояние и условие существования вообще. Подобной точки зрения придерживался и Теодор Адорно, начавший свою работу «Негативная диалектика» со следующего рассуждения: «Философия, которая с давних пор представляется преодоленной, снятой, продолжает жить, потому что момент ее воплощения в действительности оказался упущенным, непонятым, невостребованным» [1. С. 8]. Жиль Делёз и Феликс Гваттари в работе «Что такое философия» так же заявляют, что «философия — это непрерывное творчество концептов» [4. С. 18], которое не может быть остановлено, переведено в иной регистр бытия, не соотносящийся с пространством творчества. Таким образом, невозможность реализации философии относится к объективной действительности, что отличает ее от культуры, науки, природы и общества, что также отмечают Делёз и Гваттари [Там же. С. 15–16]. Если же допустить, что концепты – лишь побочный эффект философии как становления, однако нет идеального, завершающего концепта, т.к. философия непрерывна в своем творчестве, а значит, ее стремление к завершенности (реализации, ретерриториализации) безуспешно, хотя и присуще ей, как любому виду знания. Следовательно, представив философию во временных категориях прошлого (рефлексия), настоящего (опыт) и будущего (мотив), обнаружим, что будущим философии, ее мотивом, является идеальный, но недостижимый концепт, что и делает ее непрерывной, настоящее представляется через творчество как таковое, опыт и деятельность, а прошлое

философии – ее концепты, появляющиеся как бы невзначай, вследствие стремления к абсолюту.

У Адорно обнаруживается схожая идея: что есть стремление к «сказать о том, что не поддается высказыванию» [1. С. 16], как не прекрасное в своей интенции устремление к недостижимому? Если вновь разложить философию на временные категории, но уже в терминах Адорно, окажется, что понятие («обустраивающее, отсекающее и изолирующее») принадлежит именно рефлексии, т.е. прошлому, суть которого в обустройстве и конструировании заданной реальности. Философия же находится в постоянном, но безуспешном стремлении к будущему, и в этом стремлении все понятийные искажения отбрасываются, и достигается то, что Адорно называет *непонятийным*. Основной мотивацией философии является момент реализации, который вечно от нее ускользает.

Итак, отмечено главное: невозможность реализации философии ввиду ее сущности – становления. Однако, *мир* не может устраивать то, что один из его элементов не может найти себе место в нем же, следовательно, реализация добровольная должна смениться реализацией – насильственной возвращением к корням. Делёз и Гваттари отмечают, что философия должна отвернуться от истории, чтобы создать что-то новое [4. С. 52], и при этом философия всегда исходит из определенной *территории* [Там же. С. 125], но все же ее устремление – это стремление к утопии, к определенной территории главенства концепта над естественным, произвольного над интуитивным. У Делёза и Гваттари это отмечается, когда они рассуждают о том, что философия стремится к главенству демократии [Там же. С. 133], но это невозможно из-за капитализма [Там же. С. 137], получается, что достичь утопии философии мешает нечто присущее ей самой (как капитализм присущ демократии и наоборот); в этом и заключается парадокс реализации философии.

Но тем не менее, парадоксальная невозможность реализации философии приводит, как уже было отмечено, к замене добровольной реализации на насильственную. И там, где были утопия и философия появляются тирания и идеология. Ответственным за *возвращение к корням* является историк философии, который возвращает философию, устремлённую к будущему, назад в память, в рефлексии и прошлое – на ту территорию, что ему доступна. Так порождается диктат истории над философией. И долг историка философии – усмотреть социальную общность в непрерывности становления, а точнее приписать первую второй. Поэтому история философии имеет репрезентативный характер, а значит, и характер диктата. Индивидуальное сознание историка философии является культурным конструктом, и вследствие этого – инструментом культуры. Историк философии надзирает за философией, категоризирует, поправляет и отмечает лишнее, переводит язык философии на язык культуры, вписывая бесконечное становление в контекст конкретной культуры, которая, в свою очередь, задает концептуальный фон идеологии для расширения тирании. Таким образом, рационализм стал расширением либерально-демократической тирании, а

шизофрения стала возможностью освобождения от последней (см. Анти-Эдип, Делёз и Гваттари).

Историк философии является тем, кто устанавливает внешние границы философии, т.е. занимается ее встраиванием в определенный контекст, или систему координат. В этом и заключается его *ответственность* перед культурой, породившей его – актуализировать диктат контекста над содержанием, фона над объектом. И в этом смысле представляется интересной ситуация историко-философских подходов Жоржа Политцера [2] и Жюль Делёза [3] в рассмотрении ими философии Анри Бергсона, поскольку не только историческая дистанция между ними невелика, но и на уровне убеждений можно отыскать нечто схожее: и Политцер, и Делёз определяли себя в качестве марксистов, занимались вопросами человеческой психики, обоим было близко материалистическое понимание мира. Однако при всей идейной близости, их трактовки одного и того же учения оказываются диаметрально противоположными.

Таким образом, история философии оказывается непосредственным продуктом личности историка философии, а также его политических воззрений как неотъемлемого элемента социального конструирования личности. Именно наличие определенных политических взглядов и интуиций во многом определяет форму историко-философского труда, являясь той точкой отсчета, которая задает положение последнего. Исходя из всего выше сказанного можно сделать вывод, что любой историко-философский труд есть не что иное, как сознательное или бессознательное создание идеологемы, т.к. неизбежным образом несет на себе отпечаток личности своего создателя, то есть историка философии. А значит, что любой философский концепт или система никогда не предстают перед историком философии в своей «чистоте», но всегда как политические конструкции.

Литература

1. Адорно Т. Негативная диалектика. М: Издательство «АСТ», 2014.
2. Вормс Ф. Как Бергсон вводит проблему жизни во французскую философию XX века // Логос. 2009. № 3 (71). С. 45–59.
3. Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб: Наука, 2004. С. 12–17.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб: Алетейя, 2013.

THE PROBLEM OF INTERCONNECTIVITY: WHY CLIMATE CHANGE IS ALSO A PHILOSOPHICAL CRISIS

E. König

Institute of Philosophy, Free University of Berlin, Germany
eliaskoenig@gmx.de

Climate change confronts Anglo-European philosophy with its pivotal failure to acknowledge the fundamental entanglement of *human* and non-human life-forms, a property I shall subsequently call interconnectivity. This should lead us to re-

consider some of the very foundations of post-Enlightenment Western philosophy and turn to approaches that can be found beyond just that tradition.

The relationship of a society with nature is shaped by the basic philosophical premises of such culture. In the case of Imperial China, for example, it was the ancient Han-Confucian idea of the mandate of heaven, in medieval Christian societies the idea of creation, and in some indigenous South American societies it is the conception of Pachamama (often mistranslated as Mother Earth). In post-Enlightenment Europe, however, whose (violently exported) intellectual heritage continues to shape the production of theory in many parts of the world, the *human* was placed at the center. Nature played at best a secondary role. It was to be dissected, measured and investigated – to eventually be utilized and exploited even more efficiently by humans. “*Let the human race recover that right over nature which belongs to it by divine bequest*”, wrote Francis Bacon, one of the pioneers of the Enlightenment [1]. Bacon’s French contemporary René Descartes is known for his insistence that animals are nothing but automata [2]. While Bacon and Descartes were still guided by a certain religious pathos, the succeeding secular humanism entered a Faustian deal. It was able to guide and theoretically underpin the liberation of man from higher powers, without, however, questioning the premise of the cosmic exceptionality of man. Nature became the “environment” (from French *environ*, surrounding), a term that principally inscribes the centrality of the human. In many ways the artificial elevation of the human only reached its peak during the era of secular humanism. Humans replaced God at the top of the pyramid of beings, without calling into question the logic of the pyramid itself. For instance, Western philosophers always understood Kant’s famous fourth philosophical question – “What is the human being?” – was understood by Western philosophers to be mainly a question of the definition of the human in contrast to animal and machine. The tacit assumption was always that humans were distinct enough from their surroundings, by virtue of their *mind* or otherwise, to be analyzed as a completely separate category.

A quick glimpse into recent biological research suggests that this proposition is rather untenable: Studies suggest, for example, that only less than half of the human body actually comprises of human cells. The rest are bacteria, fungi, viruses, and other microscopic colonizers. Humans are in very basic sense symbiotic beings. Other disciplines are also increasingly concerned with the entanglements of the human and nature. Anthropologist Anna Tsing for example studies the interconnections of human life and Matsutake mushrooms in her latest book [3], and historians are debating the role of agriculture in the formation of the state.

Almost all philosophical traditions have thematized and theorized interconnectivity better than the post-enlightenment Anglo-European (Western) philosophical tradition. According to the metaphysical system of many Mesoamerican thought systems, for example, humans and animals can share essences [4]. In the philosophical thought of the West African Yoruba, the responsibility of humans for their fellow human beings and the environment is a core tenet [5]. Even in the old and rich philosophical traditions of India and China we find numerous approaches to theorize interconnectivity. One example is Qi, a term from

classical Chinese philosophy. Qi denotes a universal life force that connects and is exchanged by all living beings. Air pollution, but also exploitation are said to lead to an imbalance of Qi. Until today, protesters in China recur to Qi when articulating their demands. Another example is the Idea of connection of all live forms in Indian philosophy that is rooted, for instance, in concepts like Dharma and Karma.

As Historicist Peter Park has shown, many non-European philosophical schools were discussed prominently in most European philosophy textbooks until the early 18th century [6]. This changed, however, with rise of colonial imperialism and scientific racism. Non-European people were per se denied the ability to think, and as a consequence their contributions were excluded from the canon. The consequences of this exclusion live on until today, in Eurocentric curricula, racist structures, and the exoticizing of non-European ways of thinking.

Climate change shows that Western ignorance can have very material consequences. After centuries of living in an economic system that is connected to the name of Adam Smith (another Enlightenment philosopher) more than anyone else, it has become clear that the resources of this planet are rapidly depleting. Capitalism has managed to create unprecedented, albeit unequally distributed, societal wealth. But it does not provide us with any mechanisms to consider the interests of future generations or non-human beings. As historicist Jean-Francois Mouhot writes, it is not accidental that the formal abolition of slavery coincided with the rise of fossil fuel use [7]. This is one example of the emancipation of humans on the back of nature – Enlightenment par excellence, but with fatal consequences. Unprecedented desertification, mass extinction, sea level rise, pollution, and an increasing number of natural disasters are outcomes of the same kind of thinking.

The climate crisis we are facing is therefore also a philosophical crisis. It is the crisis of a mode of thought that is quite literally taking the bread out of its own mouth. In formulating a new philosophy for the twenty-first century, we need to take *interconnectivity* into account, and we need to look beyond the post-Enlightenment Western modernity, which is characterized by coloniality and human exceptionalism.

References

1. Bacon, Francis. *The New Organon: Or True Directions Concerning The Interpretation of Nature*. Web. Jonathan Bennet, 2005. URL: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/bacon1620.pdf> (Retrieved 18.08.19).
2. Harrison, Peter. Descartes on Animals. *The Philosophical Quarterly*, Vol. 42, No. 167 (April 1992): 219–227.
3. Tsing, Anna. *The Mushroom at the End of the World*. Princeton: Princeton University Press, 2015.
4. McLeod, Alexus. *Philosophy of the Ancient Maya*. Lexington Books, 2018
5. Ogunade, Raymond. Environmental Issues in Yoruba Religion: Implications for Leadership and Society in Nigeria. *Science and Religion: Global Perspectives*. Metanexus Institute, 2005. <http://www.metanexus.net/archive/conference2005/pdf/ogunade.pdf> (Retrieved 18.08.19).
6. Park, Peter KJ. *Africa, Asia and the History of Philosophy*. Albany: State University of New York University Press, 2013.

7. Mouhot, Jean-François. Past connections and present similarities in slave ownership and fossil fuel usage. *Climatic Change* 105 (2011): 329–355.

КОНЦЕПЦИИ «ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ» В НЕОПРАГМАТИЗМЕ (Р. РОРТИ И Р. ШУСТЕРМАН)

Ю.С. Магомедова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
yulia15051988@mail.ru

Трудно не присоединиться к высказыванию финского философа Хенрика Риденфельда, который отмечает: «Сейчас мы переживаем то, что можно назвать прагматистским бумом. Видные философы самой разной ориентации спешат заявить о себе как о прагматистах» [1. С. 147]. Несмотря на многообразие словарей, методов, проблем, обсуждаемых в рамках прагматистского дискурса, можно обозначить их общую тональность: неопрагматисты (Р. Рорти, Х. Патнэм, К. Уэст, Р. Бернштейн и др.) выдвинули лозунг «регуманизации» философии, возвращения ее человеку. Этот прагматистский твист оказывается своеобразным ответом на колонизацию философского поля эпистемологией, или, как выразился Дьюи, на тенденцию превращения философии в «эпистемологический конвейер» [1. С. 37]. Так, на фоне критики кантианского тройного различения познания, нравственности и эстетики Рорти выстраивает собственную концепцию «эстетической жизни», которую подхватывает и развивает Р. Шустерман. При этом одной из ведущих стратегий прагматически ориентированных философов оказывается расширение сферы эстетики за пределы искусства, преодоление дисциплинарных матриц. Восстановим рортианскую логику мысли на пути к концепции «эстетической жизни»:

1) Платонизм Канта и «вывернутый наизнанку платонизм» Ницше задают словарь редукционистской моральной философии [2. С. 60]. Кант неправомерно заимствует метафору из сферы феноменального ради обоснования самости: «Нравственность в глубине нас занимает место эмпирической истины вовне» [2. С. 55].

2) Фрейд раз-божествляет самость, указывая на историческую обусловленность нравственного сознания, де-универсализирует моральное чувство.

3) Нравственное чувство в то же самое время – эстетическое чувство.

Итак, для Рорти имеет ценность детализация морального дискурса, где благоразумие – лишь одна из всех возможных форм адаптации, где между приватным и публичным есть дистанция. С отсутствием «природы» человека и возникает необходимость в эстетической жизни, где сфера должного отдается на откуп творчеству, самосозиданию «в соответствии со своими лучшими способностями» [2. С. 117]. Архетипическими представителями

«эстетической жизни», согласно Рорти, являются «либеральный ироник» и «сильный поэт», задачей которых является создание собственного вкуса, который одновременно был бы и судьей над ними.

Версия «эстетической жизни» Шустермана – продолжение интенций Рорти. Однако, полемизируя с Рорти, он расставляет иные акценты. Полностью соглашаясь с антиэссенциалистской трактовкой человека и, как следствие, выбором жизненной стратегии согласно «эстетическим императивам», Шустерман, тем не менее, выступает против пафоса новизны. Так, по его мнению, Рорти неверно толкует сущность эстетического и художественного творчества как постоянного обновления, как поиск новых словарей. С точки зрения Шустермана эстетическая жизнь не должна противопоставляться жизни аскетической, «центрированной». В страхе быть «изящной вариацией ранее написанных поэм» он видит принуждение к уникальности. Такое принуждение является «философским двойником, консьюмеристского требования максимизировать потребление» [3. Р. 255–256]. «Сегодня в литературных и культурных исследованиях, похоже, существует давление новизны и различия, которые иногда вырождаются в менталитет “аромата месяца”» – такую оборотную сторону медали подмечает Шустерман, подвергая критике рортианский этический идеал либерального ироника, который в постоянном поиске новых словарей оказывается «эхом потребительского поиска новых товаров», эхом неолиберального капитализма [5. Р. 59].

Кроме того, по его мнению, неустанный поиск оказывается помехой формированию собственного «Я», в трактовке с которым он также не соглашается с Рорти, полагая, что использование идеи Макинтайра о «единстве “Я” как единстве нарратива» свидетельствует о схоластическом «академизме», лингвистическом эссенциализме: «Я настаиваю на том, что в дополнение к важности языка существует непропозициональное соматическое измерение опыта, которое важно учитывать» [5. Р. 58]. Шустерман также реабилитирует понятие опыта, которое Рорти, по его мнению, отвергает как философски бесполезное и опасное.

Проект Шустермана предполагает подключение многообразного телесного опыта с акцентом на рассмотрении телесности как центра чувственно-эстетической оценки. Цель его сомаэстетики – определение путей творческого самоконструирования и изучение эстетических технологий формирования телесности [4]. Обозначим цели, которые преследует Шустерман:

1) возродить идею Баумгартена об эстетике как дисциплине, улучшающей жизнь (*life-improving cognitive discipline*), выходящей за рамки теории искусства и включающей практические упражнения;

2) положить конец забвению тела, которое Баумгартен характеризовал при помощи термина «плоть», нагруженного смыслом греховности (пренебрежение было усилено идеалистической традицией эстетики XIX века);

3) предложить расширенную, соматически центрированную область сомаэстетики, что позволит философии более успешно выполнять свою изначальную роль как искусства жизни.

Литература

1. Прагматизм и его история: Современные интерпретации / Отв. ред. И. Джохадзе / Пер. с англ.: А. Веретенников, И. Джохадзе, А. Жаворонков, Г. Золотков, Е. Коростиченко, Ю. Россиус, А. Чикин. М., 2018.
2. Порти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.
3. Shusterman R. Pragmatist Aesthetics: Living Beauty, Rethinking Art / New York: Rowman and Littlefield, 2000.
4. Shusterman R. Somaesthetics: A Disciplinary Proposal / R. Shusterman // Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1999. Vol. 57, № 3. P. 299–313.
5. The Pragmatist Aesthetics of Richard Shusterman: A conversation / Interviewed by G. Leypoldt // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik: A Quarterly of Language, Literature and Culture. 2000. Vol. 48(1). P. 57–71.

РАЗНОГЛАСИЕ КАК УСЛОВИЕ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ

Д.К. Маслов

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
denn.maslov@gmail.com

Работа подготовлена при поддержке РФФ, проект № 18-78-10082 «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории»

Современная общественно-политическая ситуация в западном культурном пространстве актуализирует теоретические проблемы на стыке политики и эпистемологии. В частности, после выборов Трампа в качестве президента США, с одной стороны раздаются возгласы о смерти экспертизы. Т. Николс [2, 8] указывает, что размывание категории «эксперт» грозит тем, что всякий может считаться экспертом по любому вопросу. Очевидны катастрофические последствия этого положения, в случае если противники вакцинации получат статус эксперта. С другой стороны, предлагаются экстравагантные проекты по поддержанию роли экспертов в политической жизни во избежание роста популизма и в поддержку ответственной политики. Дж. Бреннан [5] предлагает введение *эпистократии* для предотвращения негативной роли некомпетентных, как он утверждает, избирательных масс на государственные институты. Очевидно, он исходит из платонической предпосылки о том, что политические решения должны приниматься на основе знания, отсюда вытекает вес экспертов для политической жизни. В ином случае, политическая система находится под угрозой.

Дж. Рис (Reiss) и Г. Ориggi напротив считают, что политическая роль экспертов должна быть ограничена (“[e]xperts need to be kept in check, not given more power”, [10, с. 191]). Г. Ориggi [9] подчеркивает инструментальный характер экспертного знания и указывает на необходимость различения политического и эпистемического авторитетов. В этом явно усматривается

аристотелевский подход к политике и познанию, который исследователь восприняла через Х. Арендт. В то же время Дж. Рис [10] идет далее и указывает на то, что эксперты (в области социального знания) не могут претендовать на доминирующее влияние в политической сфере, поскольку сами не отвечают критериям экспертного знания и, следовательно, должны быть ограничены. В качестве аргументов он приводит тезисы, что эксперты находятся в постоянном разногласии, а также предубеждены в пользу догмы той школы, к которой они принадлежат. Эти аргументы по существу воспроизводят возражения Секста Эмпирика против ученых и философов [4, РН II 38]. Кроме того, следуя линии Секста, можно поднять возражение следующего характера: мы не можем проверить сведения эксперта, поскольку не будучи экспертами сами, находимся в худшем эпистемическом положении и должны верить эксперту на слово. Что делать, если эксперт решит обмануть нас по каким-либо причинам? В этом отношении достаточно вспомнить идею Платона о «благородной лжи» в его проекте государства [3, *Rep.* III 414e–15c].

Таким образом, встает вопрос теоретического характера, относящийся к компетенции социальной эпистемологии, а именно: насколько мы обоснованы в нашем доверии к экспертам?

Общий концепт знания с чьих-то слов (*testimonial knowledge*) показывает, что при определенных условиях мы должны принимать авторитет «социальных свидетельств» и верить тому, что нам говорят (разумеется, тут не ставится проблема глобального скептицизма какого-либо вида). В противном случае, мы лишаемся огромного количества наших знаний и будем вынуждены любое знание добывать сами, что представляется практически невозможным и нежелательным. Мы имеем хорошие основания полагаться на авторитет свидетельств (*testimony*), если это помогает нам достичь знаний и эти свидетельства могут выстоять рефлексивную проверку, согласно концепции Л. Загзебски [1, 11]. Не только в процессе воспитания и социализации, но и в обычной жизни, в научной и т.д. практике мы полагаемся на свидетельства других людей без того, чтобы перепроверять их, только в случаях, когда соблюдены определенные условия, если свидетель занимает эпистемически привилегированное положение, не предвзят, не имеет мотива для обмана и т.д. Экспертное знание есть частный случай такого знания с чьих-то слов (*testimonial knowledge*), при котором эксперт обладает практически неоспоримым эпистемическим авторитетом в силу того, что он обоснованно, т.е. используя надежный метод познания, обладает значительным количеством истинных мнений по определенному вопросу [6, 7]. В случае с экспертным знанием также должны быть выполнены условия для доверия эксперту. В то же время, мы располагаем эпистемическими инструментами для проверки и выявления возможной лжи эксперта, и центральным (но не единственным!) из этих средств является разногласие среди экспертов, которое покоится на проверяемости научных высказываний. В эмпирических условиях экспертное разногласие является индикатором возможных злоупотреблений экспертом его авторитета и могут привести к опровержению его свидетельства и

снижению или потере им его эпистемического авторитета. Такая проверка гарантирует общую достоверность экспертного знания и позволяет выявлять случаи вольных или невольных ошибок со стороны экспертов. Это указывает на полезную роль разногласия в познании.

Литература

1. Загзебски Л. Эпистемический авторитет: современная либеральная защита // Эпистемология и философия науки. 2017. Вып. 53, № 3. С. 92–107.
2. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. М.: Бомбора, 2019.
3. Платон. Государство // Сочинения в 3 томах. Т. 3. Ч. 1. М.: Наука, 1971.
4. Секст Эмпирик. Пирроновы основоположения // Сочинения в 2-х томах. Т. 2.
5. Brennan J. Against Democracy. Princeton University Press, 2016.
6. Goldman A. Expertise // Topoi 37. 2018. P. 3–10.
7. Goldman A. Experts: Which one should you trust? // Social epistemology. Essential readings. Ed. by A. Goldman and D. Whitcomb. New York: Oxford University Press, 2011. P. 109–133.
8. Nichols T. The Death of Expertise [Электронный ресурс] // The Federalist. 2014. URL: <https://thefederalist.com/2014/01/17/the-death-of-expertise/> (дата обращения: 10.07.2019).
9. Origi G. What Is An Expert That A Person May Trust Her? Towards A Political Epistemology of Expertise // Humana.Mente. Journal of Philosophical Studies. 2015. Vol. 28. P. 159–168.
10. Reiss J. Expertise, Agreement, and the Nature of Social Scientific Facts or: Against Epistocracy // Social Epistemology. Vol. 33. No. 2. 2019. P. 183–192.
11. Zagzebski L. Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief. 2012. Oxford: Oxford University Press. 279 p.

ОБЪЯСНЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОЦИОЛОГИИ: ПРОТИВ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ П. УИНЧА

А.Ю. Моисеева

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
ajumo@yandex.ru

Работа подготовлена при поддержке РФФ, проект № 18-78-10082 «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории»

«Возможна ли социология как наука?» – так, отдавая дань Канту, можно было бы сформулировать главный вопрос, которым задается Питер Уинч в книге «Идея социальной науки и ее отношение к философии» [1]. Вопрос выглядел бы совершенно праздным и неуместным, поскольку социология уже

в момент своего рождения была наречена «социальной физикой» [2] и конструировалась как наука, если бы не тип аргументации, которую использует П. Уинч для отрицательного ответа на него. Опираясь на философию позднего Витгенштейна, он разделяет методы познания на эмпирические, характерные для естественных наук, и концептуальные, характерные для философии [1. Р. 9]. Эмпирические методы в рамках социологического исследования бьют мимо цели, поскольку успешность их применения к социологии зависит от предположения о том, что «между духовными состояниями существуют единообразия последовательностей и что единообразия эти можно устанавливать при помощи наблюдения и опыта» [3. С. 774]. Но Уинч отрицает возможность однозначного установления подобного единообразия в предмете социологического исследования, так как критерий тождественности, необходимый для фиксирования чего-либо как единообразного, является результатом применения некоторого правила. Правила понимаются социологом иначе, чем самими социальными акторами, поэтому социолог получает свой объект исследования изначально искаженным. Таким образом, заключает П. Уинч, эмпирические регулярности не могут изучаться в рамках социологии, социология должна ограничиваться изучением правил, которые разделяет то или иное сообщество, т.е. представлять собой концептуальный анализ. Наша цель – показать, что значение идей П. Уинча для методологии социологических исследований не так велико, как можно было бы предположить, поскольку необходимость концептуального анализа в социологии очевидна, но также очевидно и то, что он не является исчерпывающим.

Методологическую критику Уинча можно было бы воспринимать как призыв социологов к тому, чтобы сделать свою науку более «понимающей», более «качественной» и «гуманистической», к тому, чтобы больше внимания уделять в процессе исследования ценностям и целям людей. Однако, судя по всему, Уинч имел в виду нечто существенно более сильное, а именно что социология вообще не способна к какому бы то ни было производству знания как чего-то такого, что никто ранее не знал. По крайней мере, такую точку зрения защищают его современные последователи, авторы книги с характерным названием «Нет такой вещи как социальная наука: в защиту Питера Уинча» [4] Ф. Хатчинсон, Р. Рид и В. Шеррок. Более того, они утверждают, что этот вывод является неизбежным, если серьезно относиться к аргументу Уинча. Ход их рассуждений, вкратце, следующий. То, что сами социальные акторы обладают собственным пониманием своих действий, ставит социолога в неудобную позицию конкуренции с исследуемым им объектом. Чтобы выйти из этой конкуренции победителем, социолог приписывает себе роль привилегированного наблюдателя и интерпретатора. Он утверждает, что обладает особым методом познания социологической реальности, более «объективным» и поэтому более надежным, чем те методы, которыми пользуются непрофессионалы. Он намекает на множество факторов (таких как идеология, личная заинтересованность и эмоциональная

вовлеченность), способных исказить, сделать ошибочным их понимание собственных действий, и обещает помочь исправить эти ошибки. Подчеркивая свою значимость в качестве такого привилегированного интерпретатора для интерпретируемого им общественного порядка, он претендует на высокий статус внутри этого порядка или по отношению к нему и получает искомый статус. Между тем, говорят авторы книги, та «реальность», которую описывает действующий подобным образом социолог, является его собственным творением. Ведь задача социолога как ученого должна бы состоять в том, чтобы описать, что движет социальными акторами, когда они действуют тем или иным способом, а что может ими двигать, кроме их собственного понимания ситуации? Да и сам способ, которым действуют социальные акторы, если он идентифицируется социологом не так, как первично идентифицируют его сами эти акторы, идентифицируется им неверно, необоснованно. «Соответствующий критерий идентификации “деятельности, которую необходимо объяснить” не принадлежит социологическим или каким-либо иным теоретическим схемам и не выводится из них, а [берется] из социальных условий (settings) в которых происходит деятельность» (Цит. по: [5. С. 139–140]). Таким образом, социология либо фиктивна, либо излишня.

Однако, на наш взгляд, реконструкция социологии как науки, проведенная П. Уинчем и его последователями, ошибочна. В действительности социолог стремится объяснить не само действие, а его описание. Поэтому дихотомия, которая используется в социологии, сводится не к разделению действий на «реальные» и «явленные» [6. С. 77], а к разделению описаний. Это разделение может, по аналогии с научными теориями, опираться на богатство эмпирического содержания, т.е. на количество следствий, потенциально допускающих фальсификацию. Некоторые описания можно считать проверяемыми. Например, в том, что в некоторый исторический период, в определенной местности, женщину, пекшую хлеб в Благовещенье и спровоцировавшую тем самым засуху, обливали водой для вызова дождя, можно удостовериться эмпирически. В подобных описаниях «субъективный» и «объективный» смысл действия практически совпадают, т.е. описание действия акторами будут неотличимы от описаний этих действий социологом (который может как пересказывать акторов, так и опираться на письменные или иные источники). Другие, более общие описания, такие как «шаманы африканских племен практикуют вызов дождя путем танца», не могут быть проверены непосредственно. Предварительно потребуются вывести из них следствия, т.е. заменить общие термины на частные. И, на наш взгляд, именно описания последнего вида наиболее интересны. На наш взгляд, правдоподобным является предположение, что некоторые описания социальных действий допускают номологические объяснения, а некоторые нет, и что, более того, последние можно преобразовывать в первые. Такое преобразование демонстрирует А. Данто на примере исторического исследования [7. С. 90–110]. Он полагает,

что, если имеется экспланандум, который не может быть объяснен законоподобно, то всегда можно заменить его на допускающий такое объяснение.

Теперь обратимся к философским основаниям позиции Уинча. Отрицая естественнонаучную методологию в социологии, он фактически призывает формировать описания социального действия «непосредственно», т.е. не привлекая некоторую теорию. На наш взгляд, идея возможности и необходимости такого описания коренится в Бэconiанском представлении об идолах разума, как искажающих познание. Не только для социологов-витгенштейнiанцев, но и для традиционной философии характерно отождествление объективности знания с отсутствием субъективных искажений. Однако идеи Бэкона не оказали значительного влияния на естественные науки, которые развивались гипотетико-дедуктивным путем. По тем же причинам они неприменимы и к наукам социальным. Критерий, по которому Уинч пытается разделить социальные и естественные науки, на самом деле является их единственной общей чертой.

Литература

1. Winch P. *The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy*. London: Routledge, 1990.
2. Конт О. *Дух позитивной философии*. СПб.: Издательство «Вестник знания», 1910.
3. Милль Д. С. *Система логики силлогистической и индуктивной*. М.: Изд. Г. А. Лемана, 1914.
4. Hutchinson P., Read R., Sharrock W. *There is no such thing as a social science: in defence of Peter Winch*. Aldershot: Ashgate, 2008.
5. Степанцов П. Нет такой вещи как социальная наука: в защиту Питера Уинча // *Социологическое обозрение*. 2009. Т.9. №3. С. 129–150.
6. Хатчинсон Ф. Два мира действия: социальная наука, социальная теория и системы социологической рефракции // *Социологическое обозрение*. 2012. Т.11. №2. С. 75–99.
7. Данто А. *Аналитическая философия истории*. М.: Идея-пресс, 2002.

ТЕОРИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

С.Е. Овчинников

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
step.ovch@gmail.com

Современная эволюционная эпистемология – это часть проекта натурализации, которая опирается на синтетическую теорию эволюции. В ее основании лежит «адаптационная аналогия», которую К. Поппер выражает в тезисе: «Эволюция научного знания представляет собой в основном эволюцию в направлении построения все лучших теорий. Это – дарвинистский процесс.

Теории становятся лучше приспособленными благодаря естественному отбору. Они дают нам все лучшую и лучшую информацию о действительности. Они все больше и больше приближаются к истине» [4. С. 70]. Использование «адаптационной аналогии» сопряжено с рядом проблем, как со стороны эпистемологии, так и со стороны синтетической теории эволюции.

Из работ современных философов биологии можно заключить, что понятие адаптационизма в биологии не является устоявшимся, в частности, П. Годфри-Смит выделяет три вида адаптационизма. *Эмпирический адаптационизм*, утверждающий, что естественный отбор является главным фактором эволюции. *Объяснительный адаптационизм* – гипотеза о том, что естественный отбор является лучшим объяснением текущего состояния живых организмов и именно последнее нуждается в объяснении. *Методологический адаптационизм* – утверждение о том, что поиск адаптаций является хорошей исследовательской стратегией для изучения эволюционного процесса [6]. Т. Луэнс углубляет вышеуказанную классификацию до семи видов [8]. Более того, приоритет адаптационизма как главной движущей силы эволюции подвергается критике внутри биологических исследований, например, в работах С. Гулда [7], а также в рамках теории нейтральной молекулярной эволюции [9]. В этой связи необходимо разобраться, аналогию с каким из нескольких возможных пониманий адаптационизма предлагают философы, разрабатывающие эволюционную эпистемологию, и насколько серьезно требуется к этой аналогии относиться. С одной стороны, можно принимать аналогию всерьез, т.е. тем или иным образом отождествлять биологическую эволюцию и познание, а с другой, использовать адаптационизм лишь как исследовательскую программу либо метафору.

Серьезное отношение к адаптационизму защищает С. Тулмин: «идея о том, что научная мысль развивается по “эволюционному” шаблону не должна рассматриваться лишь в качестве метафоры или аналогии» [10. Р. 470]. В своей программной работе «Человеческое понимание» он развивает эпистемологию, которая подразумевает, что научный рост осуществляется по схеме биологической эволюции. К. Поппер, Д. Кэмпбелл и К. Лоренц принимают всерьез обратную аналогию. Не процесс познания является разновидностью эволюции путем естественного отбора, а эволюция представляет собой процесс получения знания: «эволюция есть процесс познания, потому что любое “приспособление” к определенным условиям внешнего мира означает, что органическая система получает некоторое количество “информации об” этих условиях» [3. С. 336]. Д. Кэмпбелл в том же ключе отмечает, что «эволюция – даже в ее биологических аспектах – есть процесс познания и парадигма естественного отбора как модель прироста такого знания может быть распространена и на другие виды эпистемической (познавательной) деятельности, такие как обучение, мышление и наука» [2. С. 92]. В работе «Объективное знание. Эволюционный подход» К. Поппер недвусмысленно заявляет: «Теория познания, которую я хочу предложить по большей мере

является дарвинистской. От амебы до Эйнштейна рост знания происходит одинаковым образом: мы пытаемся решить наши проблемы и получить при помощи процесса элиминации ошибок некоторые подходящие временные решения» [5. С. 261]. Таким образом, можно заключить, что все вышеуказанные исследователи принимают эмпирический и объяснительный адапционизм и переносят их на философию науки: критика теорий является главным фактором развития научного знания, а лучшим объяснением того, что в наличии имеются хорошие теории можно считать прохождение ими критического отбора.

В лекции посвященной памяти Г. Спенсера, изданной под названием «Эволюция и древо познания», К. Поппер отмечает уникальную способность эволюционной теории к редукции объяснения: «дарвиновская теория естественного отбора показала, что в принципе возможно свести телеологию к причинности, объяснив в чисто физических терминах существование в мире определенного плана и цели». Для философии науки это означает, что любое интенциональное объяснение роста науки может в принципе быть заменено комбинацией из случайных вариаций и отбора. Центральное отличие между серьезным отношением к адапционной аналогии и «метафорическим» заключается именно в этом переносе редукционизма адапционного объяснения, либо отказе от него. Но поскольку, на наш взгляд, действительный познавательный интерес представляет не вопрос об аналогии между естественным отбором и научным поиском, а те установки и цели, в рамках которых этот поиск осуществляется, т.е. эпистемические нормы, необходимо отказаться от «серьезного» рассмотрения адапционной аналогии. Хотя мы и согласны с тем, что «эволюция имеет сквозной характер, она проходит по всем иерархическим уровням организации мира» [1. С. 35] и паттерны эволюции этих уровней во многом схожи, не стоит забывать о специфических аспектах эволюционного процесса каждой области. В этой связи, можно предложить ослабленную версию аналогии, которая сохраняет общую эволюционную канву, но обращает внимание на важные частности, которые отличают науку от биологической эволюции. Адапционизм, в рамках защищаемой версии эволюционной эпистемологии, является одной из исследовательских стратегий (центральной, но не единственной), позволяющей описывать рост научного знания.

Литература

1. Князева Е.Н. Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований. М.: Издательство Юрайт, 2019.
2. Кэмпбелл Д. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. Пер. с англ. Д.Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 92–146.
3. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания. М.: Республика, 1998.

4. Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 58–74.
5. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д.Г. Лахути. Отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
6. Godfrey-Smith P. Three kinds of adaptationism // *Adaptationism and optimality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P.335–357.
7. Gould S.J. Ever since Darwin. New York: W. W. Norton, 1977.
8. Lewens T. Seven types of adaptationism // *Biology and philosophy*. 2009. Vol. 24. № 2. P.161–182.
9. Kimura M. *The Neutral Theory of Molecular Evolution*. Cambridge University Press. 1983.
10. Toulmin S.E. The evolutionary development of natural science // *American Scientist*. 1967. Vol. 55. № 4. P. 456–471.

ГЕНЕЗИС И ДИНАМИКА ИДЕЙ

Н.Н. Равочкин

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово
nickravochkin@mail.ru

Отсутствие единства во мнениях и возникающие разногласия насчет видения предметных областей являются непреходящими свойствами многоаспектности и сложности философии, что в то же время служит ее развитию [1]. По нашему мнению, аргументированная природа различий между идеями представителей различных направлений является наиболее ярким отражением жизнеспособности философии и драйвером ее динамики.

Анализ идей как концептуального уровня познавательной деятельности задает ретроспективную и перспективную важность исследования и его актуальность в качестве современной философской проблемы. Берется ли идея в качестве умопостигаемой и вечной сущности в противопоставлении чувственному уровню восприятия или рассматривается как априорное понятие чистого разума, в процессуальном аспекте или в понимании некоторого трансцендентного состояния, или же эксплицируется в психологическом аспекте в качестве представления, она неизменно сохраняет определенный уровень концептуальной проблематичности.

По своей сути, идеи во всем своем множестве форм (теории, концепции, подходы, взгляды) являются интеллектуальными основаниями. В самом общем значении они представляются как исходные термины и предложения теории, отражающие мировоззренческое, методологическое и социальное содержание. Помимо этого, идеи логически детерминируют категории различных теорий, но уже в конкретном дискурсе [4]. Например, философские основания сыграли значительную роль в историческом развитии науки, где особая роль при разработке проблематики связана с именами ученых,

опирающихся в своей деятельности не только на конкретно-научные, но и на философские исследования.

Приведение всего множественного прочтения «идей» под такое универсальное прочтение как «основания» было представлено ранее. Мы связываем такую допустимость с исходной позицией при анализе мира, фундаментальным характером философского знания и направленностью на поиск предельно общих понятий и принципов сущностного. Вариации идей и категориальных смыслов, применяемых в исследованиях, одновременно указывают на их гетерогенность и системность организации.

Так называемое «классическое» постижение генезиса и динамики идей можно представить в двух способах. Первый из них – это рассмотрение идей, зарождающихся как повседневных практических знаний, непосредственно связанных с жизненными задачами, решаемых людьми для создания условий своего существования. С общественным разделением труда на физический и умственный происходит выделение знания из практического опыта и постепенное вступление к относительно самостоятельной от практики теоретической форме, а производство такого знания также выделяется как специальный вид познавательной деятельности. В отличие от практической систематизации знания, теоретическая форма оперирует логическими понятиями, доказательствами и опровержениями, осуществляя переход от одних положений к другим. Конкретные положения обобщаются с помощью категорий философии. Дальнейшая динамика направлена от философии к науке в процессе разделения знания на отдельные области исследования и выделения из цельного знания соответствующих наук.

Вторая исследовательская позиция наиболее четко представлена в работах С.С. Антипова, отводящего главную роль процессу воображения, способным дать идеальное представление «результата деятельности до того, как он будет достигнут реально, в предвосхищении того, чего ещё не существует» [6]. Основными свойствами воображения считаются плодovitость, деятельность, энтузиазм (А. Джеррард). К слову, все это обнаруживает сходство с учением Платона, который полагал первичность идеи и вторичность материи как ее продукта. Действительно, справедливо, что вначале человек порождает визуализацию чего-либо, а затем стремится к реализации замысла. Платоновский мир эйдосов содержит образы всех существовавших, существующих ныне, а также образы предметов будущего. Благодаря воображению можно объяснить причины соединения прошлого – настоящего – будущего, а также направленность действий субъекта. Анализируя учение Юма, Антипов словно переходит на уровень постижения идей в многообразном и сложном сочетании. Кроме того, он отмечает присутствие в воображении не только идей, но и страсти, обеспечивающей единство задумки и действий. Так, идеи предстают не чем иным, как главным продуктом воображения, являясь по своей форме философскими или научными [2; 3].

Однако «классические» взгляды на идеи, по меньшей мере, не могут удовлетворить претензии на философские хотя бы по причине их редуцированности и учета различных подходов, что наиболее оправдано в современном исследовательском дискурсе. Применительно к нашему замечанию приведем позицию Н.С. Розова, также признающего силу воображения и отмечающего, что в человеческой истории идеи возникают как «особые социальные реальности, возникающие при определенных условиях в некоторых сообществах» [5. С. 7]. Отсюда и очевидность нашего замечания, что при постижении генезиса идей значимость принадлежит географическим, историческим, социокультурным, политическим, экономическим и другим условиям. Объединяя воображение и плюрализм условий, Розов строит свою четырехчастную социальную онтологию (материальный мир, психосфера, культуросфера и социосфера). Связывая идеи с «социальной воображаемостью» и четкой завязкой на географической локализации социальных сетей и центров, Розов отмечает, что «в одних местах планеты Земля может произойти, а в других – нет, а даже если бы и случился, никто бы об этом не узнал» [5. С. 31].

Таким образом, перемены, которые отчетливо проявляются в интеллектуальной динамике, сопряжены не просто с популярностью конкретных традиций и школ со всем множеством рассматриваемых проблем, но и с условиями, которые сосредоточены в социосфере.

Литература

1. Агацци Э. Методологический поворот в философии // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 60–65.
2. Антипов С.С. Воображение как катализатор развития науки и искусства // Философская школа. 2019. № 7. С. 102–107.
3. Антипов С.С. Воображение как свойство человека // Философская школа. 2018. № 5. С. 83–94.
4. Платонова С.И. Философские основания социологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11 (149). С. 113–121.
5. Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 344 с.
6. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cyclopedia.ru/100/194/2685432.html> (дата обращения: 01.07.2019).

СООТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ ВОЛИ И БОЖЕСТВЕННОЙ БЛАГОДАТИ В ФИЛОСОФИИ АВГУСТИНА АВРЕЛИЯ

А.Т. Рахматулина

Новосибирский государственный университет
itsanr@mail.ru

Проблема сосуществования свободной человеческой воли и божественной благодати является одной из ключевых и, одновременно, одной из самых спорных в философии Августина Аврелия, в частности, в его учении о спасении и теодицее. Сложность данного вопроса заключается в том, что позиция епископа, насколько мы можем судить из его трудов, весьма неоднозначна, современные исследователи даже выделяют несколько ступеней в творчестве мыслителя на пути формирования его итоговой фаталистической концепции. Как правило, это три или четыре этапа. Так, А.А. Столяров выделяет в творчестве Аврелия три периода:

1. 386–395 гг., когда в своих сочинениях Августин делает ставку на моральную теодицею, в связи с которой и возникает «классический» вариант концепции свободы воли;

2. 395–410 гг., в который Аврелий становится епископом и занимается экзегетикой библейских текстов, в особенности посланий апостола Павла, из которых и рождается концепция божественной благодати и предопределения, приведшая к кризису идей первого периода;

3. 411–430 гг., когда эти размышления достигают кульминации в свете полемики с представителями пелагианской ереси [5. С.115–116].

Из «Исповеди» известно, насколько сильно Августина тревожил вопрос о происхождении зла, особенно после того, как он покинул секту манихеев [1]. В первый период возникает рассуждение о том, что зло – это недостаток добра, что существует некоторая градация. Поскольку Бог есть абсолютное и неизменное добро, которое в процессе творения вкладывает в тварный образ, замысел во все тварное, постольку последнее всегда в некоторой степени причастно ему.

Однако наравне с этим существует моральное зло разумной души, тварный мир полон зла в виде греховности как следствия человеческой свободной воли. Непосредственно после крещения Августин пишет большое количество трудов, в которых заявляет, что человеческие желания и их удовлетворение зависят только от индивидуального морального выбора. Так как человеческая воля свободна, стать причастным Богу можно благодаря праведной жизни, а за грехами следует наказание по божией справедливости. «И Он, справедливо правя и руководя вселенной, не позволяет, чтобы какое-либо наказание было наложено на кого-нибудь незаслуженно или чтобы незаслуженно была дана какая-либо награда. Наказания же достоин грех, а награды достойно праведное деяние; причем ни грех, ни добродетель не могут быть по справедливости вменены тому, кто ничего не делает по своей воле.

Итак, и грех, и праведное деяние находятся в свободном решении человеческой воли» [3. С. 62].

До Августина необходимость существования свободной человеческой воли и отсутствие предопределения отстаивал Пелагий (Морган), основатель одной из главных ересей V века. Его идея заключалась в том, что добродетель может цениться, а грехи наказываться лишь постольку, поскольку они являются результатом индивидуального человеческого волеизъявления. Более того, без свободного волевого выбора невозможны никакие морально-этические предписания. Следование заповедям и пренебрежение пороками, по Пелагию, вознаграждаются спасением, и сам путь к спасению, таким образом, выстраивается *человеком* самостоятельно.

Возможно это только потому, что природа человека ничем не испорчена, он по собственной воле может выбирать как добро, так и зло, т.е. ничто не довлеет над его выбором. Отстаивая эту позицию во время полемики, ересиарх не только утверждает, что воля человека свободна, но и полностью отрицает идею Августина о наследственной передаче наказания за первородный грех, предложенную и концептуально оформленную последним в поздний период его творчества.

Концепция первородного греха – это стержень всей августинианской антропологии. По мнению Аврелия, первоначальное назначение воли заключалось в подчинении божественному руководству, но после проступка Адама и Евы она была отягчена стремлением к греху, который с того момента передается каждому человеку еще до рождения посредством совокупления его родителей. Обращенная к материи, индивидуальная душа вынуждена стремиться к чувствам, к ощущениям, отдаваясь во власть тела. «Греховный же закон – это власть и сила привычки, которая влечет и удерживает душу даже против ее воли, но заслуженно, ибо в эту привычку соскользнула она добровольно» [1. С. 179]. Передачу первородного греха ко всему человечеству Августин объясняет родовой связью всех людей в Адаме. Поскольку в нем в зачаточном состоянии уже были заключены все его потомки, постольку первородный грех согрешили одновременно с ним и все раннее, ныне и живущие в будущем люди – единая масса греха.

Очевидно, что спасение для людей с наследственным расстройством человеческой природы, которая теперь бесконечно влечет их в пути греха, не может быть достигаемым. По Августину, спасение возможно *только* при божественном содействии. Так как сама по себе свобода воли не может быть гарантом моральности человека, Бог, посылая благодать, склоняет людей к вере, к благодати. Таким образом, он не отрицает свободу воли, но считает, что она не имеет никакой силы в людях с испорченной природой до тех пор, пока они не оправданы верой. Но поскольку вера есть дар, не предшествующий никаким заслугам, постольку никакие благие деяния от человека не зависят и находятся лишь в божественной власти.

Кроме того, путь к спасению открыт не для каждого. Божественное провидение, по непостижимым нам причинам, предопределило одних к вечной

жизни, а других к вечному осуждению. Только избранным христианам Бог шлет особо сильную благодать, призывает их, милует; такую благодать, которая непременно вызывает у них согласие и желание следовать ей, абсолютно утрачивая способность грешить.

Таким образом, учение Августина позднего периода в рамках данной проблематики приводит к губительным последствиям для его ранних интуиций – к абсолютному ущемлению индивидуальной свободной воли в пользу божественной благодати и неумолимого предопределения.

Литература

1. Аврелий Августин. Исповедь. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019.
2. Аврелий Августин. О свободе воли // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья) / авт. книги под ред. С.С. Неретиной, Л.В. Бурлака. СПб.: РХГИ, 2001. С. 19–65.
3. Августин Блаженный. Трактаты о различных вопросах : богословие, экзегетика, этика: [сб. пер. с лат. яз.]. М.: Империиум Пресс, 2005. С. 8–202.
4. Пелагий. Послание к Деметриаде // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. С. 594–635.
5. Столяров А.А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. М.: Греко-латинский кабинет, 1999.

МОРАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ИЛИ КАК ИСТИННОСТЬ СУЖДЕНИЙ ВЛИЯЕТ НА НАШИ МОРАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

А.А. Санженakov

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sanzhenakov@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-411-543001

В романе американского фантаста Гарри Гаррисона «Специалист по этике» представлены два персонажа – моральный абсолютист и моральный релятивист. Первый уверен, что человек должен жить и поступать ради Истины, а второй считает, что все поступки человека обусловлены теми или иными условиями, и что кажется истиной в одном случае, оказывается ложью в других условиях. Столкновение этих позиций приводит к неизбежному конфликту: абсолютист считает релятивиста аморальным, а последний, в свою очередь, считает первого, мягко говоря, глупым человеком, который живет по воображаемым правилам, не соответствующим действительности. В реальности же в чистом виде две эти позиции практически не встречаются, поскольку люди, в отличие от литературных персонажей, представляют собой скорее комбинированный вариант – мы полагаем, что те ценности, в которые мы верим являются неизменными, однако мы всякий раз используем их с

учетом актуальной ситуации, а также принимая во внимание убеждения и чувства окружающих нас людей.

Безусловно, под истиной в данном случае понимается не просто соответствие предмета мысли положению дел в мире, то есть эпистемологический концепт, но некоторый набор ценностных установок, правил морали, абсолютных запретов и императивов. Однако связь истины моральной и истины познавательной в позиции абсолютиста все же присутствует. Притязание абсолютиста на знание универсальных правил поведения проистекает из его убежденности, что вся вселенная устроена по единым законам, и что мы способны познать эти законы. В то же время, если спуститься с уровня вселенной до уровня отдельного поступка, то возникает вопрос, может ли человек действовать исключительно ради истины, или же совершать поступки, руководствуясь истиной? С одной стороны, может и должен. Здравый смысл говорит нам: чтобы достичь цели нам надо руководствоваться истинным знанием (неверная карта ведет не туда, куда нам надо). Жизнь, подчиненная стремлению к истине также легко представима, с некоторыми оговорками таковой является жизнь ученого. Однако обратная точка зрения вполне допустима. Наши действия могут быть успешными даже если мы руководствуемся ложными представлениями. Например, желая встретиться с коллегой, я договорился прийти на работу в выходные. Но я перепутал дни (скажем, мы договорились на воскресенье, а я пришел в субботу). Тем не менее, наша встреча состоялась, поскольку коллега, по счастливой случайности, работал и в субботу, и в воскресенье. Таким образом, использование ошибочных данных не повлияло на результат действия. Поскольку стремление к истине является скорее исключением из правил и другие цели не менее похвальны (скажем, можно посвятить жизнь благотворительности, что не будет хуже жизни во имя истины), постольку мы можем заключить, что соотношение истины и наших действий является темой весьма неопределенной. Итак, влияет ли истинность (и ложность) наших суждений на наши действия? Становимся ли мы более моральными, если руководствуемся истинными суждениями? Вот те вопросы, которые мне хотелось бы рассмотреть в рамках моего доклада.

В поисках ответов на фундаментальный вопросы, касающиеся соотношения знания и морали, я хотел бы обратиться к истории античной философии, а именно, к сократическо-стоической линии античной философии, в рамках которой происходило сближение теоретического и морального знания. Стоики полагали, что суждения имеют огромное влияние на наше поведение. Им противостояли перипатетики (последователи Аристотеля), которые считали, что не столько суждения, сколько привычки определяют наш образ действий. Когнитивистская ориентация, если выражаться современным языком, была унаследована стоиками от Сократа, который полагал, что знание и добродетель одно и то же. Развив этот тезис, они пришли к выводу, что вся эмоциональная жизнь субъекта имеет своей основой суждения. Только приняв какое-то суждение за истинное, говорили они, мы можем испытать ту или

иную страсть. Например, источником скарედности служит убежденность в том, что суждение «деньги есть благо» является истинным.

Используя философию стоиков, а также наработки современной философии мы постараемся обнаружить, каким образом суждения об объективном мире, которые расцениваются нами как истинные, могут влиять на наши решения в моральной области. Для этого прежде всего мы рассмотрим концепцию стоиков о благе и безразличном. Как полагали стоики в объективном мире не существует блага и зла, и все что находится вне нашей души, то есть все что не в нашей власти, является морально безразличным. Чаще всего они в пример приводили деньги, славу, здоровье, положение в обществе – все те вещи, ради которых обычные люди готовы пойти на многое. Какие аргументы они используют для доказательства безразличности внешних предметов? Прежде всего стоики говорят, что благо есть то, что приносит пользу *при любых обстоятельствах*, а предметы внешнего мира – так называемые внешние блага – могут приносить как пользу, так и вред. В самом деле, деньги, например, могут служить как во благо, так и во зло. Продолжая аргументацию, стоики сравнивают благо с огнем, который *всегда* жжет, поскольку такова его природа, а природа благ, в свою очередь, состоит в том, чтобы *всегда* приносить пользу и *никогда* вред. Если нечто не отвечает этому условию, то это следует квалифицировать как безразличное. Это рассуждение показывает, что, по мнению стоиков, функционирование блага тождественно функционированию природных вещей. Необходимость, с которой действует благо говорит о наличии определенного положения дел, которое обязывает нас выносить некоторые суждения и действовать определенным образом. «Деньги есть безразличное» является не ценностным утверждением и не моральным отношением, но высказыванием о внешнем мире, статус которого, с точки зрения стоиков, тот же самый, что и статус высказывания «Земля имеет один естественный спутник под названием Луна».

Что могут сказать современные философы по этому вопросу? Проблема соотношения истины и этики связана в современной исследовательской литературе с вопросом тождественности моральных и эпистемических фактов. Например, шведский философ Торбиан Тэннх (Torbjörn Tännsjö) утверждает, что высказывание « $5+7=12$ » равнозначно по своей истинности высказыванию «нельзя пытать невинных детей просто ради забавы». Оба они являются истинными в равной степени, поэтому существует явная параллель между этикой и эпистемологией. Другой исследователь Спенсер Кейс (Spencer Jay Case) защитил диссертацию по схожей теме «От эпистемического к моральному реализму: довод в пользу этической истины», где доказывает, что моральный реализм (убеждение, что моральные факты существуют так же, как эмпирические факты) может быть обоснован через защиту эпистемического реализма.

В итоге можно заключить, что эпистемические и моральные суждения с некоторыми оговорками могут быть приравнены, но, чтобы доказать, что одни оказывают влияние на другие, необходимо ввести дополнительные онтологические допущения (телесность блага, например, в случае стоиков).

Список литературы

1. Case S. J. From Epistemic to Moral Realism: an Argument for Ethical Truth. A thesis submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Colorado in partial fulfillment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy Department of Philosophy. 2018. URL: https://scholar.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1063&context=phil_grade_tds (дата обращения: 15.07.2019).

2. Tännsjö T. Truth in Ethics, Truth in Science – Different? URL: <https://www.asianhnm.com/medical-sciences/truth-ethics-science> (дата обращения: 15.07.2019).

CONCEPT OF «SCHEMA» AND SPECIFICS OF FILM (CINEMA) PERCEPTION

E.V. Tarasenko

Novosibirsk State University
emitarasenko@gmail.com

Investigations of subjectivity and perception structure nowadays often turn to perception of cinema. Cinema perception characterised as specific to over media, it may reflect specifics of perception of space, time and even logic in certain society. Moreover, this correlation became the interest of philosophy, social studies, culture studies and neuroscience. According to G. Deleuze, there is the correlation between cinematographic representation and specific of consciousness [1, p. 129]. This position was accepted by B. Stiegler who characterises himself as Deleuze's direct follower. However, he investigates this correlation in his own developed concept system.

Considering the structure and specific of perception and ways how it affects on the individual viewer and whole society philosophers and even scientists increasingly appeal to the «schema» as term and concept. This paper offers to define the actual meaning of this term in the relation to film perception, structure of perception in general, ways of how this concept works in the field of philosophy nowadays and evaluate perspectives of its use.

Concept of «schema» itself firstly appears in the I. Kant's transcendental philosophy. Kant defines «schema» as «a general procedure of the imagination by which an image can be supplied for a concept» [p. 84] (Critique of Pure Reason, A 140). In fact, that is the way to find correlation between abstract categories with sensibility. This definition became the object of interest of philosophers and researchers in the field of film and cinema analysis in correlation with specifics of perception. Most of them may be divided in two groups: one group works in theory of exteriorised consciousness (B. Stiegler), another – in theory of embodied consciousness (f.e. M. Coëgnarts, P. Kravanja, M. Kiss). Further will be considered the ways of using term and concept of «schema» in both theories.

Exteriorised consciousness is the B. Stiegler conception in which he offers to consider cinematographic image as «prostheses of perception». He uses some parts conceptual theories of E. Husserl and G. Deleuze but rethinks and develops it in the field of problem of correlation between specifics of perception and technics as digital media, especially cinema. For example, discussing E. Husserl's approach he mentions protention just several times without any detailed analysis, but devotes huge part of investigation to the concept of retention. Moreover, Stiegler offers term of tertiary retention. Tertiary retention is the interaction between consciousness and mediate or exteriorised consciousness [5, p. 67]. The second one is commensurable to human's consciousness but created indirectly through media. So it works like prostheses of perception. And cinema is this exteriorised consciousness. «Schema» is the general procedure which allows to grasp cinematographic image and thus allows it to work like the prosthesis. Obviously, it is reasonable to conclude, Stiegler follows Kant here. However, he insists on the general difference: «schema» is changeable. Thus, the structure of perception at all is changeable too.

Embodied consciousness is the borderline conception between neuroscience and film studies. This theory may be considered as try to comprehend the processes which occurs with viewer involved in the act of cinema perception from the point of view of changes in conscious. Epistemological perspective of this problematic field includes such aspects as involving in diegesis of film, decision of «paradox of fantasy» and interactions of viewer's consciousness and cinema image. This problematic investigates on the level of understanding and gasping of image. The act of film viewing considered as specific experience rooted in physicality. Thus, concept of schema as connection of image and embodying is developed by this theory (M. Coëgnarts, P. Kravanja, M. Kiss) [2, 3].

Theory offers the reason of feasibility of affective influence on cultural and mass consciousness. In this way, proposed the construction of image as similar to consciousness. Thus, the image may be incorporated to the structure of consciousness.

Embodied consciousness defines common in the individual structure of consciousness, which founds any act of perception. This «common» is schema. On the other hand, Deleuze and after him Stiegler insist that cinema image constructs the de-subjective or intersubjective consciousness. Thus, image is primary and then in this image the intersubjective and non-personal consciousness appears.

In both theories schema functions as the general processes and foundation in act of perception. Schema specifically connected to structure of subjectivity. «Schema» appeals to intersubjectivity so also may be used to find correlation between individual and common in cinema perception and characterise the specifics of its transformation. In may be permanent (embodied consciousness) or changeable (exteriorised consciousness). Thus, the concept of schema may be used in solution of problem of relation of mass and individual in the act of perception.

References

1. Deleuze G. Cinema 2: The Time-Image. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.
2. Coëgnarts M, Kravanja P. Embodied visual meaning: Image schemas in film // Projections: The Journal for Movies and Mind. 2012, vol. 6, no. 2. P. 84–101.
3. Coëgnarts M., Kravanja P. Embodied Cognition and Cinema. Leuven: Leuven University Press, 2015.
4. Kant I. Critique of Pure Reason. Copenhagen: Cosmopolitan Press, 2018.
5. Stiegler B. Technics and Time, 3: Cinematic Time and the Question of Malaise. Stanford: Stanford University Press, 2011.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗА ФЛОРЕНТИЙСКОЙ УНИИ В РИТОРИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: К 580-ЛЕТИЮ ЗАКЛЮЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ УНИИ МЕЖДУ КАТОЛИЧЕСКИМ ЗАПАДОМ И ПРАВОСЛАВНЫМ ВОСТОКОМ В 1439 ГОДУ

В.А. Тулянов

НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», г. Москва
v.tulyanov@mail.ru

В последнее время вопросы истории религии остаются одной из самых актуальных для исследования тем. Взгляды С. Хантингтона, показавшего, что роль религии в современном мире по-прежнему велика, а подчас и определяющая, оказали существенное влияние на исследователей. События на Украине в последние десятилетия только укрепили веру в религиозный фактор как один из определяющих в мировой политике. Столкновение различных христианских церквей на Украине подтолкнуло исследователей без исключения всех социально-гуманитарных дисциплин к изучению проблематики церковных уний. Тем не менее, до сих пор практически неисследованным остается вопрос об использовании образа Флорентийской унии в риторике РПЦ. Проведенное исследование призвано хотя бы частично восполнить этот пробел. Таким образом, актуальность и значимость темы исследования не вызывает никаких сомнений.

Целью проведенного исследования являлось изучение образа Флорентийской унии 1439 г. в риторике современной РПЦ. Сразу скажем, что данная проблематика практически не отражена в официальной церковной документации, в связи с чем предметом исследования и стала риторика представителей РПЦ. В выборку вошли исключительно представители высшей церковной иерархии РПЦ, а также светские представители, занимающие высокие посты в синодальных структурах, чьи взгляды (в отсутствие официальной церковной документации, упоминающей Флорентийскую унию) могут претендовать на роль общецерковных.

В ходе исследования были получены определенные результаты.

Во-первых, уния характеризуется не как средство для достижения единства между христианскими церквами, но как прозелитическая деятельность католицизма. На Архиерейском соборе 2016 г. патр. Кирилл дал такую оценку унии: «приведение одной общины в единство с другой путем ее отрыва от своей Церкви, не является путем к восстановлению единства», а является «незаживающей раной в православно-католических отношениях» [1. С. 9]. Патриарху вторит В. Легойда: «уния, которая есть отрыв людей от своей Церкви, переманивание их в другую, замаскированные под какие-то внешние сохранения обрядовой стороны» [8]. Митр. Иларион (Алфеев) прямо называет унию прозелитическим проектом, «направленным на обращение православных в католичество», а униаты, «когда политические обстоятельства способствуют возрождению унии, ... пользуются ими, чтобы нанести как можно более болезненные удары по православию» [2. С. 28]. Примечательно, что деятельность РПЦ в Зап. Европе характеризуется как миссионерство, а не прозелитизм [7]. В другой своей речи митр. Иларион заявил, что «именно эти униональные попытки, больше, чем все остальные, укрепили разделение, ибо сам вопрос о единстве Церкви надолго смешали с ложью, с расчетом, отравили его нецерковными и низкими мотивами» [3. С. 106].

Во-вторых, унии противопоставляются встречи иерархов двух церквей для решения конкретных вопросов. К числу таких вопросов митр. Иларион относит: вопросы присутствия христианских символов в общественном пространстве европейских стран, защиты христианских традиционных ценностей, в частности ценностей, связанных с семейной этикой, с рождением и воспитанием детей, тема защиты жизни от зачатия до естественной смерти [4. С. 30–31]. Другой иерарх – митр. Минский и Слуцкий Филарет – цитируя С. Булгакова и А.В. Карташова делает следующее предложение: «путь к единению Востока и Запада лежит не чрез Флорентийскую унию и не чрез турниры богословов, но чрез единение пред алтарем. ... Соответственно, наилучшим способом преодоления схизмы является не 'уния', не присоединение отпавшей глаголемой 'церкви' к Церкви истинной, а соединение 'на равных', 'церковный мир' – *pac ecclesiastica*» [5].

В-третьих, характерным является использование такого образа унии для описания и объяснения современных событий в мире. Так, характеризуя события последних лет на Украине патр. Кирилл сравнивает эти события со временем Флорентийской унии: «Мы переживаем исторический момент, который можно сравнить со временами Ферраро-Флорентийской унии. Тогда митрополит Киевский, Московский и всея Руси Исидор, предав Православие, возомнил, что он на вершине власти и все покорит Римскому престолу» [6].

Итак, в риторике современной РПЦ Флорентийская уния имеет образ не христианского единения, а скорее натиска католического Запада на православный Восток. Она характеризуется как результат прозелитической деятельности католичества и как стремление к поглощению православия со стороны Рима, замаскированное под сохранение православной обрядовой

традиции. Унии противопоставляется принцип соборности, когда православные и католические иерархи совместными усилиями решают насущные проблемы, при этом не претендуя на поглощение одной церкви другой.

Литература

1. Определения Священного Синода // Журнал Московской патриархии. 2016. № 5. С. 8–17.

2. Митрополит Волоколамский Иларион. Первенство во Вселенской Церкви. Позиция Московского Патриархата // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2014. № 68. С. 16–38.

3. Митрополит Волоколамский Иларион. Уния как борьба с единством // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2016. № 74. С. 97–106.

4. Митр. Волоколамский Иларион. «Второе дыхание» церковного возрождения // «Журнал Московской патриархии. 2014. № 2. С. 20–31.

5. Доклад митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, председателя Синодальной богословской комиссии [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/422565.html> (дата обращения: 07.07.2019).

6. Святейший Патриарх Кирилл: Нет конфликта между Константинополем и Москвой, но есть защита Москвой незыблемых канонических норм. [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5293130.html> (дата обращения: 07.07.2019).

7. Светлый вечер с Владимиром Легойдой (05.02.2016) [Электронный ресурс] Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации. URL: <https://sinfo-mp.ru/svetlyj-vecher-s-vladimirom-legojdoj-05-02-2016.html> (дата обращения: 07.07.2019).

8. Светлый вечер с Владимиром Легойдой (19.02.2016) [Электронный ресурс] Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации. URL: <https://sinfo-mp.ru/svetlyj-vecher-s-vladimirom-legojdoj-19-02-2016.html> (дата обращения: 07.07.2019).

НЕЙРОФЕНОМЕНОЛОГИЯ: СУБЪЕКТИВНЫЙ ОПЫТ КАК ОБЪЕКТ НЕЙРОНАУКИ

А.О. Шабалина

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
nastya-plr@yandex.ru

Сознание в качестве предмета изучения психофизиологии традиционно рассматривается как продукт работы мозга. Эта материалистическая предпосылка непосредственно обуславливает исследовательскую программу и накладывает на нее свои ограничения.

Методы психофизиологических исследований являются результатом общепринятой в традиционной науке точки зрения на сознание. Классическая схема инструментального исследования сознания в упрощенном виде подразумевает следующую последовательность: испытуемому предъявляется стимул, затем фиксируются нейрохимические процессы в его мозге. Эта схема упрощает работу сознания до механизма «стимул – реакция».

Нейрофеноменология, подход к исследованию сознания, предложенный чилийским нейробиологом Ф. Варелой, является попыткой преодолеть ограничения, накладываемые философскими допущениями нейронной теории сознания и редуктивной стратегией нейрофизиологических исследований.

Репрезентационалистская парадигма, закрепившаяся в когнитивной науке, утверждает, что феноменальный характер переживания полностью определяется его содержанием [1]. То есть сознание является восприятием предзаданного мира через создание его ментальной репрезентации с помощью сложной перцептивной системы. Таким образом, психофизиология опирается на разделение между «внутренним» и «внешним» миром, разделенными репрезентативной системой.

Подход, предложенный Варелой, критикует представление о сознании как о репрезентации. Нейрофеноменология предлагает рассматривать сознание и мир как взаимно перекрывающиеся и взаимообусловленные категории энантистической когнитивной науки или «воплощенного подхода» [2. Р. 346]. Исходя из нередуктивного решения психофизической проблемы, сознание, то есть опыт, переживаемый от первого лица, рассматривается не в качестве результата работы мозга, а как полноценная функциональная часть живой системы, обладающая онтологическим статусом, равным статусу физического тела, чья роль не сводится к роли других систем, таких как нейронная или биохимическая. Живая система с этой точки зрения является познающей системой, и познание, в свою очередь, является воплощенным действием. Понятие «воплощенное действие» в этом контексте означает что познание является не абстрактным вычислительным процессом, а производится телесным субъектом в динамике взаимодействия со средой.

В процессе нейрофеноменологического исследования субъективный опыт, выраженный в отчетах от первого лица, приобретает значение, равноценное данным, полученным в результате измерения активности мозга. Повышается и требование к качеству этих отчетов, компетентности самого субъекта опыта. С этой целью испытуемые обучаются процедуре интроспекции и опрашиваются с помощью так называемого феноменологического интервью, помогающего субъекту отделить «чистый опыт» от интерпретаций и оценочных суждений о нем.

Таким образом, нейрофеноменология принципиально отличается от психофизиологии в объекте своего исследования. Объектом исследования психофизиологии является деятельность головного мозга и связанное с этой деятельностью поведение человека и животного. Нейрофеноменология, несмотря на использование инструментального исследования мозга, в качестве своего объекта рассматривает непосредственно сознание или опыт, переживаемый от первого лица. Для традиционной нейронауки характер сознательного опыта предопределен в соответствии с представлением о нем как о механическом ответе на предъявляемый стимул, производимый мозгом, в то время как для нейрофеноменологии сознательный опыт сам по себе является объектом исследования, и он не редуцируется к чему-то за его пределами, например, нейронной активности. Субъект рассматривается как подлинный источник данных о собственном психическом опыте. Таким образом, если в нейронауке сознание рассматривается как то, что сопровождает нейронную активность мозга, то с точки зрения нейрофеноменологии в равной степени можно сказать, что события в мозгу – это то, что сопровождает субъективный опыт.

Предмет психофизиологии: физиологические основы психической деятельности. Предметом нейрофеноменологии выступает соотношение феноменальных инвариантов опыта во всех его многообразных формах с физиологическими процессами, значимыми для этого опыта. Исследования в рамках традиционной психофизиологии, ограниченные таким определением предмета, косвенно направлены на поиск подтверждений физикалистской теории сознания. Нейрофеноменология стремится устранить эту предпосылку из своего предмета за счет признания сознательного опыта в качестве непосредственного объекта, доступного для изучения и обладающего онтологическим статусом. И с общенаучной точки зрения такое устранение предвзятости следует рассматривать как приближение к принципу объективности.

Литература

1. Нагуманова С.Ф. Сознание как репрезентация // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154. №1. С. 120–129.
2. Francisco J.V. Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem // Journal of Consciousness Studies. 1996. Vol. 3, № 4. P. 330–349.

3. Gallagher S., Reinerman-Jones L., Janz B., Bockelman P., Trempler J. A Neurophenomenology of Awe and Wonder: Towards a Non-Reductionist Cognitive Science. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015

4. Thompson E. Mind in Life. Cambridge: Belknap Press of Harvard University, 2005.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ДИАЛОГА

Е.В. Юрчук

Санкт-Петербургский государственный университет
yurchuk.katya1994@gmail.com

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда,
проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»*

Философия постмодерна, которая на сегодняшний день является предметом живого интереса исследователей в различных областях знания, может быть рассмотрена, в числе прочего, как проект радикальной историко-философской критики. Философы-постмодернисты не только предстали оппозицией классической модели рефлексивной философии, но и выступили в роли историков философии, уделяя самое пристальное внимание породившей их традиции и предлагая собственные методы, приемы, новые тональности в работе с философскими текстами [5. С. 178].

Во многом историко-философский подход, развиваемый в философии постструктурализма, продолжает традицию философии диалога с ее игрой «Я» и «Ты», своего и чужого. Более того, благодаря этой игре и становится возможной в постмодернизме история философии. Конечно, философия диалога, появившаяся в начале XX века и ярко представленная в работах М. Бубера (1878–1965), в контексте постмодернистской критики может показаться архаичной, даже «решенной» и не заслуживающей внимания. Однако диалогизм и, в частности, концепция М. Бубера, во многом сформулировал и предвосхитил теоретические искания постмодерна и послужил питательной средой для критического осмысления и дальнейшей разработки ряда вопросов о статусе познающего субъекта, объективирующем мышлении, о диалоге с Другим как основе человеческого бытия и социальном как таковом.

Для Бубера исходной ситуацией является со-бытие людей, существование Я с другой личностью. В основе человеческого бытия, констатирует философ, лежат две основные формы обращенности человека к миру: Я–Оно и Я–Ты. Бубер отрицает повседневное объективирующее отношение Я–Оно, при котором человек как бы «движется по поверхности вещей», совершая практическую деятельность и приобретая опыт, что, однако,

еще не раскрывает подлинного человеческого бытия. Только в отношении Я–Ты, в пространстве «между» людьми и в их взаимной открытости, равнозначности и со-направленности рождается подлинное бытие и «жизненная действительность» [2. С. 16–22].

История философии представляет хорошую почву для той коммуникации, о которой говорит М. Бубер. Отношения историка философии и философа прошлого есть отношения Я–Ты, в которой раскрывается подлинность философской истины. «Между» философского диалога и есть историко-философское исследование: в обращении к прошлому, открытости настоящего минувшему обретается «жизненная действительность» философии. Диалогическое направление мысли XX века становится противовесом традиционному гносеологическому, субъект-объектному отношению Я–Оно, открывая поле для иных методологических подходов к историко-философским исследованиям: на место познания приходит «отношение», «встреча», «вчувствование» [4. С. 191–207].

В контексте нашего размышления отметим, что Бубер, постулируя радикальную «другость» иного человека, при этом не только предполагает возможность союза и понимания между людьми, полного «соглашения инаковостей», но и называет этот союз единственно подлинным бытием, высшей реализацией человеческого. Как развивает постмодерн подобный взгляд?

Казалось бы, в своей социальной критике постмодерн даже не допускает диалогичности современности. Типичной здесь является точка зрения Ж. Бодрийяра, который последовательно разоблачает «молчаливое большинство» – современное массовое общество, которое, согласно Бодрийяру, характеризуется политической пассивностью, безразличием, отсутствием коммуникации и в котором нет «ни одного, ни другого», а есть лишь «хаотическое скопление социального» вокруг инертных масс – «соединенных пустотой индивидуальных частиц» [1. С. 9]. Философ мрачно констатирует невозможность освоить это явление современности традиционной или какой-либо иной практикой и теорией [Там же. С. 8].

И тем не менее, того Другого, которого постмодернисты не находят в современности, они обретают в обращении к прошлому. В противоположность отсутствию коммуникации в массе, история философии вызывает к диалогу одиночек. Однако интересен вопрос, какой характер носит историко-философская коммуникация постмодернизма: сохраняет ли постмодернизм тот диалог, о котором говорит Бубер и о котором писали более ранние философы, например, М. Хайдеггер и К. Ясперс, говоря об истории философии как о непосредственном контакте с великими философами, как об обращении к истине прошлого и ее несекретности?

Ярким примером историка философии – не «архивариуса», а мыслителя, через историко-философские изыскания обретающего собственную философскую идентичность, – является Ж. Делёз, написавший ряд блестящих трудов по истории философии, безусловно лежащих в русле

постмодернистской парадигмы. Он говорил о своем методе работы с философскими текстами как о процессе «духовного соития» с философами прошлого: результат этого контакта лишь частично отражает философию самого автора; историк философии же не должен бояться говорить от своего собственного имени – «от имени аффектов, силы, переживания, опыта»; ему следует «рисковать» и сквозь концепции и теории прошлого обнаруживать проблемы современности [3. С. 16]. Только при таком творческом союзе и диалоге минувшего с настоящим, автора с историком философское исследование не будет мертворожденным, а, наоборот, примет эстафету живого движения философской мысли.

Выходит, что, с одной стороны, в истории философии постструктурализм сохраняет место диалога, в противоположность а-диалогичности современности: в условиях безответности масс и тотального мира «Оно», философ обретает свое Я через обращенность к Ты мыслителя прошлого, порождая подлинную философскую реальность и преемственность. С другой стороны, радикальность историко-философской критики постмодернизма ставит перед нами проблему сохранения «Ты» прошлого: не заглушает ли голос современности шепот истории?

Таким образом, диалогическое направление, зародившееся в начале XX века в работах М. Бубера, нашло свое отражение в историко-философских исканиях постмодерна. История философии, нацеленная на диалог прошлого с настоящим, стала опытом живого мышления и породила особый тип историка философии – мыслителя, активно включенного в поле философского поиска и способного возродить для современности мысль прошлого.

Литература

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во урал. ун-та. 2000.
2. Бубер М. Я и ты / Два образа веры. М.: Республика. 1995.
3. Делёз Ж. Переговоры: 1972–1990. СПб.: Наука. 2004.
4. Дуглач Т.Б. Диалог в современном мире: М. Бубер – М. Бахтин – В. Библер // Историко-философский ежегодник. 2015. С. 191–243.
5. Дьяков А.В. Постмодернистская история философии: pro et contra // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 176–184.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНВЕРГЕНЦИИ КОНСТРУКТИВИЗМА И ПРИМОРДИАЛИЗМА В ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Ю.М. Аксютин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан
aksutum@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Правительства Республики Хакасия, проект № 18-411-190002 «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990-х – 2018 гг.)»

Процесс формирования российского регионального социума, еще переживающего «детские болезни» роста, встречает сопротивление целого ряда факторов и рисков эффективности функционирования (усиление традиционалистских, локальных и формирование новых искусственных идентичностей; экономические трудности и др.), способных дестабилизировать ситуацию не только в отдельном регионе, но в стране в целом [3]. Вопросы построения системы анализа и выработки оснований оценки эффективности функционирования региональных социумов в современной России обсуждаются давно и активно; в то же время трудно не заметить, что имеющиеся исследования нередко ограничены, с одной стороны, ситуацией конкуренции классических подходов (примордиализм / конструктивизм) к концептуализации оснований региональных социокультурных и институциональных процессов, а с другой стороны, балансом качественных и количественных методов исследования. В таком контексте определенный интерес представляет опыт исследования социальных и институциональных процессов в современном полиэтничном республиканском социуме (на примере Республики Хакасия) с позиции консенсусного понимания природы социально-политических, этнокультурных и экономических процессов, в которых примордиальные и конструктивистские характеристики рассматриваются как находящиеся в тесном переплетении.

Примордиалистское понимание процессов функционирования республиканского социума, по нашему мнению, релевантно задаче оценки рисков социальной и культурной эффективности функционирования республиканского социума по критериям: 1) позиция гражданской (российской) идентичности в структуре идентичностей жителей; 2) характер

оснований российской и этнической идентичности, ресурс их совместимости; 3) степень взаимной комплементарности этнокультурных субъектов.

Результаты проведенного в 2018 г. массового опроса (N = 520 чел. (78,5% – городские жители (408 чел.), 21,5% – сельские (112 чел.), личное интервьюирование по формализованной анкете) в Республике Хакасия (общая численность жителей – 523714 чел., русские – 81,7% (427647 чел.), хакасы – 12,1% (63643 чел.)), позволяют сделать вывод, что российская идентичность в структуре идентичностей жителей республики доминирует и приоритетна для 33,3% респондентов, этническая – 7,7%; республиканская – 16,9%; космополитическая – 10,8%; региональная – 18,5%. Анализ характера оснований российской и этнической идентичности (модернизм / традиционализм) осуществлялся с целью определения ресурса их совместимости. Было установлено, что порядка 39,8% респондентов придерживается предельно широкого понимания российской идентичности («воспитан на русской культуре и считает ее своей»), апеллирующего в равной степени к осознанному выбору человека и к нерелексивной традиции. Внебиологические основания конструирования этнической идентичности демонстрировали 33% опрошенных, тогда как для 51,3% опрошенных этническая идентичность определяется принадлежностью к этнической группе их родителей. Анализ структуры ценностей и степени комплементарности населения Хакасии на основании широко распространенных представлений о ценностях, доминирующих в модернизационной и традиционной типах культуры, выявил, что инструментальные и модернизационные детерминанты в иерархии ценностей респондентов составляют не менее половины (52%). Все это дает основания предположить, что для представителей крупнейших этносов характерна модернизационная ценностно-идентификационная ориентация с высоким ресурсом совмещения [2].

Конструктивистский подход релевантен задаче анализа институциональных процессов в республиканском социуме (индикаторы: 1) уровень удовлетворенности регионального социума качеством управления и деятельностью властей; 2) индекс напряженности межэтнокультурных взаимоотношений; 3) индекс успешности адаптации населения к социально-экономическим реалиям). Так, анализ оценок качества и эффективности деятельности властей по гармонизации межнациональных отношений дал негативные результаты. Пиковые значения положительных оценок действий исполнительной власти не превышают 40%. Так, Президенту РФ выказали полное доверие только 13% (скорее доверяют – 41,4%); Правительству РФ полностью доверяют 4,8% (скорее доверяют – 26%); Правительству республики полностью доверяют – 3,5% (скорее доверяют – 21%). Межнациональные отношения оценивают как «благоприятные» не более 48,7% респондентов, напряженность ощущают 38,5% (41,3% – хакасов, 36,6% – русских), наличие сильной напряженности отметили 3,7% опрошенных. Индекс успешности адаптации населения к социально-экономическим реалиям также оставил неоднозначное впечатление. Формально,

адаптированность населения к складывающимся социально-экономическим условиям повысилась. В частности, 34% опрошенных отнесли себя к группе людей, имеющих возможность приобретать дорогостоящие вещи длительного пользования. Доля людей, которым хватает средств на продукты и на одежду, приближается к сопоставимым 34,6%. Однако и тех, кто «едва сводит концы с концами», кому «денег хватает только на продукты», было 28,5%.

Анализ институциональной эффективности функционирования республиканского социума свидетельствует, что, несмотря на достаточный кредит доверия органам власти (неудовлетворенных их деятельностью было в среднем не более 10%), их деятельность по оптимизации межэтнических отношений не позволяет снять ситуации «стабильной напряженности». Измерение индекса социальной и культурной эффективности функционирования республиканского социума свидетельствует, что этносы России сохраняют сходство базисных ценностей, а социокультурная идентичность утрачивает примордиальные черты и обладает скорее конструктивистскими характеристиками, не препятствующими становлению национальной гражданско-политической идентичности.

Литература

1. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2018 г.) по проекту: «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990-х – 2018 гг.)» (РФФИ и Правительства Республики Хакасия, НИР № 18-411-190002). Выборочная совокупность – 520 чел.: приложение к отчету; рукопись / Ю. М. Аксютин. – Абакан, 2018.

2. Аксютин Ю. М. Ресурс совместимости национально-государственной и этнической идентичности в регионах постсоветской России (на примере Южной Сибири) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 69–70.

3. Персидская О. А. Локальная идентичность в структуре идентификационных стратегий личности // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 96–98.

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ РОССИИ К ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ

А.М. Асылгузина

Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, г. Уфа
aslgzn98@mail.ru

Государственная молодежная политика выступает как многомерная структура многих элементов, результативное осуществление которых имеет

основное значение для главного фактора молодежной политики – молодежи России, и, как следствие, выступает существенной задачей органов государственной власти федерального и регионального уровней, а также органов местного самоуправления. Как нам представляется, одним из основных структурных элементов государственной молодежной политики РФ выступает эффективная система образования молодежи и научный потенциал молодых граждан Российской Федерации. Указанные условия в значительной степени актуализируют необходимость анализа отношения нынешней молодежи в России к науке и образованию в целом.

По мнению Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова специфика образования как феномен социальной реальности связана, с одной стороны, с его особой ролью в духовном производстве, а с другой – с его функцией «социального лифта», обеспечивающей восходящую мобильность в обществе. Производство как научного, так и обыденного знания способствует расширению возможностей познания социальной реальности, а обеспечение восходящей мобильности – качественному изменению социальных взаимодействий людей» [4. С. 104].

Наиболее приемлемой выступает точка зрения, в соответствии с которой в нынешнем мире решающую роль в развитии общества приобретают знания, точнее, люди, которые ими владеют, количество и качество квалифицированных специалистов. Повысить в нужный момент число мастеров и уровень их квалификации нельзя каким-либо решением, постановлением, проявлением некой воли. Многочисленные примеры свидетельствуют, что при отсутствии должной мотивации внедрение чего-либо сверху может быть обречено на провал. Поэтому большое значение приобретают образовательные ориентации самой молодежи.

В контексте сказанного согласимся с мнением М. Б. Булановой, которая отмечает, что «при сохранении общей установки молодежи на получение образования в современных условиях растет осознание этой группой того, что выбранная специальность и качество получаемого по ней образования не являются гарантиями успешного трудоустройства, что жизненный успех личности не всегда определяется уровнем полученного образования. Отсюда можно зафиксировать и тот факт, что в российском обществе меняется восприятие образования как эффективного стратегического ресурса адаптации и социальной мобильности личности» [2. С. 57].

Несмотря на довольно устоявшийся в обществе стереотип о нейтральном взгляде нынешней молодежи к образованию и науке, отметим, что его следует признать ошибочным. Данная точка зрения удостоверяется результатами полученными в ходе исследования. «Так, 72 % респондентов в возрасте до 34 лет считают, что в целом от науки больше пользы, чем вреда. При этом молодежь оказывается более лояльной к науке, чем население России в целом, – среди всех опрошенных в пользу науки уверены 67 %. Молодые люди чаще выражают безусловную поддержку развитию науки и технологий (25 против 18 % среди всего населения страны) [6. С. 20].

Лояльное отношение молодых людей к науке выражается и в оценке конкретных примеров ее воздействия на различные сферы общества. Здесь молодые люди также проявляют более позитивные установки, чем население страны в целом.

«В частности: 91 % опрошенных полагает, что развитие науки положительно влияет на уровень жизни; три четверти респондентов убеждены в том, что она несет положительные эффекты для здоровья людей; 43 % согласны, что наука оказывает позитивное влияние на окружающую среду» [1. С. 10].

Международные сравнения позволяют выявить некие национальные особенности отношения молодежи к науке. В странах Европы, как и в России, большинство молодых людей проявляют положительное отношение к науке, тем не менее распространенность сходных установок варьирует по странам в существенных пределах. Исследования показывают, что отношение населения к науке неразрывно связано с ценностными установками, характерными для того или иного общества [4. С. 11]. В частности, при переходе от индустриальных ценностных ориентиров к постиндустриальным наука перестает восприниматься населением как институт, доставляющий обществу лишь пользу. Развитие науки начинает анализироваться как процесс, способный привести и к негативным последствиям (например, разрушительным техногенным катастрофам). Отсюда для постиндустриальных стран оказывается характерным рост доли граждан, считающих, что наука доставляет больше вреда [5; С. 10].

В России значительная часть молодых людей (25 %) склонна видеть исключительно позитивные последствия развития науки. Этот показатель выше, чем в Великобритании (23 %); Германии (19 %); Франции (12 %) [8. С. 15].

В то же время в названных странах более многочисленна группа молодежи, которая выражает умеренную позицию в отношении науки: Великобритания – 58 %; Германия – 58 %; Франция – 61 %; Россия – 47 % [7. С. 36].

Представляется, что эти различия разъясняются расхождениями в преобладающих ценностных ориентациях: в то время как россияне соблюдают установки, свойственные индустриальному обществу, многие европейцы находятся уже под влиянием постиндустриальной парадигмы.

С другой стороны, низкая доля респондентов, однозначно положительно оценивающих роль науки, наблюдается и в странах, где постиндустриальные ценности выражены менее ярко (например, в Венгрии, Румынии, Хорватии). Очевидно, это можно объяснить тем, что отношение к науке, характерное для населения страны в целом, сглаживается при анализе социальной группы молодежи, представления которой могут отличаться от доминирующей в конкретной культуре системы ценностей.

Таким образом необходимо отметить, что представители молодого поколения лояльны по отношению к науке, чем население России в целом. Это

справедливо и по отношению к оценкам влияния науки на отдельные стороны жизни – состояние окружающей среды, здоровье людей, общий уровень жизни. Результаты международных сопоставлений показывают, что среди российской молодежи доля тех, кто, безусловно, положительно оценивает влияние науки на общество, выше, чем среди аналогичной возрастной категории ряда развитых европейских стран.

Литература

1. Бондаренко Н. В., Войнилов Ю. Л., Волкова Г. С. Российская молодежь: образование и наука. М.: ВШЭ, 2017. 72 с.

2. Буланова М. Б. Образование в жизненном мире российской молодежи // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 7. С. 54–57.

3. Зеленин А. А. Региональный молодежный парламент как механизм социального лифта в современной российской политике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2. С. 85–90.

4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Отношение молодежи к образованию как фактор повышения эффективности подготовки высококвалифицированных кадров // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 103–111.

5. Романова Н. П. Социальное неравенство: методологический аспект // Вестник Читинского гос. унта. 2008. № 4. С. 140–152.

6. Самохвалов Н. А. Концептуальный анализ системы социально-политических взглядов молодежи России на современном этапе // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2017. № 4. С. 19–26.

7. Allum N., Sturgis P., Tabourazi D., Brunton-Smith I. Science knowledge and attitudes across cultures: a meta-analysis // Public Understanding of Science. 2008. No. 17. P. 35–54.

8. Eurobarometer 401: responsible research and innovation (RRI), science and technology, 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (дата обращения: 27.12.2017).

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ УЧЕТА ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ВИДЕО-РЕКЛАМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ В ИНТЕРНЕТЕ НА КОЛИЧЕСТВО ПРОСМОТРОВ

Т.А. Ботева

ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург
tanyaboteva@yandex.ru

Согласно проведенным в последние годы исследованиям [6, 8] число пользователей интернета растет, а вместе с этим увеличивается и объем рынка онлайн-ритейла (от англ. «retail» – розничная торговля) [5. С. 851]. Только

динамика роста этих показателей существенно отличается друг от друга. Одним из факторов, определяющих эффективность взаимодействия потребителей в сети и розничных продавцов, выступает реклама, в том числе и видео-реклама продовольственных товаров, которая вместе с другими видами рекламных сообщений подвергается блокировке со стороны пользователей интернета [3, 7, 11, 12].

Изучение влияния учета ценностей общества при формировании рекламных сообщений на их эффективность позволило бы определить, насколько учет этого фактора значим для потребителя, и, следовательно, поможет ли его применение сделать видео-рекламу продовольственных товаров более результативной, что имеет большое значение в условиях высокой конкуренции современного рынка.

Учет ценностей общества при формировании видео-рекламы продовольственных товаров оказывает влияние на количество ее просмотров.

Медийный рекламный рынок изучали такие авторы, как Евстафьев В.А. в статье «Медийный рекламный рынок России в период кризиса (Итоги 2015 года)» (Журнал «Комуникология, 2015 год), Ключко К.А., Лашова С.Н. в статье «К вопросу об изменчивости терминологии в сфере рекламы и связей с общественностью» (Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль», 2015 год), Захарова Е.О. в статье «Пунктуационные и пунктуационно-графические приемы рекламного текста» (Журнал «Вестник Томского государственного университета», 2009 год) и другие авторы.

Под видео-рекламой в статье понимается рекламное сообщение, созданное и демонстрируемое с целью привлечения внимания потребителя к товару общего потребления, демонстрации его качеств и свойств, информирования о наличии такого товара на рынке.

Критерием эффективности видео-рекламы в интернете является количество ее просмотров пользователями сети, как подтверждение того, что видео-реклама вызвала у потребителя интерес и желание ее посмотреть и, следовательно, получать транслируемую в нем информацию.

В качестве сервиса, позволяющего получить данные для проведения исследования, используется youtube – видео-хостинг. Видео-реклама в нем размещается рекламодателями на общих основаниях, доступна и открыта для просмотра пользователям и посетителям видео-хостинга, а количество просмотров является общедоступной информацией.

Под ценностями общества в статье понимаются потребности общества, сгруппированные в соответствии с Пирамидой потребностей А. Маслоу и дополненные некоторыми современными исследованиями [1, 2, 4, 9, 10] следующим образом:

Таблица 1.

Ценности общества

Иерархия	Молодежь (18-29 лет)	Старшее поколение (30 лет и старше)
7	социальный статус	самореализация
6	забота об окружающей среде	забота об окружающей среде
5	забота о здоровье, спорт	забота о здоровье, спорт
4	уверенность в завтрашнем дне	уважение со стороны окружающих
3	хорошо зарабатывать	уверенность в завтрашнем дне
2	самореализация	хорошо зарабатывать
1	семья и хорошие дети, безопасность	

Определение наличия учета в видео-рекламе ценностей общества производится методом наблюдения и фиксации посредством отнесения символов, содержащихся в видео-рекламе, к той или иной ценности общества.

Для исследования отбирается видео-реклама продовольственных товаров методом выборки по следующим основаниям:

- название видео содержит слово, которое можно соотнести с продовольственным товаром (например, майонез, кетчуп, пельмени)
- видео содержит характеристики и смысловое содержание, по которым его можно отнести к видео-рекламе продовольственных товаров
- период нахождения видео-рекламы продовольственных товаров на хостинге составляет не более 5 лет
- длительность видео-рекламы продовольственных товаров не превышает 4 минут
- видео-реклама продовольственных товаров направлена на русскоговорящую аудиторию

Далее по каждой видео-рекламе продовольственных товаров производится фиксация количества просмотров, периода нахождения на видео-хостинге, а также количество упоминаний в ней ценностей общества. Было просмотрено 192 видео-рекламы продовольственных товаров, содержащих в названии слова «кетчуп», «майонез», «горчица», «пельмени», «колбаса».

Далее для объективности оценки количество просмотров по каждой видео-рекламе продовольственных товаров разделено на количество недель, в течение которых она находилась на видео-хостинге.

Просмотренная видео-реклама продовольственных товаров сгруппирована по количеству ценностей общества, транслируемых в ней. Таким образом, сформировано 7 групп. В видео-рекламе продовольственных товаров в различных комбинациях транслируются ценности «семья и хорошие дети», «самореализация», «уверенность в завтрашнем дне», «уважение со стороны окружающих», «забота о здоровье, спорт», «самореализация», а также есть видео-реклама продовольственных товаров, не транслирующая общественных ценностей.

По каждой группе определено среднее значение для исключения фактора численности видео-рекламы продовольственных товаров, транслируемых определенное количество ценностей общества, на общее количество просмотров на группу.

Полученные среднеарифметические данные количества просмотров округлены до целого числа по математическим правилам для удобства восприятия и анализа результатов.

Таблица 2.

Консолидированные данные количества просмотров видео-рекламы продовольственных товаров в зависимости от количества транслируемых в них ценностей общества

№ п/п	Количество групп ценностей	Количество просмотров (среднеарифметическое)
1	0	181
2	1	1 020
3	2	441
4	3	1 130
5	4	72 000
6	5	332
7	6	753
Итого:	7	18 524

График 1.

Консолидированные данные количества просмотров видео-рекламы продовольственных товаров в зависимости от количества транслируемых в них ценностей общества

Результаты показывают, что количество учитываемых ценностей общества при формировании видео-рекламы продовольственных товаров от полного его отсутствия до 3, и от 5 до 6 не имеют существенного влияния на количество просмотров.

Наибольшее влияние на количество просмотров видео-рекламы продовольственных товаров оказывает трансляция в ней комбинации 4 различных ценностей общества из числа следующих: «семья и хорошие дети», «самореализация», «уверенность в завтрашнем дне», «уважение со стороны окружающих», «забота о здоровье, спорт», «самореализация».

Дальнейшее исследование влияния учета ценностей общества при формировании видео-рекламы продовольственных товаров можно было бы проводить по определенным продовольственным товарам с целью выявления наиболее эффективной комбинации ценностей общества, к которым наиболее восприимчива целевая аудитория.

Литература

1. Жукова О.И., Жуков В.Д. «Нарциссический» человек как символ современного социума // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2(1). С. 203–206.

2. Исследование, посвященное изучению жизненных ценностей россиян. ВЦИОМ. 2017 [Электронный ресурс] // WCIOM.RU. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264> (дата обращения: 01.07.2019).

3. Новый отчет Яндекс.Метрики – «Наличие блокировщиков рекламы» [Электронный ресурс] // YANDEX.RU. URL: <https://yandex.ru/blog/metrika/otch-t-ro-blokirovshikam-reklamy> (дата обращения: 01.07.2019).

4. Моисеева Н.О. Реклама и проблема ценностных ориентаций общества // Вестник славянских культур. 2008. № 3–4 (10). С. 152–158.

5. Мюллер В.К. Большой англо-русский и русско-английский словарь. Москва: Эксмо, 2015.

6. Плуготаренко Сергей, Казарян Карен. Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). «Ежегодное общероссийское исследование отечественного рынка высоких технологий. Экономика рунета 2017 / Цифровая экономика России 2017» [Электронный ресурс] // RAEC. URL: <https://raec.ru/activity/analytics/9884/> (дата обращения: 01.07.2019).

7. Распространение программного обеспечения, блокирующего рекламу, среди пользователей США на десктопах и мобильных, 2014–2018. [Электронный ресурс] // EMARKETER.COM. URL: <https://www.emarketer.com/Chart/US-Ad-Blocking-User-Penetration-DesktopLaptop-vs-Smartphone-2014-2018-of-population/204277> (дата обращения: 01.07.2019).

8. Статистика пользователей интернета [Электронный ресурс] // ITU.INT. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (дата обращения: 01.07.2019).

9. Чукреев П.А. Реклама и ценности молодежи: социологический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6. С. 143–148.

10. Яковлева М.Н. «Динамика ценностных ориентаций современной молодежи» РГГУ. 2018 [Электронный ресурс] // isras.ru. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Yakovleva_Dinamika_zennostnyh_orientatsiy_2018.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

11. 2017 Adblock Report. [Электронный ресурс] // pagefair.com. URL: <https://pagefair.com/downloads/2017/01/PageFair-2017-Adblock-Report.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

12. Ad blockers to drain \$41 billion of global ad spend by 2016. [Электронный ресурс] // rethinkresearch.biz. URL: <https://rethinkresearch.biz/articles/ad-blockers-to-drain-41-billion-of-global-ad-spend-by-2016/> (дата обращения: 01.07.2019).

МАССОВАЯ ПЕЧАТНАЯ ПРОДУКЦИЯ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Т.К. Булай

Новосибирский государственный университет
skripkina-BSC11@yandex.ru

На сегодняшний день положение массовой печатной продукции в России характеризуется значительной неопределённостью. По данным экспертов Роспечати [3. С. 5], ранее идеологическое регулирование медиа осуществлялось либо государством, либо экономическими механизмами. На сегодняшний день ситуация не позволяет столь однозначно определить ключевые воздействующие факторы. Существующие теории акцентируют внимание на каком-либо одном аспекте, не принимая во внимание их взаимодействие. Тем самым, остаётся неясным соотношение и взаимное влияние данных механизмов.

В рамках исследования была поставлена цель: определить характер отношений между идеологией и отечественной массовой печатной продукцией с точки зрения различных факторов. Методами выступили анализ теоретических концепций, анализ законодательных актов и кодексов, анализ статистических данных, а также серия глубинных интервью с читателями массовой печатной продукции. Выборка составила 40 человек и была разделена на 2 возрастные группы по 20 человек. Представители старшей группы – это люди в возрасте 40-60 лет, которые читали массовую печатную продукцию СССР и постсоветской России преимущественно в 1970-90 годы. Представители младшей группы – это аудитория современной российской массовой печатной продукции, возраст респондентов этой группы – от 18 до 35 лет. В состав каждой группы вошло 10 мужчин и 10 женщин.

На основе изученных теорий были выделены четыре ключевых механизма опосредования отношений между идеологией и массовой печатной продукцией.

Политический механизм включает законодательное регулирование вышеупомянутых отношений, систему обеспечивающих ведомств, а также непосредственную трансляцию государственной идеологии.

Экономический механизм включает регулирование при помощи отношений спроса и предложения, рыночной конкуренции, а также поддержку и контроль массовой печатной продукции со стороны рекламодателей.

Организационный механизм основан на классической теории организации А. Файоля [2] и подразумевает, что каждая редакция или издательство представляют собой единую систему, которая имеет общую цель, некоторую координацию действий, и др.

Влияние лидеров мнений основано на подходе Р. Коллинза [1] и подразумевает роль экспертов (философов, учёных, деятелей культуры, профессионалов в различных областях), формулирующих и транслирующих ключевые идеи в информационном пространстве.

Анализ того, каким образом менялось соотношение влияния этих механизмов в СССР и постсоветской России позволил выделить три стадии.

Параинституциональная стадия относится к периоду с конца 1930-х гг. до 1990 г. На этом этапе ключевую роль играет политический механизм. Деятельность медиа регулируется постановлениями ЦК КПСС, а массовая печатная продукция находится в распоряжении государства. Организационная структура подчинена государственному аппарату. Экономическое регулирование централизовано и также осуществляется государственными структурами – госорганы занимаются анализом спроса и определением тиражности. Лидерами мнений, согласно проведённому интервью, являются либо политические лидеры, либо эксперты, публикующие материалы рецептурного характера.

Содержательно моноидеологический режим медиа проявляется во всех жанрах массовой печатной продукции. В центре нарративов – жизнь простого советского человека, подчиненная оптимистичным идеалам будущего общества, критика противников идеологии, что в полной мере отражает содержание государственной идеологии данного периода.

Институциональная стадия начинается в 1990 г., когда в государстве появляется первый единый закон, регулирующий деятельность медиа. В этот период ослабевает влияние государства, что приводит к формированию внутренних норм – профессиональных, экономических и этических.

Экономический механизм начинает играть ведущую роль. Доходы изданий теперь зависят от рекламодателей. Это, в свою очередь, оказывает влияние и на организационный механизм: издательства и редакции становятся коммерческими структурами, что требует учета спроса аудитории и интересов инвесторов.

Параллельно с этим в 1994 г. выходит Профессиональный кодекс российского журналиста, что говорит о появлении внутренних неэкономических механизмов регулирования российских медиа.

Согласно интервью, в этот период доверие лидерам мнений существенно снижается, авторитетом пользуются эксперты, транслирующие ценности, которые уже разделяют представители того или иного сегмента аудитории.

Идеологический спектр на данном этапе крайне разнообразен и включает самые разные позиции: неотрадиционализм, неолиберализм, национализм и др. Содержание транслируемых идей во многом зависит от запросов аудитории и требований рекламодателей, что подчёркивает влияние экономического механизма.

Постинституциональная стадия условно начинается в 2000-х годах, когда развитие интернет-технологий приводит к тому, что медиа выходят за рамки институциональной структуры и становятся частью того, что американский антрополог А. Аппадурани называет медиаландшафтом. Это глобальная система обращения информации, более обширная и гибкая структура, чем социальные институты и организации. Она затрагивает большее количество сфер жизни общества и предлагает идеологические продукты любой направленности, что размывает институциональные и организационные границы.

Коммерческие медиа становятся в ещё большей степени зависимыми от рекламодателей, поскольку теперь читатели в основной массе не готовы платить за доступ к контенту. Однако, растёт доля некоммерческих продуктов, которые пользуются большим доверием аудитории.

В новой медиасреде в связи с резким ростом предложения на рынке меняется роль лидеров мнений – теперь для потребителей контента ключевую роль играет их профессиональная компетентность.

Параллельно с этим осуществляются попытки государства вернуть нормативный контроль над обращением массовой печатной продукции и снова вернуть ей статус идеологического инструмента, что находит отражение в ряде законопроектов – таких, как Федеральный закон о защите детей от информации, вредящей их здоровью и развитию. Однако, в новых условиях воздействие прежними методами оказывается затруднено.

В целом, на третьем этапе формируются две ключевые тенденции: с одной стороны, попытки возвращения полного идеологического контроля над массовой печатной продукцией со стороны государства, и с другой стороны – формирование медиаландшафта, который сам по себе способен оказывать влияние на идеологический ландшафт. Ключевым на этом этапе становится организационный механизм, поскольку медиаландшафт, оказывающий влияние на прочие системы отношений, представляет собой новую форму организации работы массовой печатной продукции.

Соответственно, в течение трёх изученных этапов система массовой печатной продукции в России прошла путь от идеологического инструмента к самостоятельному социальному институту, и далее – к медиаландшафту, оказывающему влияние на различные сферы жизни общества, включая идеологические процессы. При этом проведённый анализ позволяет утверждать, что взаимодействие и взаимное влияние идеологии и массовой печатной продукции сохраняется независимо от того, какой опосредующий механизм лежит в его основе.

Литература

1. Коллинз Р. Социология философий / Пер. с англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
2. Файоль А. Общее и промышленное управление. Перевод на русский язык: Б. В. Бабина-Кореня. М., 1923. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий.
3. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Российская периодическая печать. Отраслевой доклад. Под ред. Григорьева В.В. // М., 2019. 116 с.

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В СУБЪЕКТАХ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

И.Д. Ван

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ
irdon@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Памятники письменности народов Внутренней Азии: исследование, перевод и презентация»)

Территориально-поселенческое неравенство является одной из актуальных проблем российской социологии, поскольку в постсоветский период резко усилились диспропорции социально-экономического развития регионов. Пространственное неравенство – объективное следствие концентрации конкурентных преимуществ на одних территориях и их отсутствия или дефицита на других [2. С. 15–16]. В связи с неравномерностью развития регионов наиболее уязвимыми в экономическом плане и наименее развитыми оказываются удаленные от «центра» регионы, одним из которых является Байкальский регион, включающий в себя Республику Бурятия, Иркутскую область и Забайкальский край. При этом важной особенностью Байкальского региона является трансграничность, которая обуславливает его стратегическое значение и ресурсный потенциал.

Республика Бурятия, Забайкальский край и Иркутская область относятся к субъектам со средним уровнем экономического развития. Консолидированная экономика Байкальского региона имеет небольшой удельный вес в экономике Российской Федерации. На его долю приходится 9,2% территории, 3,1% населения и 1,8% ВВП страны. Дальневосточный федеральный округ, в состав которого с осени 2018 года вошли Бурятия и Забайкальский край, является самым большим по территории и самым малонаселенным округом в стране, плотность населения составляет 1,18 чел./км² [3. С. 18–24].

Территориально-поселенческое неравенство подразумевает дифференциацию не только между регионами и федеральным центром, но и

дифференциацию внутри самого региона. Показатели валового регионального продукта, которым измеряется экономическое неравенство регионов, выявляют, что ВРП Бурятии и Забайкальского края вдвое меньше ВРП Иркутской области и в разы меньше аналогичных показателей трех федеральных округов.

Таблица 1

Динамика валового регионального продукта за последние 6 лет

Регионы, федеральные округа	ВРП (млн. рублей)		ВРП на душу населения (рублей)	
	2010	2016	2010	2016
Центральный федеральный округ	13 444 440	24 135 019	350 204	616 366
Сибирский федеральный округ	4 131 394	7 133 872	214 401	369 150
Дальневосточный федеральный округ	2 110 720	3 756 642	33 4909	607 004
Республика Бурятия	133 525	199 225	137 564	202 627
Забайкальский край	166 742	262 801	150 548	243 110
Иркутская область	546 141	1 068 724	224 364	443 297

Не менее важным является и показатель фактического конечного потребления домашних хозяйств, который может выявить уровень благосостояния населения. Так, данный показатель Иркутской области по данным на 2017 год составил 512041 млн.руб., тогда как аналогичные показатели Забайкальского края составили 259024 млн.руб, Республики Бурятия – 255237 млн.руб. [3. С.18–22]. По другим не менее важным показателям Бурятия и Забайкальский край также серьезно отстают в развитии от Иркутской области (табл. 2).

Таблица 2

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности (млн. руб.) по данным 2017 г.

	Республика Бурятия	Забайкальский край	Иркутская область
Добыча полезных ископаемых	25 331	82 184	455 207
Обрабатывающие производства	59 164	26 309	481 866
Обеспечение электричеством и водоснабжением	28 400	33 986	126 059
Продукция сельского хозяйства	15 061	22 513	61 900
Ввод в действие жилых домов (тыс.м ²)	269	270	973
Оборот розничной торговли	170 864	158 173	321 971

Таким образом, при внутрирегиональном сравнении выгодно отличается Иркутская область. Тем не менее, субъекты Байкальского региона по совокупным макроэкономическим показателям отстают от регионов двух федеральных округов и намного отстают от Центрального федерального округа, и относятся к группе с достаточно низким уровнем развития.

Помимо экономического неравенства регионов есть другой ракурс проблемы – социальное неравенство, измеряемое дифференциацией регионов по уровню доходов, уровню занятости и другим качественным характеристикам. В рейтинге субъектов РФ по среднему душевому доходу населения Республика Бурятия занимает 46-е место, Забайкальский край – 60-е, Иркутская область – 66-е, по потребительским расходам на душу населения Бурятия занимает 45-е место, Забайкальский край – 65-е, Иркутская область – 71-е. Так, Байкальский регион находится практически в конце рейтинга субъектов РФ по показателям доходов и расходов, и лидирует по показателю уровня преступности (Забайкальский край – 2-е место, Бурятия – 3-е) [3. С. 190–192].

Проведенное автором исследование по доходной стратификации в Байкальском регионе, основанное на статистических данных ФСГС РФ, показало, что модели доходной стратификации субъектов Байкальского региона практически не отличаются друг от друга, но имеют различия с общероссийской моделью: в общероссийской модели более широко представлены высокодоходные группы и менее – низкодоходные, а в моделях субъектов Байкальского региона большая часть населения относится к низкодоходным группам, высокодоходная группа представлена совсем небольшой группой.

Таким образом, территориально-поселенческое неравенство выражается не только в качественных различиях между федеральным центром и отдаленными от «центра» регионами, но и между субъектами Байкальского региона. Внутри Байкальского региона выделяется Иркутская область, чей уровень социально-экономического развития намного превышает уровень Забайкальского края и Республики Бурятия. Иркутскую область отличают высокие показатели ВРП, транспортно-логистическая связь с «центром», низкие тарифы на электроэнергию и более благоприятные условия для развития предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что основным последствием территориально-поселенческого неравенства является миграционный отток населения в более благополучные регионы, причем из Забайкальского края и Бурятии едут не только в Центральный федеральный округ, но и в более благополучную Иркутскую область, в то время как из Иркутской области преимущественно мигрируют в ЦФО. Коэффициент миграционного прироста в субъектах Байкальского региона имеет отрицательное значение на протяжении последних десятилетий [1. С. 84]. Усилившийся миграционный отток влечет за собой, даже при естественном приросте, снижение численности и

уменьшение плотности населения, что не отвечает ни экономическим, ни геополитическим интересам страны.

Для преодоления территориально-поселенческого неравенства внутри Байкальского региона необходимо предоставить субъектам равные условия социально-экономического развития, и для сокращения значительного отставания региона от федерального центра необходимы меры не только социальной политики государства, но и решение вопросов развития инфраструктуры с использованием ресурсного потенциала трансграничного региона.

Литература

1. Ван И.Д. Демографические и миграционные процессы в субъектах Байкальского региона // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.: материалы междунар. науч. – практ. конф. Улан-Удэ, 2018. С. 83–86.
2. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013, №6. С.15–26.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат.сб. М.: Росстат, 2018.

ВОСПРИЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА АУДИТОРИЕЙ СОЦСЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Е.Ю. Васильева

Международная школа «Медицина будущего»,
Институт социальных наук Первого МГМУ имени И.М. Сеченова, г. Москва
lena.vasilyeva777@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках проекта 5-100 (5top100.ru).

Понятие «искусственный интеллект» (ИИ) комплексно объединяет технологии «прорыва» в будущее. Еще до появления искусственного разума, алгоритмы машинного обучения начали менять устоявшуюся социально-культурную среду. Так, считавшаяся вершиной для интеллекта человека шахматная игра, после победы суперкомпьютера Deep Blue (IBM) над чемпионом мира в 1997 г., перестала символизировать торжество человеческой мысли. Возможность сделать перебор всех вариантов алгоритмом за доли секунды открыла новую страницу в истории, где риски для цивилизации впервые стали беспрецедентно высокими.

В журнале «Эксперт» № 10 (2019 г.) в интервью с Сергеем Кареловым (экс-топ-менеджер IBM и Cray) было сказано, что разработка ИИ касается такого вопроса, как «хакнуть человечество». Например, суперкомпьютер Debater (IBM) может генерировать аргументы в споре с человеком – то есть создавать свою идеологию машины. В медицине искусству врача бросил вызов

суперкомпьютер Watson (IBM). Бесконтрольное внедрение ИИ в медицину неизбежно приведет к ее хаотизации [2]. В автомобилестроении ИИ попирает основы морали, так как производители машин с управлением ИИ закладывают алгоритмы, которые призваны спасать только водителя, даже если среди пешеходов будут дети [7]. Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology) создал платформу «Машина морали» для сбора мнений мировой аудитории о моральном выборе в конкретных ситуациях на дороге (<http://MoralMachine.MIT.edu/hl/ru>).

Появился термин, оксюморон «нечеловеческая социология», который ввела в социологический дискурс эксперт ВЦИОМ Анна Кулешова [1]. Спектр вызовов, перед которыми стоит современная социология – широкий, от возможности потери личности и способности сопереживать, до потери рабочих мест и прежних достижений в социальной политике.

ИИ уровня человеческого разума обозначают термином AGI (Artificial General Intellegence), сильный (общий) ИИ. Российские ученые сформулировали четкие научные требования к AGI [3], что объективно приближает исторический момент, когда AGI реально появится. Американские ученые называют этот будущий этап – «жизнь 3.0», когда социум будет жить в условиях превосходства технологий ИИ (жизнь 1.0 – биологический, доисторический этап; жизнь 2.0 – социально-культурный этап существования нашей цивилизации) [4].

В настоящее время проводятся международные социологические опросы по теме восприятия социумом ИИ [5, 6]. Одно из самых социально значимых и негативных последствий внедрения ИИ – безработица. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного два года назад, 6% работающих россиян полагали, что их полностью заменит ИИ и робототехника (Пресс-выпуск ВЦИОМ №3538 от 14 декабря 2017 г.).

В данном исследовании был проведен онлайн соцопрос в мае и июне 2019 г. (Google Формы) по теме «Искусственный интеллект» среди аудитории социальной сети ВКонтакте (размещалась гиперссылка с приглашением пройти опрос в нескольких группах соцсети). Опрос прошли 65 человек, более половины из них – молодые люди от 16 до 25 лет (53,8%); лица в возрасте от 26 до 35 лет составили 9,2%; от 36 до 50 лет – 15,5%; старше 50 лет – 21,5%.

Мнения по поводу возможного превосходства в будущем ИИ над человеческим разумом разделились почти поровну: 35,4% респондентов уверены, что однажды машины превзойдут человека, 38,5% опрошенных имеют противоположный взгляд на данную проблему, а 26,1% затруднились ответить. При этом более 70% респондентов испытали бы негативные эмоции, узнав, что ИИ наконец превзошел человека. В решении важного вопроса 87,7% опрошенных оставляли бы за собой «последнее слово», и ни один из респондентов не поступил бы в точности так, как рекомендует ИИ.

На вопрос «Опасаетесь ли вы, что ИИ полностью заменит людей конкретно вашей профессии (будущей профессии)?» во всех возрастных группах преобладал отрицательный ответ (рис. 1). Треть респондентов,

находящихся в возрасте карьерного роста (26-50 лет), боятся потерять работу из-за того, что ИИ их заменит.

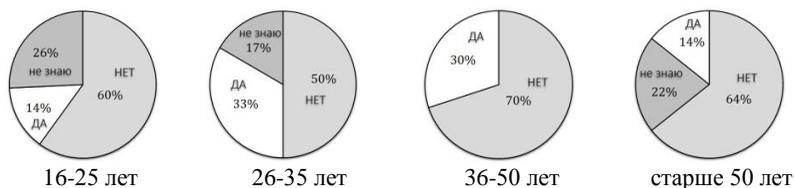

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос соцопроса «Опасаетесь ли вы, что искусственный интеллект полностью заменит людей конкретно вашей профессии (будущей профессии)?» среди респондентов соцсети ВКонтакте.

Таким образом, среди пользователей соцсети ВКонтакте темой ИИ интересуются представители всех возрастных групп, но с учетом того, что соцсеть собирает преимущественно молодежную аудиторию, более половины участников соцопроса – молодежь. В целом, респонденты не боятся технологий ИИ, но одновременно, не доверяют решениям ИИ. В 2019 г. в возрасте карьерного роста доля опасующихся, что ИИ займет их рабочие места, достигает 30%.

Литература

1. Гаврилина Е.А., Петрова И.Э. (Не)человеческая социология и власть искусственной социальности. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2019. № 2. С. 434–438. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.19>.
2. Колесниченко О.Ю., Колесниченко Ю.Ю., Литвак Н.Д. Искусственный интеллект в здравоохранении: системные проблемы. Ремедиум, 2018. № 4. С. 24–30.
3. Смолин В.С. Проект Манифеста разработчиков AGI. Сборник научных трудов XX Международной научно-технической конференции «Нейроинформатика-2018». В 2-х частях. Ч.1, М.: НИЯУ МИФИ, 2018. С. 173–183.
4. Тегмарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта / пер. с англ. Д. Баюка. М.: Издательство АСТ, CORPUS, 2019. 560 с.
5. Anderson J., Rainie L., Luchsinger A. Artificial Intelligence and the Future of Humans. Pew Research Center, 2018. 123 p.
6. Edelman AI Survey Results Report, 2019. 40 p.
7. Maxmen A. Self-driving car dilemmas reveal that moral choices are not universal. Nature, 2018. Vol. 562. P. 469–470. doi: 10.1038/d41586-018-07135-0.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ДЕПУТАТЫ В ГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТАХ (СЛУЧАИ УРАЛЬСКИХ МАЛЫХ ГОРОДОВ)

Т.Б. Витковская

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
vit.tatiana@gmail.com

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00624 А
«Представительный орган местного самоуправления в малом российском городе:
пространство влияния и политический потенциал»*

Данные тезисы содержат описание отдельных результатов эмпирического исследования местной представительной власти, проведенного автором в четырех малых городах Свердловской области и Пермского края в 2018-2019 гг. Исследование было посвящено месту представительного органа местного самоуправления в городской политике. Тезисы рассматривают роль городских Дум в политических конфликтах, которые разворачиваются в городском пространстве. Выделены основные категории депутатов, обозначены их позиции, определен характер их отношений с муниципальными администрациями.

Крупный и градообразующий бизнес. Крупный бизнес, как и бизнес, который выполняет роль градообразующего для малого города, может успешно конкурировать за влияние с политическими игроками, даже с главой муниципалитета. Экономические ресурсы бизнес может конвертировать в политическое влияние, и основным механизмом при этом выступает формирование в представительных органах городского самоуправления корпоративных депутатских групп. Корпоративные группы – это неформальные депутатские группы, которые представляют интересы крупных бизнес-игроков в городских Думах. Руководство крупного или градообразующего предприятия может вступать в открытый конфликт с руководством муниципалитета. В случае затяжного конфликта, который не был разрешен в ходе закрытых переговоров между представителями сторон, он зачастую переносится на площадку представительного органа публичной власти. В городской Думе корпоративная депутатская группа противостоит депутатам, лояльным администрации. Резкое увеличение доли корпоративных депутатов после очередных муниципальных выборов может говорить о конфликте между руководителями муниципалитета и предприятия, который заставил предприятие искать удобную форму политического участия и площадку представительства.

Малый бизнес. Локальное бизнес-сообщество в малом городе, как правило, слабо политизировано. Вместе с тем, некоторые его активные представители ориентированы на взаимодействие с представителями исполнительной власти. Для собственника небольшого бизнеса избрание в

городскую Думу – это доступный способ выделиться из ряда местных бизнесменов, поставить себя в поле зрения чиновников с исполнительными полномочиями. Парадоксально, но предприниматели, претендуя на мандат муниципального депутата, в большей степени ориентированы на построение связей с чиновниками, чем на совместную работу с коллегами по депутатскому корпусу [1. С. 90]. Ценность приобретаемых после избрания в орган публичной власти социальных связей, возможность выстроить отношения со значимыми игроками на поле городской политики предопределяют политическую лояльность депутатов-бизнесменов. Как правило, они не вступают в конфликты с представителями исполнительной власти. При этом лояльность не является следствием давления на депутатский корпус со стороны администрации, но оказывается результатом личного выбора и элементом стратегии депутатов-предпринимателей, для которых политическое самоопределение и политическая самостоятельность не приоритетны.

Сотрудники бюджетных учреждений. В составе представительных органов местного самоуправления представители бюджетных организаций присутствуют повсеместно: учителя и врачи, директора школ, детсадов, клубов работают практически в каждой городской Думе. Глава города нуждается в поддержке со стороны депутатов, если его амбиции предполагают расширение сферы его влияния за пределы зоны ответственности, определенной перечнем его должностных полномочий. Поддержка депутатов означает для главы поддержку курса действующей администрации представительной властью и продвижение через городскую Думу его законодательных инициатив. Как правило, представители бюджетных учреждений социальной сферы выступают в роли депутатов, которые поддерживают главу – «страховки» главы. Как работники учреждений, деятельность которых финансируется преимущественно из муниципального бюджета [2], и кадровые решения по которым принимаются при неофициальном участии администрации, они осознают свою зависимость от исполнительной власти и, как правило, не вступают в конфликты с ее представителями.

Выводы Состав представительного органа местного самоуправления влияет на то, в какой мере оказывается реализован (и реализуется ли вообще) потенциал конфликта, заложенный присутствием в городском политическом пространстве различных игроков, имеющих конкурирующие или пересекающиеся интересы. Представительство крупного или градообразующего бизнеса в городских Думах зачастую оказывается результатом конфликтной ситуации, которая не может быть разрешена быстро, и воспроизводится в течение нескольких электоральных циклов. Широкое представительство бюджетных организаций или малого бизнеса в городских Думах имеет обратный эффект: представительный орган не «дробится» по интересам, не конфликтует с исполнительным органом власти,

при этом паритет между ветвями местной власти при таком составе депутатского собрания оказывается сложно достижим.

Литература

1. Витковская Т.Б. Представительный орган местного самоуправления: эффекты и издержки присутствия бизнеса // Вестник Пермского научного центра. 2018, № 3. С. 84–91.

2. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ (ред. от 29.07.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 23.01.2019).

КУЛЬТУРА И ЯЗЫКИ НАРОДОВ РФ КАК ОСНОВА ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

М.В. Гавриленко

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии РФ
maria791@ngs.ru

Формирование из разрозненных групп людей сплоченных воинских коллективов – одна из важных задач воинской деятельности как мирного, так и военного времени. В условиях боевых действий степень дезорганизации подразделений может быть повышена. Они могут находиться в состоянии, когда развивается замкнутость, ослабевают чувство долга и заботы о своих товарищах. Следовательно, офицеры должны иметь определенный опыт в создании коллективов, их сплочении и боевом сколачивании, а также в восстановлении в случае необходимости их структуры и боеспособности.

Неочевидная, но важная проблема, возникающая при формировании воинского коллектива, связана с необходимостью учета специфики отношений, которые могут сложиться (или не сложиться) между людьми разных национальностей или этнических групп из-за различающихся ценностей, особенностей поведения, культурных традиций, моментов, связанных с национальной, этнической или религиозной идентичностью. Историческое желание каждого народа и его представителей – сохранить свое лицо и свою культуру. Незнание рождает страх, страх формирует образ враждебного «чужого». В подразделениях большинство призывников впервые в своей жизни вливаются в многонациональный коллектив, получают первый опыт межнационального общения и вступают в постоянное взаимодействие с представителями других национальностей. Отношение к ним со стороны военнослужащих других национальностей бывает разным: положительным, безразличным, а иногда недружелюбным и даже конфликтным. В этой связи, одной из актуальных проблем обучения и воспитания курсантов является

формирование и всестороннее развитие личности в системе межэтнических отношений.

В Новосибирском военном институте обучаются курсанты более 40 национальностей, являющиеся носителями культурных традиций своих народов. Достаточно большое количество курсантов приезжают поступать и обучаться в военном институте из республик Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия, Ингушетия и т.д. Престиж воинской службы в Северокавказских республиках в настоящее время достаточно высок. Такой наплыв абитуриентов и военнослужащих по контракту с Северного Кавказа отчасти можно объяснить тем фактом, что на Северном Кавказе служба в армии с давних лет считается важнейшим делом любого мужчины. Без опыта армейской службы молодому человеку будет весьма непросто найти работу. Для того, чтобы предотвратить возможные межэтнические конфликты среди военнослужащих, существует негласное правило командиров – не помещать курсантов из одного города, республики, поселка, села в один взвод, а равномерно распределять по подразделениям, чтобы не создавать «землячеств». Это происходит еще на абитуриентских сборах.

Военная система во многом построена на унификации и нивелировании каких-либо различий, в том числе и национальных. Но очень важно в этих условиях давать военнослужащим возможность говорить о своем народе, рассказывать коллективу о его культуре и языке. В таком случае «чужие культуры» могут стать «своими», ведь многие молодые люди поступают в военный вуз, не имея даже базовых представлений о культурном многообразии народов России. Обладая этими знаниями, военнослужащий может как сам избегать конфликтов на национальной почве, так и вести культурно-просветительскую работу и предотвращать такого рода конфликты.

Поэтому одним из способов гармонизации межэтнических отношений в военном вузе служит научно-исследовательская деятельность курсантов. В рамках военно-научного общества курсанты имеют возможность проводить исследования по проблематике, связанной с историей и культурой своего народа. Вот список некоторых тем научных исследований, над которыми работали курсанты и с которыми они успешно выступали на различных площадках города и области:

1. Образ Родины в творчестве Расула Гамзатова.
2. Калмыцкий язык: история и современность.
3. Джемалдин Яндиев – первый народный поэт Ингушетии.
4. Историко-культурное своеобразие Горной Шории.
5. Нужно ли спасать исчезающие языки?
6. Почему кавказские языки такие разные?
7. Патриотическая литература на рутульском языке.
8. Символика чисел в табасаранском языке.
9. Военная лексика в табасаранском языке.

10. Поэтическое наследие калмыцкого народа. Народный эпос «Джангар».

Еще одно направление работы по гармонизации межэтнических отношений в военном вузе связано с деятельностью отдела по воспитательной работе Новосибирского военного института. Так, сотрудниками отдела была разработана анкета для курсантов, обучающихся по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности». Цель данного анкетирования – выявить так называемые «проблемные», несплоченные подразделения, чтобы затем целесообразно перераспределить личный состав.

Кроме того, командиры межнациональных воинских коллективов должны ориентироваться или хотя бы иметь базовые знания по истории и культуре тех республик, откуда призваны их подчиненные, накапливать этот материал и систематизировать его.

Необходимость знакомить обучающихся с разными национальными и этническими культурами связана еще и с тем, что служебно-боевая деятельность выпускников Новосибирского военного института войск национальной гвардии нередко проходит в органах внутренних дел и полиции. Работая с представителями различных национальностей, в ходе допросов и следственных мероприятий сотрудник органов внутренних дел сталкивается с представителями различных национальностей и должен учитывать их национально-психологические особенности.

Все эти различия должны быть понимаемы в культурном контексте и учитываться в служебно-боевой деятельности военнослужащих войск национальной гвардии.

Литература

1. Тымчук О.Н., Сергеева Е.В. Проблемы этнопсихологической подготовки курсантов и офицеров военных вузов// Успехи современного естествознания. – 2009. – № 7. – С. 122–124; URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12721> (дата обращения: 12.02.2019).

ТЕЛО, ГЕНДЕР, ИДЕНТИЧНОСТЬ В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ: В ПОИСКАХ НОРМЫ

Е.В. Горбунова, Е.А. Ерохина

Новосибирский государственный университет экономики и управления
kaitelin@mail.ru, leroh@mail.ru

В век новых прогрессивных технологий человек по-прежнему остается наедине со «старыми» вопросами: как я? что есть «мы»? где границы моей самости? «Эпоха перемен» уже слишком далеко ушла от «традиционных» ценностей и предлагает новые способы определения морали, собственной идентичности, представлений о норме. Граница между «привычным» и тем, что может повергнуть в шок, становится все более размытой.

Тело больше не является сферой компетенции узкого специалиста: современный человек наделен властью распоряжаться им и даже идти против природы, подвергая его не только целесообразному усовершенствованию, но и мнимому улучшению. Между тем, этические дилеммы, возникшие в связи с развитием биомедицинских технологий, таких, например, как экстракорпоральное оплодотворение, далеки от разрешения. Напротив, они становятся смысловым ядром трансдисциплинарного дискурса о границах «человеческого», «мужского» и «женского». Однако, как замечает голландский философ Анн-Мари Мол, биологический «...орган сам по себе не превращает кого-либо в женщину. Требуется гораздо большее, чтобы *сделать* женскость: особые манеры речи, типы походки, одевания, обращения. Женский способ кричать и быть в гнев, улыбаться, есть, утешать, любить. Если гендер – это не нечто фиксированное и физическое, а тягучее и исполняемое, то половых органов недостаточно, чтобы его маркировать» [2. С. 75].

Постсовременность предлагает человеку богатый выбор ответов на важные смысложизненные вопросы: каков я по своей природе? каким я должен быть? кем я хочу стать для других? Этот выбор настолько многообразен, что включает в себя и негативный ответ, отрицающий необходимость выбора. Спектр возможных ответов простирается от бунта в отношении навязанных идентичностей до полного отказа от выбора собственной идентичности.

В философии XX века немало исследований было посвящено проблеме кризисной идентичности. Однако и в XXI веке проблема не утратила своей остроты. В «Культуре времен апокалипсиса» А. Парфей показал, как идентичность диктуется назойливой рекламой, и с самого раннего детства наше сознание уже поработано «рекламными монстрами с широко раскрытыми ртами», желающими от нас исключительно потребления [3. С. 50–54].

Возможна ли свобода индивидуального выбора в ситуации бунта против навязанных правил «из прошлого»? Насколько актуальны вызовы прошлого, такие, как, например, политическое неравенство женщин, рабство или нацизм, в настоящем? Сегодня считается предрассудком осуждение человека за его сексуальную ориентацию, однако определенность с извечным вопросом о том, что в отношении социального пола считать нормальным, а что следует причислить к патологии, так и не наступила. Утвердившийся в обществе индивидуализм требует конвенциональной нормы, но достигать соглашения становится все труднее и труднее: слишком многообразны наши представления о нормативности.

Критика классической рациональности и отказ от ее модели описания социальной реальности вызвали к жизни трансдисциплинарный дискурс, открывающий возможность для высказывания социальных субъектов, далеких от академической науки. На пересечении академического и профанного возникли такие направления, как исследования памяти, травмы, транссексуальности со специфическим тезаурусом, построенным вокруг

концептов *виктимности*, «*болезненной раны*», *доминирования*, *гонения*, *сопротивления*, *истребления*. С одной стороны, этот тезаурус несет новые эвристические возможности для критического анализа. С другой сторону, он формирует определенную оптику анализа настоящего и оценки будущего, сквозь призму которого трудноопределимой оказывается грань, за которой требование свободы от всех ограничений превращается в бегство от свободы. Современный человек бежит от морали, и, как и его предшественники, разочарованные в господстве косных и «унылых» норм, стремится изменить отношение к телу и полу, к жизни и смерти, особенно к смерти, ведь в нынешнем мире смерть тоже становится чем-то «древним», «темным», «окончательным». Новый мир не терпит ничего «завершенного», напротив, он требует идти дальше, требует «бесконечного», постоянно подпитывающего жизнь механизма. Следуя этим ожиданиям, «реальность» подвергается корректировке, человек создаёт свой собственный мир, где удовлетворение происходит «здесь» и «сейчас».

В этом контексте возникает ряд трудноразрешимых дилемм. Как включается наше тело в бесконечный поток воспроизводимости стандарта, ориентированного на вечность, молодость и красоту? Как трактовать отказ от идентичности? Значит ли это, что современный человек стремится к прогрессу, или же, напротив, путем «дробления» идентичностей, появления «квир персон», общество скорее регрессирует, изобретая многоликое языческое божество в стремлении компенсировать разрыв между обладающими доступом к социальным благам и лишенным его, социально «продвинутыми» и «уязвимыми», живущими в изобилии и борющимися за выживание?

Данные проблемы порождают острые споры о принципиально неопределимых, но нуждающихся в определении вещах: что считать «нормой» или «патологией»? Человек, определяя себя и свое место в обществе с помощью гендерных категорий, желает «завершенности», «постоянства». Однако то же можно сказать и о «трансгендерных людях», которые находятся в теле, противоположном своим психологическим ощущениям, и все, что они хотят, это определиться и отделиться от «другого» чуждого им пола.

Новые стандарты современности отнюдь не так благожелательны, как кажутся на первый взгляд, и порой раздвинуть границы – значит упасть в пропасть. И. Кон, тщательно анализируя ступени сексуальной революции в России, каждый раз подчеркивает тот факт, что мы совсем недавно начали освобождение от «прошлого», «сексофобии», «гомофобии». По его мнению, раскрытие индивидуальности, ее подчеркивание не свойственно русской культуре [1. С. 219]. Однако это совсем не означает, что мы далеки от перемен, тем более, что феномен отвергания пола, нежелание мирится со своим телом проявляется в и в других странах.

Сегодня никто не осуждает чувствительность некоторых мужчин или брутальность некоторых женщин. Если каждый из нас подвержен изменению, не означает ли это, что нормой может стать выбор пола или конструирование

собственного тела? Говоря об этом, мы заходим на территорию, где уже давно расставлены границы между «нормой» и «патологией», где предпочтение отдается целостности и определенности. На это ориентирует и медицинская наука, и общество с его идеалом «гармоничного человека», в развитии которого любые «расщепления» и «раздвоения» грозят неотвратимым расстройством, болезнью, медицинским вмешательством. Между тем, оставаясь в границах классической парадигмы научного знания, невозможно оценить характер происходящих в обществе изменений. Возможна ли новая оптика критического анализа, которая позволяла бы избежать крайностей классической и постнеклассической моделей научного описания биологического и социального в конструировании гендерной идентичности? Этот вопрос ждет своего ответа.

Современность диктует особые условия индивидуального развития, где человек «предоставлен» сам себе, словно ребенок, оставшийся в одиночку среди множества привлекательных для него вещей. Размытость критериев нормы человеческого искажает образ будущего, превращая движение к нему из направленного в хаотичное плавание по волнам «безвременья» и «переживания уже пережитого». Современный человек вынужден сосуществовать со своим «тяжелым» прошлым и не совсем определенным будущим, где тревога и неизвестность порождают кардинальное «сомнение» в принадлежности человека к чему-либо вообще: полу, возрасту, расе, социальной роли. Подобные сомнения проявляются в неопределенности ожиданий от будущего, в ощущении чуждости и «неприкаянности», в трудности выбора профессии и создания семьи.

Литература

1. Кон И.С. Сексуальная культура в России / И.С. Кон-Москва: Издательство АСТ, 2019. 464 с.
2. Мол А. Множественное тело. Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2017.
3. Парфей А. Культура времен апокалипсиса / Под ред. А. Парфрея; [Пер. с англ. А. Ведюшкина и др.]. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 600 с. С. 50–54.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

С.Д. Гурнева

Санкт-Петербургский государственный университет
gurievasv@gmail.com

Проблема сохранения и поддержания культурного многообразия является одним из важнейших направлений современного общества. Внимание к культурным различиям означает признание базовой ценности различий между людьми и уважения этих различий. Признание проявляется не

столько в терпимом отношении, а, прежде всего, в понимающем, принимающем и уважительном отношении к большому разнообразию человеческого существования. Так, например, известная концепция «плавильного котла», в котором плавилась и смешивались различия между людьми, не выполнила в конечном итоге своего главного предназначения, в результате чего не сформировалась единая матрица современного общества. Большинство эмигрантов сознательно отказывались от своей культуры, языка, материальных и духовных ценностей, соблюдения ритуалов и традиций, преследуя единственную цель – стать «своими» для принимающего общества. На какие жертвы готовы были пойти эмигранты, если они были готовы отказаться от своего имени, меняли свои фамилии, с целью раствориться в этом плавильном котле, с единственной целью – стать похожими на «местных». Многие признавали подобные изменения в поведении эмигрантов позитивными шагами в направлении принимающего общества. К сожалению, общество закрывало глаза на проблему культурного разнообразия, большинство ученых старались не обращать внимания на эти различия, вытягивая на поверхность изучения более актуальные и более важные социальные проблемы. Можно ли считать проблемой, что эмигранты, в своей мотивации быть принятыми, опасались, прежде всего, за то, чтобы не соответствовать, и что принимающее общество их культурные отличия может воспринять как отклонение от строгих социальных норм и стандартов поведения [1, 2]. Эмигранты, преследуемые опасностью быть «рассекреченными» принимающим обществом, готовы были отказаться от всего дорогого, близкого, значимого и важного в их жизни. Отказавшись, и предав свою культуру, они, конечно, ожидали, что получат какие-то компенсации...

Социальный запрос общества на изучение межэтнических отношений, межкультурных, межконфессиональных различий дал ожидаемый результат (Gaines, Gurung, Lin, Pouli, 2006) [11]. В настоящее время увеличивается количество научных работ, посвященных изучению не только межкультурных различий, но и самого понятия «культура», у которого появляется больше значений и областей употребления. Также существует огромное множество различных аспектов проявления культуры, которые не могут быть легко увиденными и интерпретированными. Например, когда люди из разных частей одной страны вступают в брак, то возможен культурный конфликт между ними [11, С. 174]. Предпринимаются многочисленные попытки, направленные на развитие гармоничных межэтнических отношений. В научном «арсенале» присутствуют различные модели, подходы, концепции, позволяющие улучшать и развивать отношения. Следует отметить: теорию повышению общего культурного уровня (культурный рост) всех участников, вовлеченных в построение межэтнических отношений (Kim, 1993) [12]; усовершенствование межэтнических отношений возможно в направлении создания «культурного плюрализма», но исключаяющего проявления «культурного дальтонизма» (Wittenbrin, Judd, Park, 1997) [17]; формирование

мультикультурного человека (multi-cultural man) может оказать позитивное влияние на улучшение межэтнических отношений (M.Adler, 1982) [5]; необходимость «морального включения» вместо «морального исключения» упоминается в контексте межэтнических отношений на личностном уровне (Scollon R., Scollon S.) [15].; повышение «межкультурной чувствительности» (Orbe, Speller, 1996) [14]; использование «двойных качелей» («double swing», Yoshikawa, 1986) [18]; «личностный рост», направленный на улучшение межэтнических отношений (R. Scollon, S. Scollon, 1980) [15]; изучение феномена предрассудков в межличностных отношениях (Brewer, Brown, 1998) [8, 9]; феномен аттракции (Berscheid, Reis, 1998) [6]; понимание межэтнических отношений через состояние гармонии (С.Д. Гуриева, 2012) [3].

Рассматривая межэтнические отношения Gaines, Gurung, Lin, Pouli выделяют три социально-психологические теории, оказавшие значительное влияние на формирование, развитие и поддержание отношений [11]. Первин и Джон считали, что необходимо сосредоточиться на пяти основных областях, затрагивающих теории личности [4. С. 37], результаты применения которых оказывают большое прикладное значение. К этим «главным» теориям следует отнести следующие: теорию привязанностей («attachment theory», Bowlby, 1982) [7], теорию взаимозависимости («interdependence theory», Thibaut, Kelley, 1959) [3], теорию обмена ресурсами («resource exchange theory», U.Foa, E.Foa, 1974) [10].

Изучение проблемы культурного многообразия современного общества склоняется в сторону изучения культурных различий и расширения значений и областей применения понятия «культура». Разработанный учеными научный «арсенал» в изобилии представлен различными моделями, теориями, подходами, направленными на повышение общего культурного уровня всех участников, с целью создания нового человека «multi-cultural man» (M.J.Adler) [5]; отличающегося «межкультурной чувствительностью» (M.P.Orbe, R.E.Speller, 2005) [14]; умеющего использовать технику «двойные качели» (M.Yoshikawa, 1987) [18]; настроенного на сохранение и поддержание гармоничных отношений и культурного многообразия [3].

Среди предложенных теорий, моделей, подходов, возможно, что появится возможность увидеть и осознать «слепые зоны», «слабые звенья», «недостатки и ограничения» в межэтнических / межкультурных отношениях. Признание культурного многообразия проявляется не столько в терпимом отношении, а, прежде всего, уважительном отношении к большому разнообразию человеческого существования.

Литература

1. Гуриева С.Д. Влияние этнического фактора на динамику межгрупповых отношений // Сибирский психологический журнал. Федеральное агентство по образованию / Гл. ред. Г.В. Залевский, Томск, Томский государственный университет, 2009. № 32. С. 89–95.

2. Гуриева С.Д., Кинунен Т.А. Аккультурация как кризис идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-

Петербург, Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. Серия 12, № 1. С. 92–112.

3. Гуриева С.Д. Межэтнические отношения: гармония, напряженность, конфликт // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Изд-во Санкт-Петербургского университета Сер. 16. Психология. Педагогика. Вып. 3, Сентябрь, 2012, С. 31–42.

4. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования / Пер. с англ. М.С. Жамкочьян / Под ред. В.С. Магуна. М, 2001.

5. Adler, M.J. *The Paideia Proposal*. N.Y., 1982.

6. Berscheid E., Reis H. T. Attraction and close relationships // *The handbook of social psychology* / Gilbert D.T., Fiske S.T., Lindzey G. (Eds.). Boston, 1998. Vol. 2. P. 193–281.

7. Bowlby J. *Attachment and loss*. Vol. 1. N.Y., 1982.

8. Brewer M.B. The social self: On being the same and different at the same time // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. Vol. 17. P. 475–482.

9. Brewer M.B., Brown R. Intergroup relations // *The handbook of social psychology* / Gilbert D. T., Fiske S. T., Lindzey G. (Eds.). Boston, 1998. Vol. 2. P. 554–594.

10. Foa U.G., Foa E.B. *Societal structures of the mind*. Springfield, 1974. Folberg and Taylor, *Mediation: A Comprehensive Guide to Resolving Conflict without Litigation*, Jossey-Bass, San Francisco. 1984.

11. Gaines S., Gurung R., Yu-Yi Lin, Pouli N. Interethnic Relationships // *Close Relationships: Functions, Forms, and Processes (Frontiers of Social Psychology)* / Noller P., Feeney J. A. (Eds.). 2006. P. 171–188.

12. Kim Y.Y. Culture-based interactive constrains in explaining intercultural strategic competence // *Intercultural Communication competence* / Wiseman R.L., Costner J. (Eds.). Newbury Park, 1993. P. 132–150.

13. McCrae R.R., Allik J. *The Five-Factor Model of Personality across Cultures (international and Cultural Psychology)*. N.Y., 2002.

14. Orbe M.P., Speller R.E. From the Margins to the Center. Utilizing Co-Cultural Theory in Diverse Contexts // *Theorizing about Intercultural Communication* / Gudykunst W.B. (Ed.). California, 2005. P. 173–189.

15. Scollon R., Scollon S. *Interethnic Communication How to recognize negative stereotypes and improve communication between ethnic groups*. Alaska Native Language Center, 1980.

16. Thibaut J.W., Kelley H.H. *The social psychology of groups*. N.Y., 1959.

17. Wittenbrink B., Judd C. M., Park R. Evidence for racial prejudice at the implicit level and its relationship with explicit measures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. № 72. P. 262–274.

18. Yoshikawa, M.J. The Double-Swing Model of Intercultural Communication between the East and the West // Kincaid, D.L. (ed.),

ИНФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В СЛУЧАЕ АВАРИИ НА АТОМНОМ ОБЪЕКТЕ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ПРОТИВ МНЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ

А.А. Давыдов

ФГБУН «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт
радиационной гигиены имени профессора П.В. Рамзаева»
Федеральной службы по надзору в сфере защиты
прав потребителей и благополучия человека

Немецкий социолог Ульрих Бек охарактеризовал современное общество как общество риска [1]. Одним из видов риска являются техногенные аварии, в том числе аварии на объектах атомной промышленности.

С момента аварии на Чернобыльской АЭС прошло более тридцати лет, на АЭС Фукусима-1 – более пяти. СМИ, экологи, деятели массовой культуры в художественных произведениях постоянно поднимают вопросы ядерной и радиационной безопасности, праве населения знать достоверную информацию о степени радиационного загрязнения и последствиях в результате этих аварий на атомных объектах. Однако зачастую общественность сильно преувеличивает риски от функционирования и аварий на атомных станциях по сравнению с рисками функционирования и аварий на других энергетических станциях. А.В. Колдобский в статье «Мирный атом после цунами» [4] приводит цифры по количеству погибших на объектах гидроэнергетики, статистику погибших шахтеров на миллион добытого угля, необходимого для выработки энергии ТЭС. Эти цифры значительно превышают количество погибших в результате инцидентов на объектах атомной промышленности, однако выраженность общественного возмущения по поводу их функционирования значительно ниже. Возможность радиоактивного загрязнения вызывает гораздо большую обеспокоенность граждан [2], что можно объяснить такими особенностями восприятия радиационного риска как недобровольность, неуправляемость, неопределенность (противоречивые заявления разных источников по поводу этого вида риска) и т.д. [7].

Важно отметить, что реакция населения в результате аварии на атомном объекте может быть неадекватной степени опасности и привести к более печальным последствиям, чем предполагалось специалистами в случае отсутствия реакции населения [4].

В случае аварии на атомном объекте перед органами власти, лицами, принимающими решения, встает этическая дилемма: ограничивать или не ограничивать доступ к информации об экологических последствиях и угрозах для населения в случае аварии? С одной стороны, есть негативные последствия

для населения в результате воздействия радиации и большая реакция возмущения общественности в случае непринятия мер, обнаружения замалчивания информации, с другой – панические настроения и неадекватные действия в результате неадекватной оценки радиационных рисков и неподготовленности к восприятию информации. По утверждению И.А.Зыковой, Г.В.Архангельской, И.А.Звоновой: «уровень радиотревожности населения на загрязненных территориях следует признать неадекватно высоким» [3].

Органы власти получают информацию о количественных значениях радиационных рисков для здоровья и последствиях радиационного воздействия на человека от специалистов. Перед которыми эта этическая проблема встает также, дискуссия идет и среди них. Основные два подхода можно разделить на: 1) население всегда должно быть полностью информировано, 2) патерналистский подход, предполагающий право власти скрывать информацию в благих целях. Реакцию же общественности можно замерить с помощью опросов населения. Как говорится в известной латинской поговорке «*vox populi vox dei*» (глас народа – глас Божий). В связи с вышеизложенным интересно знать, как на данный момент соотносится мнение специалистов с общественным мнением, измеряемым опросами. Ведь по заявлению В.В. Федорова, генерального директора ВЦИОМ, в последнее время мы можем наблюдать «возрастающую роль опросов общественного мнения при принятии политических решений» [6]. Стоит отметить, что между позициями специалистов и населения, подвергаемого риску может быть потенциальное противоречие, и вторые могут воспринимать риск гораздо болезненнее, чем первые [5].

В 2018 в Архангельской области году было проведено социологическое исследование [2], одной из задач которого было как раз определение общественного мнения по поводу выше обозначенного вопроса. Респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, имеют ли право органы власти ограничивать доступ к информации об экологических последствиях и угрозах для населения, например, в случае аварии на атомном объекте?». Распределения ответов на вопрос были сравнены с результатами анкетирования специалистов по радиационной гигиене, посетившими международную научно-практическую конференцию «Актуальные вопросы радиационной гигиены» 23-24 октября, а также результатами анкетирования студентов-медиков СЗГМУ им. И.И. Мечникова (как будущих специалистов по радиационной гигиене).

Таблица №1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, имеют ли право органы власти ограничивать доступ к информации об экологических последствиях и угрозах для населения, например, в случае аварии на атомном объекте?»»

Вариант ответа	Специалисты, % (n=138)	Жители Архангельской области, % (n=803)	Студенты СЗГМУ им. И.И. Мечникова, % (n=121)
Категорически нет, т.к. в любой ситуации граждане имеют право на своевременное получение полной и достоверной информации	29,0	72,2	63,6
Скорее нет, т.к. в современном мире скрыть все равно не удастся – только вызовет недоверие к власти	15,2	9,8	8,3
В одних ситуациях это имеет смысл, в других нет – все зависит от конкретных обстоятельств	35,5	5,6	22,3
Скорее да, т.к. большинство простых людей все равно не разбираются в этих вопросах – пусть этим занимаются специалисты	4,3	4,2	0,8
Безусловно да, если это необходимо для предотвращения паники, беспорядков и др. негативных последствий	13,8	4,2	4,1
Трудно сказать, не знаю	2,2	3,9	0,8

Как видно, в отличие от граждан среди специалистов по радиационной гигиене нет единого мнения по поводу ограничения информирования населения в случае аварий на атомных объектах, подавляющее большинство граждан выступают за предоставление им полной и достоверной информации. Таким образом, можно утверждать, что на данный момент общественное мнение не на стороне патерналистов. Решение этой проблемы определенно требует дальнейшей дискуссии и высказываний специалистов по этике, к чему мы приглашаем.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Библин А. М., Храмцов Е.В., Репин Л. В., Архангельская Г.В., Зеленцова С.А., Соколов Н. В. Общественное мнение по вопросам радиационной безопасности в Архангельской области // В книге: Актуальные

вопросы радиационной гигиены: Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2018. С. 55–57.

3. Зыкова И.А. Чернобыль и социум: оценки риска / И.А. Зыкова, Г.В. Архангельская, И.А. Звонова. СПб.: ЭсфигменЪ, 2001. 128 с.

4. Колдобский А. Б. Мирный атом после цунами // Россия в глобальной политике. 2011. № 2. С. 170–183.

5. Репин Л.В., Библин А.М., Вишнякова Н.М. Проблемы риск-коммуникации при обеспечении радиационной безопасности населения: основные понятия и определения // Радиационная гигиена. 2018. Т. 11 №3. С. 83–91.

6. Федоров В.В. Общественное мнение и политические решения. Заметки на полях «Русской весны» // Мониторинг общественного мнения. 2014, сентябрь–октябрь.

7. Sandman P., Covello V. T. Risk Communication: Evolution and Revolution. In A. B. Wolbarst (Ed.), Solutions for an Environment in Peril. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001, pp. 164–178.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАНТОВ ИЗ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.И. Евдокимов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
aievdokimov@gmail.com

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-013-00949 А
Культурно-этнические детерминанты самостоятельности – личностной
беспомощности молодежи России и стран ближнего зарубежья (на материале
мигрантов из Центральной Азии))*

Государства Центральной Азии сегодня являются важным источником демографических ресурсов для Российской Федерации, поэтому в работах отечественных исследователей мигрантам из Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в последние годы уделяется пристальное внимание. Миграционные каналы, которые вновь выстраивались между странами Центральной Азии и Россией после распада Советского Союза, базировались на ряде экономических, политических, социальных и культурных установок, которые, с одной стороны, были наследием советского прошлого, с другой стороны, стали механизмом формирования и легитимизации новых независимых государств. В изменившихся реалиях жители стран Центральной Азии столкнулись с проблемой обретения новой идентичности, которая должна была занять место «советской» идентичности. В данной ситуации, основой построения новых постсоветских наций стали этнокультурные особенности жителей стран региона.

Очевидно, что в каждом государстве Центральной Азии существует своеобразная этнокультурная ситуация, которая создает уникальную систему идентичностей. Миграционное движение создает дрейф этой системы, в результате которого в стране прибытия выкристаллизовываются те этнокультурные особенности, которые имеют значение для принимающего сообщества. Мигранты из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана для подавляющего большинства населения нашей страны превращаются в некий обобщенный конструкт (у которого могут быть различные названия, например «мигранты из государств Центральной Азии», как в названии данной работы). Содержание данного конструкта основывается на внешних и внутренних отличиях приезжих от жителей конкретного региона России.

Важно отметить, что этнокультурные особенности могут иметь свою специфику восприятия местным населением регионов Российской Федерации. Так исламский фактор не помогает центрально-азиатским мигрантам инкорпорироваться в кавказские регионы России, а фактор общей тюркской группы языков не становится гарантией отсутствия межэтнических конфликтов между мигрантами и местным населением тюркских республик. Российскими исследователями [6, с. 102] отмечается, что кыргызские мигранты благодаря хорошему знанию русского языка (который имеет статус официального языка и преподается в школах) имеют преимущество среди других мигрантов из Центральной Азии. Но в республиках Южной Сибири именно взаимоотношения между местными жителями и мигрантами из Кыргызстана имеют самый большой конфликтогенный потенциал [2, с. 119].

Социокультурное пространство, в которое попадает мигрант в результате переезда, значительно отличается от привычных условий жизни. При этом, по мнению Г.С. Солодовой, мигранты на новом месте продолжают следовать сформировавшимся на родине социокультурным установкам, т.е. продолжают опираться на собственную культуру. В качестве причин, по которым это происходит, выделяются: «сознательное следование интернализированному ранее миропониманию» и «определенная социокультурная инерционность мышления» [7, с. 85]. Особенно заметно это проявляется в разности ценностных ориентаций. В.И. Мукомель отмечает, что мигранты придают большое значение традиционным семейным ценностям [4, с. 110–111]. Многих мигрантов, которые достигают трудоспособного возраста, на заработки отправляют всей семьей, т.к. экономическое положение семьи зависит от отправляемых на родину средств. Другим преимуществом трудовой миграции становится возможность накопить первоначальный капитал для строительства, свадьбы или открытия своего дела на родине. По информации В.М. Пешковой рост потоков трудовой миграции привел к тому, что немного вырос возраст социально одобряемого возраста заключения брака: 25-27 лет для мужчин и 22-24 годы для женщин [5, с. 51]. При этом многие мигранты, которые уезжают в Россию по образовательной линии, наоборот, намерены

остаться в России, и связывают свои дальнейшие жизненные планы с новым местом жизни [4, с. 116].

Результатом миграции становится перестройка привычной среды отношений и коммуникаций, которая в обществах Центральной Азии значительно зависит от семьи, поэтому особое значение для молодежи имеют идентификационные стратегии, которые задаются старшими членами семьи [3, с. 125]. В зависимости от данных стратегий О.И. Брусина выделила следующие типы мигрантов: «временные трудовые мигранты», «бригадиры» и «индивидуалисты» [1, с. 90–91]. Первый тип мигрантов обычно включает в себя сельских жителей, которые обладают низким уровнем образования, не имеют профессии, поэтому занимаются низкоквалифицированным трудом с целью заработка денег и последующего возвращения на родину. Второй тип мигрантов также ориентирован на социокультурное пространство страны исхода, но включает в себя выраженные ценностные установки мигранта на улучшение своего социального положения и престижа среди земляков. Мигранты третьего типа – это наиболее образованные люди, которые имеют наименьшую зависимость от коллектива и принимают решение о переезде или возвращении на родину, исходя из собственного рационального расчета.

Каждая из миграционных стратегий формирует особенный тип этнокультурной идентичности, который помогает мигранту адаптироваться к новым условиям и выстраивать дальнейшую жизненную траекторию.

Литература

1. Брусина О.И. Мигранты из Средней Азии в России: этапы и причины приезда, социальные типы, организации диаспор // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 66–95

2. Евдокимов А.И. Социокультурное влияние внешней трудовой миграции на региональный социум на современном этапе (на примере республик Южной Сибири) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 1. С. 116–120.

3. Иванюшина В.А., Александров Д.А., Казарцева Е.В. Этническая самоидентификация подростков-мигрантов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 2. С. 113–127.

4. Мукомель В.И. Специфика взаимной адаптации и интеграции принимающего населения и мигрантов в молодежной среде // Социальная политика и социология. 2014. Т. 2. № 4-1 (105). С. 108–120.

5. Пешкова В.М. Жизненные планы трудовых мигрантов из Средней Азии в России: нарративы и практики // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 48–62.

6. Письменная Е., Рязанцев С., Боженко В. Диаспоры из стран Центральной Азии в Российской Федерации: миграционные каналы и вклад в социально-экономическое развитие посылающих сообществ // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19. № 4. С. 97–105.

7. Солодова Г.С. Факторы поддержания этнокультурной идентичности мигрантов // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 2. С. 83–88.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

М.В. Евдокимова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
ProstoVerner@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00681 А «Реформирование системы высшего образования как фактор генезиса фальсеоинтеракций: социологический анализ» (Соглашение №18-011-00681\18 от 02.02.2018)

Стремительное развитие компьютерных технологий, их массовое распространение и доступность оказали сильное влияние на все сферы социальной жизни, и сфера образования не является исключением.

Дзущева З.Б. и Беликова С.Б. в своей статье обращают внимание, что «как и все системы общества, система образования должна соответствовать требованиям времени, т.е. уровню технологического и социального развития. Более того, она должна опережать развитие общества...» [1. С. 63]. Разумеется, что соответствие высшей школы «требованиям времени» обеспечивается за счет осуществляющих педагогическую деятельность преподавателей. Именно преподаватели, будучи одним из основных субъектов образования, в первую очередь сталкиваются с изменениями в учебном процессе – появлением новых инновационных методов обучения, применением компьютерных устройств, электронных образовательных площадок и т.д.

По мнению Красинской Л.Ф. отличительной чертой современного образования во всем мире является внедрение цифровых технологий, использование открытых образовательных ресурсов, создание нового учебного пространства для осуществления проектной, экспериментальной деятельности и создания научно-технических разработок. А потому, «в современном вузе не обойтись без технических и технологических нововведений, без широкомасштабного повышения квалификации ППС, без создания реальных условий для продуктивной научно-педагогической деятельности» [2. С. 80].

Уже здесь, на наш взгляд, закрадываются первые противоречия происходящих реформ. С одной стороны, внедрение информационных и компьютерных технологий в образовательную среду является процессом не только естественным и закономерным, но и необходимым. Закономерным – потому что является лишь частью всеобщей, глобальной информатизации; необходимым – потому что конкурентоспособность выпускника вуза во многом зависит не только от его умений использовать существующие технологии, но и от способности узнавать о новых передовых разработках, внедрять и быстро адаптироваться к ним в своей профессиональной

деятельности. И если университет сам не следует этим принципам, то как привить их обучающимся?

С другой стороны, несмотря на всю ожидаемость и неизбежность информатизации образования, высшая школа оказалась к этому не готова. В первую очередь речь идет, конечно, о социальной и материально-технической базе этого аспекта реформирования.

Конечно, такого рода изменения в учебном процессе требуют соответствующей подготовки и от самих преподавателей – наличия навыков работы в компьютерных программах по созданию презентаций, поиску и анализу образовательных Интернет-ресурсов, регистрации и участию в дистанционных учебных курсах и т.д. Вместе с тем, никаких централизованных занятий по повышению компьютерной грамотности преподавателей, как правило, не предусматривается. Хотя они были бы вполне уместны, особенно если брать во внимание тот факт, что значительная часть профессорско-преподавательского состава – доктора и кандидаты наук, работники образования с большим стажем, привыкшие к традиционным методам обучения.

Предположение исследовательского коллектива заключалось в том, что такая приверженность преподавателей к классическим формам проведения занятий и педагогическим приемам связана в первую очередь с низким уровнем информационной культуры и компьютерной грамотности преподавателей. Но эта гипотеза не подтвердилась. По результатам проведенного нами эмпирического исследования¹ всего несколько из всех опрошенных преподавателей (10,3% респондентов) признались, что не владеют навыками работы на компьютере и им сложно этому учиться.

Основной причиной, препятствующей использованию информационных технологий и инновационных методов в педагогической деятельности, преподаватели называют недостаточную оснащенность аудиторий мультимедийными установками, компьютерами с доступом к сети Интернет (так ответили 53,8% респондентов).

Для активного использования презентаций, видеолекций, электронных тестирований и т.д. в университетах попросту не хватает учебных помещений, оснащенных необходимым оборудованием. В отсутствии стационарно установленных мультимедийной техники, преподавателям приходится заниматься установкой переносных компьютеров и проекторов

¹ Исследование проводилось на базе ХГУ им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия) в 2019 г. при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00681 А. Тема исследования: Реформирование системы высшего образования как фактор генезиса фальсеоинтеракций: социологический анализ. Метод исследования: полуструктурированное интервью. Выборка случайная, двухступенчатая: лотерейным методом были отобраны 6 институтов (70% от общего числа институтов, осуществляющих профессиональную подготовку по программам высшего образования); затем из каждого института было опрошено по 10% от общего числа преподавателей в структурном подразделении. Всего N=39.

самостоятельно. С учетом того, что зачастую преподавателям приходится проводить занятия в разных ученических корпусах, это представляется крайне сложным и нецелесообразным.

Но даже при наличии необходимой техники, возникают различного рода сложности с её установкой и дальнейшим сопровождением. В ходе опроса многие преподаватели уточняли, что иногда испытывают трудности с включением/выключением проектора, настройкой изображения или звука (например, для проведения аудирования) и т.д. В основном аудитории подготовлены только для демонстрации слайд-презентаций, включение видео-или аудиоряда оказывается проблематичным, поскольку попросту нет стационарно установленных колонок.

Ещё одной проблемой, которую обозначили в ходе интервью некоторые респонденты, оказалось отсутствие в свободном доступе компьютеров с установленными специальными программами, например, для монтажа видео или обработки данных.

Примечательно, что второй по популярности причиной отказа от использования инновационных методов (после материально-технической оснащённости), преподавателями была названа нехватка времени на подготовку презентаций, электронных текстов и разработку интерактивных занятий. Около 30% респондентов испытывают трудности с распределением рабочего времени – слишком много изменений, требующих дополнительных трудозатрат преподавателей, происходит одновременно.

По мнению преподавателей, инновационные методы обучения делают образовательный процесс более интересным, а использование мультимедиа и возможностей Интернета значительно облегчают проведение занятий и консультаций. Поэтому в целом, информатизация образования оценивается преподавателями как явление положительное, открывающее новые возможности как для самих преподавателей, так и для студентов. Но реализовать эти возможности порой становится крайне сложно, поскольку многие университеты оказались не готовы к такому активному внедрению компьютерных технологий и информационных систем ни в социальном, ни в материально-техническом плане.

Литература

1. Дзугева З.Б., Беликова С.Б. Кризис или реформирование системы высшего образования // Успехи современной науки и образования. – 2016. – №12. – Т.2. – С. 63–67.
2. Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... Что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. – 2016. – №3. – С. 73–82.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК БАЗОВАЯ КОМПОНЕНТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ МЕДИА

А.А. Ефанов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва
yefanoff_91@mail.ru

Реалии современного коммуникационного пространства выдвигают особые требования к работе специалистов в сфере медиа – осознание социальной значимости профессии, отстаивание интересов общества, когда СМИ представляют собой полноценный социальный институт. В этой связи журналисты и медиапедагоги (формирующие в широком смысле медиакультуру общества) должны обладать социологическими компетенциями, позволяющими не только понимать механизмы функционирования социума, но и анализировать запросы аудитории на информацию, создавать (или учить создавать) медиапродукты, исходя из данных потребностей [9].

Социологическая культура специалистов в сфере медиа является основополагающей частью профессиональной культуры, поскольку предполагает умение грамотно оперировать социологической информацией [10]. В теоретическом плане высокоорганизованную социологическую культуру можно представить в качестве совокупности ряда взаимосвязанных компонентов: развитие социологического мышления; знание теоретических и методологических основ общей социологии; грамотная интерпретация социологических данных для различных каналов СМИ – в корректных формах, доступных целевой аудитории.

В описанной структуре основополагающим компонентом является социологическое мышление. А.О. Бороноев указывает, что «социология, используя данные своих исследований и других социогуманитарных наук, должна составлять каркас мышления как системного понимания объективных и субъективных основ социальных процессов, взаимодействий социальных субъектов. Она при этом опирается на систему общих и частных понятий, исходя из которых формирует свою технику мышления, интеллектуальный инструментарий размышлений, размер поля сбора информации, который отличен от традиций социальной философии и конкретных наук» [2. С. 8]. Методологически социологическое мышление напоминает определенный подход, посредством которого может происходить осмысление социальной реальности. Достижение социологического мышления со стороны специалистов в сфере медиа обусловит «глубокую социальную экспертизу проблем, программ как на уровне теории, так и на уровне здравого смысла» [2. С. 12].

Однако современные медиареалии показывают, что данный постулат на практике не реализуется, а социология превращается в «разменную монету» – иными словами, манипулятивный инструмент. Свидетельством тому являются ежедневные интерактивные голосования ГТРК «Оренбург». Так, в эфире телеканалов ««Россия 1»-Оренбург» и ««Россия 24»-Оренбург» телезрители имеют возможность выбрать один из представленных четырех вариантов ответов на заявленную социально либо политически значимую тему. При этом для наибольшей точности результатов измерений респондент может проголосовать только раз, позвонив по одному из указанных телефонных номеров (Рис. 1.1-1.2).

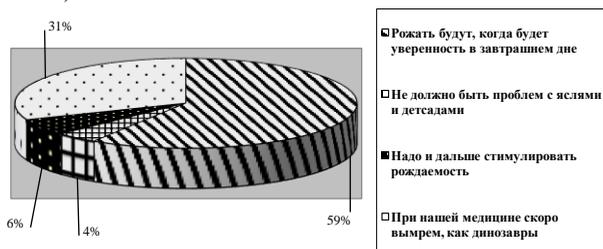

Рис. 1.1. Интерактивное голосование: «Ученые подсчитали: за 12 лет Россия потеряет 11 млн. человек. Что делать?» (20.09.2016, n=155)

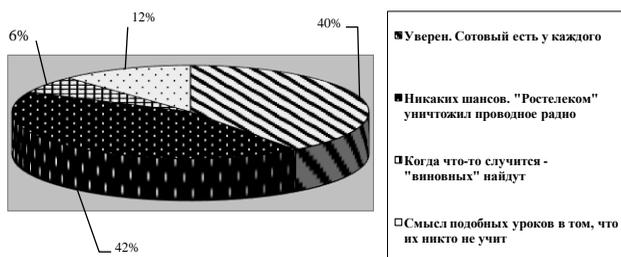

Рис. 1.2. Интерактивное голосование: «Насколько Вы уверены, что в случае ЧП Вас предупредят вовремя?» (10.07.2017, n=415)

Несмотря на то, что многие из опросов имеют ярко выраженное социальное значение, формулировка темы либо вариантов ответов, нередко исключаящих альтернативность мнений, заставляет говорить о явном манипулировании сознанием аудитории. Зачастую интерактивные голосования предлагают для ответа вопросы из одной «плоскости» – близкой социальной окраски. Если намечается поляризация мнений, то порядка 75 % вариантов так или иначе окажутся одной социальной направленности, подсознательно формируя для респондентов иллюзию «абсолютного большинства».

Немаловажным является и порядок выстраивания вариантов ответов, представляющих либо картину «нагнетания страхов» (от меньшего к

большому), либо «иллюзорной разрядки обстановки» (от большого к меньшему), когда последние «легкие», нередко ироничные варианты создают эффект социального миража, в реальности ничем не отличаясь по дискурсу от первых [8. С. 42]. Кроме того, имеет место злоупотребление голосованием для решения «внутренних» вопросов – «взаимоотношений медиаконтролеров с различными организациями и ведомствами, намеренное столкновение с аудиторией либо, напротив, лоббирование интересов определенных структур» [4. С. 179].

В этой связи можно сделать вывод о сознательной подмене понятий со стороны медиаконтролеров, поскольку подобные опросы зачастую носят «псевдо-интерактивный» и даже «псевдо-социологический» характер [3. С. 89]. Таким образом, вопреки заложенному в теории принципу взаимодействия, «обратной связи», интерактивные голосования современного поля телевидения (на примере ГТРК «Оренбург») оказывают на аудиторию противоположный эффект – навязывают обществу понимание о социальных ценностях и установках, выступая в качестве технологии медиаманипулирования, тем самым «дискредитируя состоятельность использования социологических методов в медиасреде» [7. С. 149].

На этом фоне первым шагом на пути формирования социологической культуры должно стать развитие социологического мышления у специалистов в сфере медиа. Социологическое мышление предполагает отказ от авторитарно-технократического подхода (З. Бауман [1], А.Г. Здравомыслов [11], С.А. Кравченко [12]), при котором аудитория СМИ рассматривается как объект управления и воспитания, а журналист – как ментор и обладатель истины. Культура социологического мышления проявляется в постоянном самоконтроле, проверке своих выводов мнениями и опытом других индивидов, тем самым трансформируя профессиональные ценности и установки (от позиции «СМИ – четвертая власть» до «СМИ – адвокат общества»). Таким образом, социологическое мышление позволит более адекватно отражать объективную реальность (посредством верификации фактов, отказа от искусственной сенсационности, гуманистического отношения к героям материалов и своей аудитории).

Как следствие, развитие социологического мышления у специалистов в сфере медиа будет способствовать повышению уровня медиакультуры всего общества [5; 9]. Данный тезис можно объяснить с позиций гуманистической профессиональной парадигмы – медиаответственного отношения к своей журналистской миссии [6], создания медиапродуктов, отражающих социальную действительность, лишенных ангажированности и искусственной сенсационности, уважения своей аудитории, защиты ее прав, усиления реальной, а не воображаемой интерактивности.

Литература

1. Бауман З. Мыслить социологически: Учеб. пособие / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова; Ин-т «Открытое общество». М.: Аспект-Пресс, 1996. 255 с.

2. Бороноев А.О. Социологическое мышление: пути и трудности формирования // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 6–13.
3. Ефанов А.А., Кудашова Ю.В. Интерактивные голосования современного поля телевидения как механизм культивирования моральных паник // Ценностные ориентиры современной журналистики: сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию кафедры журналистики Пенз. гос. ун-та (г. Пенза, 28-30 сентября 2016 г.) / под ред. Е.К. Рева. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 87–90.
4. Ефанов А.А. Моральные паники в повестке дня региональных СМИ // Регионология. 2014. № 3. С. 174–181.
5. Ефанов А.А. Моральные паники как фактор социальных изменений: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Саранск, 2016. 179 с.
6. Ефанов А.А. Социологическое мышление специалистов в сфере медиа: проблемы на пути достижения и их разрешение // Журналістыка-2018: стан, праблемы і перспектывы: Матэрыялы 20-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Ответственный редактор В.М. Самусевич. Минск: Белорусский государственный университет, 2018. С. 20–23.
7. Ефанов А. А. Социально-психологические последствия медиавоздействия: Монография. Оренбург: Издательско-полиграфический комплекс ОГУ, 2018. 219 с.
8. Ефанов А.А. Социология журналистики: Учебное пособие. Оренбург: Участок оперативной полиграфии ОГУ, 2017. 100 с.
9. Ефанов А.А. Социология медиакультуры и медиаобразования: Учебное пособие. Оренбург: ООО «Агентство «ПРЕССА», 2016. 92 с.
10. Ефанов А.А. Формирование социологической культуры у будущих специалистов в сфере медиа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 139–144.
11. Здравомыслов А.Г. К вопросу о культуре социологического мышления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 4–15.
12. Кравченко С.А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления: монография. М.: Анкил, 2010. 392 с.

ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСУРСНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОЛОДЕЖИ

И.А. Журавлева

Иркутский государственный университет
zhuravleva_ia@list.ru

Реформы системы образования, ее сильные и перспективные проекты, наряду с провалами и достаточно противоречивыми перспективами отражены в ряде публикаций И. А. Журавлевой [2], С. В. Малых [3] и других. Роль образования и ценности молодежи отражены в работах Бояк Т.Н. [1],

Колесникова и О. А. Полюшкевич [4]. При всем многообразии исследований в рамках ценностей молодежи, восприятие перспектив получения образования и последующей трудовой деятельности является одним из актуальных и постоянным меняющихся условий социализации молодежи, а вместе с тем и всего общества. Поэтому, необходим регулярный мониторинг данных процессов, чтобы анализировать, прогнозировать и управлять образовательным и трудовым потенциалом регионов и страны в целом.

Исследование проходило в 2018 году, в котором приняли участие 1800 молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет, обучающихся в вузах г. Иркутска на разных специальностях.

В процессе исследования мы смогли всех респондентов разделить на «традиционалистов» и «модернистов». Традиционалисты (38%) – те, кто следует уже сложившимся траекториями и руководствуется общепринятыми ценностями. «Модернисты» (34%) – те, кто предпочитает разрушать устоявшиеся уклады и формирует новые рамки и стратегии социальной адаптации. Для них более характерна социальная ответственность, инициативность, независимость, стремление к профессиональному совершенствованию, открытость новому опыту, толерантность к окружающим и уважительное отношение к законам. У остальных наблюдается смешанный тип поведенческих паттернов (28%).

Молодые люди «модернистского направления» все чаще рассматривают возможность нестандартных видов занятости (неполный рабочий день, неформальная занятость, фриланс, удаленная работа и т.д.). Это позволяет апробировать и воплотить в жизнь альтернативные модели успешности. Для «традиционалистов» все еще характерны более привычные и типичны сфера деятельности: работа по найму, социальный пакет и т.д.

Также влияет общая социальная установка на расширение компетенций и профессиональных навыков, требующая от молодых людей получения дополнительного образования (помимо основного), подработки, стажировок и практик вне учебного процесса. При этом, традиционные и модернистские установки влияют на конкретный выбор места обучения и специальности, места работы во время обучения или её отсутствия.

Среди активных и амбициозных «модернистов» в 3 раза больше тех, кто не ограничивается одним образованием. Они или в период обучения учатся сразу в двух вузах, либо после получения степени бакалавра планируют идти в две магистратуры по разным специальностям, некоторые из них думают об аспирантуре или о зарубежных стажировках.

Более того, около 30% процентов модернистов имеют или свое дело или самостоятельную занятость, которая приносит им доход, позволяющий удовлетворять свои потребности и быть относительно независимым от родителей и иных родственников. Они финансово самостоятельны и в более 50% случаев живут отдельно от родителей в своем или арендуемом жилье. Только 10% модернистов живут в общежитиях.

Для «модернистов» образование достаточно ценно само по себе – оно выступает вкладом в будущее, ресурсным состоянием. Оно вписывается в план их карьеры. Они как правило четко знают что, где и как хотят получить.

«Традиционалисты» наоборот, даже получая хорошее образование, не всегда понимают, где смогут работать, как применять полученные знания и навыки. Они, как правило, обучаются только в одном вузе, не всегда уверены что обучаются там где хотят и чему хотят, но при этом не готовы перейти в другой вуз, на другую специальность из-за собственной не уверенности и опасения того, что они подведут родителей. Они живут либо вместе с родителями, либо в общежитии, только 10% традиционалистов снимают квартиру и живут самостоятельно.

Анализируя ответы респондентов, можно сказать, что «традиционалисты» в большей степени оторваны от реальности, они защищены родителями, рамками, идеалами, которые не всегда могут быть достаточными для того чтобы противостоять тем реалиям жизни, в которые они входят сегодня. И более чем у половины «традиционалистов» в планы не входит работа по специальности.

«Модернисты» же более гибкие, активные, целеустремленные, готовы меняться и подстраиваться под те требования, что предъявляет им жизнь, но и они от её хотят получить по максимуму. Они хотели бы реализовать свой потенциал по своей специальности или смежной с ней сферой, найти реализацию и практическое воплощение тех знаний, что они получили за годы обучения.

Для «традиционалистов» продолжение образования в аспирантуре – это способ защититься, не принимать решений, которые могут изменить их жизнь. Для «модернистов» – магистратура – это новая ступень для роста, возможности апробировать свои идеи, получить определенную известность и авторитет в своих кругах.

«Хорошая работа» в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» также отличается. Для модернистов она – необычная, креативная, интересная, постоянно требующая принять нестандартных решений. Среди них около 40% тех, кто готов работать на «ответственной» или «интересной», но перспективной должности при скромном вознаграждении, если это принесет свои плоды в будущем.

Для «традиционалистов», «хорошая работа» – это «не напряжная» и «хорошо оплачиваемая». Они готовы быть «не на самой престижной должности», но зато «хорошо оплачиваемой». «Традиционалисты» ищут стабильную работу в идеале «на всю жизнь», так как жили их родители. «Модернисты» наоборот – готовы менять места работы, пробовать себя в новых проектах, получают опыт и идут дальше, руководствуясь не ориентиром на опыт родителей, а на собственный интерес и профессионализм в одной или нескольких сферах.

«Модернистов» от «традиционалистов» прежде всего отличают стремление к стратегическому планированию карьеры и принципиально иное – более серьезное и уважительное – отношение к образованию, выбору

профессии, содержанию выполняемой работы, получаемым навыкам, они готовы и хотят применять на практике все то, чему они научились в процессе обучения. Желанию самостоятельно чего-то добиться, быть независимыми и ответственными уже на этапе обучения в вузе.

Многие «традиционалисты» не только не намерены «делать карьеру», но и воспринимают труд как обременительную повинность; их мечта – быть свободными от каких-либо трудовых обязанностей, живя, например, на средства от сдачи доставшейся в наследство недвижимости. Образование они получают потому что «надо» и там где захотели родственники, свои желания или не ставят во главу угла, либо их вовсе не имеют.

Для модернистов более приемлем так называемы калейдоскоп карьеры – трудовой стратегии, учитывающей индивидуальные особенности личности и позволяющей адаптировать профессиональный маршрут к происходящим в жизни человека переменам. Они будут более адаптивны и востребованы на рынке труда, а «традиционалисты» в силу своей ригидности далеко не всегда смогут встроиться в новые, постоянно меняющиеся реалии жизни.

Будущее общества принадлежит модернистам, так как образование подстраивается под реалии современности. Но пока есть традиционалисты будет сохраняться инертность системы образования в принципе.

Литература

1. Бояк Т.Н. Образование в ценностях современной российской молодёжи // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2014. № 4 (57). С. 14-20.

2. Журавлева И. А., Тетерин В. В. Стратегия модернизации российского образования (социально-философский аспект) // Трансгрессия социокультурного пространства Материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. 2017. С. 35–43.

3. Малых С. В. Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов // Социология. 2018. № 3. С. 222–226.

4. Полышкевич О. А., Колесников В. А. Роль образования в жизненном мире молодежи // В мире научных открытий. 2013. № 3–1 (39). С. 312–327.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ, ПРИЕХАВШИХ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ИЗ СЕЛА В ГОРОД

Е.И. Заседателова

Новосибирский радиотехнический колледж
e.zasedatel@mail.ru

Образ жизни на селе или в малом городе значительно отличается от крупного города. И самым основным отличием является небольшой выбор

мест для получения образования или его отсутствие в принципе. Если речь пойдет о среднестатистическом селе, то чаще всего выпускник школы может рассчитывать либо на местное учреждение среднего профессионального образования, выбор специальностей в котором крайне невелик, либо он столкнется с необходимостью получения образования в городе. В некоторых малых городах могут быть дополнительные учреждения среднего профессионального образования, в которые могут учитывать специфику региона (к примеру, Тогучинский лесхоз-техникум), либо какие-то единичные учреждения СПО, которые дают более общеупотребимые профессии (к примеру, Купинский медицинский техникум). Выбор филиалов учреждений ВПО крайне невелик (Куйбышевский филиал НГПУ) и все это приводит к тому, что вчерашнему школьнику все равно придется куда-либо ехать, чтобы получать дальнейшее образование.

В последние годы набирает обороты дистанционная форма получения образования. Чаще всего эта форма встречается в учреждениях ВПО, однако, некоторые средние профессиональные учреждения образования тоже внедряют эти технологии. Данная форма получения образования удобна как работающим людям и лицам с ограниченными возможностями, так и тем студентам из области, которые не хотят или по каким-то причинам не могут приехать в город для получения образования по очной форме обучения.

Нередко особенностью студентов, приехавших для получения образования из сельской местности в город, является невысокий уровень знаний. Не редкостью являются абитуриенты с медалью за особые успехи в учении, имеющие в сумме баллов за 3 экзамена ЕГЭ 180-200 баллов из 300 возможных, что является результатом пусть и выше среднего, но явно недостаточным для обучения по некоторым довольно популярным специальностям. Разумеется, подобная ситуация не является прерогативой именно абитуриентов из сельской местности, но такая тенденция вполне имеет место быть.

Данная ситуация может привести к резкому когнитивному диссонансу от несостыковки ожидаемого и реального. Студент, долгое время бывший отличником, с удивлением осознает, что в нынешних условиях его знания могут быть оценены только на хорошие или удовлетворительные оценки, что становится для него открытием. Как следствие, подобное несовпадение ожиданий и реальности может приводить либо к усилению рвения к учебе, чтобы уже в новых обстоятельствах подтвердить свое звание отличника и снова получать привычные оценки, либо к смирению к новым результатам своей учебы, либо к полной потере интереса к обучению. Нередким бывают совокупности вышеперечисленных ситуаций, когда студент сначала решает усиленно заниматься, чтобы снова учиться только на «отлично», а потом либо понимает, что он не в состоянии поддерживать подобный уровень учебы, либо «перегорает» и начинает радоваться своим новым оценкам или воспринимать со смирением эти невысокие результаты.

Нередко студенты поступают учиться в учреждения СПО на базе 9 классов только для того, чтобы поступить хоть куда-то. Они могут либо хотеть

как можно быстрее вырваться из села или малого города в мегаполис, либо не желают все равно переезжать в более крупное село из маленького села только для того, чтобы окончить 11 классов. Не понимая, на какую профессию они идут учиться, новоявленные студенты могут разочароваться в обучении практически сразу, как начнут учиться, либо осознать, что их подготовка не позволяет им получать образование именно здесь дальше. Чаще всего такая ситуация встречается в учебных заведениях, где подготавливают будущих техников какого-либо профиля, однако, и в гуманитарных учебных заведениях подобное может быть. Отсутствие вступительных экзаменов и поступление на учебу только по среднему баллу аттестата не дает абитуриенту трезво оценить свои возможности, а приемной комиссии, в свою очередь, не взять заведомо слабого абитуриента, который впоследствии не сможет продолжить учебу и будет отчислен. В платных группах может быть другая проблема, когда ради наполняемости группы в нее зачисляются абитуриенты с любыми баллами, в т.ч. получивших аттестат осенью, что приводит к их скорому отчислению. На примере обобщенной статистики одного из учреждений СПО можно сделать вывод, что до первой сессии по разным причинам не доучились около 30% студентов, а к середине второго курса может остаться только 55-60% от первоначального числа абитуриентов. Разумеется, раннее отчисление по инициативе учебной части или самого студента позволит ему найти другое учебное заведение, более соответствующее его профилю или уровню знаний, однако, вступительные экзамены в учреждения СПО могли бы решить эту проблему на еще более раннем этапе.

Таким образом, можно сделать вывод, что мотивация студентов из села может быть совершенно различной: это и желание покинуть свой регион на время или навсегда, и желание получить профессию, желание окончить обучение, желание пожить в большом городе. Мотивация этих студентов к учебе так же может отличаться: это может быть и стремление действительно получить образование, и желание учиться хоть как, лишь бы не отчислили. Все зависит от цели переезда в город и жизненных стратегий, сформированных на более ранних этапах жизни человека.

ГЕНДЕР И КУЛЬТУРА: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЛ И АДАПТАЦИЯ В СОЦИУМЕ

Н.Б. Кононцева, Д.С. Слободяник, А.В. Татаринцева

Новосибирский государственный университет экономики и управления
nata.konontseva@mail.ru

На данный момент перед обществом все чаще встает вопрос о гендерной принадлежности, количестве и равенстве полов. В какой-то мере это стало неким трендом среди молодежи, благодаря чему будущие поколения, возможно, смогут забыть о дискриминации по половой принадлежности, что

приведет к разрушению «социальной стены» между людьми. Все народы относятся к проблеме гендерной идентичности и равенства полов по-разному – где-то эта проблема подлежит огласке и решается на законодательном уровне, а в других странах пытаются ее скрыть, притесняют представителей сексуальных меньшинств.

Подробное изучение гендерной принадлежности помогло ответить на такие вопросы, как: существуют ли коренные различия между мужчинами и женщинами, благодаря которым им приписываются обществом определенные социальные роли? Как влияет культурная среда на гендерную идентичность?

Свой ответ на эти вопросы дала американский антрополог, Маргарет Мид, в своей работе «Пол и темперамент» (1935 г.), где она представила свои наблюдения за тремя совершенно разными по образу жизни племенами Новой Гвинеи: Арапеша, Мундугуморы и Чамбули. В племени Арапеша основой жизни являются партнерские взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Оба пола выступают в роли заботливых родителей и хранителей очага, никто не стремится взять власть над другими. В племени Мундугумор наблюдаются совершенно иные отношения: не только вражда к противоположному полу, но и вражда между представителями одного гендера. Здесь мать может ревновать к дочери, отец может ненавидеть своих детей, брат может продать родную сестру и приобрести себе жену. Таким образом, в данном племени можно наблюдать соперничество и вражду в отношении каждого члена общества. Но между этими племенами есть одно ярко выраженное сходство, которое заключается в том, что нет определенных приписанных качеств, отдельных для мужчин и женщин. Те и другие обладают равным статусом. Мужчины и женщины третьего племени, Чамбули, строят свои отношения на признании превосходства женщины как главного добытчика. Женщины воспринимают мужчин не просто как детей, а как равноправных членов общества [3].

Исходя из рассмотренных М. Мид примеров взаимоотношений мужчин и женщин а также современных стереотипов о гендере, становится совершенно ясно, что не природа задает социальные роли мужчине и женщине, а социум и культурная среда, сложившаяся в нем. Несмотря на различия в быту и жизненном строе разных народов, у них есть одно общее сходство, о котором впоследствии писала и сама Маргарет Мид: «...во всех известных человеческих обществах признается потребность мужчин в свершениях и подтверждении их достижений». У мужчин присутствует потребность в самоопределении и самосознании, благодаря которым они удовлетворяют свои личностные потребности и не допускают ущемление своего достоинства [4. С. 21].

В наши дни влияние социокультурной среды на определение гендера также ярко выражено. Например, в мусульманских странах женщина выступает как продолжательница рода, а мужчина играет роль главы семьи, у которого есть право ограничивать свободу членов семьи женского пола. Такое гендерное неравенство сформировано под влиянием религиозных убеждений

людей и многовековой истории развития общества таких стран, как Ирак, Саудовская Аравия, Афганистан и т.д.

Таким образом, в традиционном обществе сформировалась вертикаль власти, при которой мужчина доминировал над женщиной. По мере перехода к современности изменяется и тип гендерного доминирования. Признание формального равенства мужчин и женщин смещает фокус гендерного доминирования в иную плоскость: вместо оппозиции мужчин и женщин как управляющего и зависимого все больше дает о себе знать доминирование гетеросексуального большинства над различными меньшинствами.

Поэтому еще одной ключевой проблемой современности можно считать определение количества полов. Данная проблема затрагивалась не только зарубежными, но и отечественными учеными. В книге российского антрополога и этолога М. Л. Бутовской «Антропология пола» (2013 г.) затрагивается проблема определения количества полов у человека. Так, концепция пола менялась на протяжении долгого времени. Начиная от античности и до конца 17 века единственным полноценным полом признавался мужской, то есть, оба пола являлись двумя формами одного пола. И только в 18 веке стало постепенно формироваться представление о том, что мужчины и женщины делятся на два пола [1].

В настоящее время при заполнении большинства анкет от людей просят определить свою половую принадлежность и предлагаются два альтернативных варианта: мужской и женский. При этом, в США и в странах Европы, как и во многих странах Азии и Африки, предлагается иной вариант – три пола. Для европейцев и североамериканцев такой ответ является признанием прав сексуальных меньшинств на полноправное гражданство. Это право недавно закрепилось на законодательном уровне в США и Западной Европе. А тайцы, филиппинцы и индусы воспринимают феномен третьего пола как часть их традиционной культуры, с которой он полностью согласуется.

Вопрос о половой принадлежности имеет много сложностей для простого и очевидного решения. Так, есть люди, которые по своим морфологическим характеристикам не могут соответствовать стандартам конкретного мужского или женского пола, их называют гермафродиты. Либо существуют анатомически нормальные мужчины и женщины, убежденные в том, что они обладают личностными свойствами, которые являются типичными для противоположного пола (транссексуалы) [1].

Признание существования третьего пола во многих странах в наши дни меняет традиционное представление людей о четких границах, существующих между полами, а также требует изменения многих юридических документов, в первую очередь, которые касаются семейного кодекса и прав наследования [1].

Под влиянием различных социокультурных факторов у каждого человека формируется свое отношение к проблеме гендерной идентичности. Кто-то может толерантно относиться к представителям сексуальных меньшинств, а кто-то негативно, создавая «социальную стену». Но несмотря

на это, человек в праве сам определять свою принадлежность к тому или иному полу, а также роль, которую он будет играть в обществе. Таким образом, сегодня проблема гендерной идентичности находится в центре многочисленных исследований.

Литература

1. Бутовская М.Л. Антропология пола [Электронный ресурс] // М. Л. Бутовская Антропология пола. URL: <https://e-libra.ru/read/508895-antropologiya-pola.html> (дата обращения: 11.06.2019).
2. Бутовская М.Л. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции [Электронный ресурс] // М. Л. Бутовская Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. URL: <https://e-libra.ru/read/518341-tayny-pola-muzhchina-i-zhenschina-v-zerkale-evolyucii.html> (дата обращения: 11.06.2019).
3. Мид. М. Чамбули: Пол и темперамент [Электронный ресурс] // М. Мид. Чамбули: Пол и темперамент. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1837.html> (дата обращения: 11.06.2019).
4. Хафизова Н.А. Маскулинность и феминность как стили (на примере исследований Маргарет Мид) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. №3. 2015. С. 20–29.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ПОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ОМСКА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Н.В. Лапшина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
natalya_tornado@mail.ru

В докладе представлен анализ интернет-ресурсов, принадлежащих двум польским национально-культурным обществам Омска: официального сайта [1] и страницы социальной сети ВКонтакте Омской региональной общественной организации «Польское культурно-просветительское общество «RODZINA–СЕМЬЯ» [3], страницы социальной сети ВКонтакте Омской областной общественной организации «Польский культурно-просветительский центр «Полонез» [2]. В интернет-пространство национальные общества переносят представления о специфике польской культуры, с помощью которых актуализируется этнокультурная идентичность поляков и их потомков, проживающих в Омском регионе.

Изучение динамики выкладки информационного контента польскими НКО Омска, количественный и качественный анализ информации, транслируемой на страницах социальной сети ВКонтакте этих организаций показали, что страница «Польского центра «ПОЛОНЕЗ» в Омске» ВКонтакте [2] является намного более наполненной и содержательной для пользователей, чем страница «Центра польской культуры «Rodzina» [3] и сайт ПКПО «RODZINA–СЕМЬЯ» [1] вместе взятых. Неравномерность размещаемой

информации по объему и характеру материалов напрямую связана с такими факторами, как качество контента, разница в длительности присутствия национально-культурных центров в интернет-пространстве, большая численность и, соответственно, активность самих участников сообществ, инициативность администраторов групп и руководителей НКО.

Исследование всего контента групп ВК и на сайте в интернет-пространстве выявило следующие направления сохранения польскими национальными организациями Омска этнического самосознания потомков поляков: *национально-культурная интеграция посредством актуализации этнической идентичности*, и *презентация национально-культурной самобытности* в качестве фундамента для толерантного понимания ее в поликультурной коммуникативной среде.

Актуализация этнической идентичности польскими НКО Омска в интернет-пространстве осуществляется через применение польского языка, описание истории и традиций польского народа, освещение текущих государственных и религиозных событий и культурных связей с Польшей. Польский язык, используемый в качестве объединяющего в этническую группу обязательного элемента, активно употребляется при размещении постов различной тематики, видеоотчетов, аудиозаписей, и является важнейшим аспектом репрезентации польской культуры обществами.

Следующим видом транслируемой в веб-пространстве деятельности по усилению национально-культурной интеграции омских поляков является актуализация и презентация элементов традиционной и национальной культуры, как материальной – городская архитектура, традиционные жилища, народный костюм, так и нематериальной – обряды, песни, танцы, обычаи и традиции проведения праздников. Использование семиотики традиционного костюма в визуальном контенте приводит к созданию яркого и запоминающегося конкретного этнического образа поляка.

Выкладка текстовой и визуальной информации о польской истории и традициях поддерживает стремление к сохранению этнического единства членами группы. Актуализацию государственной и религиозной принадлежности к польскому народу представляют посты, посвященные вопросам религии и истории Польши.

Связь с Польшей подчеркивается с помощью: презентации государственной символики; актуализации событий личной и общественной жизни участников организаций через сюжеты о встречах с официальными представителями Польской Республики, фото- и видеоотчеты об образовательных и ознакомительных поездках участников обществ в Польшу.

Национально-культурная интеграция и актуализация элементов этнической идентичности в виртуальном пространстве польскими НКО Омска направлены на компенсацию «посредством Сети дефицита реальной территориальной близости и коммуникации... интернет замещает одно из оснований этничности – единство территории» [4. С. 106].

Презентация национально-культурной самобытности поляков реализуется следующими элементами культурной деятельности: разработка и проведение культурных мероприятий собственными обществами и совместно с учреждениями образования и культуры Омска, Омской области и Республики Польша; участие в культурных мероприятиях: муниципальных, региональных и государственных праздниках, в областных, муниципальных и всероссийских фестивалях и конкурсах, в международных конкурсах и фестивалях.

Проводя различные мероприятия совместно с учреждениями культуры и образования, каждое из польских сообществ Омска подчеркивает мультикультуральность своей деятельности – ведь прийти и выучить польские песни, танцы, принять участие в концерте может любой человек, независимо от его этнической принадлежности. Участвуя в муниципальных, региональных и государственных праздниках, польские НКО демонстрируют легкую встраиваемость этнических традиций в современные культурные традиции города, а также представляют направленность деятельности сообществ на укрепление дружбы между народами, развитие уважительного отношения к традициям поликультурного общества Омска.

Вышеперечисленные аспекты направлены на поддержание интереса к деятельности польских культурно-просветительских обществ у лиц, имеющих польские корни или увлекающихся культурой Польши, на вовлечение большего числа участников в сообщества, с помощью которых будет происходить дальнейшая трансляция культурных ценностей польского народа.

Литература

1. Омская региональная общественная организация «Польское культурно-просветительское общество «RODZINA - СЕМЬЯ». Официальный сайт. URL: <https://www.rodzina.ru> (дата обращения: 31.03.2019).
2. Польский центр «ПОЛОНЕЗ» в Омске. Группа в социальной сети Вконтакте. URL: <https://vk.com/club6005938> (дата обращения: 31.03.2019).
3. Центр польской культуры «Rodzina». Группа в социальной сети Вконтакте. URL: <https://vk.com/rodzinaclub> (дата обращения: 31.03.2019).
4. Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. №1 (58). С. 100–108.

ВЛИЯНИЕ АНГЛО-САКСОНСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА РОССИЙСКУЮ НАУКУ

Е.М. Лбова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
kate.lbova@gmail.com

Одним из основных глобальных трендов современности стало приведение мировых систем высшего образования к единому образцу в рамках

провозглашенных ЮНЕСКО принципов интернационализации, регионализации и глобализации [1]. Российская система также подверглась значительным переменам, результаты которых отразились не только на деятельности высших учебных заведений, но и на научных институтах и науке в целом.

Единым стандартом, на который ориентировались в начале XXI в. многие университеты мира является англо-саксонская или американская высшая школа, базирующаяся на концепции прагматизма¹. Исторически американский университет в современном его виде, был сформирован в начале XX в. под влиянием трех факторов, два из которых были заимствованными, а именно английская традиция гуманитарных наук и немецкая исследовательская концепция, возникшая в рамках прусской системы высшего образования. Третьим фактором стала идея создания общественных университетов, чьей целью было преподавание и развитие прикладных дисциплин полезных для сельского хозяйства и промышленности (land-grant concept) [2. P. 15]. На итоговую модель американского университета оказала влияние внутренняя конкуренция между учебными заведениями, позволившая сделать в современном мире англо-саксонскую систему образования рентабельным товаром на рынке образовательных услуг.

Для того, чтобы показать отличие американской высшей школы от классической европейской стоит перечислить ее характерные черты: построение образовательного процесса согласно принципу индукции (от деталей к общему), опора на эмпирический опыт, приоритет естественнонаучных и технических дисциплин над гуманитарными [3. С. 42], элективный подход (индивидуализация обучения), демократизм, мобильность [4. С. 139], а также сосуществование в университетах образовательной и исследовательской деятельности.

В постперестроечной России, взявшей курс на либеральные преобразования в обществе, главным ориентиром построения нового мира выступил Запад. Естественно, что в условиях рыночной экономики, прежняя модель университета требовала существенных перемен. В течении 2000-х гг. изменилась процедура приема студентов в вузы, вместо специалитета появилась двухступенчатая система образования «бакалавр-магистр», были запущены проекты по созданию национальных исследовательских университетов (НИУ). Последнее из обстоятельств имело как положительные, так и негативные последствия.

С одной стороны, модель НИУ, осуществляющего как образовательную, так и научную деятельность [5. С. 100], в большей степени соответствовала образу современного университета в условиях глобальной конкуренции, что создавало предпосылки для повышения престижа российского образования в мире. С другой стороны, перенесение науки в

¹ Прим.: в отличие от германо-русской (прусской) системы высшего образования, базирующейся на концепции дидактического энциклопедизма.

университеты и погоня за государственным финансированием сформировали ситуацию, при которой «российские вузы /.../ стараются улучшить показатели, навязанные чиновниками, и штампуют сотни “научных” публикаций, не соответствующих исследовательским стандартам» [6. С. 12]. В настоящее время, проблема размещения статей в платных «хищнических» журналах грозит не только растратой государственных средств, но и ущербом имиджу российской науки. Методы наукометрии, используемые при оценке деятельности ученого, не отражают реальной ценности научных достижений и создают ложное представление об эффективности.

Запуск проекта НИУ повлиял и на Российскую академию наук (РАН). Американская система в отличие от советской не предполагала наличие отдельных учреждений, специализирующихся исключительно на исследованиях. Поэтому при реформировании российской высшей школы встал вопрос о необходимости рассмотрения статуса и формы функционирования РАН. Так, в начале 2010-х гг., Д. В. Ливанов высказывал идею о переносе науки из институтов в университеты с дальнейшим упразднением научно-исследовательских учреждений [7. С. 73]. Последовавшие за этим структурные реформы РАН должны были закрепить за Академией статус «клуба ученых» с лишением ее независимости в области планирования деятельности и отчетности. В полной мере идея Д. В. Ливанова реализована не была. Спустя шесть лет после начала реформ, институты по-прежнему занимают лидирующее положение по фундаментальным и прикладным научным исследованиям. НИУ, в свою очередь, пока что не готовы полностью взять на себя ответственность за будущее российской науки.

В начале XXI в. англо-саксонский подход к организации высшего образования стал примером для многих университетов мира. И если для стран Евросоюза этот подход был реализован через Болонский процесс [8. С. 197], то в случае с Россией произошло копирование и насаждение принципов американской высшей школы без учета особенностей уже существовавшей системы. Последствия этой инициативы наблюдаются не только в области образования, но и в науке. Прежде всего это затрагивает организацию РАН и приводит к уменьшению государственного финансирования научных проектов. При этом в самих университетах (НИУ) фундаментальные и прикладные исследования либо проводятся в сотрудничестве с институтами РАН, либо существуют номинально для соответствия официальным требованиям. Зачастую наличие науки в НИУ подтверждается большим количеством публикаций, однако их качество не всегда соответствует исследовательским стандартам, что негативно сказывается на имидже российской науки в целом.

Литература

1. World declaration on higher education for the twenty-first century: vision and action [Электронный ресурс] // UNESCO. – URL:

http://www.unesco.org/education/educprog/wche/declaration_eng.htm (дата обращения: 15.06.2019).

2. Altbach Ph. G. The American Model in Comparative Perspective // In Defense of American Higher Education. 2001. P. 11–37.

3. Абрамова М. А., Крашенинников В. В., Либерска Х., Фарника М. Трансляция культуры и/или развитие в деятельности: германо-российская и англо-саксонская модели образования // Философия образования. 2015 №2 (59). С. 37–45.

4. Водичев Е. Г., Лисс Л. Ф., Узбекова Ю. И. Высшая школа в условиях системных трансформаций переходных эпох. Статья 2: российская и американская модели // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 8. С. 129–145.

5. Сударушкина Е. С. Особенности финансирования национальных исследовательских университетов // Вестник Томского государственного университета. 2011. №1(13) С. 100–105.

6. Заякин А., Смагин А. Государство требует от ученых больше научных статей. А получает горы макулатуры за солидные деньги: как это устроено? // Новая газета. 2019. № 45. С. 12–13.

7. Аблажей А. М. Идеиная подготовка и первые результаты реформы академической науки в России // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 2. С. 68–80.

8. Кугай А. И., Прошина Е. М. Болонский процесс и национальная традиция: достоинства и издержки // Управленческое консультирование. 2011. № 2. С. 194–201.

ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ И СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

М.А. Магомедова

Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала
muslimat-rci@mail.ru

В современном обществе информация пронизывает все виды деятельности человека – от научно-исследовательской до повседневной бытовой. Ключевую роль в обмене информацией между людьми играет Интернет. Вместе с тем современные возможности информационно-коммуникационных технологий могут быть использованы и в совершении незаконных, оскорбительных действий. Например, террористические организации через Интернет распространяют свою идеологию, вербуют новых членов. В сети Интернет появляются видеоролики, в которых боевики

«Исламского государства»¹ выступали с заявлением о том, что скоро откроют фронт «джихада» на Северном Кавказе. В последние десятилетия в связи с развитием сети Интернет и веб-технологий наблюдается рост количества электронных ресурсов экстремистского характера. Исследование информационного пространства и анализ экстремистских веб-ресурсов особенно актуальны в контексте противодействия экстремизму в Северо-Кавказском федеральном округе. Выявление данных аспектов позволит расширить представления об используемых методах и способах воздействия на молодежь, основную целевую группу пополнения сторонников радикального ислама.

В результате проведенного нами экспертного опроса около 80 % респондентов считают, что вовлечение молодежи в экстремистскую идеологию происходит через Интернет, прежде всего через социальные сети.

Идеология и практика радикального ислама все чаще берется на вооружение не только религиозно-политическими организациями, отдельными кланами, отдельными группировками, но и государством в политической борьбе за власть [1. С. 125].

Опасность религиозного экстремизма состоит еще и в том, что он рождает фанатизм, на основе которого существует и процветает терроризм. Именно на его основе появились шахиды, жертвующие своей жизнью, сатанисты, таким образом протестующие против засилья официальной церкви и избравшие кровавую стезю противостояния всему тому, что не совпадает с их ложно понятой верой.

Среди экстремистских религиозных течений и движений следует выделить ваххабизм², который отличается своим радикализмом, непримиримостью и желанием подчинить мир исламской вере. Причем под ваххабизмом стали понимать не только ту версию салафитского ислама, которая была создана Аль-Ваххабом, но и то ее течение, которое характеризуется ярко выраженным религиозным экстремизмом [2]. Большое распространение ваххабизм получил в таких республиках Северного Кавказа, как Дагестан, Карачаево-Черкесия, Чечня. Исламскому радикализму в форме

¹ Наиболее радикальное крыло противостоящих сирийскому президенту **Б. Асаду** джихадистов окончательно откололось от террористической сети «Аль-Кайда» и в конце июня 2014 г. объявило об образовании на подконтрольной им территории так называемого «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), позже переименованного в «Исламское государство», запрещенной в РФ.

² Ваххабизм – название религиозно-политического движения в суннитском исламе, возникшего в Аравии в середине XVIII века на основе учения Муххаммада ибн Абд ал-Ваххаба и ставшего впоследствии идеологией первого государства Саудитов. Ваххабитское движение выросло из богословской полемики по поводу очищения ислама от еретических нововведений и критериев истинного единобожия и превратилось впоследствии в мощный фактор идейно-политической жизни мусульманского мира.

ваххабизма посвящена монография известных дагестанских ученых А.К. Алиева, З.С. Арухова, К.М. Ханбабаева [3].

По мнению З.С. Арухова распространению ваххабитских идей в Дагестане и в Чечне в 90-х годах XX века способствовало усиление оппозиционных настроений в саудовском обществе. Власти королевства были заинтересованы не только в выдворении наиболее активной части оппозиции за пределы страны, но и в одновременном закреплении своего влияния на мусульманских территориях других стран [4. С. 11].

Противодействие идеологии религиозного экстремизма включает в себя комплекс организационных, социально-политических, информационно-пропагандистских мер по предупреждению распространения в обществе убеждений, идей, настроений, мотивов, установок, направленных на коренное изменение существующих социальных и политических институтов государства.

Практическая деятельность по реализации государственной политики в области информационно-идеологического противодействия экстремизму осуществляется МВД, МИД, МО, ФСБ, АТК, НАК Российской Федерации. Из всех существующих программ по противодействию идеологии экстремизма в Российской Федерации следует выделить Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года и Комплексную программу противодействия идеологии терроризма в Республике Дагестан» на 2018-2020 годы. В них на равне с силовыми методами противодействия экстремизму, основной упор в борьбе отводится идеологическому противодействию, а также уделяется внимание каналам распространения экстремисткой идеологии.

Литература

1. Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность? М.: Academia, 2007. С. 125.
2. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов-на-Дону, 2003.
3. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007.
4. Арухов З.С. Ваххабизм и духовенство в политической структуре саудовского общества. Проблемы взаимоотношений власти и оппозиции. Махачкала: Издательский дом «Новый день», 2002. С. 11.
5. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения: 08.04.2019).
6. Государственная программа Республики Дагестан «Комплексная программа противодействия идеологии терроризма в Республике Дагестан» на 2018-2020 годы. [Электронный ресурс] // URL: www.e-dag.ru (дата обращения: 08.04.2019).

ПОТЕНЦИАЛ ЭТНОКУЛЬТУР В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

С.А. Мадюкова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sveiv7@mail.ru

Работа выполнена в рамках раздела «Этнокультурные механизмы пространственного развития Сибири» междисциплинарного проекта «Экономико-географические, этнокультурные и историко-демографические механизмы пространственного развития Сибири» Комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН II.1.

Одной из наиболее актуальных проблем, поднимаемых как в европейской, так и в российской социогуманитарной науке и практике является пространственное развитие регионов. При этом до сих пор преобладает экономическая ее трактовка, фокус которой состоит преимущественно в поиске оптимальных вариантов развития локальных территориальных экономических систем, их интеграции в российскую и мировую экономику. Как представляется, данный подход не учитывает в полной мере потенциала культурного многообразия при одновременном декларировании значимости роли культурной компоненты в развитии территорий на европейском и российском федеральном уровне.

В современном европейском контексте под пространственным развитием понимается «комплекс организованных действий по управлению элементами и связями территорий, система действий и политик, направленных на оптимизацию происходящих пространственных изменений (развития)» [5]. Важно отметить, что на уровне программных документов стран Европы зафиксирована значимость сохранения разнообразия культур в качестве одного из основополагающих принципов устойчивого пространственного развития европейского континента. Кроме того, в качестве категории масштабирования европейских территорий закреплены культурные ландшафты территорий [3]. В России на федеральном уровне проблематика регионального пространственного развития включена в качестве самостоятельного направления в деятельность Центра стратегических разработок. Эксперты направления «Пространственное развитие» анализируют способы пространственного развития с учетом новых технологических возможностей, а также стимулы, необходимые для раскрытия потенциала регионов и их интеграции в мировую экономику [6]. На Международном форуме пространственного развития, прошедшем в Санкт-Петербурге в апреле 2019 года, обсуждались особенности интеграции технологий бизнеса и деятельности по сохранению исторического наследия, а также зафиксирована актуальность сохранения культурного наследия регионов для их пространственного развития [7].

Таким образом, на первый взгляд, на глобальном уровне осознана необходимость сохранения культурного многообразия. В то же время, концептуальной проблемой, без решения которой не представляется возможным содержательно говорить о культурном многообразии, является определение содержания культуры в целом и этнокультуры в особенности. Как отмечают Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев, «динамику культуры в эпоху перемен более удовлетворительно описывает концепция, определяющая культуру как конкретно-исторический вариант существования общества в его качественно определенной специфике... Культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу (или социальной группе) отличительных признаков» [4. С. 22]. Значимой в данном определении представляется фиксация дифференцирующих характеристик отдельной локальной культуры от других подобных культур. Такие характеристики, на наш взгляд, ярко проявляются в этнокультурах.

Под общую «шапку» концепта этнокультуры (этнической культуры) также нередко умещается довольно разное содержание. Анализ литературы позволил зафиксировать, что под этнокультурой понимают как комплекс ценностных ориентаций и конкретных обрядовых (обладающих сакральным содержанием) практик, так и бытовые повседневные «этнически маркированные» навыки и компетенции (ведение традиционного хозяйства, владение родным языком на бытовом уровне и т.д.). Прикладное народное творчество, в современном мире реализуемое подчас в виде профессионального этнического искусства (вышивка, украшение конской сбруи, горловое пение и мн.др.) также относится исследователями к этнокультуре. Не отрицая правомерности всех этих суждений, мы считаем, что все это характеризует разные стороны одного и того же явления, этнокультуры как некоего комплексного образования, компонентами которого правомерно назвать все вышеперечисленные аспекты социокультурного бытия этноса.

Наиболее адекватным для данного исследования представляется следующее определение этнокультуры: «Этнокультура – это совокупность традиционных ценностей, отношений и поведенческих особенностей, воплощенных в материальной, духовной, социальной жизнедеятельности этноса, сложившихся в прошлом, развивающихся в исторической социодинамике и постоянно обогащающих этнической спецификой культуру в различных формах самореализации людей» [1].

Необходимо учитывать, что единственно возможным способом существования и воспроизводства этнических культур (если не брать музейные экспонаты) является их видоизмененное, адаптированное к современным реалиям состояние. В отечественном социогуманитарном дискурсе начала XXI века одной из трендовых тем стала проблематика социокультурного (и этнокультурного, как его разновидности, сфокусированной на этноспецифике) неотрадиционализма. Нами выделены те формы неотрадиционализма, которые, на наш взгляд, обладают значимым потенциалом для трактовки пространственного развития, в которой учтена

значимость этнокультурного многообразия в социокультурной динамике регионов: празднично-обрядовая, фольклорная, этнокультурно-хозяйственная, туристско-предпринимательская, лингвистическая, конфессиональная и др. формы [2].

Одним из специфически современных проявлений этнокультурного неотрадиционализма, на наш взгляд, является повышение значимости публичных каналов трансляции этнокультур, уравнивающих, а подчас и доминирующих над частными каналами. Одним из наиболее значимых современных публичных каналов трансляции этнокультур, на наш взгляд, является система образования. Таким образом, потенциал этнокультурного (в особенности прикладного и этномызыкального) образования состоит не только в повышении уровня этнокультурной компетентности жителей регионов, но в возможностях для монетизации полученных профессиональных знаний. Повышение качества «этнопродукции» вследствие изготовления его «по науке» специалистами с профильным образованием повысит и стоимость такого продукта, и спрос на него. Следовательно, трансляция этнокультур посредством публичных каналов (в первую очередь в системе образования) обладает существенным потенциалом для повышения уровня экономического благосостояния отдельных жителей «этнических» регионов, а при проведении качественной маркетинговой и туристической политики – и для экономического развития таких регионов России в целом.

Литература

1. Афанасьева А. Б. Совершенствование этнокультурного образования современных педагогов // Человек и образование. 2008. № 4 (17). С.34–38.

2. Мадюкова С. А. Ментальные и этнопсихологические особенности тувинцев в системе детерминант развития Республики Тыва (на примере этнотуризма [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 72–94. DOI: 10.25178/nit.2018.2.4.

3. Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития европейского континента [Электронный ресурс] // Центр стратегических исследований. URL: <http://vasilievaa.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/guidpsdecontin.htm> (дата обращения: 16.05.2019).

4. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Экономическая культура тувинцев в горизонте социокультурного подхода // Новые исследования Тувы. 2018. №2. С. 22–39. DOI: 10.25178/nit.2018.2.2.

5. Пространственное развитие [Электронный ресурс] // Центр стратегических исследований. URL: <http://vasilievaa.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/spatdevelopment.htm> (дата обращения: 16.05.2019).

6. Пространственное развитие [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/prostranstvennoe-razviti/> (дата обращения: 16.05.2019).

7. Сохранить историческое наследие в городах поможет бизнес [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/news/sohranit-istoricheskoe-nasledie-v-gorodah-pomozhet-biznes/> (дата обращения: 16.05.2019).

БРЕНД УНИВЕРСИТЕТА В ВОСПРИЯТИИ ГОРОЖАН

С.В. Малых

Иркутский государственный университет
Lana.malyx@bk.ru

Бренд университета играет определяющую роль в формировании имиджа города и самоидентичности горожан. Он формирует вокруг себя систему ориентиров, задающую общий контекст и перспективы развития территории. Бренд университета является связующим звеном между прошлым и будущим региона. Задачи, условия, инструменты образования способного перевернуть представления о способах и целях регионального развития – вот главная задача университетского обучения в регионах. Помимо этого, необходима подготовка кадров не для будущей миграции в западные регионы страны, а для развития их потенциала на местах.

Все обозначенные моменты возможно реализовать при развитии бренда университета как «марки», «системы качества», «условий профессионализма» и многих других характеристик, определяющих преподавателей и студентов и выпускников Иркутского государственного университета. Частично данные вопросы рассматривались в наших исследованиях [1,2] и касались социальных ресурсов в работах О.А. Полношкевич [3,4].

Исследование роли бренда университета в развитии региона полезно как самому университету, так как позволяет поставить основные приоритеты развития, так и городу Иркутску (органам власти), регулирующим социальное самочувствие и социальную динамику городского социума.

Методология исследования строилась на применении символического подхода к анализу роли университета в городской среде. Методом сбора информации стал опрос, выбор респондентов методом снежного кома. В нем приняло участие 1200 горожан в возрасте от 18 до 75 лет, проживших в Иркутске от 2 до 75 лет.

В результате опроса мы выяснили, что Иркутский государственный университет у жителей города напрямую связан с самим городом Иркутском. Только 10% указали на идентичность названий «Иркутск» и «Иркутский» как признак схожести. Остальные респонденты указывали на «включенность зданий и корпусов ИГУ в городское пространство» – 28%, «сохранение культурного наследия и исторического прошлого» – 26%, «развитие ИГУ связано с развитием Иркутска» – 22%, «выпускники ИГУ создают облик современного Иркутска» – 14%. Данные определения позволяют нам говорить

о том, что не только прошлое и настоящее, но и будущее Иркутска связано с Иркутским государственным университетом.

У 62% респондентов кто-то из родственников или они сами учились в ИГУ. Более того, 73% респондентов хотели бы, чтобы их дети учились в ИГУ. Это формирует отношение уважения и признания заслуг университета на городском и региональном уровне.

В таблице 1 представлены варианты ответа на вопрос, что дает Иркутский государственный университет городу Иркутску.

Таблица 1

Что дает Иркутский государственный университет городу Иркутску? (в%)

Основные ориентиры	Примеры	%
Ориентиры в прошлое	<i>«Сохранение социальной памяти через книги, здания, опыт проживших в этом городе людей не один десяток лет» (А.Ю., строитель, 48 лет), «Память о людях, живших в этом городе, любивших, мечтавших, строивших свою жизнь и жизнь своих потомков» (О.А., учитель, 41 год), «Благодаря университету есть память о прошлом людей, вещей, событий изменивших ход истории» (Д.Б., пенсионер, 75 лет).</i>	25
Ориентиры на настоящее	<i>«Университет учит студентов тому, что может помочь им уже сегодня быть нужными и востребованными специалистами» (Н.Е., психолог, 29 лет), «Университет требует подтверждения знаний и умений от студентов, он предлагает новый опыт, но и требует постоянного применения и обновления знаний и навыков тех, кто тут учит и тех, кто учится» (С.В., лингвист, 23 года), «Знания устаревают, но навыки учиться остаются. Только в настоящем можно найти силы для того чтобы жить. Университет тем самым запускает Жизнь в городе» (М.В., политолог, 26 лет).</i>	34
Ориентиры на будущее	<i>«Университет закладывает перемены будущих событий, новой жизни, новых целей и ориентиров. Он не дает застрять нам в прошлых проблемах, он заставляет мечтать и реализовывать свои мечты в жизнь» (И.С., предприниматель, 39 лет), «Университет дает ориентиры развития, задает планку, которую держишь всю жизнь и постоянно предъявляешь доказательства того, что за тебя не стыдно в стенах родной Альма матер» (Н.Д., писатель, 47 лет), «Будущее нашего города заложено в стенах ИГУ. В педагогах и учениках, что совместно мечтали, творили и верили в то, что они могут сделать жизнь лучше, проще и красивее» (А.Е., домохозяйка, 32 года).</i>	41

Как видно из таблицы, доминируют ориентиры на будущее (41%), на втором месте – ориентиры на настоящее (34%) и на третьем – ориентиры в прошлое (25%). Говоря о развитии, то конечно дают новую систему отсчета ориентиры на опору на ресурсы в настоящем и возможности их развивать и преобразовать в будущем.

Символы Иркутского государственного университета в сознании респондентов тесно связаны с самим городом Иркутском (см. таблицу 2).

Таблица 2

Символы ИГУ, связанные с Иркутском (в%)*

Символы	18-32 года	33-50 лет	51-75 лет
Дома (здания)	40	35	25
Библиотеки	30	35	35
Спортивные комплексы	35	35	30
Люди	10	15	75
Научные открытия	65	20	15

* Данные представлены на основе символического анализа тех объектов которые наиболее часто у респондентов ассоциируются с Иркутском, но при этом имеют прямое отношение к Иркутскому государственному университету.

Как видно из таблицы, материальные символы университета и само пространство Иркутска тесно переплетены у респондентов всех возрастов. Но в более старшем возрасте респонденты отмечали еще и людей, внесших в клад в развитие города, кто учился или работал в университете (юристы – А.М. Горовцев, и С.П. Мокринский, известный египтолог И.Г. Франк-Каменецкий, приехавшие из Казанского университета профессор, славист А.М. Селищев и профессор П.П. Миндалев; гуманитарные исследования в области этнологии и археологии, сибирского краеведения, литературоведения и языкознания проводили такие корифеи науки, как Б.Э. Петри, Б.Г. Кубалов, М.К. Азадовский, и др.; В.Т. Агалаков, И.И. Кузнецов, С.В. Шостакович (историки), В.Д. Арсеньев, Г.Б. Виттенберг, Н.И. Трофимов (юристы), А.Г. Митрошкина, Н.О. Шаракшинова (филологи). А в более младшем возрасте делают акцент на те научные открытия, которые были сделаны учеными ИГУ, прославившими Иркутск (в астрономии, физике, химии, математике, биологии, почвоведении, геологии и т.д.).

По мнению 99% респондентов, «Иркутский государственный университет – это бренд». Имя нарицательное в виде знаний, обучения, качества. На региональном и городском уровне – это знак качества. Поэтому можно говорить о существенном положительном влиянии бренда университета на развитие города Иркутска.

Роль бренда университета в формировании имиджа города значима. Пример взаимодействия Иркутского государственного университета и города Иркутска является ярким тому подтверждением. Но и эта связка требует постоянного мониторинга и изучения, чтобы эффект от партнерства был постоянным и взаимовыгодным.

Литература

1. Малых С.В. Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на территориальное развитие // Социология. 2018. № 4. С. 129–135.

2. Малых С.В. Роль бренда университета в формировании имиджа города Иркутска // Урбанистика. 2018. № 3. С. 123–133.
3. Полюшкевич О. А. Интеллектуальный капитал университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 25–27.
4. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26–29.

ЭКЗАМЕН В ВУЗЕ КАК ЭТИЧЕСКИ НАГРУЖЕННАЯ СИТУАЦИЯ

А.П. Никитин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
nikitinanton5891@gmail.com

Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00681

Этическая ситуация – это ситуация, требующая от человека нравственного выбора. Этически нагруженной ситуацией является ситуация, в которой от человека требуется решить не одну, а несколько нравственных дилемм. Основной тезис доклада, вынесенный в заглавие работы, гласит, что экзамен в вузе является этически нагруженной ситуацией: как для преподавателя, так и для студентов. Данный тезис предметно раскрывается через анализ противоречий, характеризующих позицию экзаменатора. При этом подразумевается, что эти противоречия носят идеально-типологический характер, то есть могут варьироваться в реальной образовательной практике, ведь в действительности не всякий преподаватель сталкивается с проблемой нравственного выбора, принимая экзамен.

Для преподавателя очевидной нравственной дилеммой является выбор между выполнением профессиональных обязанностей и сочувствием к студенту (при условии, что оно в принципе есть). В строгом функциональном смысле экзаменатор не должен вникать во все подробности частной жизни студентов, экзаменуемые для него значимы только в одном аспекте – аспекте их знаний дисциплины, по которой проходит экзамен. Некоторые студенты, при этом, часто пытаются сыграть на человеческих чувствах преподавателя, апеллируя к тяжелым жизненным условиям своего существования, на дающим им качественно подготовиться к экзамену. В одних ситуациях это соответствует действительности, в других является только поводом для самооправдания, однако экзаменатору трудно определить, реально ли студент желает учиться, но ему мешают обстоятельства, или же он учиться не желает, а данными обстоятельствами прикрывает свое отношение к образовательному процессу.

Здесь возможны два пути в развитии ситуации. Во-первых, преподаватель может понадеяться на свой жизненный опыт и интуитивно определить, насколько студент адекватно описывает диалектику своих

стремлений и объективных ограничений. Вместе с тем, если он поверит студенту, противопоставление профессионального долга и сочувствия никуда не исчезнет, а, наоборот, только возрастет. Ставить положительную оценку условному Иванову за то, что он хороший человек, вполне возможно, но явно непрофессионально, ведь таким образом хорошего человека легко можно превратить в плохого специалиста. Ставить отрицательную оценку условному Иванову за то, что он не знает предмет, профессионально, но в определенном смысле безнравственно, если Иванов всеми силами пытался выучить, но жизненные обстоятельства не дали ему это сделать.

Во-вторых, преподаватель может пойти по пути формального обезличенного оценивания, переложив ответственность с себя также на жизненные обстоятельства, в рамках которых протекает процедура экзамена. В этом, к примеру, ему могут помочь тестовые задания и компьютерная программа, которая переводит тестовые баллы в оценку (возможны и другие механизмы). Применяя такой подход, экзаменатор легко может сказать Иванову, что очень жалеет его и сочувствует ему, но ничего не может сделать, поскольку сам выступает в роли статиста: сколько Иванов набрал баллов, такую оценку и получит. При этом экзаменатор может только прикрываться формальными требованиями, нисколько не сочувствуя Иванову, а может искренне его жалеть, но действительно не быть способным изменить оценку.

Ситуация для преподавателя в современных условиях российской системы высшего образования усугубляется тем, что от него зависит, будет ли студент получать стипендию. Само понимание этого обстоятельства возлагает на экзаменатора серьезнейшую ответственность, особенно в тех случаях, когда стипендия для студента является чуть ли не единственным источником дохода. Обычно нейтрализация этой ответственности проходит в русле рассуждения, что если студент хочет получать стипендию, то он должен ее заслужить, в каком-то смысле заработать, ведь заработную плату выдают именно за трудовую деятельность, а не за человеческие качества. Тем не менее, если развивать аналогию между заработной платой и стипендией, стоит отметить, что государство обеспечивает трудоспособных индивидов денежным пособием по безработице, но не обеспечивает таким же образом троечников, у которых возникают и естественные трудности в освоении образовательной программы (то есть нельзя считать, что студент получает тройки только в связи со своей ленью, нестарательностью и т.д.).

Другой момент, делающий ситуацию экзамена этически сложной, касается содержания самой дисциплины (является она профильной или общеобразовательной). Нередко студенты, проходя курсы общеобразовательного блока, к примеру, философию, подчеркивают и на занятиях, и на экзамене, что для их профессии этот предмет не играет никакой роли. Иногда это понимает и сам преподаватель. Стандартные объяснения ценности гуманитарного знания, представленные в выражениях «для кругозора», «для саморазвития личности», «для осмысления эпохи» и т.п., не всегда могут удовлетворить студенческие умы. На экзамене же разговоры о

практической пользе философии перестают носить сугубо теоретический характер, а становятся весьма острым жизненным вопросом, учитывая, что при получении оценки «неудовлетворительно» или «удовлетворительно» студент лишается части своих доходов. Вряд ли экзаменуемый, потеряв определенные деньги, будет жалеть о том, что упустил возможность расширить свой кругозор и лично трансцендироваться.

Эти и другие нравственные проблемы взаимодействия преподавателя и студентов стали одним из аспектов социологического исследования, проведенного в текущем году в Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова, основной целью которого являлся анализ фальсеоинтеракций в системе высшего образования. В опросе участвовало 500 студентов (анкетирование) и 39 преподавателей (полуформализованное интервью). В контексте решения обозначенной задачи было выявлено, каким образом участники экзамена имитируют его проведение и раскрывалось, почему они идут на это. При анализе учитывались две группы факторов: объективные (административное давление, нормирование количества студентов и т.д.), субъективные (жалость к студентам, отсутствие желания работать с ними на пересдачах и т.п.).

Результаты исследования показали следующую картину. Более половины студентов (53,8 %) сталкивались со случаями, когда преподаватель необъективно завышал оценку или выставлял экзамен без проверки знаний. Вместе с тем, отвечая на дополнительный уточняющий вопрос «Как часто вы узнаете о подобных случаях?», который преднамеренно задавался всем респондентам вне зависимости от ответа на предыдущий, меньшинство отметило варианты «никогда» и «затрудняюсь ответить» (6 % и 2,4 % соответственно). Большая часть (40,6 %) отметила вариант «очень редко, буквально несколько раз в процессе обучения» (в первую очередь за счет ответов тех, кто вообще отрицал подобные случаи). При этом 23,2 % ответили, что это происходит каждую сессию, 12,6 % – каждый учебный год, 15,2 % – не каждый учебный год.

Отмечая вероятные причины выставления незаслуженной оценки, студенты в своем большинстве указывали на жалость (45,2 %) и на то, что преподавателям надоедает работать с должниками (15,2 %). То есть для студентов субъективные факторы выглядят более значимыми. В среде преподавателей представления прямо противоположные. 35 из 39 опрошенных преподавателей (89,7 %) признались, что ставят студентам завышенные оценки, и, говоря о причинах этого, отмечали, что основным фактором является контроль руководства за количеством студентов, не сдавших экзамен (27 человек, 69,2 %). Только 4 человека указали на нежелание работать на пересдачах и 6 – на жалость к студентам. Чтобы облегчить процедуру экзамена для студентов, преподаватели используют следующие приемы: специально выходят из аудитории, чтобы дать возможность списать, просто «закрывают глаза» на списывание, не обращают внимания на фактические ошибки в ответах, дают подсказки, задают наводящие вопросы и т.п.

Таким образом, вынесенный тезис, что в идеально-типологическом смысле ситуация экзамена полна нравственных дилемм, в реальной образовательной практике проявляется на уровне принятия/непринятия неформальных правил его проведения при соблюдении формальных. Как и для студентов, так и для преподавателей экзамен превратился в разновидность игры, где преподаватель делает вид, что проверяет знания учащихся, а студенты делают вид, что эти знания у них есть, подыгрывая преподавателю. Большинство студентов, в частности, отметили, что преподаватели знают о том, когда студент списал (89,2 %), при этом никогда не списывали из опрошенных 24,2 %. Из тех, кто списывал, только 5,2 % сталкивались с ситуацией, когда преподаватель применял в их отношении санкции на экзамене. Отвечая на вопрос о причинах списывания, респонденты чаще всего отмечали вариант, что предмет очень сложен для понимания и запоминания (56,2 %), что им не хватает времени для подготовки к экзамену (36,5 %).

Для преподавателей списывание студентами перестает быть значимым фактом, поскольку сама процедура экзамена теряет смысл в контексте административного давления. Если для них заранее ставится задача выставить хорошие оценки, вопрос нравственного выбора переходит на другой содержательный уровень: выполнять или не выполнять задачу. Если выполнять – то следует только соблюсти процедуру проведения экзамена, создав для студентов иллюзию контроля их знаний, которую те охотно принимают, чтобы создать иллюзию своих знаний для преподавателя. Если не выполнять и проводить экзамен по всей строгости – то необходимо быть готовым как к адекватному оцениванию студенческих знаний со всеми теми нравственными дилеммами, которые перечислены выше, так и к санкциям со стороны администрации вуза (которые чаще всего носят неформальный характер). Как показали результаты интервьюирования преподавателей, чаще всего они выбирают первый вариант.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ ТЕРРИТОРИИ

Е.Э. Новикова, Д.С. Кропачева

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Тема социокультурного портрета территорий актуальна. Это обусловлено тем, что составление социокультурного портрета позволяет рассмотреть состояние и проблемы территории в различных сферах жизнедеятельности. Исследования в области данной тематики дают возможность сделать анализ территории и выявить направленность её дальнейшего развития. Без составления социокультурного портрета было бы трудно представить полную картину состояния региона и его положения в социокультурном пространстве страны. Достаточно масштабные

исследования в данной области проводятся довольно редко, однако данной тематике необходимо уделять больше внимания, для того чтобы проследить изменения или наоборот застой в развитии регионов. Этот анализ позволит не только местным органам самоуправления, но и широкой общественности познакомиться с ситуацией, сложившейся на территории их проживания.

П.А. Сорокина можно считать основоположником социокультурного подхода. Социокультурным явлением, по мнению П.А. Сорокина, является взаимодействие двух или более людей, состоящее из трех основных элементов: личность, общество и культура [1. С. 9]. При изучении каждого элемента необходимо непрерывно обращаться к их взаимозависимости. Также П. Сорокин разработал теорию социокультурной динамики, в основе которой исторический процесс рассматривался как процесс смены суперсистем: чувственной, идеациональной, идеалистической.

Другой социолог, Толкотт Парсонс, выделил три основных аспекта культуры: она передается по наследству, ей необходимо научиться, является общепринятой [3. С. 87]. Т. Парсонс описывал взаимозависимость трех переменных – личности, социальной системы и культуры; пояснил, что развитие культуры способствует совершенствованию социальных систем общества. Однако культура не может прогрессировать сама по себе, она должна непрерывно взаимодействовать с социальным окружением, и только тогда будет происходить эволюция [4. С. 45].

Еще один представитель структурно-функционального подхода, который обращался к теме значения культуры в структуре общества, Роберт Кинг Мертон. Ученый выделял два основных элемента социальной и культурной структур: цели, которые определены культурой, и институализированные нормы, направленные на регулирование и определение приемлемых способов достижения целей. Каждая социальная группа, так или иначе, определяет свои культурные цели на основе общепринятых норм и правил. Для того чтобы достичь равновесия в обществе, необходима высокая удовлетворенность индивида достигнутыми целями и способами их достижения. [5. С. 118–124].

На современном этапе достаточно полное описание социокультурных механизмов динамики российского общества дал А.С. Ахиезер. Основными элементами воспроизводства человеческой деятельности является культура и социальные отношения. Противоречия, возникающие между культурой и социальными отношениями, А.С. Ахиезер называл «социокультурными противоречиями». В конечном счете, если не удастся их преодолеть, это приведет к социальной катастрофе: полной дезорганизации и деградации культуры. [6. С. 54–57].

Обоснование социокультурного подхода также представил Н.И. Лапин. Под социокультурным подходом он понимает единство культурного и социального. Культура – результат деятельности человека, а социальное – совокупность отношений между индивидами. Социокультурный подход не противопоставляется другим подходам, а может выступать в качестве их

дополнения: цивилизационный подход делает акцент на устойчивых компонентах истории, формационный, наоборот, учитывает изменчивые структуры общества, а социокультурный объединяет эти два подхода и рассматривает взаимозависимость изменчивого и устойчивого компонентов [7. С. 3–12].

Составление социокультурного портрета территории предполагает реализацию ряда базисных принципов, к которым следует отнести универсальность формируемого портрета, его целостность и сохранение уникальности описываемого объекта. Существуют подсистемы территории, которые наиболее значимы для составления её социокультурного портрета. Они включают в себя: социальную сферу (население, уровень жизни), политическую (структура органов власти), экономическую (трудова мотивация и экономическая активность), культурную (язык, образование, СМИ и т.д.).

Для исследования каждой подсистемы целесообразно использование как социологических методов (массовые опросы, экспертные интервью), так и статистических данных (например, данные Росстата, где представлены данные по демографическим процессам территорий). Это связано с тем, что одни подсистемы региона возможно характеризовать через систему объективных показателей (население региона, уровень рождаемости, число разводов, количество образовательных учреждений и зарегистрированных некоммерческих организаций и пр.), а другие – только на основании субъективных оценок населения (социальная напряженность, субкультуры, экономическая активность жителей) [8. С. 221].

Современная социальная структура регионов изменяется, она усложняется, так как появляются новые страты, которые характеризуют новые отношения между сотрудниками организаций, между людьми. Постепенно возникает новая психология, внедряются инновационные ценности и интересы, новое отношение к трудовой деятельности, получению образования, новый образ жизни, инновационные пути взаимодействия.

Процесс их формирования в регионе еще не завершен и требует специального исследования. Последнее в равной степени относится и к формирующемуся среднему классу, «венчающему» процессы социального неравенства, играющему важную роль в социальной стабильности любого общества [9].

Разработка социокультурного портрета территории позволяет связать между собой социально-экономический и культурный аспекты территории, ее инновационный потенциал с особенностями образа жизни населения, и в итоге выявить проблемы и их дальнейшее решение [10. С. 203].

Исследование по социокультурному портрету проводится в несколько этапов. Начальный, первый этап – организация сбора в контактных регионах информации по различным составляющим портрета. На втором этапе проводится всесторонний сравнительный анализ и обобщение полученных данных по согласованным правилам и алгоритмам.

На третьем этапе разрабатываются предложения и рекомендации по развитию приграничной территории и подготовке программно-целевых документов по управлению экономической функцией границы, корректировке регионального сотрудничества в социально-экономической, научно-образовательной, культурно-гуманитарной и других сферах.

В решение задач второго и третьего этапов положены принципы группового экспертного оценивания стратегий территориальных изменений и экономических возможностей Союзного государства. Руководителями экспертных групп назначаются ведущие ученые и специалисты по западному приграничью России [11].

Социокультурный портрет является неотъемлемой частью изучения развития территории. Он дает полную картину состояния территории, выявляет ее проблемы. Эти данные очень востребованы у органов власти как местного, так и федерального значения. На основе полученных данных они могут проводить сравнительный анализ с другими территориями или проследить динамику развития только своего региона, что поможет им в дальнейшем осуществить практическую деятельность по улучшению состояния территории. Кроме того, с помощью социокультурного портрета население территории может познакомиться с ситуацией, которая сложилась в их месте проживания, и, возможно, оказывать помощь органам власти в улучшении этой ситуации.

Данная тематика является актуальной и важной. Многомерный анализ различных территорий позволяет делать вывод о состоянии страны в целом, проводить сравнение между территориями на основании не только статистики, но и на результатах, полученных опросными методами. С помощью социокультурного портрета возможно выделение как сильных сторон территории, которые необходимо поддерживать, так и слабых, которые нуждаются в развитии.

Литература

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
2. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 52–62.
3. Винокуров А.И., Гнездова Ю.В. Исследование межрегиональных коммуникаций и взаимодействий контактных сообществ приграничья с использованием методологии социокультурного портрета // Социально-экономическая география в XXI веке: региональное развитие : материалы Межвузовского республиканского семинара, 17–18 ноября 2016 г., Минск / БГУ, Географический фак., Каф. экономической географии Беларуси и государств Содружества, Каф. экономической географии зарубежных стран; редкол.: Е. А. Антипова (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2017. С. 46–48.
4. Когай Е. А. О ценностных основаниях социокультурного портрета региона // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика.

Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва 27 июня – 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., ИФРАН, 2006.

5. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // СОЦИС. 2000. №7. С. 3–12.

6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2.

7. Несебря Н.А., Плотникова Е.Б. Методологические основы составления социологического портрета региона // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва 27 июня – 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., ИФРАН, 2006.

8. Парсонс Т. О социальных системах/ Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002.

9. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998.

10. Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. Отв. ред. Ефременко Д. В., Кротов П. П. (Сер.: Теория и история социологии). М., 2012. С. 126.

11. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вст: статья и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

РАЗЛИЧИЯ КОНФЛИКТНОГО ВОСПРИЯТИЯ СПОРТСМЕНОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ НАСТОЛЬНЫМ ТЕННИСОМ, В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ВУЗЕ (ИССЛЕДОВАНИЯ НА БАЗЕ САМАРСКОГО ГАУ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ДЖОРДЖИИ)

М.М. Орлов, А.Ф. Башмак

ФГБОУ ВО Самарский государственный аграрный университет
meod.adir@yandex.ru, bashmak60@mail.ru

Введение. На сегодняшний день, как и всегда, взаимодействие нескольких индивидуумов может привести к развитию конфликтной ситуации по разным типам: личность против личности или личность против группы и т.д. [1. С. 489].

Конфликт – неизбежная ситуация с которой приходится сталкиваться спортивному наставнику во время подготовительного и соревновательного процесса. Психоэмоциональное состояние спортсмена – фактор, который в 60% случаях решает исход спортивного соревнования [2. С. 493]. Существует масса факторов, которые влияют на данное состояние спортсмена, но один из

основополагающих – это состояние микроклимата в спортивном коллективе [3. С. 478]. Настольный теннис – не исключение: хотя он и является индивидуальным видом спорта, теннисисты очень редко тренируются по индивидуальной программе, чаще всего тренировка происходит в группе. А группа – это живой организм, и постоянное взаимодействие между спортсменами может повлечь за собой конфликтные ситуации [4. С. 188]. Этим оправдан интерес многих спортивных наставников к данной тематике.

Целью нашего исследования было изучение стратегии конфликтного поведения у спортсменов, занимающихся индивидуальными видами спорта.

Исходя из поставленной цели, **задачами** исследования явились: **во-первых**, проведение социологического опроса по данной проблематике. **Во-вторых**, обработка полученного материала.

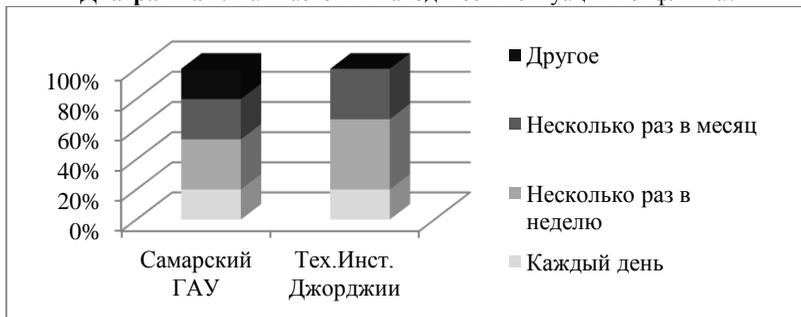
Материалы и методы исследований. Наши исследования проводились на базе Самарского государственного аграрного университета (Россия) и Технологического института Джорджии (США). В наших исследования приняли участие 30 спортсменов, занимающихся настольным теннисом, которым предлагалось ответить на перечень вопросов. Для исследования мы воспользовались опросником, составленным Романовым Д.В. и Орловым М.М.

В наш опрос мы включили следующий вопросы:

1. Как часто Вы находитесь в ситуации конфликта?
2. Какая из перечисленных стратегий предпочитаема Вами в конфликте?

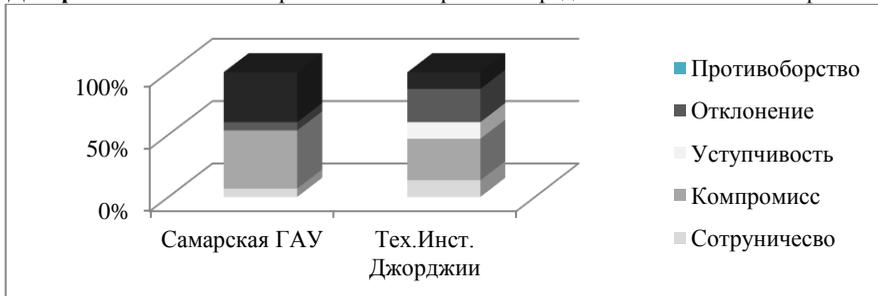
Результаты собственных исследований и их обсуждение.

Диаграмма 1. Как часто Вы находитесь в ситуации конфликта?

Как мы видим из полученных результатов, студенты из Соединённых штатов более конфликтны, чем студенты из Российского вуза. Так, каждый день из всех респондентов Самарского ГАУ конфликтует 20%, такое же количество из Технологического института. Несколько раз в неделю из России – 33,3%, из США – 46,7%. Несколько раз в месяц: из Самарского ГАУ 26,7%, а из Джорджии 33,3%. за показатель «другое» отдали свои голоса: 20% (из России) и 0% (из США). Под данным параметром мы понимали либо полное отсутствие конфликтных ситуаций, либо безразличное к ним отношение.

Диаграмма 2. Какая из перечисленных стратегий предпочитаема Вами в конфликте?

В данной диаграмме мы видим, что большинство российских студентов (46%) отдали своих голоса за «Компромисс» в конфликте и 40% за «Противоборство». Из американских студентов большинство выбрало стратегию (33,4%) «Отклонение».

Выводы. Довольно частое возникновение конфликтных ситуаций в коллективе спортсменов объясняется тесным контактом молодых людей, которые ещё подвластны «юношескому максимализму» и не ценят тот устоявшийся микроклимат, который должен царить в коллективе. Молодые люди находятся в стадии самоутверждения, которая является наиболее благоприятной для развития конфликтных ситуаций [5. С. 166].

Факт того, что большинство спортсменов выбрало показатель «Противоборство» и полностью проигнорировало «Уступчивость», объясняется, на наш взгляд, спортивным азартом и «юношеским максимализмом» [6. С. 37].

Исходя из проведённых исследований, мы можем сделать вывод, что люди, занимающиеся спортом, имеют средний уровень подверженности конфликтным ситуациям. И исходя из этого спортивным наставникам необходимо более тщательно подходить к вопросам построения микроклимата и организации тренировочного процесса в коллективе.

Литература

1. Башмак А.Ф., Проломова М.В. Оценка эффективности бросков у игроков задней линии гандбольных команд суперлиги // Актуальные проблемы аграрной науки и пути их решения сборник научных трудов, 2016. С. 487–491.

2. Проломова М.В., Башмак А.Ф. Методика развития координационных способностей юных гандболистов на этапе начальной подготовки // Актуальные проблемы аграрной науки и пути их решения сборник научных трудов. Кинель, 2016. С. 491–494.

3. Бородачёва С.Е., Мезенцева В.А., Бочкарёва О.П. Физическая работоспособность студентов // Актуальные проблемы аграрной науки и пути их решения: сборник научных трудов. Кинель, 2016. С. 477–479.

4. Мезенцева В.А., Бородачёва С.Е. Использование игровых технологий на занятиях адаптивной физической культуры со студентами с нарушениями

опорно-двигательного аппарата // Олимпизм, олимпийское движение. Олимпийские игры (история и современность): материалы Всероссийской научно-практической конференции XXVIII Всеуральской Олимпийской научной сессии молодых учёных и студентов, 2016. С.186–188.

5. Романов Д.В. Конфликтная среда вуза: монография / Д.В. Романов. – Самара: РИЦ СГСХА, 2012. 160 с.

6. Романов Д. В. Тренды развития высшего образования / Д. В. Романов, О. Г. Мальцева // Инновации в системе высшего образования: мат. Международной научно-методической конференции. Кинель: ФГБОУ ВО «Самарская государственная сельскохозяйственная академия», 2017. С. 33–38.

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РФ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

О.А. Персидская

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
olga_alekseevna@mail.ru

Этнонациональная политика направлена на обеспечение равноправия народов, представители которых проживают на территории государства, во всех сферах жизнедеятельности, реализацию и защиту равноправного правового статуса национальных меньшинств, необходимого для их социального, экономического и социокультурного благополучия [1]. Состояние современного периода в развитии этнонациональной политики, который следует отсчитывать с принятия Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (Указ Президента РФ №1666 от 19 декабря 2012 г.), во многом определяется проблемами и кризисами предшествующих периодов истории социокультурных трансформаций, связанных со сферой этнической жизни и также является итогом побед и ошибок курса этнонациональной политики страны. Коротко зафиксируем основные этапы, начиная с 90-х гг. прошлого века.

Россия, пережившая распад СССР, в 1990-е гг. прошла испытание не только кардинальными социально-экономическими и политическими трансформациями, но также активизацией этнонациональных движений, обострением межэтнических отношений и существенными изменениями характера этносоциальных процессов. Известный призыв Б.Н. Ельцина «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» спровоцировал волну «парада суверенитетов» автономных республик и положил начало национальной политике, которую можно назвать *моделью федерализации*. Во многих из автономий, после повышения их статуса до статуса республик, были приняты законы, противоречащие федеральному законодательству (о верховенстве республиканских законов над российскими, о государственном

суверенитете, о привилегиях в правах для титульных национальностей, собственном гражданстве и др.). Одним из последствий такой политики стало растущее неравенство между субъектами федерации по целому ряду параметров.

В начале 90-х активность государства в этнополитической сфере во многом определялась характером его взаимоотношений с лидерами этнонациональных движений. Так как не было общей линии в отношении проблем этнонациональной политики, власти были вынуждены вырабатывать особую позицию по каждой проблеме; в целом, такой подход к регулированию области этнонациональной политики может быть назван *стихийным*. Итогом политической деятельности этнических активистов 90-х стал запуск процесса политизации этничности, когда она стала использоваться как механизм мобилизации широких народных масс.

Ко второй половине 90-х стала очевидна необходимость «нормализации» этничности и устранения этнических аргументов из политической борьбы. Принятие Концепции национальной политики, подкрепленное федеральным законом «О национально-культурной автономии» (1996 г.) сыграло важную роль в самоорганизации этнокультурных сообществ, способствовало снижению межэтнической напряженности и в определенной степени препятствовало развитию в российском обществе сепаратистских тенденций. После утверждения Стратегии работа в сфере государственной национальной политики приобрела более комплексный и системный характер.

Начало 2000-х ознаменовалось так называемым «патриотическим поворотом» в курсе этнонациональной политики. Она перестала демонстрировать либеральность, основной акцент был перенесен на формирование общероссийской идентичности и укрепление патриотизма. Национальную политику с начала 2000-х гг. можно назвать *моделью централизации*. В этот период региональное законодательство было приведено в соответствие с федеральным. Произошло сокращение количества субъектов федерации за счет ликвидации ряда автономных округов и включения их в другие субъекты.

Несмотря на принятые меры, к началу 2000-х годов уровень межэтнической напряженности в обществе вновь стал нарастать. Еще более осложнила межэтническую ситуацию усилившаяся миграция, особенно из регионов Центральной Азии и Кавказа. Иллюзия благополучия в сфере национальной политики развеялась после событий на Манежной площади в декабре 2010 г. Стало ясно, что эта политика и состояние тех процессов, которые она призвана регулировать – важнейшая, требующая ответственного отношения и постоянного внимания составляющая государственной политики [2]. Публикация в январе 2012 г. статьи В. В. Путина «Россия – национальный вопрос», создание в июне 2012 г. при Президенте РФ Совета по межнациональным отношениям, утверждение в декабре 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до

2025 года», принятие в августе 2013 г. Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», создание в марте 2015 г. Федерального агентства по делам национальностей, утверждение в декабре 2016 г. государственной программы «Реализация государственной национальной политики», создание проекта закона «О российской нации» стали важными шагами в курсе стабилизации сферы межэтнических отношений [3].

Очевидно, что социокультурные трансформации последних лет и активные действия властных структур свидетельствуют о формировании новой модели этнонациональной политики. К социокультурным факторам, создающим для системы данной политики новые вызовы, механизмы приспособления к которым ей следует выработать, на наш взгляд, можно отнести:

- взаимопроникновение этнической сферы и других сфер социальной жизни: этнические и межэтнические отношения не могут ни анализироваться, ни регулироваться сами по себе, в отрыве от социальных, культурных, экономических, политических процессов;

- возрастающую сложность системы социокультурной детерминации, которая требует как усложненного масштабирования стратегий управления для сообществ разного уровня (федерального, регионального, локального), так и их различающегося содержания, направленного на решение конкретных проблем сообществ;

- трансформацию роли этничности: этническая принадлежность выступает не только как фактор идентичности и принадлежности группе, но и как важный рычаг в системе социальной стратификации;

- наряду с этническим, повышение значимости конфессионального фактора (как на глобальном, так и на локальном уровнях), усиление глубины конфессионально-этнических противоречий;

- учет многопланового воздействия миграционных процессов, особенно в городских полиэтнических сообществах, которое характеризуется увеличением этнической мозаичности, появлением в пространстве города анклавов или анклавоподобных поселений, возрастающей межэтнической напряженностью, повышающейся вероятностью возникновения межэтнических конфликтов, появлением этнических рынков и пр.

Выразим надежду, что в модели этнонациональной политики, которая будет складываться в ближайшем будущем, будут учтены как перечисленные выше социокультурные факторы, так и другие из числа определяющих социокультурную ситуацию в России и ее региональных и муниципальных полиэтнических сообществах. Предварительно выскажем предположение, что такая модель, ориентированная, с одной стороны, на разную роль этничности в разных контекстах, а, с другой, учитывающая специфику полиэтнических сообществ разного уровня и масштаба, может быть названа *локально и проблемно масштабированной*.

Литература

1. Этнонациональная политика [Электронный ресурс] // Социологический словарь ИАЦ «SOCIUM». URL: <http://socium.info/dict.html> (дата обращения 16.05.2019).
2. Попков Ю. В. Концептуальные вопросы этнонациональной политики России // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 13–19.
3. Попков Ю. В. Государственная национальная политика как фактор межэтнической интеграции российского общества // Siberian Socium. 2017. Том 1. № 1. С. 114–131. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-82-94.

ОБЩЕСТВЕННОЕ НЕДОВОЛЬСТВО В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.А. Полюшкевич

Иркутский государственный университет
okwook@mail.ru

Недовольство – это долгосрочная эмоция, отражающая негативные формы взаимодействия, возникающие между двумя и более людьми, группами и целыми институтами. Недовольство может возникать в результате недопонимания или принципиального противоборства; а также может быть формой целенаправленной политики, конструированием через СМИ, Интернет и социальное взаимодействие в целом негативных, агрессивных и иных образов против человека или группы людей.

Недовольство может быть сиюминутной реакцией на какие-то негативные формы взаимодействия. Чем чаще находит подтверждение краткосрочное недовольство, выраженное в адрес какой-либо группы или человека, тем больше вероятности, что оно перерастет в длительную эмоцию недовольства, передаваемую другим членам своей группы, членам своей семьи. Например, негативные эмоции участников второй мировой войны вылились в негативное отношение ко всем немцам, в нескольких последующих поколениях, не бывших ни участниками, ни свидетелями этой воны. Или же, негативное восприятие представителей ислама, формируется благодаря исламским террористическим группировкам.

Эмоции, позитивные и негативные, являются частью социального взаимодействия. Они входят в ритуалы социального взаимодействия. Они определяют общий настрой социального взаимодействия; включаясь в сам процесс взаимодействия, они определяют его характер, форму, динамику, качество, массовость и прочее; в конце взаимодействия они выступают маркером эмоциональной энергии (непосредственное взаимодействие закончилось, а эмоции еще длительное время могут определять мысли, поступки и действия участников).

Недовольство возникает в результате нарушения ожиданий членов одной группы. Оно становится длительным, когда заведомо ожидаются негативные формы и особенности взаимодействия в будущем.

Рассмотрим более подробно, в чем выражается общественное недовольство сегодня. Для этого, проанализируем результаты анкетного опроса, проведенного в Иркутской области в 2017 году (всего опрошено 1200 человек, 60% женщин и 40% мужчин, в возрасте от 18 до 75 лет). В процессе интерпретации результатов применим характеристики транс-символического анализа.

Итак, общественное недовольство россиян вызвано внешними и внутренними факторами. К первым относятся экономические санкции (33%), военные операции (26%) и запрет участия спортсменов в олимпиаде (21%). Ко вторым, сложности трудоустройства по специальности (32%), большими процентными ставками по кредитам (25%) и общей неуверенностью в своем будущем (24%). Транс-символический анализ внешних и внутренних форм общественного недовольства представлен в таблице 1.

Таблица 1

Транс-символический анализ внешних и внутренних форм общественного недовольства (в %)

Факторы	Символы		
	Когнитивные	Аффективные	Деятельностные
Экономические санкции	Ограничение (56) Запрет (55)	Сильные (53) Жесткие (50)	Убивают (67) Уменьшают (61)
Военные операции	Смерть (55) Сила (54)	Мощные (54) Эффектные (52)	Угрожают (53) Пугают (51)
Запрет участия спортсменов в олимпиаде запрет участия спортсменов в олимпиаде	Провокация (60) Клевета (54)	Ложные (53) Неправильные (50)	Ограничивают (48) Унижают (47)
Сложности трудоустройства	Ограничение (58) Безперспективность (55)	Страшные (60) Неожиданные (56)	Угнетают (54) Разочаровывают (52)
Большие процентные ставки по кредитам	Бедность (59) Издательство (57)	Печалят (58) Губят (52)	Унижает (54) Развенчивает (53)
Общая неуверенность в своем будущем	Пессимизм (54) Депрессия (51)	Уничжительная (59) Губительная (53)	Разочаровывает (57) Разрушает (51)

Как видно из таблицы, общественное недовольство маркируется негативными, пессимистичными и шаблонными словами, способными регулировать социальное настроение целых социальных групп.

На прямой вопрос о том, есть ли какие-то группы населения, которые вызывают у вас общественное недовольство, мы получили весьма

показательные ответы: недовольны мигрантами (28%), недовольны бедными и больными людьми (24%), недовольны богатыми людьми (25%), недовольны молодежью (15%), недовольны людьми старшего возраста (14%). Транс-символический анализ различных социальных групп, вызывающих общественное недовольство представлен в таблице 2.

Таблица 2

**Транс-символический анализ групп населения,
которые вызывают общественное недовольство (в %)**

Группы недовольства	Символы		
	Когнитивные	Аффективные	Деятельностные
Мигранты	Бедность (57) Жалость (54)	Грязные (58) Ущемляемые (56)	Забирают (56) Ограничивают (55)
Бедные	Слабость (55) Безвольность (52)	Нищие (55) Несчастные (54)	Унижаются (57) Подчиняются (52)
Богатые	Воля (57) Жестокость (52)	Сильные (55) Нечестные (53)	Наслаждаются (54) Забирают (51)
Молодые	Сила (55) Наглость (51)	Хитрые (57) Безответственные (54)	Развлекаются (59) Расслабляются (57)
Старые	Слабость (59) Ограниченность (56)	Жалкие (58) Немощные (52)	Ворчат (53) Обижаются (53)

Общественное недовольство разных групп населения вызвано разными мотивами и формами, это наглядно иллюстрируют данные таблицы 2. Но общий результат один – ситуация социальной напряженности и социальной аномии, негативно влияет на все слои и группы населения.

О чем говорят эти цифры и данные из таблиц?

О том, что практически половина россиян недовольна бедными или богатыми людьми. Противоречия экономических притязаний и реальных возможностей большинства жителей области отражены в работах В.А. Скуденкова [3]. С учетом того, что социальное расслоение будет увеличиваться, разрыв между бедными и богатыми расти, то и общественное недовольство будет увеличиваться. Это приведет либо к закрытым кастовым порядкам, либо к бунтам.

Треть населения недовольна либо молодежью, либо представителями старшего поколения. Впрочем, конфликт отцов и детей – достаточно давнее явление. Но в современном мире, он приобретает новые формы и особенности реализации, через новые формы брака и семьи, где нет взаимодействия со старшими членами семьи, где может не быть детей (чайлд-фри) и так далее [2]. Данное явление приводит к социальной отчужденности, росту депрессий и чувства одиночества среди представителей всех поколений. В будущем данные тенденции также будут увеличиваться, что приведет к моральной стагнации и нигилизму в общественном сознании.

Еще одна треть недовольна мигрантами. Это общий фон общественного недовольства, который может стать основой социальных беспорядков и революций или же мигрантофобией и национализмом. Данные перспективы и

особенности развития изучены в работах А.В. Завьялова [1]. Мигранты – это явный образ «Другого», «Чужого», «Не похожего», то есть всегда враждебного и недостойного. Практики всеобщего исключения и стигматизации уже достаточно очевидны, а в будущем будут иметь еще более весомые формы. В глобализованном обществе эти формы взаимодействия приобретут еще более масштабные формы, тем самым спровоцируют рост общественного недовольства в любой точке страны.

Каждая из рассмотренных сфер общественного недовольства подкрепляется в СМИ и сети Интернет событиями, явлениями и процессами, подтверждающими ее актуальность и «правильность», так как в процессе обыденного, повседневного развития находит свое подтверждение. Чем больше подобной информации в общественном сознании будет конструироваться и постоянно подкрепляться, тем более сильной длительной негативной формой общественного недовольства будет прирастать пространство страны или отдельного региона.

Общественное недовольство – это «пожарная кнопка» всего общества. Но будет ли она постоянно включена или будет сигнализировать лишь о разовых мероприятиях, во многом зависит от органов власти, политического курса, идеологической работы и социальных ориентиров общественного развития, распространяемых в социуме.

Литература

1. Завьялов А. В. Мигрантофобия и гуманизм в миграционной политике // Социодинамика. 2016. № 9. С. 52–66.
2. Полюшкевич О.А. Социальная удовлетворенность поколений // Россия в системе современной социальной реальности. Материалы выступлений участников V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. и сост. Д.К. Танатова, Т.Н. Юдина. М.: РГСУ, 2016. С. 546–548.
3. Скуденков В.А. Экономические притязания городских жителей Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 3. С. 93–105.

ОСНОВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ: НУЖНО ЛИ ИЗУЧАТЬ ЭКСПЕРТНЫЕ СИСТЕМЫ И ЯЗЫК PROLOG?

К.В. Розов

Новосибирский государственный педагогический университет
konstantin_dubrava@mail.ru

В учебных планах педагогических вузов для бакалавров направлений 44.03.01 «Педагогическое образование» и 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» специальностей, связанных с информатикой, традиционно существует дисциплина, направленная на изучение основ искусственного интеллекта (далее – ИИ). Анализ рабочих

программ 27 педагогических вузов России за последние 3 года показал, что в рамках дисциплин «Основы искусственного интеллекта», «Системы искусственного интеллекта» и т.п., наиболее часто одними из ключевых тем для изучения выступают экспертные системы (далее – ЭС) и язык логического программирования Prolog. Именно данные темы, в отличие, например, от искусственных нейронных сетей (далее – ИНС), занимают большую часть содержания некоторых учебных пособий, изданных в течение последних 5 лет [2; 6; 10], не говоря уже об учебных пособиях, изданных ранее. В диссертационных исследованиях Г.Г. Исаевой [3] и А.А. Широких [11] уделяется особое внимание именно изучению ЭС в курсах по ИИ для будущих педагогов. Однако актуальность изучения ЭС и языка Prolog для будущих учителей информатики на современном этапе развития технологий ИИ вызывает сомнения.

История изучения ЭС как направления исследований в области ИИ, а также история языка Prolog берут свое начало в 70-х годах XX века. Именно в это время произошли качественные изменения в исследованиях ИИ.

В то время «...исследователи постепенно осознавали, что всем ранее созданным программам не хватает самого важного – глубоких знаний в соответствующей области» [5, с. 16]. Поэтому для усовершенствования какой-либо программы ИИ «...необходимо было использовать ... методы логических рассуждений и накопленные в опыте знания, представленные в символической форме» [5, с. 16]. Ключевой проблемой, решавшейся в то время, была проблема представления знаний [5, с. 17]. Это определило появление специализированного программного обеспечения – ЭС, выполняющих роль эксперта-консультанта в какой-либо конкретной предметной области [7]. «Во многих экспертных консультирующих системах применяется метод ИИ, связанный с логическим выводом, основанным на правилах» [8, с. 15]. «Язык Prolog был создан в 1972 году с целью сочетать использование логики и представление знаний» [1, с. 4] и завоевал свою популярность как язык логического программирования, изучаемый в вузах, так как отражал основное направление развития методов ИИ того времени.

Далее приведены примеры технологий и актуальных направлений прикладных исследований ИИ за последние 10 лет, рассмотрены используемые языки программирования ИИ.

Голосовые помощники, виртуальные персональные ассистенты: Алиса, Alexa, Cortana, Google Assistant, Siri с функциями распознавания и синтеза речи основаны на технологиях ИНС и машинного обучения. Создание новых диалогов и «навыков» для них осуществляется с помощью таких языков программирования как Python, C++, C#, Swift и Objective-C.

Яндекс и Google используют ИНС для повышения качества машинного перевода текстов [4; 13].

При разработке беспилотных автомобилей Яндекс решает задачи распознавания дорожных знаков и разметки, предсказания перемещения. В

списке требований к разработчику-исследователю на сайте Яндекс указано знание Python и C++ [12].

На технологиях машинного обучения и компьютерного зрения основаны различные экспериментальные сервисы. Google AutoDraw распознает нарисованные от руки объекты и заменяет их на аналоги, нарисованные профессиональными художниками. CaptionBot от Microsoft распознает объекты на фотографиях и составляет осмысленные предложения, используя технологию обработки естественного языка. ИНС Pix2pix раскрашивает черно-белые фотографии и реалистично придает цвет и форму карандашным наброскам. Компания Nvidia представила ИНС GauGAN, создающую реалистичные изображения по схематичным рисункам.

Популярные программные библиотеки для построения и обучения ИНС Tensorflow, Keras, Dlib, библиотека компьютерного зрения OpenCV написаны на языках C++ и Python (и/или имеют доступ к своему функционалу на этих языках).

Приведенные выше примеры демонстрируют современные направления исследований в области ИИ, их достижения, которые могут быть внедрены в повседневную жизнь современного человека, либо уже активно используются. Языками программирования ИИ выступают Python и C++, применяемые для обучения основам программирования еще в школе, а не Prolog, или также преподаваемый в рамках изучения основ ИИ в некоторых педагогических вузах язык функционального программирования Lisp, разработанный в конце 50-х годов Д. Маккарти [14], автором термина «искусственный интеллект» [9, с. 56]. ИНС и машинное обучение набирают всё большую популярность при разработке прикладного ИИ. ЭС остается по-прежнему узкоспециализированным инструментом.

Встает вопрос: являются ли проблемы и методы программирования ИИ второй половины XX века настолько значимыми для учителя информатики, чтобы изучать их в педагогическом вузе до сих пор, в виде отдельной дисциплины, или перспективные и развивающиеся технологии ИИ продвинулись далеко вперед? Предполагаю, что изучение возможностей современных технологий ИИ и языков программирования, с помощью которых эти технологии реализуются, позволит в большей степени повысить компетентность будущего учителя информатики в области современных информационных технологий, чем знание исторических основ этих технологий.

На мой взгляд, для обучения основам логического и/или функционального программирования будущих учителей информатики, в целях формирования у них соответствующих стилей мышления или представлений о соответствующих концепциях программирования, следует выделять специальную дисциплину, не связанную напрямую с ИИ. В педагогическом вузе ИИ целесообразнее рассматривать через технологии и алгоритмы, доступные как для учителя информатики, так и для его учеников, для демонстрации современных достижений в области ИИ, их доступности не

профессионалу, а опытному пользователю компьютера с навыками программирования для разработки собственных творческих проектов.

Литература

1. Акчурин Э.А. Программирование на языке Visual Prolog и ИСП Visual Prolog [Электронный ресурс]. Самара, 2012. – 144 с. URL: http://ivt.psuti.ru/files/IVT_mag/IntSys/LK_VisualProlog_Akchurin_2012.pdf (дата обращения: 25.06.2019).

2. Боровская Е.В. Основы искусственного интеллекта [Электронный ресурс]: учебное пособие / Е. В. Боровская, Н. А. Давыдова. 3-е изд. (эл.). М.: Лаборатория знаний, 2016. 127 с.

3. Исаева Г.Г. Подготовка будущего педагога профессионального обучения к использованию элементов искусственного интеллекта.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Махачкала, 2013. 194 с.

4. Компания Яндекс – Технологии – Машинный перевод [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/company/technologies/translation/> (дата обращения: 25.06.2019).

5. Лорьер Ж.-Л. Системы искусственного интеллекта. М.: Мир, 1991. 568 с.

6. Масленникова О.Е., Гаврилова И.В. Основы искусственного интеллекта [Электронный ресурс]: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 283 с.

7. Муромцев Д.И. Введение в технологию экспертных систем. – СПб: СПб ГУ ИТМО, 2005. 93 с.

8. Нильсон Н. [Nilsson N.] Принципы искусственного интеллекта: Пер. с англ. М.: Радио и связь, 1985. 376 с.

9. Рассел С., Норвинг П. [Russell S., Norvig P.] Искусственный интеллект. Современный подход. М.: Вильямс, 2006. 1410 с.

10. Сидоркина И.Г. Системы искусственного интеллекта: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2015. 248 с.

11. Широких А.А. Методическая система подготовки учителя информатики по основам искусственного интеллекта.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Пермь, 2007. 177 с.

12. Яндекс. Разработчик-исследователь беспилотных автомобилей [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/jobs/vacancies/dev/devres_drone/ (дата обращения: 25.06.2019).

13. Google's Neural Machine Translation System: Bridging the Gap between Human and Machine Translation [Электронный ресурс]. URL: <https://ai.google/research/pubs/pub45610> (дата обращения: 25.06.2019).

14. McCarthy John. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I. Communications of the ACM, 1960. Т. 3, № 4. С. 184–195.

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО КОНТЕНТА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Д.В. Руденкин

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

d.v.rudenkin@urfu.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-29-09512
«Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к
экстремистскому поведению»*

Возможности использования Интернета для тиражирования среди молодежи экстремистского контента вызывают давний и устойчивый интерес российских ученых. В социально-гуманитарной науке под экстремистским контентом обычно понимается некая информация, которая провоцирует людей на совершение крайних, насильственных политических действий [4]. Интерес к механизмам распространения такой информации сложился в науке давно (историю изучения этой темы мы разбирали в предшествующих публикациях [9]). Интернет, будучи гибкой и динамичной средой коммуникации, открывает новые возможности тиражирования такого контента. И примечательная активность использования Интернета, которая характерна нынешним молодым россиянам [7, с. 22], делает их одним из очевидных адресатов такого тиражирования. Поэтому закономерно, что отечественная наука систематически занимается анализом этой темы: работы таких авторов, как Ю.А. Антонова [1], А.А. Жуйков [5] Е.О. Кубякин [6] и др. показывают, что российские ученые не только проявляют интерес к подобным вопросам, но и имеют опыт разработки конкретных рекомендаций по минимизации возникающих рисков.

Однако устоявшаяся исследовательская практика видится несколько односторонней. В исследованиях часто прослеживается интерес как к механизмам распространения среди молодежи экстремистского контента (Е.А. Ганин [2], Н.С. Седых [8]), так и к содержанию этого контента (П.Г. Ганский [3], Е.Г. Телегина и Д.С. Шадянов [10]). Вопрос о том, какие особенности Интернет-поведения молодежи делают ее перспективным адресатом такого тиражирования, ставится реже. Такое смещение аналитического ракурса препятствует полноценному пониманию проблемы. Безусловно, важно понимать и содержание экстремистского контента, и механизмы его распространения. Но почему вообще становится возможным применять Интернет для его распространения среди молодежи? Ниже мы обратимся к данным собственного социологического исследования и постараемся найти ответ на этот вопрос.

Наша гипотеза заключается в том, что сложившаяся модель Интернет-поведения российской молодежи создает благоприятные условия для тиражирования в ее среде экстремистского контента.

Эмпирическую основу исследования, на материалах которого мы подвергли эту гипотезу первичной проверке, составляют данные анкетного опроса, выполненного в 2018-м г. среди молодежи г. Екатеринбурга. Всего были опрошены 2051 представителей молодежи города в возрасте от 14 до 29 лет. При их отборе использовалась квотная выборка, опиравшаяся на критерии пола, возрастной подгруппы и района проживания респондентов. Анкета включала широкий перечень вопросов, нацеленных на выявление текущих модальностей использования Интернета в молодежной среде и факторов, которые на них влияют.

Анализ полученных данных позволяет отметить ряд примечательных обстоятельств, которые, на наш взгляд, могут способствовать эффективному распространению экстремистского контента в молодежной среде.

Во-первых, для молодежи характерна крайне высокая активность использования Интернета. Наш анализ показал, что ежедневно Интернетом пользуются 97% опрошенных молодых людей. Причем более 80% из них не просто заходят в Интернет каждый день, но и проводят там по несколько часов, решая многочисленные повседневные задачи: интенсивность времени, которое они проводят на различных сайтах, вариативна, но речь в любом случае идет о многих часах (См. Рис. 1). Молодые люди не просто используют Интернет, но и проводят в нем значимую часть жизни.

Во-вторых, существует как минимум один вид Интернет-ресурсов, который посещают практически все представители молодежи, – это социальные сети. Среди опрошенных ими не пользуются только 0,4%. В то же время, 65,7% не только пользуются такими сервисами, но и проводят в них не менее 3 часов каждый день. Более того, цели использования этих сервисов у молодежи многогранны: 87,2% используют их для того, чтобы общаться, 60,8% – для того, чтобы проводить досуг, а 63,6% – для того, чтобы читать новости. Иными словами, сколь бы разнообразной ни была активность молодежи в Интернете, существует как минимум один тип Интернет-ресурсов, на базе которого происходит коммуникация абсолютного большинства молодых людей.

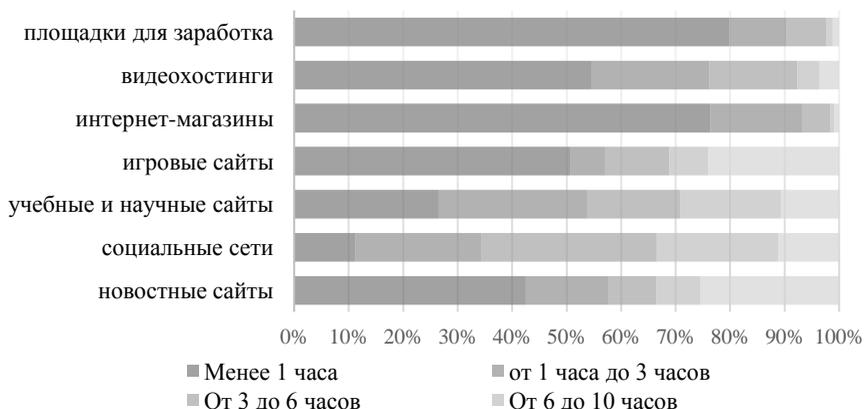

Рисунок 1. Структура времени, проводимого опрошенными в Интернете (% от числа ответивших)

В-третьих, в текущих практиках Интернет-поведения молодых людей преобладают гедонистические ориентации. И структура того времени, которое они проводят в Интернете, и обозначенная ими мотивация его посещения смещена с образования и работы на развлечение и новые впечатления (См. Рис. 2).

Рисунок 2. Цели, с которыми опрошенные пользуются Интернетом (% от числа ответивших)

В-четвертых, большинство опрошенных открыты в своем Интернет-поведении и готовы к новым знакомствам в виртуальном пространстве. Только четверть из респондентов, принявших участие в исследовании, исключают для себя общение с совершенно незнакомым человеком в Интернете. Все остальные расходятся в своем представлении о конкретных условиях, при

которых они допустили бы для себя подобную коммуникацию, но саму возможность такого общения вполне допускают.

В целом анализ показывает определенную справедливость исходной гипотезы. Интенсивность времени, которое многие молодые люди проводят в Интернете, и их активность в использовании социальных сетей, превращают их в удобный адресат тиражирования экстремистского контента. А их открытость и гедонистические установки создают почву для любопытства, которое может повышать восприимчивость к такому контенту. По сути, сама специфика Интернет-поведения российской молодежи делает эту социальную группу потенциально уязвимой перед тем экстремистским контентом, который тиражируется в Интернете. Впрочем, подчеркнем: речь идет именно о потенциальной уязвимости. Анализ дает заключить, что сложившиеся практики Интернет поведения молодежи позволяют использовать Интернет для тиражирования среди ее представителей экстремистского контента. Но восприимчивость молодых людей к подобному контенту, несомненно, требует отдельной диагностики.

Литература

1. Антонова Ю.А. Распространение информации экстремистского характера среди молодежи в виртуальных социальных сетях // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе Материалы Международной научной конференции. Главный редактор И.В. Култышева. 2014. С. 5–9.
2. Ганин Е.А. Детабуирование образов экстремизма на аренах Интернет-пространства // Казанская наука. 2013. № 8. С. 144–148.
3. Ганский П.Н. Контент-анализ как метод выявления экстремистского контента в Интернете // Конфликтология. 2014. № 5. С. 346–348.
4. Диль В.А. Тенденции развития современного экстремизма: молодежный и информационный экстремизм // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 314. № 6. С. 167–170.
5. Жуйков А.А. Интернет и проблема информационного экстремизма в современном российском обществе // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 303–306.
6. Кубякин Е.О. Тенденции развития молодежного экстремизма в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий // Вестник МГИМО. 2013. №3 (30). С. 199–204.
7. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
8. Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством Интернета // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 137-147.
9. Тагильцева Ю.Р., Воробьева И.В., Кружкова О.В., Руденкин Д.В., Бабилова М.Р., Никифорова Д.М. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16. № 1. С. 189–218.

10. Телегина Е.Г., Шадянов Д.С. Экстремизм в сети Интернет как глобальная проблема современной молодежи // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 9 (9). С. 60–61.

СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАСТРОЕК ПРИВАТНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

И.В Сапон, Д.Е Леденев

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
г. Новосибирск
irina.sapon@bk.ru, dled04@yandex.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства НСО,
проект № 19-411-543002 «Исследование самораскрытия в профиле
на примере социальной сети "ВКонтакте"»*

В эпоху социальных сетей пользователи раскрывают большое количество личной информации на своей странице, поэтому изучение поведения, связанного с онлайн-приватностью, представляется важным вопросом современных социальных наук.

Пользователи могут применять различные стратегии защиты приватности своей личной информации: большинство социальных сетей, таких как Facebook и «ВКонтакте», предлагают относительно удобную систему управления конфиденциальностью данных в профиле. Например, пользователь может поделиться фотографией только с определённым кругом лиц, при этом может оставить доступным для всех участников социальной сети свой статус [2. С. 295].

В качестве теоретической основы нашей работы была выбрана теория управления приватностью в коммуникации (ТУПК, или ТУП)¹, описывающая механизмы раскрытия и сокрытия частной информации в процессе взаимодействия между людьми [3]. Одним из её положений является утверждение о том, что гендер влияет на принятие решения о проведении границ приватности: какие правила приватности будут выбраны конкретными людьми для конкретной информации. В данной работе мы проверим, различаются ли мужские и женские стратегии применения настроек приватности в социальных сетях.

Согласно ТУП, люди считают, что они вправе контролировать, кто и когда получит доступ к их частной информации [3]. В социальных сетях контроль над распространением информации, то есть процесс управления

¹ Communication privacy management theory (CPM), или как мы предлагаем её называть, теория управления приватностью в коммуникации, мало известна российскому читателю, однако достаточно популярна среди зарубежных исследователей онлайн-приватности.

границами приватности, осуществляется при помощи двух стратегий: (1) контроль объёма самораскрытия и (2) контроль доступа. Первая стратегия применяется, когда пользователь решает, что и в каком объёме выложить в сеть, а также насколько интимна и близка к реальности будет эта информация. Вторая стратегия реализуется с помощью применения настроек приватности профиля и выборочного добавления в список «друзей».

В социальной сети «ВКонтакте» существует 6 основных настроек приватности, с помощью которых пользователь может регулировать доступ к шести типам информации в профиле:

1. основная информация (интересы, жизненная позиция, город),
2. номер телефона,
3. список аудиозаписей,
4. список групп,
5. список подарков,
6. фото, на которых был отмечен пользователь.

Участник социальной сети может выбрать, кому будет доступна та или иная информация. В данной работе мы рассмотрим 3 положения настроек приватности: друзьям, друзьям друзей и всем пользователям.

Как мы выяснили в предыдущем исследовании [1. С. 102], настройки приватности применяют большинство пользователей российской социальной сети «ВКонтакте» (63%). Мужчины чаще женщин используют хотя бы одну из шести настроек в профиле (65.5% против 60.5%). При этом гендерная разница в количестве применяемых настроек приватности не оказалась статистически значимой ($\chi^2=1.8$, $df=6$, $p=0.05$). Тем не менее, можно предположить, что гендерная разница может проявиться в том, какие типы информации предпочитают скрывать мужчины или женщины.

В 2018 г. был проведен контент-анализ личной информации 2122 профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте». Результаты показали, что женщины чаще мужчин применяют настройки приватности в профиле («только друзьям» и «друзьям и друзьям друзей»), особенно к такой информации, как «фото» и «подарки» (табл. 1).

Таблица 1.

Применение мужчинами и женщинами настроек приватности к различным типам информации (%)

Телефон		Фото		Список групп		Основная информация		Подарки		Список аудиозаписей	
м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
67.5	68.3	50.9	60.3	38.8	38.4	42.7	44.1	32.4	36	25.2	26.3

Далее более подробно сравним стратегии поведения мужчин и женщин. Как показано в таблице 2, мужчины чаще применяют настройку «друзьям и друзьям друзей», а также оставляют личную информацию доступной «всем пользователям».

Таблица 2.

**Применение мужчинами и женщинами настроек приватности
по трём положениям (%)**

Тип информации / Кому доступна информация	Телефон		Фото		Список групп		Осн. информ.		Подарки		Список аудио-записей	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Только друзьям	51.1	52.3	42.2	51.5	31.5	32.5	30.6	31.8	27.6	33.2	21.1	22.6
Друзьям и друзьям друзей	16.4	16	8.7	8.8	7.2	5.8	12.1	12.2	4.8	2.8	4.1	3.7
Всем пользователям	32.5	31.7	49.1	39.7	61.2	61.7	57.3	55.9	67.6	64	74.8	73.7
χ^2	0.059		3.88		0.365		0.085		2.523		0.155	

Тем не менее, гендерная разница в применении настроек приватности в социальной сети «ВКонтакте» не оказалась статистически значимой ($df=3$, $p=0.05$), то есть мужские и женские стратегии защиты приватности в этом смысле оказались схожи.

В целом, можно сделать выводы и о ценности данных типов информации для пользователей. Такие типы информации, как «телефон» и «фото» пользователи обоих полов чаще скрывают, чем раскрывают. С остальными типами информации дело обстоит иначе: пользователи предпочитают оставлять данные доступными всем пользователям чаще, чем применять к ним настройку «только друзьям». Возможно, данная информация (номер телефона и личные фотографии) часто является особенно ценной и «не для всех». Это подтверждается тем, что пользователи относительно редко заполняют графу с информацией «телефон» и нечасто позволяют отмечать себя на фото.

Литература

1. Сапон И.В., Леденев Д.Е. Границы приватности пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 93–105. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-08.
2. Liu Q, Yao MZ, Yang M, Tu C. Predicting users' privacy boundary management strategies on Facebook //Chinese Journal of Communication. 2017. Vol. 10. №. 3. P. 295–311.
3. Petronio S. Communication privacy management theory //The International Encyclopedia of Interpersonal Communication. 2015. P. 1–9.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К РОДИТЕЛЬСТВУ: БЕСПЛОДИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

А.Р. Сибушева

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга» г. Саранск,
si_all@mail.ru

В рамках социологического исследования по теме «Оценка качества оказания услуг медицинскими организациями Республики Мордовия» в октябре 2018 г. сотрудниками Научного центра социально-экономического мониторинга были проведены опрос получателей медицинских услуг и наблюдение. Посредством данного исследования предполагалось оценить комфортность условий предоставления услуг, удовлетворенность пациентов условиями предоставления услуг, вежливость и доброжелательность медицинского персонала, и ряд других параметров по медицинским учреждениям Республики Мордовия. Предстояло посетить ООО «Центр ЭКО «Гера». Работа по инструкции была выполнена, при этом обнаружилась серьезная проблема, не имеющая непосредственного отношения к основной тематике исследования, а касалась женского и мужского бесплодия. Как оказалось, проблема бесплодия весьма актуальна на сегодняшний день, несмотря на современные методы его лечения. «По данным ряда исследований в России, частота бесплодия в браке достигает 16 % и не отмечается тенденции к его снижению. При этом Всемирная организация здравоохранения утверждает, что, если в стране частота бесплодия превышает 15 %, это становится не только медицинской, но и социально-демографической проблемой» [1. С. 12].

Основным направлением деятельности ООО «Центр ЭКО «Гера», о чем говорит наименование клиники, является процедура экстракорпорального оплодотворения женщин, желающих стать матерями, но имеющих определенную степень бесплодия, при условии отсутствия противопоказаний. Процедура назначается как при женском, так и при мужском бесплодии. Термин бесплодие означает неспособность зрелого организма воспроизводить потомство, или просто неспособность к рождению. Пару считают бесплодной, если беременность у женщины не наступает в течение 1-2 лет регулярной половой жизни без использования средств и методов контрацепции.

В ходе использования качественного метода исследования – включенного наблюдения и свободного интервью – бесед с врачами и клиентами ООО «Центр ЭКО «Гера» удалось выяснить, что в клинике применяются новейшие методы лечения, а также из-за большого потока пациентов, оценить масштаб весомости проблемы бесплодия на региональном уровне. Для каждой отдельной семьи проблема бесплодия является личной трагедией. Из неформализованных ответов пациентов клиники выяснилось, что проблема бесплодия актуальна как для женщин, так и для большинства

мужчин, как результат в паре страдают оба партнера. «По данным Научного центра акушерства и гинекологии Минздрава РФ в России на сегодняшний день бесплодны 7-8 млн. российских женщин и 3-4 млн. мужчин. В структуре бесплодия до 45 % приходится на долю женщин и 40 % на долю мужчин» [1. С. 12]. Причем проблема мужского бесплодия звучит наравне с женским бесплодием. Многие пары обращаются в клинику для решения проблемы именно вторичного бесплодия, когда например первый ребенок в семье или у одного из родителей уже есть. Это связано с тем, что, как правило, в раннем и среднем фертильном возрасте женщин и мужчин рождение ребенка происходит без особых проблем, а с возрастом репродуктивное здоровье ухудшается.

Лечение бесплодия требует определенной деликатности в работе врачей, так как их пациенты психологически уязвимы. Несмотря на узкую специализацию клиники, в период проведения исследования наблюдалось «паломничество» пациентов. Данный факт в очередной раз доказывает серьезность проблемы бесплодия, ее масштабность.

Бесплодие имеет серьезные демографические и социальные последствия. В современном мире все большее число пар и, реже, одиноких женщин прибегают к помощи врачей в вопросе рождения детей. Процедура экстракорпорального оплодотворения проводится с государственной поддержкой бесплатно по полису обязательного медицинского страхования по всей России, причем ограничений на количество заявок нет. В среднем стоимость процедуры ЭКО составляет 170 тыс. руб. Сумма варьируется в большую или меньшую сторону в зависимости от сложности поставленного диагноза [2]. Необходимая сумма полностью оплачивается за счет выделенной государством квоты.

Благодаря имеющейся государственной поддержке процедура экстракорпорального оплодотворения стала доступной. Радует тот факт, что виден наглядный пример деятельности государства в отношении увеличения рождаемости и интерес к семье и детям. Для решения и в частности предотвращения проблемы мужского и женского бесплодия необходима охрана репродуктивного здоровья, популяризация здорового образа жизни в обществе. Равным образом желательна положительная динамика коэффициента рождаемости среди женщин в возрасте от 20 до 25 лет.

Литература

1. Джамалудинова А. Ф., Гонян М. М. Репродуктивное здоровье населения России // Молодой ученый. 2017. №14.2. С. 10–13.
2. Прайс-лист на услуги оказываемые ООО «Центр ЭКО Гера» // URL:<http://geraeko.ru/downloads/price02042019.pdf> [Электронный ресурс] (дата обращения 27.06.2019).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МОНГОЛАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

В.И. Терентьев

Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Улан-Батор
vlad33@bk.ru

Большинство этнографов на определенном этапе научных изысканий задаются вопросом об особенностях восприятия себя представителями изучаемого сообщества. Соответствующие рефлексии не всегда излагаются на бумаге, оставаясь дневниковыми заметками либо воспоминаниями. Приехав в Монголию с целью написания кандидатской диссертации, автор с 2013 г. с незначительными перерывами живет и работает в столице – г. Улан-Батор. За прошедшее время у него сложилось некоторое представление о формирующемся в сознании современного монгола стереотипном восприятии себя как иностранца. Несмотря на непреходящие пробки, многолюдность улиц, постоянную суету и сутолоку, наполняющую столицу, прохожие довольно часто обращают внимание на относительно европейскую внешность «инога» обывателя хорошо знакомого горожанину пространства: чужой не затеряется в толпе.

Рассмотрим восприятие монголами не-монголов на основании метода включенного наблюдения. При случайной встрече с иностранцем выражения лиц у молодых девушек, мужчин, стариков и женщин, а также детей сильно различаются и могут отчасти сказать об их эмоциях и некоторых стереотипах восприятия чужого. Благоприятнее всего и дружелюбнее иностранцев воспринимают девушки. Они активно начинают и поддерживают беседу, тем более, если иноземец на начальном уровне владеет монгольским языком. Представляется, что причины подобного отношения к чужаку кроются в обыденном интересе и любопытстве и вряд ли могут интерпретироваться как заинтересованность другой культурой, уважение к ней и желание в ней раствориться по причине высокой степени монгольской идентичности, базирующейся, помимо всего, на представлениях о малой родине – «родных кочевьях» [3]. Часть молодых горожанок не первого поколения рассматривает варианты замужества с иностранцем, в том числе и с целью переезда в другую страну, где активно проявит себя указанная идентичность в форме ностальгии – тоски по родине.

Косвенным подтверждением недостатка мужского внимания может служить статистика: из 146024 студентов, обучающихся в 2018-2019 учебном году в столичных вузах, 85803 – девушки, остальные 60221 – юноши [2]. Это означает, что примерно 25 тыс. молодых монголов в городе, вероятнее всего, не смогут найти партнера/супруга среди своих сверстников с высшим образованием. Отметим, что получаемое гражданками Монголии высшее образование диктует определенные требования в процессе поиска избранника: желание совместно проживать в городе, а не в сельской местности, наличие у

партнера высокооплачиваемой престижной работы, достатка, соблюдение супружеской верности.

В то же время, несмотря на распространенность смешанных браков, многие современные монгольские девушки определенно знают, что никогда не выйдут замуж за иностранца, ратуя за «чистоту крови» и, в большей степени, опасаясь ярлыка изгоя и «предателя монгольской нации», который им могут привязать не толерантные родственники и окружение. Однако известны примеры, когда представительницы монгольской нации по разным причинам отходили от своих принципов «не выходить замуж за иностранца». В подобных случаях репутацию девушки спасают культурные и понимающие родственники, переезд на родину избранника или, условно говоря, внутренняя миграция: уход от монгольской повседневной реальности, замыкание в обществе европеизированных монголов и иностранцев.

Своеобразна мужская реакция на «зарубежное присутствие» в столице. Среднестатистический мужчина с городской периферии с большой долей вероятности негативно отнесется к иностранцу, особенно если тот находится в компании монголок. Здесь на специфику такого отношения влияет общая культура и долговременность проживания монгола в столице. На восприятие иностранцев монголами, переехавшими недавно из провинции, большой отпечаток откладывает непростая социально-экономическая ситуация в стране, в которой иностранец априори считается монголами более успешным и финансово обеспеченным, и престижная столичная идентичность, которая утверждает бывшего скотовода – нового горожанина в абсолютном превосходстве монгольской кочевой культуры над всеми пришлыми.

Большинство монгольских мужчин категорически против браков монголок с иностранцами, в которых они видят потенциальных конкурентов. Вступление в брак с китайцем может традиционно расцениваться как весьма нежелательное. Сами же монголы, как правило, не прочь жениться на женщинах европейской внешности. Такой брак выступает одним из средств повышения своего статуса в глазах соотечественников. Репутация и престижность становятся мерилем и основой человеческих отношений.

Заявленная тема открывает проблему современной трансформации патриархального характера монгольского социума. Очевидно, что привычное восприятие Монголии как сугубо патриархальной страны, базирующейся на традиционно-номадической маскулинности, требует пересмотра. Сегодня в Монголии женщины выступают с более активной жизненной позицией. В этих условиях активное иностранное присутствие в Монголии и особенности ее социально-экономического положения создают особую атмосферу восприятия представителей других народов и культур, если рассматривать это с позиции гендера.

Литература

1. Гангэрэл Ч., Баяраа Я. Баабар: «Кто построил Улан-Батор? – Китайцы». [Электронный ресурс] URL: <http://asiarussia.ru/articles/21625/> (дата обращения: 29.03.2019)

2. Статистическая информация по высшему образованию за 2018–2019 уч.г. URL: <https://mecss.gov.mn/news/1388/> (дата обращения: 02.04.2019).

3. Терентьев В.И. «Нутаг» как понимание образа малой родины у современных монголов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 2 (20). С. 91–99.

ОБРАЗ «ДРУГОГО» КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Н.М. Тернов

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск
bengunnwithlove@gmail.com

Обретение независимости ознаменовало новую эпоху в формировании национальной идентичности постсоветских государств, где Казахстан не является исключением. Важную роль в процессе становления идентичности играет среднее образование, в частности, дисциплина «История». Связано это с тем, что «Историческое знание может быть использовано для целеполагания и для определения ценности той или иной деятельности, что и специфицирует ту или иную идентичность» [4. С. 164]. В рамках исторической политики, образ «другого» необходим для определения «себя», причем спектр ипостасей «другого» разнится от прошлого варианта «нас» до «другого» в лице соседнего государства, в данном случае – Китая. В настоящей работе будут рассмотрены стратегии формирования образа Китая и его роль в современной исторической политике государства.

О роли истории в формировании идентичности еще писала А. Ассман, вводя в обиход понятие «политической памяти» (национальной). Утверждая, что политические институты конструируют исторические нарративы и закрепляют их «сверху», исследователь считала базовой единицей политической памяти миф. Миф, по мнению Ассман, не обязательно является историческим искажением, он есть взгляд на историю через призму идентичности, который имеет потенциал для социального действия [2. С. 31]. Мифы, также, не только формируют взгляд на историю, но и сами по себе служат как наглядное последующим поколениям. А. Ассман называет такую группу мифов как «память-долг» [2. С. 59]. Здесь идея «призмы» перекликается с рамками памяти М. Хальбвакса, которые являются критериями оценивания совершившихся событий. Влияние нарративов в учебнике на восприятие обучающимися картины мира отмечают как западные, так и отечественные историки. Согласно Ферро, образ других народов и собственный образ закладывается в школе [12. С. 43]. Виктор Шнирельман отмечает, что учебник истории легитимирует исторический путь и

современную политику государства [5]. Представления о прошлом, согласно О. Малиновой, является ключевыми в процессе формирования обществ постсоветского пространства [9]. В этом контексте, методология создания «национальной истории» на постсоветском пространстве является одинаковой, происходила модификация пантеона национальных деятелей, завывшался уровень политического и общественного развития, имело место самоутверждение за счет соседних государств, на первый план выдвигались моменты вражды, эпизоды столкновений [3. С. 19].

Учебник истории представляет из себя особую производную исторической политики, причем, весьма влиятельную в контексте формирования национальной идентичности. В государстве модерна, с единой политикой в области образования, учебник – носитель легитимного знания. Единые ценности являются ключевым объектом процесса формирования национальной идентичности, и в данном контексте, образовательные институты являются их ретрансляторами, распространяя через образовательные практики и учебные пособия.

В современном Казахстане учебные пособия по истории для общеобразовательных школ публикуются только с одобрения государства и конгресса историков. В настоящей работе рассматриваются учебники по истории для средних классов (6-8) и вузов. Их авторы – действующие преподаватели или директора ведущих вузов Казахстана (ЕНУ, КазНУ и т.д.), члены Академии наук РК. Учебники опубликованы в 2010-2014 гг. на русском языке и находятся в открытом доступе.

Формирование образа Китая как «другого» на данном этапе претерпевает изменения, в первую очередь, обусловленные экономическими и политическими взаимодействиями двух государств. В современных учебниках роль Китая варьируется от негативной до позитивной, в зависимости от временных рамок и контекста.

В учебных пособиях образ Китая репрезентируется как государства, частично владеющего казахскими землями и желающее захватить другие территории, принадлежащие кочевникам. Активно используются захватническая риторика, упоминаются моменты «оккупации» [9. С. 38], «потери независимости», поднимается идея «военной и экономической экспансии России и Китая» [5. С. 4–11]. Образ Китая связан с образом «завоевателя» [7. С. 10], «агрессии» [9. С. 160], «восточным драконом» [6].

Немаловажной является и репрезентация образа Китая как государства, проводящего собственную национальную политику по отношению к кочевникам и населению, проживающему на территориях, захваченных Китаем. Подобное внимание обусловлено наличием в Синьцзяне казахского этнического меньшинства, и диаметрально противоположными взглядами элит Казахстана и Китая на политические акции в этом регионе. Упоминание о субидентичности, находящейся под властью «Другого» укрепляет негативные характеристики, т.к. состояние субидентичности переносится на гипотетических «нас». В учебнике 8-го Класса говорится о том, что

«китайцами было перебито до 1 миллиона душ джунгар без различия пола и возраста», и там же упоминаются «карательные операции по выселению кочевников с пастбищ Тарбагатая» [8. С. 47–48]. Присоединение Восточного Туркестана, Монголии и Джунгарии в середине XVIII заставило «испытать казахам все прелести соседства с восточной империей» [1. С. 176].

Исходя из этого, можно проследить, что повестка дня с одной стороны, определяет содержание учебников, а с другой стороны, само их содержание ставит определенные рамки восприятия «другого». Репрезентируя Китай как государство, не только имеющее территориальные притязания с давних времен, но и осуществляющее ассимиляционную политику, Казахстан тем самым противодействует растущей мощи Китая и притягательности его образа, стратегии «мягкой силы». Развивая идеологему «давнего противостояния», сюжеты о попытках ослабить Казахстан и завоевать новые земли, хотя и не встречаются в главах о современной истории, но прошлые упоминания о них имеют назидательный характер. Влияние подобных назиданий можно наблюдать лишь спустя определенное время, когда образ «другого», интегрированный в образование, станет частью повседневного дискурса, фреймом восприятия внешней политики и самих себя.

Литература

1. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана: учебник для студентов вузов. / Ж.О. Артыкбаев. – Алматы: Казак университеті, 2006. – 4 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. /А. Ассман. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – 31 с.
3. Бордюгов Г.А. "Войны памяти" на постсоветском пространстве. /Г.А. Бордюгов. – Москва: АИРО-XXI, 2011. – 19 с.
4. Вальдан И.А., Куратченко М.А. Рефлексия исторического развития в профессиональной подготовке специалистов в социально-гуманитарной сфере // Сибирский педагогический журнал. 2012. №9. С. 163–167.
5. Виктор Шнирельман. Школьные учебники истории и национализмы в Центральной Азии и на Кавказе. [Электронный ресурс] // Абхазская интернет-библиотека. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://apsnyteka.org/186-shnirelman1.html>, свободный (дата обращения: 10.05.2019).
6. Грани казахстанско-китайских отношений. [Электронный ресурс] // QAZAQSTAN TARIHY. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://e-history.kz/ru/publications/view/2438>, свободный (дата обращения: 10.05.2019).
7. Жолдасбаев С.Ж. История средневекового Казахстана: учебник для 7 класса общеобразовательной школы. /Ж.С. Жолдасбаев. – Алматы: Атамұра, 2012. – 10 с.
8. Кабульдинов З.Е., Кайыпбаева А.Т. История Казахстана (XVIII в. – 1914 г.). Учебник для 8 класса общеобразовательной школы. 2-е издание, переработ. /З.Е. Кабульдинов, А.Т. Кайыпбаева. – Алматы: Атамұра, 2012. – 47–48 с.

9. Каражан К.С. История Казахстана: Курс лекций. /К.С. Каражан. – Алматы: Нур-пресс, 2009. – 38 с.

10. Ольга Малинова. Политика памяти в России. [Электронный ресурс] // Вольное историческое общество. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://volistob.ru/news/olga-malinova-politika-pamyati-v-rossii>, свободный (дата обращения: 10.05.2019).

11. Садыков Т.С., Толеубаев А.Т., Халидуллин Г., Сарсекеев Б.С. История древнего Казахстана: Учебник для 6 класса общеобразовательной школы. /Т. С. Садыков, А. Т. Толеубаев, Г. Халидуллин, Б. С. Сарсекеев. – Алматы: Атамұра, 2011. – 147 с.

12. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. /М. Ферро. – Москва: Высшая школа, 1992. – 43 с.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

П.А. Трескин

Иркутский государственный университет
treskin-ne@ya.ru

Некоммерческие организации являются авангардом социальной активности современного общества. Развитие общественных организаций позволяет формироваться гражданскому обществу, но без активной поддержки и участия граждан, этот процесс будет достаточно инертным и длительным. Без некоммерческого сектора гражданское общество формально. А без участия граждан – существует лишь на бумаге. Чтобы можно было говорить о социальной поддержке, необходима полная включенность различных социальных групп.

За последние годы усилилась динамика роста числа некоммерческих организаций, несмотря на то, что после введения закона об иностранных агентах в 2012 году, их количество сократилось на треть. Да и на сегодняшний день, специфика их деятельности существенно ограничена. Но при этом динамика роста числа участников НКО составляет 3,9% в год. При этом, в некоммерческих организациях Иркутской области занято 43% молодежи, из них участниками волонтерского или добровольческого движения, старше 18 лет являются 57% [3].

Одной из причин малой активности населения в реализации программ некоммерческих организаций является отсутствие уровня доверия к ним, вызванное малой информированностью о деятельности общественных организаций, механизмах и инструментах их работы, а с другой – широким освещением в СМИ негативных примеров их работы. Среди отечественных ученых сложились устойчивые стратегии интерпретации деятельности общественных организаций и оценки населения их эффективности. Как форма

социального отклика на деятельность властей (еще один социальный институт способный регулировать гражданскую активность), нашла отражение в работах Мерсияновой И.В., Беневоленского В.Б. [2]. Как инструмент социально-политического и социально-культурного диалога, выстраивающий социальную иерархию и эффективность работы социальных институтов, отразилась в исследованиях Полюшкевич О.А. [4], Трескина П.А. [5,6,7]) и других. Свое исследование мы строили на последнем подходе, так как полагаем, что некоммерческие организации выполняют социальные задачи в регулировании которых официальные государственные или бизнес структуры не могут быть вовлечены на сто процентов, а лишь частично регулируют их вопросы. Поэтому НКО выступает социальным механизмом регулирования общественных отношений.

Поэтому, целью нашего исследования было выявление уровня доверия населения к деятельности общественных организаций в Иркутской области. Данная цель актуальна, так как без поддержки населения эффективность НКО будет ограниченной, организация не сможет закрепить продолжительный эффект и не станет привычной социальной практикой, а останется лишь формальным, локальным актом помощи при решении какого-либо вопроса. В 2018 году было всего опрошено 1600 человек, в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, разных социальных, профессиональных и образовательных групп. Ошибка выборки составила 2% при уровне значимости 0,95.

Результаты опроса показали, что 63% населения доверяют общественным организациям. При этом, жители крупных городов больше доверяют общественным организациям (Иркутск, Ангарск, Братск), чем жители малых городов области (Зима, Тайшет, Тулун, Байкальск, Шелехов).

На прямой вопрос, каким организациям вы доверяете больше всего, жители крупных городов называли «ветеранские организации» (35%), «патриотические организации» (31%), «культурно-просветительские» (24%). Жители малых городов больше доверяют «экологическим и природоохранным организациям» (33%), «объединениям инвалидов» (29%), «профсоюзам» (14%). Остальные типы НКО указывались менее 10% случаев.

В ходе исследования мы задали прямой вопрос о том, каким общественным организациям вы точно не доверяете. В результате мы получили отличающиеся ответы среди жителей крупных и малых городов. Единственным схожим вариантом была оценка деятельности «религиозных общин и организаций», которым по 35% не доверяют во всех городах. В крупных городах не доверяют «национально-этническим организациям» (25%) и «агрессивным молодежным субкультурным организациям» (18%). В малых городах не доверяют «неформальным политическим молодежным организациям» (26%) и «благотворительным фондам» (16%). Около 15% во всех городах затруднились с ответом на данный вопрос.

Таким образом, уровень доверия к общественным организациям Иркутской области неоднороден и зависит от сферы деятельности и

особенностей распространения информации о себе конкретной общественной организацией.

Как показано в исследовании И.В. Мерсеяновой, для информированной группы респондентов, осведомленных о существовании и деятельности НКО, основными факторами доверия выступают надежность, единство, предсказуемость, устойчивое позитивное отношение и эффективное взаимодействие. Недоверие формируется на основе предубеждений, стереотипов, недоступности и непонятности информации о деятельности негосударственных НКО [1].

Мы получили схожие результаты: уровень информированности напрямую влияет на отношения населения к деятельности НКО. Так, среди респондентов, знакомых с деятельностью или слышавших что-либо о работе общественной организации, уровень доверия составляет 70%, среди респондентов, не знакомых с деятельностью общественной организации – лишь 25 %.

Личный опыт взаимодействия граждан с общественной организацией напрямую коррелирует с уровнем доверия. Среди лиц, обращавшихся за помощью в общественные, некоммерческие организации, уровень доверия составил 80 %, а среди лиц, принимавших участие в деятельности НКО в течение последних трех лет, уровень доверия составил 79%, что значительно превышает средний уровень доверия по Иркутской области (63 %).

Итак, в результате анализа нами были обозначены несколько факторов, определяющих уровень доверия населения.

Фактор *«Известности-неизвестности»*. Чем выше уровень информированности населения о деятельности общественной организации (в СМИ, на интернет-площадках, в социальных сетях и т.д.), тем больше вероятность получить доверие жителей области.

Фактор *«Открытости-закрытости»*. Прозрачность отчетности, участие в грантовой деятельности, участие в конкурсах позволяет общественным организациям набирать социальный капитал в области и тем самым повышать уровень доверия населения.

Фактор *«Личный опыт взаимодействия граждан с общественными организациями»*. Если население лично сталкивается с работой общественной организации, то уровень доверия к ней значительно выше, следовательно, стоит расширить сферу деятельности общественной организации, чтобы она охватывала большее количество социальных групп населения.

Помимо этого, стоит продуманно заниматься рекламной деятельностью и социальным продвижением общественной организации в регионе и в стране в целом, активизировать публичную работу руководителей общественных организаций (проводить открытые мастер-классы и круглые столы, организовывать выступления на телевидении и в университетах, дискуссионных площадках и лекториях) – это все может сформировать устойчивое позитивное восприятие организации и повысить уровень доверия населения области к ее деятельности.

Литература

1. Мерсеянова И.В. Доверие населения к НКО // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2014. № 4. С. 15-19.
2. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 83-104.
3. НКО и государство: поле социального взаимодействия [электронный ресурс] URL:<https://www.hse.ru/news/recent/26513222.html> (дата доступа 21.06.2019).
4. Полюшкевич О.А. Межсекторное взаимодействие женских некоммерческих организаций Сибирского федерального округа // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. №70. С. 260-280.
5. Трескин П.А. Межсекторное взаимодействие некоммерческих организаций Байкальского региона // Вестник ТОГУ. 2017. №4. С. 345-354.
6. Трескин П.А. Общественные организации как социальный капитал региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. №64. С. 263-277.
7. Трескин П.А., Полюшкевич О.А., Кобжицкий А.В. Бизнес и власть: основы гражданской консолидации // Дискуссия. 2012. № 6. С. 94-100.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДИАГНОСТИКИ МОТИВАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.А. Трипузова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск
antonina.ttt@mail.ru

Мотивация к работе – часть мотивации к жизни.
Э. Воутилайнен

Значимость высокой мотивации государственных служащих для общества и государства неоспорима. Важным обстоятельством для управления их мотивацией является прием на работу лиц, изначально имеющих высокий уровень самомотивации, что обусловлено спецификой деятельности и такими факторами, как сложность поставленных задач; эмоциональные перегрузки; динамичность деятельности; высокий статус и уровень ответственности за принятые решения, совершенные действия; официальный статус.

В связи с этим представляется целесообразным отделу кадров при отборе работников проводить тестирование их личностных качеств и отдавать предпочтение позитивно настроенным личностям, показывающим высокий уровень желаний работать в органах государственной власти.

В свою очередь, необходимость привлечения и сохранения высококвалифицированных кадров, определения путей совершенствования системы мотивации государственных служащих требуют ее периодического аудита: диагностики и оценки эффективности. Одним из основных направлений кадровой политики должно быть выявление драйверов-мотиваторов и сдерживающих факторов, резервов. Однако на практике это направление деятельности недостаточно развито. Кадровыми службами нередко не применяется даже такой незатратный метод оценки, как анкетирование сотрудников для определения уровня их мотивации. Среди причин такой ситуации видится незнание «кадровиками» элементарных технологий диагностики, а также отсутствие систематизированных практико-ориентированных методик, которые могут быть адаптированы к специфике деятельности государственных организаций.

Значимым шагом в разрешении данной проблемы являются разработка и выбор соответствующего методологического инструментария, а также обучение алгоритму аудита мотивации не только кадровых работников, но и начальников структурных подразделений организации. Это позволит достичь максимального результата, поскольку руководитель должен быть идейным вдохновителем, стимулировать подчиненных на работу с полной отдачей, поддерживать интерес к ней, давать им чувствовать себя полезными, выбирать справедливые формы поощрения и наказания.

При диагностике поэтапно определяется перечень ключевых составляющих мотивационной политики, выделяются основные «мотиваторы» и «демотиваторы», проводится исследование, результаты подвергаются анализу, формулируются выводы. Оценка уровня мотивации должна выявить значимость мотивационных факторов для сотрудников и степень их удовлетворенности.

Представляется важным определение ценностной ориентации сотрудников и их мотивационного профиля, уровней устремленности к успеху и мотивации трудовой деятельности, факторов, влияющих на выбор руководством организации методов и инструментов мотивации, определения их силы и резерва для совершенствования. Для этого применимы методы анкетирования, экспертных оценок, а также разработанные учеными различные методики [2]. Например, достаточно известны в литературе тест Т. Элерса, который позволяет определить устремленность к успеху, опрос по методу А.Ф. Фидпера – оценить психологическую атмосферу в коллективе, а тест В.И. Герчикова – выявить преобладающий мотивационный тип сотрудника («инструментальный», «хозяйский», «профессиональный», «патриотический» или «люмпенизированный»). Рекомендации П. Мартина и Ш. Ричи помогут выделить значимые мотивационные факторы.

При подготовке анкет целесообразно предусмотреть открытый перечень факторов-мотиваторов, отказаться от простого ранжирования вопросов для повышения достоверности результатов опроса, минимизировать риск получения только социально одобряемых и нейтральных ответов.

Полагаем важным в анкетах в разных вариантах приводить как одноименные, так и взаимодополняющие, взаимозависимые факторы (в том числе «вопросы-ловушки» и маркеры), связанные с профессиональной деятельностью государственных служащих и оказывающие влияние на их трудовую мотивацию. Респондентам необходимо предложить дать оценку в баллах (например, от 0 до 5) на поставленные вопросы о причинах привлекательности работы и уровне удовлетворенностью ею.

Для обработки результатов всех исследований могут использоваться различные методы: матрично-математический, факторный анализ, АВС-анализ. При этом требуется установить по всему перечню анкеты силу (удельный вес) мотивации, зависимость значимости ее факторов и удовлетворенности ими, в том числе от стажа работы, пола и занимаемой должности. С целью корреляции с иными показателями, поиска способов стимулирования целесообразно провести анкетирование о причинах увольнений.

Для определения общего уровня мотивации персонала может быть адаптирована модель комплексной оценки системы мотивации Л.Г. Миляевой [1]. В качестве анализируемых параметров важно предусмотреть не менее 10–12 мотивационных факторов и оценивать их с позиций трех критериев: «ожидания» как эталон (например, оценка 5 баллов), «восприятие» как удовлетворенность и «важность» как значимость. В перечень таких параметров могут входить: социальная полезность государственной службы для людей, общества и государства; поиск истины; материальное вознаграждение; условия и содержание работы; социальные гарантии; психологический климат в коллективе; самостоятельность; власть; творческий характер; навыки и умения; престиж; профессиональный рост, карьера; самореализация.

Наиболее важными для улучшения результативности труда и качества мотивационного профиля будут те показатели, у которых средняя оценка ниже уровня значимости. Резерв для мотивационных мероприятий покажет и отрицательная алгебраическая разница факторов удовлетворенности.

В целом результаты всех исследований помогут руководителю определить пути совершенствования системы мотивации, основные деятельностные факторы труда государственных служащих с целью формирования у них позитивного настроя, высокой готовности к служебной деятельности.

Литература

1. Миляева Л. Г. Новые аспекты исследования трудовой мотивации персонала организаций / Л. Г. Миляева // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 7. С. 443–449.
2. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / Д. Я. Райгородский. Самара: БАХРАХ-М, 2006. 672 с.

ОБРАЗ ПРАВОЗАЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

А.Д. Яколенко

Санкт-Петербургский государственный университет
yakolenko@mail.ru

По состоянию на начало 2019 г. в России Министерством юстиции РФ зарегистрировано более 200 правозащитных организаций, центральной деятельностью которых является обеспечение прав человека. Деятельность правозащитных организаций заключается в систематическом сборе данных о нарушениях прав человека, подготовке необходимых законопроектов и поправок к законопроектам, организации митингов, пикетов, работе с прессой, судебной защите, просветительстве и преподавании, а также просветительской работе и бесплатном консультировании по юридическим вопросам. Они занимаются комплексными проблемами, относящимися к правам человека, и охватывают экономическую, политическую, социальную и культурную области и «отражает горизонтальные социальные связи между индивидами в развитом гражданском обществе» [10].

Нормативно-правовой базой деятельности правозащитных НПО является Федеральный закон № 82-ФЗ от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях» 1995 г [2]. Основными видами правозащитной деятельности организаций в настоящее время являются оказание правовой помощи гражданам, участие в законодательном процессе, контроль за исполнением государством международных обязательств в сфере защиты прав человека, изучение положений с правами человека и гражданина в РФ и субъектах РФ, самостоятельное расследование отдельных фактов нарушения прав человека [4].

В Российской Федерации можно выделить несколько типов правозащитных организаций: общеправозащитные (Московская Хельсинкская Группа, Комитет «За гражданские права»), профильные (Центр Содействия тюремной реформе, Комитет солдатских матерей России), юридические (Фемида), социально-благотворительные (Мемориал) и другие [4]. Итак, целью правозащитных организаций является повышение эффективности обеспечения защиты и восстановления прав. Большинство социологических исследований правозащитных организаций характеризуются изучением направлений деятельности, статистики обращений в данные структуры [6]. Представляется, что для оценки деятельности рассматриваемых организаций не менее важной задачей является анализ обратной связи от реальных или потенциальных получателей их услуг [10].

В связи с этим интересным представляется рассмотрение факторов восприятия образа правозащитных организаций, таких как: информированность, включенность в информационное поле, доверие/недоверие к правозащитным организациям, представления о

деятельности правозащитных организаций и их роли в обществе: восприятие образа, мнение о влиянии правозащитных организаций на общественные и политические процессы, представления о функциях и ответственности правозащитных организаций. Поле для работы выбран вторичный анализ данных (ЦИРКОН, НИУ ВШЭ, ФОМ, Левада-Центр) [4, 8, 9]. В ходе исследования был проведен сравнительный анализ представлений россиян о деятельности правозащитных организаций и их роли в обществе по результатам опросов прошлых лет и выделены тенденции в восприятии правозащитных организаций.

Были получены следующие выводы: в общественном восприятии образ правозащитных организаций и НКО в России носит фрагментарный характер, отсутствует единый образ, единое понимание и представление об их деятельности и роли в обществе. Практический опыт обращения в эти организации имеет небольшое число респондентов. Следовательно, одним из значимых препятствий во взаимодействии общества и НКО/правозащитных организаций является непонимание со стороны населения значения этих организаций и слабая информированность об их задачах и, главным образом, о результатах деятельности.

Кроме того, мы можем отметить несогласованность компонентов установки: несмотря на низкую информированность и нежелание участвовать в деятельности правозащитных организаций у респондентов, большинство из них положительно относятся к деятельности организаций и находят её полезной. Таким образом, важно рассматривать восприятие в рамках различных структурных компонентов установки, что позволяет получить более полную картину относительно сформированного образа.

Литература

1. Баранова И, Здравомыслова О, Н. Кигаи, К. Киселева. Отношение населения к благотворительности в России // Электронная библиотека «Гражданское общество». С. 32.
2. Мотков А.В. Влияние неправительственных организаций на процесс принятия решений в Европейском Союзе // Неправительственные организации в становлении и развитии гражданского опыта: международный опыт. Сборник научных трудов. Воронеж, 2002. С. 44.
3. Чернозуб О.Л. Выявление аффективной компоненты электоральной установки: создание и валидизация графического ассоциативного теста отношения//Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 3–28.
4. Общественное мнение о проблемах защиты прав и свобод человека в России // Вестник общественного мнения. 2017. №3-4 (125). С. 197–248.
5. Отношение населения к НКО // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2014. №4. С. 6–24.
6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Российская газета URL:

<https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html> (дата обращения: 25.01.2019).

7. Некоммерческие организации: осведомленность и отношение // База данных ФОМ URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/socium/notcomm/d074324> (дата обращения: 25.01.2019).

8. Общественная поддержка НКО в российских регионах: проблемы и перспективы // ЦИРКОН URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/32c/Obshhestvennaja_podderzhka_NKO_v_rosijskih_regionaln_j_problemy_i_perspektivy.zip (дата обращения: 25.01.2019).

9. Перспективы НКО в качестве поставщиков общественной пользы // ЦИРКОН URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d5d/Perspektivy_NKO_v_kachestve_postavshh_ikov_obshhestvennoj_polzy.pdf (дата обращения: 08.02.2019).

10. Fishbein M., Ajzen I. (2010) Predicting and Changing Behavior: The Reasoned Action Approach. New York, NY: Psychology Press, Taylor & Francis Group.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И СЕМЬЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Н.Н. Ясников

Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда
nyasnikov94@mail.ru

Теория социального капитала, хоть и является относительно молодой, но всё же сумела снискать большую популярность у научного сообщества. Применительно к институту семьи, идея социального капитала стала рассматриваться ещё благодаря трудам Дж. Коулмана [1] и П. Бурдье [2], которые в своих теоретических изысканиях рассматривают ее как центр формирования социального капитала. Современные исследователи интенсивно изучают взаимодействие социального капитала и семьи, пишется большое количество работ на эту тему. Отметим, например, социологов из университета имени Бригама Янга (штат Юта США), которые на основе Национального лонгитюдного исследования здоровья подростков и Национального представительного опроса молодежи в США, установили, что социальный капитал семьи оказывает более значительное влияние на поведение подростков, чем многие внешние факторы [4], а Dorthe H. Jensen и Jolanda Jetten задались вопросом, как и каким образом, социальный капитал, который создается во время обучения в университете, влияет на развитие идентичности [5].

В Вологодской области было проведено исследование, посвященное изучению социального капитала, одним из результатов которого стало выделение различных уровней его накопления. Объем многоступенчатой квотной выборочной совокупности составил 1500 респондентов старше 18 лет. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между

городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов, соответствием половозрастной структуры участников опроса половозрастной структуре взрослого населения области. В ходе анализа данных была разработана индикаторная модель измерения социального капитала, которая позволила рассчитать его индекс для каждого респондента [6]. В индекс вошло более 40 показателей. Это дало возможность выделить группы носителей социального капитала в зависимости от уровня его накопления. Люди с самым низким уровнем социального капитала, которые при ответе на вопросы в основном выбирали позицию типа «не доверяю»/«не участвовал»/«никак не могу повлиять» и т.п., вошли в первую группу, которая была обозначена как обладатели *минимального* социального капитала. Во вторую группу вошли люди с более высоким индексом, и обозначенные как люди с социальным капиталом *низкого* уровня. В третью группу вошли респонденты с социальным капиталом *среднего* уровня. В четвертую группу отошли носители *относительно высокого* уровня социального капитала. И респонденты с социальным капиталом *высокого* уровня, были определены в пятую группу (подробнее о способе распределения респондентов по группам см.: [6. С. 110–134]).

Среди многочисленных аспектов социального капитала, наиболее нас заинтересовала его связь с институтом семьи и внутрисемейными отношениями. В результате исследования мы обнаружили, что респонденты с высоким уровнем социального капитала, чаще имеют полные семьи (табл. 1). Несмотря на то, что данная альтернатива (моя семья состоит из меня, супруга и детей) в целом является наиболее распространённой, наблюдается зависимость ее выбора от объема накопленного социального капитала у респондента. Кроме того, по результатам исследования можно отметить, что доля положительных ответов на вопросы, связанные с наличием несовершеннолетних детей, семейным статусом (живут ли они в браке) родителей и совершеннолетних детей также возрастает при накоплении социального капитала.

Таблица 1.

**Распределение ответов на вопрос «Ваша семья состоит из..?»
(в %, в зависимости от уровня социального капитала)**

Вариант ответа	Индекс социального капитала				
	1	2	3	4	5
Только из Вас	18	19	12	12	15
Вы и Ваш супруг	24	19	19	18	20
Только Вы и Ваши дети	18	14	10	12	10
Вы, Ваш супруг и дети	24	27	32	33	36
Вы, Ваш супруг, Ваши родители и дети	3	4	5	5	3
Вы и Ваш друг/подруга	0	3	3	1	2

Вы и Ваши родители	8	10	16	13	12
Иное	5	4	4	6	2

Источник: опрос «Региональный социальный капитал в условиях кризиса – 2017»

Исследование позволило отметить конвертацию форм капитала [2]. Респонденты с высоким уровнем социального капитала имеют не просто высокий уровень собственного образования (табл. 2), но также и высокий уровень образования родителей (рост доли окончивших ВУЗ с 13 до 42 %) и установку на более высокое образование для своих детей.

Таблица 2.

**Распределение ответов на вопрос «Какое у Вас образование?»
(в %, в зависимости от уровня социального капитала)**

Вариант ответа	Индекс социального капитала				
	1	2	3	4	5
Неполное среднее	3	5	2	2	5
Окончил среднюю школу	18	16	8	15	13
Окончил колледж, техникум, училище	53	45	41	33	27
Окончил вуз	26	33	48	51	55

Источник: опрос «Региональный социальный капитал в условиях кризиса – 2017»

Принимая во внимание всё вышеперечисленное, мы можем сделать вывод о положительной связи социального капитала и семьи как социального института. При большом количестве накопленного социального капитала, у респондентов наблюдается увеличение ориентации на создание (поддержание) полной семьи, а также обнаруживается существенный прирост в воспроизведении человеческого капитала, путём получения более высокого образования для себя и своей семьи. Таким образом, можно заключить, что проблематика исследования социального капитала достаточно актуальна в настоящее время, а сам социальный капитал обладает значительным потенциалом для улучшения жизни общества.

Литература

1. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital: Oxford University Press. 1997.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 230 с.
3. Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Goettingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198.
4. Dufur M.J., Hoffmann J. P., Braudt D. B., Parcel T. L., Spence K. R. Examining the Effects of Family and School Social Capital on Delinquent Behavior // Deviant Behavior 2015. Vol. 36. № 7. P. 511–526. DOI: 10.1080/01639625.2014.944069

5. Jensen D.H., Jetten J. Bridging and bonding interactions in higher education: social capital and students' academic and professional identity formation // *Front. Psychol.* 2015. Vol. 6. № 126. P.1–11. DOI:10.3389/fpsyg.2015.00126

6. Гужавина Т.А. Афанасьев Д.В., Воробьёва И.Н., Мехова А.А., Морев М.В., Дементьева И.Н. Региональный социальный капитал в условиях кризиса // Монография. Череповец: ЧГУ. 2018. 220 с.

ДОКТРИНА «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» И СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ В РАМКАХ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА

А.Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
megadelicious@yandex.ru

Доктрина «снятия корпоративной вуали» является исключением из принципов самостоятельной правосубъектности корпорации и ограниченной ответственности учредителей (участников) и предполагает отождествление контролирующего лица с контролируемой им корпорацией. В основе данной доктрины лежит злоупотребление конструкцией юридического лица, что представляет собой злоупотребление правом.

В отечественной науке гражданского права распространена точка зрения, согласно которой доктрина «снятия корпоративной вуали» в России нашла нормативное закрепление в виде субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства [2. С. 51; 5. С. 60; 6. С. 5]. Так, по выражению А. В. Егорова и К. А. Усачевой, закрепление субсидиарной ответственности за доведение до банкротства в российском законодательстве стало неудачным эквивалентом западной доктрины «снятия корпоративной вуали» [4. С. 6].

Данная точка зрения имеет под собой некоторые основания. Так, несмотря на то, что доктрина «снятия корпоративной вуали» в странах англосаксонской правовой семьи, откуда она родом, применяется вне процедуры банкротства, необходимо отметить, что в основе субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства так же, как и в основе механизма «снятия корпоративной вуали» лежит злоупотребление конструкцией юридического лица. Как было отмечено в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017г. №53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», ответственность контролирующих должника лиц носит исключительный характер и имеет целью восстановление нарушенных прав кредитора в ситуации, когда принципы имущественной обособленности, самостоятельной ответственности юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии деловых решений сталкиваются с принципом запрета причинения вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица.

Однако ответственность контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства является деликтной в силу ее прямого закрепления в

законе, ибо «злоупотребление правом заканчивается там, где начинается прямое нарушение закона, не основанное на субъективном праве нарушителя, т. е. деликт *sensu stricto*» [1. С. 68]. В этой связи правильной представляется точка зрения К. И. Евтеева, рассматривающего субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства как ответственность *sui generis*, выступающую разновидностью деликтовой ответственности [3. С. 18].

Поведение субъекта, выходящее за границы предоставленного ему права, при наличии специальной нормы будет признаваться правонарушением, а в ее отсутствии будет квалифицироваться как злоупотребление правом. Значение концепции злоупотребления правом для гражданского права сложно переоценить, ведь общий запрет на злоупотребление правом позволяет пресекать противоправное поведение в случаях, когда отсутствует специальная норма, содержащая запрет на определенное действие. Изменения в праве всегда являются следствием изменения общественных отношений. В условиях быстро развивающихся экономических отношений корпоративное право неизбежно сталкивается с появлением законодательных лакун, восполнить которые помогает общий запрет на злоупотребление правом.

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства является динамично развивающимся и эффективным средством борьбы со злоупотреблениями со стороны лиц, контролирующих должника, однако она не охватывает все случаи недобросовестного использования конструкции юридического лица, поскольку функционирует только в рамках процедуры банкротства юридических лиц. Несмотря на то, что в абз. 1 п. 12 ст. 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» законодатель предусмотрел возможность обращения в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующее должника лицо вне рамок процедуры банкротства, данная возможность может быть реализована только в случае, если производство по делу о банкротстве прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве.

В этой связи на сегодняшний день в гражданском законодательстве РФ существует ряд пробелов в регулировании ответственности за злоупотребление правом со стороны субъектов, контролирующих юридическое лицо, которые невозможно решить с помощью субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства, но которые могут быть решены благодаря рецепции доктрины «снятия корпоративной вуали».

Во-первых, возбуждение дела о банкротстве невозможно в ситуации, когда требование к должнику-юридическому лицу составляет менее трехсот тысяч рублей (п. 2 ст. 6 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. №127-ФЗ). Таким образом, незащищенными остаются права большого

количества лиц в ситуации, когда юридическое лицо используется недобросовестным участником гражданского оборота для обмана кредиторов, но требование к должнику-юридическому лицу составляет менее трехсот тысяч.

Во-вторых, даже в случае, когда задолженность корпорации перед кредитором составляет триста тысяч рублей и более, возбуждение процедуры банкротства нередко бывает затруднительным вследствие частичного погашения лицом, контролирующим корпорацию, задолженности перед кредитором, после чего сумма долга составляет немногим менее 300 000 руб., что недостаточно для введения процедуры банкротства.

Наконец, субсидиарная ответственность в рамках процедуры банкротства не решит проблему злоупотребления конструкцией юридического лица, когда злоупотребление принимает такие формы, как обход закона, уклонение от исполнения существующего обязательства, шикана.

Таким образом, субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства является близкой по своей сути доктрине «снятия корпоративной вуали», ибо в основе нее также лежит злоупотребление конструкцией юридического лица. Однако данная ответственность охватывает только один способ злоупотребления конструкцией юридического лица – ситуацию, когда корпорация используется недобросовестным участником гражданского оборота для обмана кредиторов. Кроме того, особенности привлечения к субсидиарной ответственности только в рамках процедуры банкротства делают невозможным привлечение к ответственности недобросовестных контролирующих лиц, совершивших злоупотребление правом, в случаях, когда требование к должнику-юридическому лицу составляет менее трехсот тысяч рублей.

В заключение необходимо отметить, что для эффективной борьбы со злоупотреблениями конструкцией юридического лица необходимо использовать как субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства, так и доктрину «снятия корпоративной вуали», правовой основой которой является статья 10 ГК РФ, запрещающая злоупотребление правом.

Литература

1. Быканов Д. Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 269с.
2. Гольцблат А. А., Трусова Е. А. Снятие корпоративной вуали в судебной и арбитражной практике России // Закон. 2013. №10. С. 49–58.
3. Евтеев К. И. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при трансграничной несостоятельности (банкротстве): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 190 с.
4. Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. N 12. С. 6–61.

5. Тай Ю. В., Арабова Т. Ф. Неподъемная вуаль // Закон. 2013. №10. С. 59–65.

6. Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. №2. С. 3–26.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 229.1 УК РФ

О.А. Брашнина

Сибирский институт управления (филиал) РАНХиГС, г. Новосибирск
oksanaru@yandex.ru

Контрабанда наркотических средств и прекурсоров представляет существенную опасность для общества, так как подрывает наивысшую социальную ценность государства – здоровье населения, а также влияет на демографию страны. Контрабанда наркотических средств детерминирует совершение других преступлений, таких как: кражи, грабежи, разбои и др.

Контрабанда – это то преступление, которое рассматривается в законодательстве уже на протяжении долгого времени. Также по отношению к данному преступлению произошло много изменений, но только лишь по форме, а не по существу.

Классификация составов преступлений по родовым и групповым объектам лежит в основе деления Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации (УК РФ) на разделы и главы. Изучив УК РФ 1996 года, мы видим, что контрабанда относится к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» раздела VIII «Преступления в сфере экономики». После принятия данного Кодекса велась активная научная полемика насчет определения объекта контрабанды. Объект преступления ст. 188 УК РФ 1996 года – общественные отношения в сфере экономической деятельности, а предмет – обычные товары [1. С 40.]. Часть 2 данной статьи определяла ответственность за контрабанду наркотиков, оружия и других предметов, которые были изъяты из оборота либо ограничены в обращениях.

Изменения в объективной стороне данного преступления произошли после принятия Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ. Данный ФЗ определяет декриминализацию контрабанды обычных товаров. Ввиду того, что контрабанда наркотических средств и психотропных веществ была отнесена к главе «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», был изменен объект преступления. Теперь объект преступления ст. 229.1 – это здоровье населения и общественная нравственность.

Если раньше ст. 188 УК РФ определяла наступление ответственности за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, растений, которые содержат наркотические средства или психотропные вещества, либо

их частей, содержащих наркотические вещества или психотропные вещества, то по ст. 229.1 УК РФ ответственность наступает не только за контрабанду таких растений и их частей, но и растений, которые содержат прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ [3. С. 50.]. Отнесение сильнодействующих и ядовитых веществ к предмету контрабанды в ст. 226.1, а не в ст. 229.1 УК РФ отступает от традиционного представления о построении Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации, ведь ответственность за незаконный оборот и нарушение правил оборота вышеперечисленных веществ определяется ст. 234, которая относится к главе 25 УК РФ.

Сделаем вывод, что контрабанда предметов, перечисленных в ст. 229.1 УК РФ, и контрабанда ядовитых и сильнодействующих веществ схожи по родовому, групповому и непосредственному объектам. В связи с изложенным представляется необходимым исключить сильнодействующие и ядовитые вещества из диспозиции ст. 226.1 и включить их в качестве предмета контрабанды в ст. 229.1 УК РФ. Таким образом, предметами преступлений, определенных в ст. 229.1 УК РФ, выступают предметы, оборот которых запрещен или ограничен.

Объективная сторона преступления по ст. 229.1 УК РФ определяется как незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу РФ указанных предметов (незаконный ввоз или вывоз). Место совершения преступления – таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственная граница РФ.

К объективной стороне рассматриваемого преступления также относят способы совершения преступления, которые конкретно не определены, а значит они могут быть любыми. Например, наиболее распространенным считается перемещение предметов через таможенную границу, которое совершается помимо таможенного контроля или с сокрытием от него. Сокрытие может осуществляться различными способами, например, при использовании оборудованных тайников и специальных хранилищ для перемещения предметов контрабанды.

Так, 14 мая 2018 года во время предполетного досмотра сотрудники группы по контролю за оборотом наркотиков линейного отдела МВД России в аэропорту Толмачёво заметили в багаже у пассажира авиарейса «Новосибирск – Петропавловск-Камчатский» три банки из-под детского чая с порошкообразным веществом. В соответствии с результатами исследования, изъятое вещество – это наркотическое средство синтетического происхождения общей массой около 1 килограмма [4].

Проанализировав уголовные дела по контрабанде наркотиков, можно сделать вывод, что чаще всего их перевозка осуществляется с сокрытием от таможенного контроля и сопряжена с недекларированием.

Примером является приговор № 1-37/2018 от 12 июля 2018 года по делу № 1-37/2018 Обского городского суда Новосибирской области [2]. Доманина Т.С. и Зворыгин В.М. произвели незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного Союза в рамках ЕврАзЭС наркотического средства в крупном размере, совершенное группой лиц по предварительному сговору; также совершено покушение на незаконный сбыт наркотических средств, совершенный группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере, при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этих лиц обстоятельствам.

Момент окончания преступления по ст. 229.1 УК РФ определяется в зависимости от формы и способа перемещения товаров (ввоз, вывоз, пересылка и т.д.). Контрабанда, совершенная при незаконном ввозе на территорию РФ перечисленных предметов помимо таможенного контроля или с сокрытием от него, считается оконченным преступлением с момента фактического пересечения этими предметами таможенной границы РФ. Контрабанда, совершенная при вывозе указанных предметов, считается оконченным преступлением с момента обнаружения недостоверности сведений, указанных лицом в представленной им таможенной декларации, или с момента пресечения иных действий, непосредственно направленных на вывоз этих предметов [5. С. 8].

Сделаем вывод. Контрабанда – это преступление с формальным составом, объективная сторона включает только деяние. Преступление считается оконченным с момента перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу. Для признания этого преступления оконченным и уголовно-наказуемым, достижение какого-либо иного «конечного преступного результата», помимо непосредственного перемещения через таможенную границу, не требуется.

В заключение хочется отметить, что в правоприменительной деятельности нельзя избежать вопросов при квалификации и, несомненно, эта проблематика требует дальнейших исследований, так как нормы о контрабанде являются бланкетными, а также не все признаки ст. 229.1 УК РФ имеют точное определение.

Литература

1. Мурашов Н.Ф. по следам комментария к статьям УК РФ о наркопреступлениях // Наркоконтроль. 2017. № 4. С. 39–44.
2. Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]: Судебные и нормативные акты РФ // <https://www.sudact.ru/regular/doc/bPB5VYosDdZ6/> (дата обращения 10.06.2019)
3. Талан М.В. Совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за контрабанду // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2018. № 7 (7). С. 47–55.

4. Управление на транспорте МВД РОССИИ по Сибирскому Федеральному округу <https://сифбоут.мвд.рф/news/item/13057808> (дата обращения 10.06.2019)

5. Федоров А.В. Контрабанда: оконченное преступление и покушение на совершение преступления // Российский следователь. 2017. № 19. С. 3–17.

О РАЗДЕЛЕНИИ СПИСКА КАНДИДАТОВ НА ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНУЮ ЧАСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Г.В. Вайшнарович

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург
galina89@list.ru

«Чтобы идти вперед, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, причём во всех сферах, укреплять институты демократии, ... структуры гражданского общества...», – провозглашено в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018г. Достижение указанной цели невозможно без развития политической конкуренции на выборах в региональные парламенты.

Ч. 14 ст. 35 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) предусмотрена возможность установления региональным законом требования по разделению списка кандидатов на общерегиональную часть и региональные группы либо исключительно на региональные группы. Указанным законом должно быть определено минимальное и максимальное число региональных групп, на которые разбивается список кандидатов, либо определено максимальное число региональных групп, а также минимальное и максимальное число кандидатов в общерегиональной части и региональной группе.

В субъектах РФ, входящих в состав Уральского федерального округа, соответствующие вопросы регулируются законами Курганской области от 06.06.2003 № 311 «О выборах депутатов Курганской областной Думы», Свердловской области от 29.04.2003 № 10-ОЗ «Избирательный кодекс Свердловской области», Челябинской области от 25.08.2005 № 398-ЗО «О выборах депутатов Законодательного Собрания Челябинской области», Тюменской области от 03.06.2003 № 139 «Избирательный кодекс (Закон) Тюменской области (новая редакция)», Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – ХМАО) от 27.04.2016 № 36-оз «О выборах депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», Ямало-Ненецкого автономного округа (далее – ЯНАО) от 19.06.2009 № 51-ЗАО «О выборах депутатов Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа».

Вышеназванным правом в отношении выборов в региональные парламенты воспользовались все субъекты РФ Уральского федерального округа, за исключением Тюменской области.

Так, в указанных 5 субъектах РФ устанавливается:

минимальное и максимальное число (либо только минимальное в Свердловской области - 20) региональных групп: в Челябинской области от 15 до 30, в ХМАО от 10 до 19, в Курганской области от 9 до 17, в ЯНАО от 6 до 11;

минимальное и максимальное число кандидатов в общерегиональной части списка: в Свердловской области не более 3, в остальных субъектах РФ от 1 до 3;

минимальное и максимальное число кандидатов в региональной группе: в Курганской области от 2 до 10, в Челябинской области от 2 до 4; в ХМАО и ЯНАО от 1 до 3, в Свердловской области не более 3;

что при распределении мандатов внутри списка кандидатов сначала мандаты передаются кандидатам из общерегиональной части списка, а затем распределяются между региональными группами в зависимости от числа голосов, полученных списком кандидатов в каждой из территорий единого избирательного округа, соответствующих данным региональным группам.

То есть, указанный порядок распределения мандатов, по сравнению с таковым для единого списка кандидатов, позволяет более точно учесть предпочтения избирателей региона, а также предоставляет возможность установить более тесную связь избирателей с кандидатами на местах, побуждает кандидатов «активизировать работу с населением», усиливает конкуренцию на выборах. Соответствующий недостаток пропорциональной избирательной системы [2. С. 109; 3. С. 44–45; 6. С. 51–52] тем самым, в определенной степени, преодолевается, что отмечается и рядом исследователей [5. С. 51–55; 7. С. 52–54].

Таким образом, на наш взгляд, разделение списков кандидатов на выборах в законодательные органы субъектов РФ на общерегиональную часть и региональные группы является предпочтительнее единых списков, в большей степени отвечает демократическим принципам проведения выборов и идее народного представительства, полнее отражает волеизъявление избирателей. Данное обстоятельство подтверждается и популярностью применения данного способа среди субъектов РФ Уральского федерального округа, а также рекомендациями ЦИК РФ (постановление от 25.12.2002 № 167/1419-3).

В целом в законах рассмотренных субъектов РФ, применяющих указанную модель составления списков кандидатов, по исследуемому предмету отмечаемый недостаток правовой регламентации элементов пропорциональной избирательной системы [1. С. 190–191; 4. С. 28] не выявлен; регулируются все вопросы, предусмотренные Федеральным законом № 67-ФЗ, за исключением неустановления минимального числа кандидатов в общерегиональной части списка кандидатов и в региональной группе в Свердловской области.

Литература

1. Акчурина А.Р. Процедуры формирования органов государственной власти в Российской Федерации: современная проблематика // Lex russica. 2017. № 10. С. 190–191.

2. Байрамбекова А.Н. Избирательная система Республики Дагестан // Вестник ДГУ. 2011. № 2. С. 109.

3. Джагарян Н.В. Пределы партийного опосредования избирательных прав на муниципальных выборах: национальная практика и зарубежный опыт // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 2. С. 44–45.

4. Любарев А.Е. Регулирование избирательной системы в законодательстве субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 28.

5. Нудненко Л.А. Праймериз в России – партийная политехнология или инструмент реальной внутрипартийной конкуренции? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 51–55.

6. Омарова З.Н. Переход на смешанную избирательную систему при выборах депутатов Народного Собрания Республики Дагестан // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 8. С. 51–52.

7. Турищева Н.Ю. Смешанная избирательная система: новое содержание основных характеристик // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 52–54.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ СОСТАВОВ П. «Г» Ч. 3 СТ. 158 И СТ. 159.3 УК РФ

А.С. Воевидка

Сибирский институт управления (филиал) РАНХиГС, г. Новосибирск
voevidkaal@gmail.com

Федеральным законом от 23.04.2018 N 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ч. 3 ст. 158 УК РФ был введён п. «Г», предусматривающий кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств [1]. Вместе с тем данным федеральным законом ст. 159.3. «Мошенничество с использованием платежных карт» была переименована в «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». В связи с данными изменениями в правоприменительной деятельности сотрудников правоохранительных органов возникли некоторые проблемы при квалификации преступлений, связанных с хищением денежных средств со счетов граждан, что, по нашему мнению, объясняется схожестью указанных составов и, как следствие, трудностями в их разграничении.

Для выявления признаков, которые дают основание для существования этих двух самостоятельных составов, представляется необходимым дать им уголовно-правовую характеристику. Сперва следует отметить, что данные преступления относятся к преступлениям против собственности, родовым объектом которых являются отношения в сфере экономики. Видовым, а также совпадающим с ним непосредственным объектом выступают отношения собственности, которая, в свою очередь, представляет собой право владения, пользования и распоряжения имуществом. Предмет рассматриваемых

преступлений также одинаков – это денежные средства и электронные денежные средства.

Что касается субъектов, то в обоих случаях, если речь идёт о ч. 1 ст. 159.3, это вменяемое физическое лицо, достигшее соответствующего возраста, установленного Уголовным кодексом Российской Федерации без дополнительных специальных признаков. Обращая внимание на ч. 3 ст. 159.3, можно выявить, что имеет место и специальный субъект в виде лица, имеющего служебное положение и использующего его для совершения преступления. В это же время, анализируемый вид кражи, закреплённой в п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, может так же совершить лицо использовавшее свое служебное положение. Например, сотрудник кредитной организации, которому вверили ценности, а именно кредитные или дебетовые карты, держателями которых являются клиенты банка, посредством использования банкомата совершает хищение денежных средств со счетов клиентов [4. С. 404]. Отсюда следует, что объект данных преступлений может быть как общим, так и специальным, несмотря на то, что в ст. 158 УК РФ отсутствует указание на служебное положение в качестве квалифицирующего признака.

То же самое мы наблюдаем и при сравнении субъективных сторон кражи и мошенничества: и в том, и в другом составе субъективная сторона характеризуется прямым умыслом.

Итак, подходя к рассмотрению объективной стороны столь схожих по своему составу преступлений, можно полагать, что именно в ней состоит их главное отличие.

Прежде всего, кража и мошенничество относятся к формам хищения, под которым понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» «как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества» [2]. Под мошенничеством же понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием. Обман согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» «может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об

истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение» [3]. Злоупотребление доверием при мошенничестве, руководствуясь этим же Постановлением, «заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам».

Исходя из анализа судебной практики, нами было установлено, что и при наличии в действиях преступника обмана или злоупотребления доверием, преступление может быть квалифицировано как кража. Например, когда гражданин, получив сообщение о том, что его карта заблокирована, звонит по указанному номеру так называемому «сотруднику службы безопасности», который сообщает ему ложные сведения о создании незаконной заявки о списании денежных средств со счета его банковской карты, и под предлогом предотвращения незаконного списания денежных средств просит назвать конфиденциальную информацию, получив доступ к которой совершает хищение. Это подтверждается и постановлением Пленума – «в случаях, когда лицо похитило безличностные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролями), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража». Следовательно, данный аспект также не является разграничивающим.

Необходимо уточнить, что «действия лица следует квалифицировать по статье 159.3 УК РФ в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой». В правоприменительной практике, как было обнаружено, иногда встречаются ошибки в квалификации преступлений, когда имеет место быть оплата банковской картой, не принадлежащей обвиняемому, покупок в торговой организации. Например, в приговоре № 1-203/2018 от 12 сентября 2018 г. по делу № 1-203/2018 [5] судом не был учтён факт того, что обвиняемый, воспользовавшись найденной на тротуаре банковской картой, произвёл покупки, тем самым обманув уполномоченного работника торговой организации, т.е. продавца, и преступление было квалифицировано по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, хотя в данном случае должна была фигурировать ст. 159.3.

Таким образом, глубокий анализ вышеупомянутого постановления Пленума и судебной практики по данным преступлениям позволяет сделать вывод, что основным отличием мошенничества с использованием

электронных средств платежа от кражи, совершенной с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств, является специальный способ совершения преступления, а именно обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества (банковского счёта, платёжной карты) или иное лицо (уполномоченный работник кредитной, торговой или иной организации) сами передают имущество другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества, тогда как при краже преступник собственноручно похищает денежные средства.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Рос. газ. 2018. 25 апреля.

2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.07.2019).

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.07.2019).

4. Олейник Е. Н. Проблематика ограничения кражи имущества с банковского счета от мошенничества с использованием электронных средств платежа // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 2(23). С. 403–406.

5. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.07.2019).

САМОПЛАГИАТ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: МЕЖДУ ПРАВОМ И ЭТИКОЙ

Е.В. Гаврилов

Законодательное Собрание Красноярского края, г. Красноярск
gavrilov@zakon.ru

В научной сфере наряду с плагиатом распространение получил феномен самоплагиата.

Обычно под самоплагиатом (self-plagiarism) в научном сообществе понимается повторная публикация самим автором значительных по объёму и идентичных (или очень близких) по форме и содержанию научных текстов без указания на то, что эти тексты уже были опубликованы ранее (или одновременно) [2. С. 7]. Большинство авторов критикует самоплагиат, считает его недопустимым.

В свою очередь, А.Ю. Зяблова, М.Ю. Чайков, В.Н. Штенников отстаивают позицию, согласно которой термин «самоплагиат» является некорректным; они полагают, что «запрет на копирование именно тому лицу, которому принадлежат все права на использование произведения, абсурден» [3. С. 94; 4. С. 14; 5. С. 64]. Изучение одинаковых по содержанию научных

работ данных авторов по исследуемой теме позволяет сделать предположение, что они оправдывают самоплагиат в научных работах, считают его допустимым.

По нашему мнению, самоплагиат в научной сфере – это недобросовестное повторение автором своего ранее опубликованного научного произведения (монографии, научной статьи и т.п.) или его отдельных частей в другом своем научном произведении. Таким образом, самоплагиат представляет собой форму недобросовестного поведения автора; недобросовестность – ключевой квалифицирующий признак самоплагиата.

Если относительно плагиата имеются конкретные правовые нормы о борьбе с ним (например, статьи 146, 147 Уголовного кодекса РФ), то в части самоплагиата право чаще всего уступает место этическим аспектам. При самоплагиате авторство присутствует, права других авторов не нарушаются, формально создается «новое» произведение, однако отсутствует оригинальность (уникальность) текста, в результате чего в свет выходит вторичный продукт. Как справедливо отмечается в научной литературе, «автор, занимающийся самоплагиатом, таким образом создает у читателя ложное впечатление новизны содержащегося в статье материала. Именно факт ложного впечатления, формируемого у читателя, обман его ожиданий роднит плагиат с самоплагиатом» [2. С. 7].

Считаем, что самоплагиат имеет различные формы воплощения, в частности:

- 1) опубликование одного и того же произведения автора в разных источниках;
- 2) создание «нового» крупного произведения за счет включения в него ранее опубликованных мелких работ;
- 3) создание «нового» произведения за счет выделения из ранее опубликованной крупной работы отдельной части.

Представляется, что основное последствие самоплагиата в научной сфере – это моральное (этическое) порицание со стороны научной общественности, влекущее вред деловой (профессиональной, научной) репутации ученого [1. С. 122], а также правовые притязания к автору со стороны лиц, которым передано исключительное право на «первичное» (оригинальное) и «вторичное» (неоригинальное) произведение. Это санкции за самоплагиат.

Полагаем, не является самоплагиатом опубликование разных по содержанию работ по общей тематике, в которых освещаются различные аспекты избранной темы научного исследования, а также включение в новое произведение отдельных частей из ранее опубликованных работ автора, но в объеме, оправданном целью цитирования (самоцитирования). Не является самоплагиатом и существенная качественная переработка изначальной научной работы автора (сопровождается новые оригинальными суждениями, цитатами, обновленной судебной практикой и др.). Иными словами, новое произведение должно быть уникальным, а заимствования (цитаты) не чрезмерными.

Не должны расцениваться в качестве самоплагиата и следующие случаи:

1) опубликование одной работы автора в разных изданиях не по вине автора (например, автор отказался от публикации работы в одном издательстве, уведомив об этом, после чего направил эту же работу в другое издательство, а в итоге данную работу опубликовали и второе, и первое издательство);

2) включение в диссертационное исследование автора текста его ранее опубликованных научных работ;

3) воспроизведение в сети «Интернет», на конференциях отдельных выдержек («нарезок») из своего ранее опубликованного произведения с указанием на источник первоначального опубликования, цели данного повторного воспроизведения (для рекламы, обсуждения и др.), предварительно заручившись согласием на распространение от лица, имеющего исключительное право на первоначальное произведение.

Во всех этих случаях нет признака недобросовестности со стороны автора.

На основании изложенного, предлагаем включить в законодательство о науке и государственной научно-технической политике (например, в Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике») нормы о недопустимости самоплагиата в научных исследованиях, раскрыв содержание понятия «самоплагиат», его примерные формы воплощения и санкции за самоплагиат в научной сфере. На уровне интерпретационного толкования (например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ) целесообразно указать случаи, внешне похожие на самоплагиат, но не являющиеся таковым и не влекущие применение санкций.

Литература

1. Гаврилов Е. В. Вред деловой репутации: к вопросу о понятиях // Хозяйство и право. 2009. № 1. С. 120–123.

2. Котляров И.Д. Самоплагиат в научных публикациях // Научная периодика: проблемы и решения. 2011. № 4. С. 6–12.

3. Чайков М.Ю., Штенников В.Н., Зяблова А.Ю. Что такое «самоплагиат» // Правовая защита, экономика и управление интеллектуальной собственностью: материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 2015. Т. 2. С. 92–94.

4. Штенников В.Н., Зяблова А.Ю. Корректность понятия «самоплагиат» // Биржа интеллектуальной собственности. 2014. № 11. Т. 13. С. 13–14.

5. Штенников В.Н., Зяблова А.Ю., Чайков М.Ю. Самоплагиат в научных работах: реальность или мистика? // 25-я Международная Крымская конференция «СВЧ-техника и телекоммуникационные технологии» (КрыМиКо'2015). Том 1. Севастополь, 2015. С. 63–64.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ, ШПИОНАЖА И РАЗГЛАШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

Г.С. Гайнулина

Сибирский институт управления (филиал) РАНХиГС, г. Новосибирск
galia_gainulina@mail.ru

В условиях, складывающихся на политической арене в настоящее время, невозможно переоценить значимость и актуальность вопроса, который напрямую связан с национальной безопасностью нашего государства. Непосредственно к нему относятся преступления, содержащиеся в 29 главе Уголовного Кодекса Российской Федерации «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», а именно ст. 275 «Государственная измена», ст. 276 «Шпионаж» и ст. 283 «Разглашение государственной тайны».

Согласно УК РФ государственной изменой признаются деяния, направленные против безопасности Российской Федерации, совершенные гражданином Российской Федерации посредством шпионажа, оказания финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям, или выдача сведений, составляющих государственную тайну, ставшую известной лицу на законных основаниях.

Шпионаж определяется как «передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений для использования их против безопасности Российской Федерации, то есть шпионаж, если эти деяния совершены иностранным гражданином или лицом без гражданства» [2. Ст. 276].

Разглашение государственной тайны – это преступное деяние, характеризующееся разглашением сведений, находящихся под грифом секретности, лицом, которое обладало этими сведениями на законных основаниях.

Стоит указать способ разграничения 275 и 283 статей, ключевую роль при квалификации играет явное желание преступника причинить вред государственной безопасности: если данный факт присутствует, квалифицировать следует по 275 статье, в противном случае следует применять 283 статью УК РФ.

Данные составы считаются наиболее опасными, потому что представляют колоссальную угрозу государству, стоит отметить, что прецедентов по данным статьям достаточно мало, но их последствия могут нанести значительный урон безопасности государства. Оценивая статистику

уголовных дел, возбужденных по данным составам, стоит учесть, что расследование по таким делам осуществляет Федеральная Служба Безопасности, и чаще всего информация о ведении следствия и судопроизводства по этим делам является секретной. По данным Российского агентства правовой и судебной информации «за шесть месяцев 2017 года в РФ один человек осуждён по делу о госизмене (статья 275 УК РФ), один – за шпионаж (статья 276 УК РФ), в отношении 13 человек вынесены обвинительные приговоры за разглашение государственной тайны (часть 1 статьи 283 УК РФ). В 2016 году за госизмену, шпионаж и разглашение гостайны были осуждены 42 человека, а в 2015 году за эти же преступления в местах лишения свободы оказались 28 человек» [1].

Несмотря на то, что совершение данных преступлений представляет собой значительную опасность для Российской Федерации, в применении норм существуют некоторые проблемы.

Так, законодательно отмечено, что при расследовании уголовных дел, связанных с государственной тайной, необходима особая экспертиза, которая определяет, являются ли разглашенные сведения секретными, и оценивает масштабы ущерба, причинённого преступлением. От результатов, полученных с помощью этой экспертизы, полностью зависит квалификация содеянного. При определении грифа секретности сложностей нет, однако возникает проблема оценки причинения ущерба содеянным. Дело в том, что на сегодняшний день в нашей стране нет ни одного НПА, где бы четко определялся способ расчета величины ущерба. В связи с этим масштабы оцениваются, основываясь исключительно на субъективном мнении экспертов, что, на наш взгляд, является препятствием для вынесения справедливого приговора.

Еще одной проблемой в данной сфере является отсутствие международных НПА, которые могли бы регулировать преступления, связанные со шпионажем и защитой государственной тайны на наднациональном уровне. Что могло бы послужить значительному сокращению преступлений в данной категории и способствовать наказанию преступников.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: составы преступлений, содержащихся в 29 главе УК РФ являются ключевыми с точки зрения обеспечения как внутренней, так и внешней государственной безопасности, но все же содержат несколько проблемных аспектов, которые связаны напрямую с пробелами в законодательстве как на государственном, так и на надгосударственном уровне. Этот факт можно объяснить тем, что наша страна находится только на стадии формирования правовой системы и многие проблемы возможно решить не иначе, как при дальнейшем и интенсивном ее развитии и совершенствовании. Что касается международного уровня, то надлежащее сотрудничество с другими странами по данному вопросу приведет к благоприятному итогу.

Литература

1. Госизмена, шпионаж и разглашение государственной тайны // РАПСИ URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20180131/281802761.html (дата обращения: 20.06.2019)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018)// Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД КОРПОРАЦИЕЙ ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ФУНКЦИИ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА КОРПОРАЦИИ

А.Н. Ивликова

Северо-Западный филиал Российского государственного университета
правосудия, г. Санкт-Петербург
nastyaiulikova@gmail.com

Лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа (далее – ЕИО) корпорации, обладает широкой компетенцией и ведает важнейшими вопросами хозяйственной деятельности корпорации. Соответственно, данное лицо несет и огромную ответственность за принимаемые им решения и совершаемые действия. Одним из наиболее распространенных видов такой ответственности является ответственность генерального директора перед корпорацией, в том числе за причиненные ей убытки.

Несмотря на достаточную теоретическую проработанность темы, вопрос о правовой природе юридической ответственности генерального директора остается по-прежнему актуальным.

Прежде всего, следует отметить, что существует своего рода две модели управления корпорацией. Единоличный исполнительный орган корпорации может быть представлен как физическим лицом-руководителем, так и юридическим лицом (управляющей организацией), выполняющим функции ЕИО. И если в случае с юридическим лицом сомнений в гражданско-правовой природе ответственности управляющей компании не возникает, то в случае с физическим лицом вопрос остается открытым в силу следующего.

Для руководителя корпорации-физического лица характерен двойственный правовой статус. С одной стороны, это лицо выступает в качестве органа корпорации, а с другой – в качестве ее работника, выполняющего трудовую функцию. Следовательно, «особенностью правового статуса руководителя организации является то, что на руководителя распространяется действие гражданского законодательства (как на орган юридического лица) и норм трудового права (как на работника, вступившего с юридическим лицом (работодателем) в трудовые отношения на условиях трудового договора)» [5].

В связи с этим в научном сообществе существует несколько точек зрения относительно природы правоотношений, возникающих между лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа корпорации, и самой корпорацией.

Согласно первой точке зрения, природа отношений между генеральным директором корпорации и корпорацией трудовая. Например, Б.Р. Карабельников придерживается позиции, согласно которой между корпорацией и единоличным исполнительным органом заключается трудовой договор, а отношения между ними регулируются нормами трудового законодательства [1. С. 8–12, 36–42]. Соответствующей позиции придерживается и С.Д. Могилевский, определяющий правовые отношения между физическим лицом, исполняющим функции ЕИО общества, и самим обществом в качестве трудовых, который в то же время отмечает, что между руководителем как органом юридического лица и обществом не возникает ни гражданско-правовых отношений, ни трудовых [4. С. 342].

В соответствии с подходом сторонников второй позиции между лицом, осуществляющим функции ЕИО, и корпорацией возникают гражданско-правовые отношения. Например, Л.В. Санникова считает, что отношения найма труда в рыночной экономике в силу своего особого экономического содержания являются по своей природе в целом не трудовыми, а гражданско-правовыми [7. С. 70]. По мнению Н.В. Козловой, между юридическим лицом и субъектом, осуществляющим функции его органа, возникают гражданско-правовые корпоративные отношения. Так, автор отмечает, что физические лица, выступающие в качестве органа юридического лица, «будучи связанными с юридическим лицом корпоративными отношениями, <...> вырабатывают и осуществляют волю юридического лица» [2. С. 375].

Существует и третья точка зрения. Так, по мнению П.В. Степанова, с одной стороны руководитель компании подчиняется правилам внутреннего трудового распорядка, и, значит состоит в трудовых отношениях с корпорацией, а с другой стороны руководитель осуществляет управление корпорацией, что говорит о наличии гражданско-правовых отношений между ними [8. С. 93]. Двойственную природу отношений генерального директора-физического лица и корпорации подчеркивала и А.В. Кулинская, которая, тем не менее, отмечала, что «именно внутрикorporативные, гражданско-правовые отношения обуславливают специфику трудовых отношений» [3. С. 133].

Итак, как справедливо отмечается в литературе, физическое лицо, осуществляющее функции ЕИО корпорации, одновременно обладает корпоративным и трудовым статусами. Соответственно, генерального директора и корпорации связывают как трудовые, так и корпоративные отношения, регулируемые соответствующими нормами законодательства. При этом следует подчеркнуть, что если вопрос касается регулирования труда руководителя как работника, то применяются нормы трудового права, а если руководитель рассматривается в качестве органа корпорации – нормы права гражданского, в том числе корпоративного.

Что касается природы юридической ответственности, то в случае с управляющей организацией, управляющим-индивидуальным предпринимателем речь идет, несомненно, о гражданско-правовой ответственности перед корпорацией, поскольку данные лица не связаны с корпорацией трудовыми отношениями, а выполняют свои функции по гражданско-правовому договору. Однако, учитывая двойственную природу правовых отношений, возникающих между руководителем-физическим лицом и корпорацией, характер юридической ответственности неочевиден. Исходя из норм законодательства, генеральный директор может быть привлечен и к гражданско-правовой, и к трудово-правовой ответственности, что включает в себя как материальную, так и дисциплинарную ответственность.

Так, статья 277 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривает, что руководитель организации (к которому относится и лицо, осуществляющее полномочия ЕИО) несет полную материальную ответственность за причиненный им прямой действительный ущерб, а также в определенных законом случаях возмещает убытки. При этом расчет убытков производится в соответствии с нормами гражданского законодательства.

С другой стороны, статья 56.1 Гражданского кодекса РФ устанавливает ответственность генерального директора за причинение убытков юридическому лицу. Лицо, осуществляющее функции ЕИО, несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно.

Иными словами, приоритет отдается имущественной, гражданско-правовой ответственности генерального директора. Более того, данный вывод подтверждается судебной практикой. Согласно пункту 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «требование о возмещении убытков (в виде прямого ущерба и (или) упущенной выгоды), причиненных действиями (бездействием) директора юридического лица, подлежит рассмотрению в соответствии с положениями пункта 3 статьи 53 ГК РФ, в том числе в случаях, когда истец или ответчик ссылаются в обоснование своих требований или возражений на статью 277 Трудового кодекса Российской Федерации» [6].

Соответственно, складывается ситуация, при которой нормы гражданского законодательства «поглощают» нормы трудового законодательства, а значит гражданско-правовая ответственность «вытесняет» материальную ответственность. Однако возможность привлечения генерального директора к дисциплинарной ответственности остается, но следует иметь в виду, что основанием дисциплинарной ответственности является нарушение дисциплины труда, а также неисполнение трудовых обязанностей.

Таким образом, в силу комплексного положения лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа корпорации, необходимо учитывать следующее. Если речь идет о правоотношениях корпорации с управляющей организацией, управляющим-индивидуальным предпринимателем, то данные лица несут перед ней

гражданско-правовую ответственность, поскольку природа этих отношений гражданско-правовая. Если речь идет о руководителе-физическом лице, то двойственный правовой статус данного лица свидетельствует о том, что оно несет как гражданско-правовую, так и трудовую ответственность. При этом трудовая ответственность исчерпывается дисциплинарной ответственностью, поскольку материальная ответственность «поглощается» гражданско-правовой. Соответственно, природа юридической ответственности в данном случае так же носит комплексный характер и зависит от сферы правоотношений, в которой происходит правонарушение. Если генеральный директор нарушает правила трудового распорядка, ненадлежащим образом выполняет свои трудовые обязанности, то он привлекается к дисциплинарной ответственности, а если причиняет имущественный вред корпорации – то к гражданско-правовой.

Литература

1. Карабельников Б.Р. Трудовые отношения в акционерных обществах. М.: Статут, 2001.
2. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005.
3. Кулинская А.В. Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа акционерного общества // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 11 / под ред. О.Ю. Шиловцова. М.: Норма, 2007.
4. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010.
5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 02.03.2015 № Ф06-20648/2013, Ф06-20649/2013 по делу № А12-31975/2013 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2019).
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2019).
7. Санникова Л.В. Договор найма труда в России. М.: МТ-Пресс, 1999.
8. Степанов П.В. Правовая квалификация отношений, возникающих между единоличным исполнительным органом и акционерным обществом // Хозяйство и право. 2002. № 12. С. 92–97.

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ

Я.А. Коновальчиков

Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск
jarush999@mail.ru

Нейтрализация права предполагает невозможность его реализации вследствие установления законодателем слишком сложных и запутанных правовых механизмов для этого. Это особенно опасно, когда речь идет о реализации конституционных прав.

Политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти. При анализе действующего законодательства нами выявлены признаки нейтрализации права политической партии на участие в выборах.

1. Отсутствие корреляции между численностью политической партии и электоральной поддержкой выдвигаемых ею кандидатов на выборах. Цель подписных листов как избирательных документов заключается в отражении уровня поддержки выдвигаемых политическими партиями кандидатов (списка кандидатов) избирателями. Ту же цель согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации [5] имеет установление количественного критерия создания политической партии, отражающего наличие у нее значительной поддержки в обществе. Таким образом, если политическая партия зарегистрирована, значит, количественный критерий соблюден, а, следовательно, поддержка избирателей доказана. Кроме того достоверность количества членов политической партии подлежит проверке путем предоставления их списка. Логически возможно прийти к выводу, что зарегистрированная политическая партия, выдвигающая кандидатов (список кандидатов), имеет поддержку избирателей, как минимум по количеству ее членов, а подтверждение поддержки путем предоставления подписных листов является дублирующей процедурой. Однако для такого утверждения необходимо учитывать последние изменения законодательства о минимальной численности политической партии [4], но при условии, что политическая партия не ограничена в максимальном количестве своих членов. В этой связи необходимо упомянуть работу А.Е. Любарева, который в 2010 году проводил исследование по выявлению взаимосвязи между численностью политических партий и уровнем ее общественной поддержки [1. С. 462–469]. Благодаря статистическому методу автор пришел к выводу, что численность политической партии и ее поддержка избирателями мало связаны друг с другом. В качестве возможных причин он назвал фальсификацию списков членов политической партии, а также способ наращивания численности без установления реального желания граждан поддержать партию. С таким

выводом согласиться нельзя, поскольку он юридически не аргументирован, не подтвержден судебными документами, выявившими фальсификацию или иные злоупотребления.

2. Завышенные требования к заполнению и заверению подписных листов. Форма подписного листа как избирательного документа установлена в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3]. Обязательное условие действительности подписного листа – его заверение. Каждый подписной лист должен быть заверен подписью лица, осуществлявшего сбор подписей избирателей. При заверении подписного листа лицо, осуществлявшее сбор подписей избирателей, собственноручно указывает свои фамилию, имя и отчество, дату рождения, адрес места жительства, серию, номер и дату выдачи паспорта или документа, заменяющего паспорт гражданина, наименование или код выдавшего его органа, а также ставит свою подпись и дату ее внесения. Кроме того каждый подписной лист с подписями избирателей в поддержку выдвижения списка кандидатов должен быть заверен уполномоченным представителем политической партии. При заверении подписного листа уполномоченный представитель политической партии напротив своих фамилии, имени и отчества собственноручно ставит свою подпись и дату ее внесения. Стоит отметить, что акт заверения подписного листа совершенно не означает достоверность и действительность проставленных в нем подписей избирателей в смысле избирательного законодательства. Несмотря на заверение, подписи все равно подлежат проверке, а отсутствие заверения является самостоятельным основанием для недействительности подписного листа. При этом лица, заверяющие подписные листы, несут уголовную ответственность по статье 142 Уголовного кодекса Российской Федерации (фальсификация избирательных документов) [2]. В связи с этим установление столь строгой меры юридической ответственности и одновременно невозможность принять избирательной комиссией подписные листы без проверки вызывает недоумение. В таком случае столь сложный механизм заполнения и заверения подписных листов следует воспринимать как искусственное препятствие для политических партий при регистрации списка кандидатов.

Приведенные способы нейтрализации права политической партии на участие в выборах не являются исчерпывающими, однако подтверждают, что избирательное законодательство нуждается в изменениях.

Литература

1. Любарев А.Е. Является ли численность партии индикатором ее общественной поддержки // Право и политика. 2010. № 3. С.462–469.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.07.2018) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002.

№ 24. Ст. 2253.

4. Федеральный закон от 02.04.2012 № 28-ФЗ (ред. от 23.05.2015) «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 15. Ст. 1721.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2005 № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

ПРОБЛЕМА ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С.С. Коновальчикова

Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск
zsnsso@mail.ru

Достаточно обширная практика, касающаяся права на жилище, представлена в решениях конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Эта практика достаточно интересна с позиции возможности выделения применяемых при реализации конституционного права на жилище ограничений, которые влекут нарушение права на жилище. Условия реализации права на жилище определяются жилищным законодательством, которое согласно пункту «к» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Соответственно, субъекты Российской Федерации правомочны принимать нормативные правовые акты, регулирующие реализацию конституционного права на жилище. Можно выделить следующие ограничения права на жилище.

1. В нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, регулирующих право на жилище, закрепляются условия, которые приводят к наступлению различных правовых последствий для равных субъектов [8; 9]. В силу требований Конституции Российской Федерации права и свободы гражданина могут быть ограничены только федеральным законом, но не нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации. Соответственно, если федеральный закон не ограничивает право на жилище некоторых категорий граждан в зависимости от наступления определенных условий, то субъект Российской Федерации не вправе ввести такое регулирование.

2. Правовая неопределенность нормы в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации влечет ограничение права на жилище при ее правоприменении [6; 7]. Так, норма предоставления площади жилого помещения взамен изымаемого, без установления в ней определенности, на какую категорию граждан она распространяется (на гражданина в составе семьи или одиноко проживающего гражданина), приводит к императивному

применению ее в отношении любого переселяемого гражданина, что нарушает право на жилище.

3. Несоздание условий реализации права на жилище в субъекте Российской Федерации может быть расценено как его ограничение [5; 3]. Указанное возможно, в том числе, в связи с непринятием ключевых нормативных правовых актов, обеспечивающих реализацию права на жилище. Кроме того, неопределенность в вопросе о способе реализации соответствующего права создает противоречивый правовой механизм его реализации, в результате чего ставится под вопрос сама возможность реализации гражданами конституционного права на жилище.

4. Реализация права на жилище в субъекте Российской Федерации ставится в зависимость от каких-либо дополнительных условий, не предусмотренных в законодательстве Российской Федерации (наличие «прописки», ценз проживания, согласие иных собственников, ТСЖ или ЖСК, наличие справок об отсутствии задолженности за коммунальные услуги) [4; 2; 1]. Закон должен иметь четкие критерии для принятия решений органами государства и органами местного самоуправления, которые исключают возможность произвольного решения. Отсутствие таких критериев в законе может привести к тому, что в случае обращения гражданина в суд за защитой своих ограничиваемых прав суды ограничатся лишь формальной проверкой. Также одной из причин может являться то обстоятельство, что, несмотря на изменения в действующем законодательстве, положения нормативного правового акта субъекта Российской Федерации, вводящие дополнительные условия для реализации конституционного права на жилище, не изменены и не отменены соответствующими органами государственной власти, а также не признаны утратившими силу или недействующими решением суда, то есть продолжают действовать и применяться.

Несомненно, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации благодаря своим решениям способствуют совершенствованию нормативно-правового регулирования обеспечения права на жилище в субъектах Российской Федерации, а также в целом деятельности органов публичной власти в этой сфере. Кроме всего прочего, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации играют немаловажную роль в защите конституционного права на жилище, которая происходит не только путем рассмотрения конкретных жалоб, но также путем толкования положений нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. К сожалению, в настоящее время только в 15 из 85 субъектов Российской Федерации сохраняются конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, что заметно снижает доступность регионального конституционного контроля как средства обеспечения и защиты конституционного права на жилище.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда Республики Северная Осетия – Алания от 08.07.2004 // URL: <http://www.ksrso.ru/> (дата обращения:

01.06.2019).

2. Постановление Уставного суда Санкт-Петербурга от 20.12.2004 № 069-П // URL: <http://www.spbustavsud.ru> (дата обращения: 01.06.2019).

3. Постановление Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) от 14.06.2007 № 6-П // URL: <https://ks.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2019).

4. Постановление Уставного Суда Санкт-Петербурга от 19.06.2007 № 035-П // URL: <http://www.spbustavsud.ru> (дата обращения: 01.06.2019).

5. Постановление Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) от 12.11.2010 № 7-П // URL: <https://ks.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2019).

6. Постановление Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) от 24.06.2011 № 3-П // URL: <https://ks.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 01.06.2019).

7. Определение Уставного Суда Свердловской области от 26.03.2012 // URL: <http://www.ustavsud.ur.ru> (дата обращения: 01.06.2019).

8. Постановление Уставного Суда Калининградской области от 08.08.2017 № 6-П // URL: <http://www.ustavsudkldg.ru> (дата обращения: 01.06.2019).

9. Постановление Конституционного Суда Республики Ингушетия от 18.03.2019 № 21-П // URL: <http://ks-ri.ru> (дата обращения: 01.06.2019).

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЮЗА КАК ПРЕДШЕСТВЕННИКА ТРАСТА

А.А. Конопацкий

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
KonopaciyaA@yandex.ru

Траст – соглашение, в силу которого физическое лицо (трасти) владеет имуществом как его номинальный собственник в интересах одного или нескольких бенефициаров [4].

Родиной траста является Англия. В дальнейшем институт траста распространился вместе с английской системой права на другие страны, бывшие подконтрольными Англии. В настоящее время траст имеется в правовых системах, основанных на английском праве, таких как США, Канада, Австралия, остров Мэн, Британские Виргинские острова, Багамские острова и др., а также в ряде юрисдикций, имеющих смешанную правовую систему, но воспринявших английскую модель траста (острова Гернси, Джерси, Сейшелы и др.) [2. С. 266].

Примерно до XVII века, траст именовался «use» (далее – юз). Вопрос самого происхождения (в том числе дата) юза остается до сих пор открытым, а ученые расходятся во мнениях относительно того, откуда и когда юз берет

свое начало. На этот счет существует пять теорий: римская теория, немецкая теория, романо-германская, исламская теория, английская теория.

I. Римская теория.

Положения римской теории сводятся к тому, что юз был создан по образцу римского фидеикомисса [5. Р. 1180]. Римская теория предполагает, что духовенство ввело фидеикомисс в Англию в виде юза, чтобы обходить запреты на передачу имущества и земли во владение церкви, наложенные соответствующими статутами. Противники римской теории считали, что любые сходства между фидеикомиссом и юзом являются чисто внешними. Помимо этого юз редко возникал в силу завещания.

II. Немецкая теория.

Немецкая теория происхождения Английского траста, выдвинута О. В. Холмсом и Ф. У. Мэйтлендом [5. Р. 1182]. По мнению Холмса, юз произошел из Салмана или Тройханда раннего Немецкого права [3. Р. 42]. При этом, термин тройханд (тройхандлер) произошел от «treue Hand» – «верная рука», т.е. тот, в верную руку которого, передали имущество [1. С. 208]. А термин Салманнус (the Salmannus – прим. авт.) произошел от «sala», что значит «передавать» [5. Р. 1182]. Салманнус был третьей стороной, которому доверено передать имущество первоначального собственника, назначенному им бенефициару после смерти первоначального собственника. Сторонниками немецкой теории указывалось, что Салманнус был привнесен в английскую правовую систему вместе с Норманнским завоеванием XI века. В качестве возражения относительно положений немецкой теории, указывается на поверхностность сходства Салманнуса и Английского юза, а также на отсутствие конкретных доказательств, что Салманнус использовался норманнскими племенами в XI веке [5. Р. 1182–1183].

III. Романо-германская теория.

Автором данной теории также является Ф. У. Мэйтлэнд [3. Р. 42–43], согласно которой юз сформировался на основе совместно римского и немецкого законов. В качестве критики данной теории, приводились те же основания и аргументы, что и у римской, и немецкой теорий.

IV. Исламская теория.

В соответствии с данной теорией, основой для юзов и будущих трастов стал вакф. Положения данной теории гласят, что юзы были привнесены в английскую правовую систему крестоносцами, возвращающимися с Ближнего Востока, для обхода негативных элементов феодального землевладения [3. Р. 43]. По другой версии, вакф был внедрен в Англии Францисканскими монахами, также возвращающимися из крестовых походов XIII века. Исламская теория происхождения юза получила наименьшее количество критики. Вакф и английский юз являются практически идентичными институтами по цели и структуре. В обоих есть учредитель, трасти и бенефициар и оба использовались для обхода запретов на права собственности и передачу имущества. Единственное существенное отличием вакфа от юза заключается в том, что вакф должен применяться исключительно в

благотворительных целях [5. Р. 1184-1185].

V. Английская теория.

Предложена профессором Дж. Б. Эймсом. Согласно данной теории юза не было континентального предка. Скорее, это отпрыск английского Лорда-канцлера, и датой появления является время, когда был издан первый указ о защите прав бенефициара, т.е. в начале XV века [3. Р. 43]. Д.Т. Смит отмечает, что ответ на вопрос: «был ли юз известен где-либо еще до появления в Англии?» определяется ответом на другой вопрос: «когда юз впервые появился в Англии?» [3. Р. 44]. Ответ на последний вопрос зависит от того, какой точки зрения (теории) происхождения юза придерживаться.

Во времена, когда земля была основной формой благосостояния римский фидеикомисс, салический салманнус, английский юз и исламский вафф, все они появились и получили свое развитие как выход из непростой ситуации, сложившейся на момент их появления:

- негибкость и строгость существовавших правовых систем;

- ограничение прав собственников имущества по распоряжению имуществом, в том числе в вопросе назначения наследников, и сохранения имущества за семьей собственника.

В таких условиях английский юз мог возникнуть «самостоятельно», без какого-либо примера или предка. И в таком случае единственно верной окажется английская теория происхождения юза. Однако, за давностью времен и отсутствием неопровержимых доказательств, подтверждающих или опровергающих какую-либо из теорий происхождения юза, достоверно точно установить точную дату происхождения юза и источник его происхождения, представляется невозможным.

Литература

1. Виноградов П.Г., Владимирский-Буданов М.Ф. Сборник Законодательных Памятников древнего западно-европейского права. Выпуск первый. Lex Salica. Киев, 1906.

2. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. – 3-е изд., перераб. И доп. – М.: Международные отношения, 2016.

3. David T. Smith. The Statute of Uses: A Look at Its Historical Evolution and Demise. Case Western Reserve Law Review Volume 18, Issue 1, 1966.

4. <https://en.oxforddictionaries.com/definition/trust>.

5. The Origin of the English Trust [From Loring and Rounds: A Trustee's Handbook (2012)].

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ

Н.А. Константинова

Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского
Natalie_alex@mail.ru

В настоящее время партнерские отношения между представителями бизнеса и государством осуществляются посредством заключения государственного контракта.

Законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Бюджетного кодекса Российской Федерации и состоит из Федеральных законов Российской Федерации от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Теоретические основы контрактной системы в России и за рубежом рассмотрены в трудах ряда авторов, таких как Парфирьева Е.Н., Нуруллина А.И. [1], Седова М.В. [2], Федорович В.А., Патрон А.П., Заварухин В.П. [3], Фисунов К.В. [4], Черемухин С.А. [5], Юрченко Е.В. [6] и др.

Автором был проанализирован механизм осуществления государственных закупок на примере деятельности Государственного учреждения – Иркутского регионального отделения Фонда социального страхования Российской Федерации. В результате анализа был выявлен ряд проблем, для решения которых предлагается рассмотреть возможность внесения изменений в Федеральный закон № 44-ФЗ и другие нормативно-правовые акты по следующим направлениям.

Сократить сроки, предусматривающие возможность опубликования извещения о проведении закупки и документации о закупке, по истечении 10 дней с момента внесения изменений в план-график закупок на более короткий срок, например, 3 – 5 календарных дней, либо исключить указанный срок и предусмотреть возможность размещения документации о закупке в день, следующий за днем внесения изменений в план-график.

При объявлении электронного аукциона на сумму свыше 3 млн рублей сократить срок подачи заявок на участие в электронном аукционе, составляющий 15 календарных дней, на более короткий срок, например, 10 календарных дней.

При заключении государственных контрактов по результатам электронных аукционов контракт может быть заключен не ранее 10 дней с момента рассмотрения вторых частей заявок на участие в аукционе и не

позднее 20 дней. Сократить предусмотренные сроки на 5 дней и 10 дней соответственно.

Предусмотреть сроки подачи заявок при проведении запросов котировок, составляющие 4 рабочих дня при осуществлении закупки путем проведения запроса котировок на сумму, не превышающую 250 тыс. рублей, и 7 рабочих дня при осуществлении закупки путем проведения запроса котировок на сумму, не превышающую 500 тыс. рублей, те же сроки только в календарных днях.

Введение отдельного порядка проведения закупок ТСП (изделий) либо осуществление закупок ТСП (изделий) только конкурентным способом определения поставщика – конкурсом с ограниченным участием в соответствии со статьей 56 Федерального закона № 44-ФЗ, с установлением Постановлением Правительства Российской Федерации дополнительных требований к участникам закупок отдельных видов товаров – ТСП (изделий), закупки которых осуществляются путем проведения конкурсов с ограниченным участием, двухэтапных конкурсов, закрытых конкурсов с ограниченным участием, закрытых двухэтапных конкурсов или аукционов.

Осуществление закупок ТСП (изделий) конкурентными способами и заключение государственных контрактов с учетом возможности неприменения ограничений, предусмотренных Федеральным законом от 26.07.2006г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»:

- внесение изменений в части возможности включения требований о предоставлении документов, подтверждающих репутацию поставщиков, других требований к участникам;

- определение отдельных критериев для отбора поставщиков ТСП, например, опыт участника по успешной поставке аналогичных товаров (сопоставимого характера и объема);

- обеспеченность материально-техническими ресурсами, необходимыми для своевременного и в полном объеме исполнения контракта;

- дифференциация ответственности (графики);

- включение ответственности контрагентов по ГК на поставку ТСП в КоАП т. к. это является государственной услугой;

- внесение в НПА положений в части защиты прав инвалидов от недобросовестных действий поставщиков с возможностью применения мер ответственности.

Таким образом, организация системы государственных закупок в России обладает рядом явных недостатков, устранение которых будет способствовать более планомерному участию государства в развитии экономики.

Литература

1. Парфирьева Е. Н., Нуруллина А. И. Анализ контрактной системы в сфере государственных закупок за рубежом // Вопросы экономики и управления. 2018. №1. С. 14–17. URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/78/2809/> (дата обращения: 16.05.2018).

2. Седова М.В. Контрактная система России как новый финансовый инструмент // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2014. № 4(20). С. 138–142.

3. Федорович В.А., Патрон А.П., Заварухин В.П. США: Федеральная контрактная система и экономика: Механизм регулирования. М.: Наука, 2002. 926 с.

4. Фисунов К.В. Оценка эффективности реализации государственного заказа в контрактной системе Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. №20. – Шевченко Л.И. Регулирование отношений поставки: теория и практика. СПб.: Изд. «Юридический центр Пресс». – 2002. – 286 с.79–81 с.

5. Черемухин С.А. Развитие экономических отношений в системе государственных закупок как условие модернизации экономики России: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Тамбов, 2010.

6. Юрченко Е.В., Юрченко А.А. Методика оценки эффективности контрактной системы Российской Федерации // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/8723> (дата обращения: 16.05.2017).

УСТРАНЕНИЕ ПРОЦЕДУРНЫХ БАРЬЕРОВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Д.С. Лебедев

Новосибирский государственный университет экономики и управления
Dmi3lebedev@gmail.com

Человек за свою жизнь не может не столкнуться с рядом государственных процедур, требуемых для получения, подтверждения или ликвидации определенного правового статуса. Все процессы и события в жизни среднестатистического гражданина Российской Федерации так или иначе регулируются через систему государственного управления: начиная с момента рождения, получения паспорта, заключения брачного договора, рождения ребенка и заканчивая смертью. Все эти факты человеческой экзистенции порождают общественные отношения, которые являются предметом административного права и административных процедур как инструмента, необходимого для предоставления государственной услуги, имеющей конечный результат.

Исходя из этого, государственное управление и государственный аппарат в целом ставят своей задачей регламентировать как можно большее количество общественных отношений. С чем это связано? Существует масса причин. К примеру, финансовая система Российской Федерации построена по бюджетному типу, это означает, что основная часть, 70-80 процентов, национального дохода страны перераспределяется через систему гос. бюджетов и внебюджетных фондов. Это один пример из множества. Все

сферы жизни человека тесно связаны с гос. аппаратом и зависят от него, напрямую или косвенно. У этого тоже есть причина. В 70-х годах 20 века «традиционное государство» довольствовалось налоговыми поступлениями на уровне 7-8 процентов национального дохода, позволявшими ему финансировать только основные институты власти, к 2000-2010 годам они возросли до 30–55 процентов [5]. В 20 веке все богатые страны мира перешли от баланса, при котором налоги и государственные расходы составляли менее десятой части национального дохода, к балансу, при котором на эти цели уходит от трети до половины национального дохода. Увеличив налоговое бремя на национальный бизнес и население, государства расширили свои задачи — от исполнения исключительно силовых функций они перешли к широкому объему полномочий, цель которых — обеспечение всеобщего благосостояния и социального мира (финансирование социального обеспечения, прежде всего пенсионной системы, здравоохранения, образования, культуры).

Для выполнения всех, столь различных друг от друга, задач, необходимо также определить разновидности процедур. К примеру, Белых В.С. теоретизировал следующие типы административных барьеров [2].

I. Препятствия, возникающие при получении доступа к ресурсам и правам собственности на них (регистрация предприятия, регистрация изменений в статусе предприятия, его уставных документах, получение права на аренду помещения, доступ к кредитам, лизингу оборудования и т.п.);

II. Барьеры при получении права на осуществление хозяйственной деятельности (лицензирование деятельности, регистрация товаров, сертификация товаров и услуг и т.п.);

III. Барьеры при текущем осуществлении хозяйственной деятельности (санкции за нарушения установленных правил, согласование принимаемых решений с контролирующими организациями, получение различных льгот).

Даже полнота и всеобъемлющий характер вышеперечисленных барьеров не может справиться со структурной проблемой в органах, оказывающих услуги населению. Неважно насколько хорошо проработаны регламенты и законодательная база, если реализация в текущих условиях невозможна. К примеру, в области медицины установлены нормы времени на одно посещение пациентом врача-специалиста, у врача-терапевта это, к примеру, 15 минут. А административное право никак не регулирует данный вопрос, мало того, нет чётко установленного, минимального количества «окон-специалистов» [3; 4]. Данная неточность порождает лишь живые очереди и недовольство среди пользователей услугами. Что в результате снижает деловую активность населения. Государство решило обратиться к западной практике и создать более «свежий» способ предоставления государственных услуг. Этим способом является создание электронного сервиса «Госуслуги».

Задача, которая стояла перед людьми, его создавшими и придумавшими, была упростить и ускорить процесс подачи и получения

государственных и муниципальных услуг. Само собой, создание электронного портала, который всегда доступен и удобен, должно было поднять деловую активность населения путем устранения очередей, беготни по инстанциям, бумажной волокиты и как результата потери огромного количества времени. Также за счет «простоты» должна была заинтересоваться незаинтересованная часть населения – молодёжь. Следовательно, основной задачей было покрытие как можно большего количества общественных отношений, которые не были задействованы ранее. Но, увы, очередей это не убрало, и общее количество действий, необходимых для получения услуги, только увеличилось или не изменилось.

Стоит отметить, что похожая практика уже давно наблюдается в мире, и все развитые страны рано или поздно ставят на свое вооружение подобные электронные сервисы. Некоторые государства, к примеру, США применяют точечные преобразования в государственных сервисах, а такие страны, как Австралия и Канада, прибегли к полной переработке пространства оказания гос. услуг потребителям. В любом из приведенных случаев главную роль играет внедрение методов «цифровой экономики», то есть перевод сервисов в онлайн режим. Одновременно с этим важен учет интересов граждан, которые не пользуются интернетом. США уже длительное время назад начали делать акцент на переходе к мобильному использованию сервисов по получению гос. услуг. Основным «адресатом» реформ является население, а не бизнес. Но, даже учитывая это, одной из сильнейших сторон данных преобразований является отсутствие сторон, проигрывающих от проводимых изменений по упрощению взаимодействия государственных органов как поставщика услуг и населения как их потребителя.

Вопрос относительно мер, необходимых для борьбы с избытком процедур, основанный на анализе статистики и отчетов Минэкономразвития НСО, будет приведен в полной версии статьи.

Литература

1. Александр Трухин «Канцелярия больше не пускает» / Российская газета // [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <https://rg.ru/2012/05/29/barieri.html> (дата обращения: 05.07.2019).

2. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. – «Проспект», 2010 г. // [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <http://base.garant.ru/5854276/> (дата обращения: 05.07.2019).

3. Методические рекомендации по ведению и заполнению типового реестра версии 4.0 [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: http://pgu-support.ru/web/spgu/17?p_p_id=54_INSTANCE_UJUofNynCML9&p_p_lifecycle=0&p_p_state=pop_up&p_p_mode=view&controlPanelCategory=portlet_54_INSTANCE_UJUofNynCML9&_54_INSTANCE_UJUofNynCML9_struts_action=%2Fwiki_display%2Fview&_54_INSTANCE_UJUofNynCML9_nodeName=Base&_54_INSTANCE_UJUofNynCML9_title=Административные%20процедуры%2

Опредоставления%20услуги%20%28исполнения%20функции%29&_54_INST ANCE_UJUofNynCML9_viewMode=print (дата обращения: 05.07.2019).

4. Постановление Правительства РФ № 373 от 16 мая 2011 года. [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Электронные данные. - Режим доступа: <http://base.garant.ru/12185976/> (дата обращения: 05.07.2019).

5. OECD Personal Income Tax Rates, 2000-2011 // [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <https://taxfoundation.org/oecd-personal-income-tax-rates-2000-2011/> (дата обращения: 05.07.2019).

К ВОПРОСУ О РОЛИ СОСЛОВНО-МЕЩАНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Н.Н. Окутина

Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова,
г. Ульяновск
ocutina@mail.ru

Масштабная городская реформа Екатерины II продолжает оставаться предметом многочисленных научных дискуссий. Созданные в результате реформирования институты сословного управления некоторые считают компиляцией западноевропейской модели управления на местах, другие – одним из видов общинных «народных» формирований, традиция создания которых относится ещё к Древнерусскому государству. В данном докладе мы намерены продемонстрировать, что сформированные сословные корпорации в лице мещанских обществ в конце XVIII в. являлись весьма удачной формой организации самого многочисленного городского населения Российской империи. Именно в составе сословной общины мещане получали право участия в формировании органов местного самоуправления, исключительного внутрисословного управления, являлись носителями определённой правовой культуры, взаимодействовали с органами государственной власти.

Как полагал русский историк права Н.Л. Дювернуа, «история образования сословий в России значительная иная, чем на западе... само государство, сама центральная власть, для своих целей, для целей службы и тягла, стремится организовать сословные формы» [2. с. 331]. Профессор права и публицист утверждал, что сословиями являются «отдельные группы подданных, между которыми сам закон установил наследственные преимущественно различия в правах и обязанностях. Следовательно, сословия по самой своей природе, являются учреждением государственным» [1. с. 210].

Собственно Жалованная грамота городам 1785 г. способствовала развитию правовых форм взаимодействия населения с органами власти. В рассматриваемый период государство делегировало органам мещанского

самоуправления ряд своих полномочий. В частности, миграционного учёта, сбора обязательных платежей и налогов, определяли порядок несения членами рекрутской повинности, применение наказаний в отношении членов обществ вплоть до административной ссылки в Сибирь.

Анализируя современное правовое состояние институтов самоорганизации граждан, следует отметить прогрессивность положений Грамоты. Публично-правовой статус члена мещанского общества предоставлял мещанам право участия не только в сословном, но и городском управлениях. Представители имели право представительства в Общей и Шестигласной думах, общем собрании градского общества, сиротском суде. Мещанские общества, имевшие правовой статус юридического лица, были наделены правом выбора должностных лиц, раскладки натуральных повинностей, осуществления обязательных сборов и налогов, ведения посемейных списков, выдачи паспортов. В составе сословных корпораций на мещан были возложены ряд социальных обязательств по оказанию поддержки неимущих членов, детей, оставшихся без попечения, сирот, пожилых и т.д. Делегирование созданным сословным формированиям часть государственных полномочий способствовало повышению общего уровня правовой культуры, как основного элемента правового государства.

Важной функцией мещанского схода являлось доведение до сведения членов общества нормативных правовых актов, разъяснение их отдельных положений, порядок правоприменения. В рамках выполнения функций в составе органов городского управления представители мещанских корпораций принимали участие в нормотворческой деятельности. Что в целом способствовало эффективному решению возникающих коллизий, взаимной ответственности и повышению общего уровня правовой культуры населения, повышению информированности населения, результативности осуществления части государственных полномочий, полномочий органов городского и сословного управлений. Это способствовало соблюдению подданными законов, осознанию своей ответственности перед государством и обществом, содействию в поддержании правопорядка, профилактике противоправных деяний, в том числе и формирование негативного отношения к коррупционным проявлениям.

В целом система сословного управления способствовала формированию системы управленческих кадров, полномочий органов власти на местном уровне, дальнейшему реформированию системы управления на местах. Анализ деятельности мещанских обществ демонстрирует ряд негативных тенденций, препятствующих развитию данных сословных органов. В частности, речь идёт о существовании «круговой поруки», отсутствии необходимого финансового обеспечения мещанских органов, наличие многочисленных правовых пробелов, отсутствие единого нормативного правового акта, регламентирующего деятельность как сословных организаций в целом, так и мещанского общества в частности.

В рассматриваемый исторический период в составе органов городского управления преимущественно осуществляли деятельности представители купечества и мещанства. Т.е. именно они выступали субъектами правовой деятельности, осуществляли контроль за выполнением обязанностей горожан и в некоторой степени выступали гарантами их государственных прав. Важно отметить, что столь обширными полномочиями в области городского управления члены мещанских корпораций больше никогда не обладали. Последующие в XIX в. реформы местного управления определили всесословное городское управление, основанное на куриальном принципе, ограничение правоспособности мещанских обществ наряду с усилением контроля со стороны государства за их деятельностью.

Литература

1. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901.
2. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1902. Т.1. Вып. 2.

ОСНОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ УЧРЕДИТЕЛЕЙ (УЧАСТНИКОВ) К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ КОРПОРАЦИИ: КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Т.В. Сидорова

Северо-Западный филиал Российского государственного
университета правосудия, г. Санкт-Петербург
s.tanya951995@mail.ru

Одним из признаков корпорации как юридического лица является ее самостоятельность. Корпорация способна от своего имени приобретать и осуществлять права и обязанности, а также самостоятельно нести имущественную ответственность принадлежащим ей имуществом, выступать истцом и ответчиком в суде.

Несмотря на наличие разграничения ответственности корпорации и ее учредителей, законодательством Российской Федерации предусмотрен ряд оснований, когда учредители (участники) корпорации могут быть привлечены к ответственности по обязательствам своей организации. Однако при применении норм, устанавливающих случаи привлечения учредителей (участников) к ответственности, в нынешнем законодательстве наблюдается ряд противоречий.

Так, Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон «Об АО») установлено, что «акционеры, не полностью оплатившие акции, несут солидарную ответственность по обязательствам общества в пределах неоплаченной стоимости принадлежащих

им акций» [9. Ст. 2]. Аналогичная норма содержится в Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - Закон «Об ООО») [7. Ст. 2]. Вместе с тем положением Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) установлено, что «участники общества несут субсидиарную ответственность по его обязательствам, возникшим до момента полной оплаты уставного капитала» [1. Ст. 66.2].

Все три нормы касаются ответственности учредителя за неисполнение им своей обязанности по оплате уставного капитала. Однако при анализе видов ответственности, предусмотренных названными федеральными законами, очевидна прямая коллизия между нормами ГК РФ и ст. 2 Закона «Об ООО» и Закона «Об АО». В связи с этим, предлагаем определиться, какие нормы закона следует применять в рассмотренном случае.

С одной стороны, существует правило приоритета специальной нормы над общей. В данном случае нормы Закона «Об ООО» и Закона «Об АО» выступают специальными по отношению к нормам ГК РФ.

С другой стороны, в пользу ГК РФ говорят положения Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса РФ ...», согласно которым «до приведения нормативных правовых актов Российской Федерации в соответствие с положениями ГК РФ данные нормативные правовые акты применяются постольку, поскольку они не противоречат положениям ГК РФ» [6. Ст. 3].

Вместе с тем приведенное положение подверглось критике среди юристов, по той причине, что установило приоритет норм кодекса над нормами других федеральных законов [2]. Так, в соответствии со ст. 76 Конституции РФ ни один федеральный закон не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой. Конституционный Суд РФ, в своем Определении № 182-О также отрицал главенство одного федерального закона (в том числе кодифицированного) над другим федеральным законом [3]. Однако, в более позднем Постановлении № 13-П Конституционный суд РФ изменил свою позицию и подтвердил приоритет кодифицированного акта над федеральными законами [4].

По мнению автора, в ранее рассмотренном случае приоритет следует отдать ст. 66.2. ГК РФ по следующим причинам: во-первых, «нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Гражданскому Кодексу» [1. Ст. 3]. Во-вторых, невозможно игнорировать ранее приведенные положения Федерального закона № 99-ФЗ. Кроме того, следует учитывать, что ст. 66.2 ГК РФ была принята позднее ранее анализируемых статей Закона «Об ООО» и Закона «Об АО». Профессор И.С. Шиткина также подтверждает, что при разрешении противоречий между нормами федеральных законов и ст. 66.2. ГК РФ будет подлежать применению норма ГК РФ [10].

Еще один случай привлечения участника к ответственности по обязательствам корпорации – это субсидиарная ответственность участника при банкротстве организации. Закрепление в законе данного основания

привлечения к ответственности также не обошлось без юридических коллизий.

Так, согласно положениям Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве), «если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника» [8. Ст. 61.11]. При этом Законом о банкротстве предусмотрен ряд обстоятельств-презумпций, когда вина контролирующего лица (в т.ч. учредителя) прямо предполагается, а причинно-следственная связь между действиями учредителя и банкротством организации считается установленной. За счет предусмотренных презумпций, Закон о банкротстве предоставляет кредиторам реальную возможность привлечь учредителя/участника к субсидиарной ответственности.

Противоположная ситуация наблюдается в норме Закона «Об АО», согласно которой «несостоятельность общества считается вызванной действиями (бездействием) его акционеров ..., только в случае, если они использовали указанные право и (или) возможность в целях совершения обществом действия, заведомо зная, что вследствие этого наступит банкротство общества» [9. Ст. 3].

Исходя из буквального толкования данной нормы, акционеры могут быть привлечены к ответственности только в случае, когда будет доказан их прямой умысел в доведении компании до банкротства. Таким образом, возможность привлечения акционера к субсидиарной ответственности до крайней степени сужена, поскольку подразумевает лишь одно обстоятельство, когда контролирующее лицо может быть привлечено к ответственности, не говоря уже о том, что доказать прямой умысел акционера в доведении компании до банкротства кредиторам будет не просто.

Также наблюдаются некоторые несоответствия норм Закона «Об ООО» положениям Закона о банкротстве, которые, по мнению автора, вызваны несовершенством юридической техники. Согласно п. 3 ст. 3 Закона «Об ООО», «в случае несостоятельности (банкротства) общества по вине его участников..., на указанных участников или других лиц в случае недостаточности имущества общества может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам» [7].

Во-первых, из приведенного положения не ясно, на кого возлагается бремя доказывания наличия/ отсутствия вины контролирующего лица, тогда как п. 10 ст. 61.11. Закона о банкротстве прямо установлено, что «лицо, вследствие действия и (или) бездействия, которого невозможно полностью погасить требования кредиторов, должно самостоятельно доказать отсутствие своей вины в невозможности полного погашения требований кредиторов».

Во-вторых, в п. 3 ст. 3 Закона «Об ООО» используется неоднозначная формулировка относительно возможности привлечения участника к субсидиарной ответственности («может быть возложена»), в то время как в ФЗ

о банкротстве четко определено, что виновное лицо при отсутствии достаточных денежных средств у должника будет нести субсидиарную ответственность.

На основании изложенного, положения Закона о банкротстве вступают в противоречие с продолжающими действовать нормами Закона «Об АО» и Закона «Об ООО». Однако, учитывая последние изменения в законодательстве о банкротстве, направленные на усиление ответственности контролирующих лиц [5], несмотря на возникшую коллизию, у суда не возникнет сложностей в выборе подходящей нормы. Привлекаемые к ответственности лица могут ссылаться на ст. 3 Закона «Об АО» и Закона «Об ООО, для того, чтобы усложнить процесс привлечения их к субсидиарной ответственности, но приоритет будет отдаваться нормам Закона о банкротстве как специальными нормам. Вместе с тем данное обстоятельство не отменяет необходимость приведения законодательных норм в соответствие друг с другом.

Анализ законодательного регулирования института ответственности участника корпорации показал, что данная сфера нуждается в дальнейшем совершенствовании. Для реализации проводимой политики усиления ответственности недобросовестных учредителей корпорации в первую очередь необходимо привести устаревшие нормы Закона «Об АО» и Закона об «ООО» в соответствие со вступившими в силу изменениями законодательства. В противном случае при решении вопроса об ответственности участников корпорации по ее обязательствам противоречивость законодательства может, с одной стороны, выступить средством злоупотребления со стороны недобросовестных участников корпорации; с другой стороны – привести к несправедливому и незаконному привлечению невиновных лиц к ответственности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.

2. О. Филачева. Спорный приоритет. 2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения 15.06.2019).

3. Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.1999 № 182-О // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения 21.06.2019).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения 21.06.2019).

5. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 29.07.2017 № 266-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 31.07.2017. – № 31. – ст. 4815.

6. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса РФ и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 12.05.2014. – № 19. – ст. 2304.

7. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 16.02.1998. – № 7. – ст. 785.

8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 28.10.2002. – № 43. – ст. 4190.

9. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – ст. 1.

10. Шиткина И.С. Корпоративное право: Учебный курс. Т.2. 2018 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения 01.05.2019).

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА И СМЕЖНЫЕ СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

М.С. Сирик

Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Тихорецк
sirik-marina@yandex.ru

Проблема самоубийства в России является чрезвычайно острой. Факт добровольного ухода из жизни в отношении самоубийцы уголовно не наказуем. Уголовный кодекс РФ предусматривает ответственность за доведение до самоубийства одним человеком другого, а также содействие совершению самоубийства, организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

По статистическим данным Интернет-портала «Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации» известно, за 2017 г. по ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» было осуждено 15 человек. В 2018 г. по ч. 1 ст. 110 УК РФ, вкл. 110 до изм. в ред. от 07.06.2017 № 120-ФЗ осуждено 14 человек; по ч. 2 ст. 110 УК РФ – 2 человека; по ч. 1, 2, 4, 6 ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» – 0 человек; по ч. 3 ст. 110.1 УК РФ – 3 человека; по ч. 5 ст. 110.1 УК РФ – 1 человек; по ч. 1 ст. 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» – 0 человек; по ч. 2 ст. 110.2 УК РФ – 1 человек [2].

Последствия по преступлению, предусмотренному ст. 110 УК РФ, наступают непосредственно в результате действий самого потерпевшего, который вынуждается виновным к самоубийству. Анализ действий потерпевшего позволяет выяснить, намерен ли он был совершить

самоубийство. При незавершенном самоубийстве анализ действий потерпевшего позволяет отграничить самоубийство от убийства [5. С. 175–177]. Известно, что преступление совершается в конкретной жизненной ситуации, которая взаимодействует с личностью преступника, вызывает преступные действия, поэтому нельзя игнорировать роль жизненной ситуации в генезисе преступления. Преступная ситуация может выступать поводом к совершению преступления, при этом данное поведение может быть и положительным, и отрицательным [8. С. 94–96].

Объективная сторона преступления состоит в доведении лица до самоубийства или в доведении лица до покушения на самоубийство. В законе дан исчерпывающий перечень уголовно наказуемых способов доведения до самоубийства: угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего, иные способы.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины (прямой или косвенный умысел). Субъектом преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ выступает физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Диспозиция ст. 110 УК РФ доведение до самоубийства в редакции Федерального закона № 420-ФЗ от 07.12.2011 г. излагалась следующим образом: «доведение лица до самоубийства или покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего», законодатель предусматривает исчерпывающий перечень способов доведения лица до самоубийства, за которые виновное лицо может нести наказания. К таким способам относятся угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Преступное деяние будет окончено как с момента биологической смерти, так и с момента покушения на самоубийство [1. С. 271].

Президентом РФ 7 июня 2017 года был подписан Федеральный закон № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». Указанный закон внес изменения в ст. 110 УК РФ относительно квалифицирующих признаков ч. 2 рассматриваемой статьи пунктами: а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, либо в материальной или иной зависимости; б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в) в отношении двух или более лиц; г) по предварительномуговору или организованной группой; д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях. Также дополняет УК РФ ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, выражается в совершении действия, а именно склонения к совершению самоубийства. Склонение к самоубийству наказуемо по ст. 110.1 УК РФ при условии, что такое склонение осуществлялось без угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Для определения момента окончания описываемого преступления следует обратиться к разъяснениям Верховного Суда РФ в части, касающейся определения понятия «склонение». Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2016 № 41 указано, что под склонением следует понимать оконченное преступление с момента совершения указанных действий, независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление или нет [6]. Учитывая позицию Верховного Суда РФ относительно содержания преступного склонения, следует сделать вывод, что по конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 110.1 УК РФ, носит формальный характер.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 110.1 УК РФ, описывает самостоятельный состав преступления, здесь уголовная ответственность установлена за совершение содействия самоубийству, она выражается в форме действия. Содействие означает оказание помощи лицу, решившему совершить суицид. Именно по причине возникновения у лица желания совершить самоубийство следует ограничивать ч. 1 ст. 110.1 УК РФ от ч. 2 ст. 110.1 УК РФ. При склонении к самоубийству виновный побуждает желание у лица добровольно лишиться себя жизни, в случае установления признаков содействия в совершении самоубийства виновный помогает тому, кто уже решил сам совершить самоубийство.

Объективная сторона ч. 1 и ч. 2 ст. 110.2 УК РФ представляет собой организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путём распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства. По конструкции объективной стороны видно, что состав преступления является формальным и преступление признаётся оконченным с момента организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

На сегодняшний день проблема квалификации преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, стоит особенно остро, так как все чаще самоубийства совершают лица, едва ли достигшие совершеннолетнего возраста. Безусловно, человек имеет право самостоятельно решать, жить ему или нет. Однако не стоит забывать, что подтолкнуть или целенаправленно подвести человека к совершению самоубийства мог и преступник.

Несмотря на то, что доведение до самоубийства является делом публичного обвинения, выявить его без заявления потерпевшего (при покушении на самоубийство) или его родственников достаточно сложно, а порой даже невозможно, если некому сообщить о фактах систематического унижения и жестокого обращения [7. С. 118–121].

Практика применения новой редакции ст. 110 УК РФ, а также ст. 110.1 и ст. 110.2 УК РФ покажет целесообразность их существования или необходимость внесения очередных поправок в указанные статьи. Конечно, вводимые новые составы в уголовное законодательство оправданы «взаимосвязью должного и блага, потребностей, интересов и ценностей, взаимосвязи основных сфер общественной жизни, экономических и идеологических отношений» [3. С. 521–528]. Да, история вопроса об ответственности за самоубийство все же не заканчивается – она будет иметь продолжение [4. С. 5–8].

Литература

1. Бриллиантов А.В. Уголовное право России. Общая и особенная части: учебник, 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Проспект, 2015. С. 271.

2. Данные судебной статистики за 1-ое полугодие 2017 г. [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации» / www.cdep.ru (дата обращения: 12.07.2019).

3. Исмаилов Н.О. Этика дискурса Хабермаса в контексте справедливости // Право и политика. 2014. № 4. С. 521–528.

4. Лоба В.Е. Самоубийство сквозь призму уголовного законодательства: историко-правовой аспект // История государства и права. 2012. № 24. С. 5–8.

5. Пирва В.Г. Проблемы квалификации доведения до самоубийства // В сборнике: Современные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни: материалы всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 09 декабря 2016 г.). Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2017. С. 175–177.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета, № 24, 09.02.1999.

7. Сирик М.С. Некоторые дискуссионные аспекты института потерпевшего в уголовном праве // Адвокатская практика. 2007. № 3. С. 28–30.

8. Сирик М.С. Социальные характеристики потерпевшего в преступной ситуации // Ретроспективы и перспективы права. 2011. № 1. С. 94–96.

К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТОЧНОСТИ НАЛОГОВЫХ ДОХОДОВ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ

Д.О. Тарабара

Новосибирский государственный университет
tarabara@list.ru

Эффективность осуществления органами местного самоуправления своих полномочий и обеспечение динамичного социально-экономического развития муниципальных образований напрямую связано с уровнем

финансовой самостоятельности и достаточностью финансовой базы местного самоуправления. К сожалению, слабость финансовой базы местного самоуправления является одной из наиболее существенных его проблем в российских реалиях.

Во-первых, сохраняется зависимость местных бюджетов от бюджетных трансфертов: в 2012 году они составляли 61,8% доходов муниципальных образований, в 2018 году – 64,5%. Даже с учетом того, что более половины от них составляют субвенции, обусловленные делегированием государственных полномочий муниципалитетам, доля иных трансфертов в структуре собственных доходов местных бюджетов остается весьма высокой (и практически неизменной): в 2012 она составляла 46,6%, в 2018 – 46,3%.

Во-вторых, доля местных налогов в структуре налоговых доходов местных бюджетов крайне незначительна – 16,9% в 2018 году (в 2012 году она составляла 15%, в 2015 году – 19%). Основным доходообразующим налогом был и остается НДФЛ, хотя его доля в относительных цифрах незначительно снизилась: с 70,2% в 2012 году до 63,4% в 2018 году.

Два этих факта подводят к однозначному выводу: финансовое положение муниципальных образований практически полностью зависит не от деятельности органов местного самоуправления, а от финансовой обеспеченности и политики субъектов Российской Федерации, на которую они, очевидно, практически не имеют рычагов воздействия. Такое положение дел однозначно не способствует эффективному решению вопросов местного значения и не создает муниципалитетам стимулов для наращивания собственного экономического и фискального потенциала. Из зависимости от вышестоящих бюджетов вытекают и иные проблемы: дефицитность значительной части местных бюджетов (45,3% в 2018 году) и крайне неравномерное распределение доходов по типам муниципальных образований (порядка 55-60% налоговых доходов приходится на городские округа, 27-28% на муниципальные районы и 10-15% на городские и сельские поселения).

Разумеется, государством принимаются меры по укреплению рассматриваемой составляющей экономической основы местного самоуправления, однако основные из них проводятся в русле перераспределения доходов из вышестоящих бюджетов нижестоящим.

Так, в течение последних нескольких лет местным бюджетам были переданы дополнительные источники доходов: часть поступлений от акцизов на нефтепродукты (2,9% или 35,4 млрд. рублей), поступления от единого сельскохозяйственного налога (1,1% или 13,6 млрд. рублей), поступления от единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности (5,2% или 64,3 млрд. рублей), поступления от патентной системы налогообложения (0,6% или 6,9 млрд. рублей) – по итогу данная мера не привела к существенному увеличению доходной базы местных бюджетов.

В большей мере сглаживает ситуацию предоставленное регионам право устанавливать единые нормативы отчислений в бюджеты различных видов муниципальных образований от отдельных федеральных и (или)

региональных налогов и сборов, налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, подлежащих зачислению в бюджет субъекта Российской Федерации. На 2018 год данным правом воспользовались 73 субъекта Российской Федерации, что больше на 19 субъектов по сравнению с 2017 годом. Налоговые поступления, которые таким способом были переданы на муниципальный уровень, оцениваются в 222,1 млрд. рублей или 13,2% от общего объема налоговых доходов местных бюджетов (размер поступлений в районе 10% сохраняется с 2013, но ежегодно отмечается небольшой рост), при этом наибольшая часть поступлений идет с нормативов отчислений по налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения.

Впрочем, в сложившихся реалиях выбрать иную стратегию объективно сложнее. В соответствии с частью 6 статьи 12 Налогового кодекса органы местного самоуправления лишены возможности устанавливать налоги и сборы, не предусмотренные Налоговым кодексом; кодекс, как известно, закрепляет всего три вида местных налогов и сборов, из которых один, торговый сбор, практически не был реализован на практике. Для сравнения в статье 21 Закона РФ "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" был закреплен перечень из двадцати трех местных налогов и сборов. Кроме того, законодательство не предусматривает полномочий органов местного самоуправления по самостоятельному установлению ими и неналоговых (фискальных) сборов без принятия соответствующих нормативных актов на государственном уровне. Практически единственным источником доходов местных бюджетов, всецело зависящим от муниципалитетов, являются средства самообложения граждан, хоть и относящиеся к неналоговым доходам, но имеющие финансово-правовую природу; однако принятие решений о самообложении граждан с помощью местного референдума делает его малопригодным для крупных муниципальных образований (что подтверждается практикой – от 90 до 100% случаев введения разовых сборов в разные годы приходилось на городские и сельские поселения).

Таким образом, можно констатировать, что принцип финансовой самостоятельности местного самоуправления на сегодняшний день является во многом декларативным. Стратегическое решение данной проблемы видится в пересмотре правового режима федеральных и региональных налогов и формировании налоговых доходов бюджетов с позиций децентрализации (что характерно для зарубежных стран, где к местным налогам зачастую относятся транспортный налог, налог на имущество организаций, часть акцизов, а в отдельных случаях - налог на доходы физических лиц), разумеется, вкпе с иными мерами, направленными на повышение устойчивости местных бюджетов и эффективного отправления органами местного самоуправления своих полномочий.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ПОНЯТИЯ «ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Е.М. Терехов

Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии
terehov1989@yandex.ru

В наше время все большее значение приобретает юридическая деятельность, потенциал которой активно используется для обеспечения проводимых реформ в стране, повышения качества нормативно-правового регулирования общественных отношений, усиления эффективности применения норм права.

В самом общем виде юридическая деятельность подразделяется на правотворческую, правоприменительную, правоинтерпретационную разновидности, и если первые два ее вида получили должное внимание в трудах исследователей, то правоинтерпретационная деятельность практически не становилась объектом анализа ученых, что свидетельствует не только об актуальности исследований в заданном направлении, но и подчеркивает необходимость его разработки.

Правоинтерпретационная деятельность служит самостоятельной разновидностью юридической деятельности, для которой характерно наличие собственных целей, средств, инструментов, принципов, функций, классификаций. Однако полноценное ее исследование невозможно без анализа самого определения «правоинтерпретационная деятельность».

Изучение трудов ученых и отдельных нормативных актов показывает, что на данный момент в юридической науке нет единого понимания правоинтерпретационной деятельности, что в конечном счете может привести к получению диаметрально противоположных результатов при анализе данной категории, что ставит под вопрос результативность проведенных исследований в области официального толкования норм права.

Е.В. Васьяковский, анализируя правоинтерпретационную деятельность, указывал, что это авторитетные разъяснения, предоставляемые компетентными органами, в первую очередь органами законодательной власти, касающиеся предмета, действительно подлежащего обсуждению, доведенные до общего сведения [1. С. 191, 194].

П.Е. Недбайло отмечает, что правоинтерпретационная деятельность – толкование органов государственной власти (отдельных должностных лиц), обладающих определенной компетенцией в ходе применения правовых норм [6. С. 346].

А.С. Пиголкин под правоинтерпретационной деятельностью понимает «толкование, носящее обязательный для исполнения характер, реализуемое компетентными органами и формально связывающее исполнителей толкуемой нормы» [7. С. 118].

Н.Н. Вопленко выступает сторонником точки зрения, согласно которой правоинтерпретационная деятельность – «разъяснение смысла и целей правовых норм, осуществляемое компетентными органами и влекущее определенные юридические последствия» [2. С. 11].

Формулировки, предложенные учеными, подчеркивают явно выраженную правоприменительную направленность правоинтерпретационной деятельности, что также выступает неоднозначным моментом, поскольку такая характеристика присуща простому толкованию норм права, но никак не правоинтерпретационной деятельности. К большому сожалению, в рассмотренных терминах не обозначены границы, в рамках которых следует осуществлять правоинтерпретационную деятельность.

Закон Пензенской области «Об официальном толковании законов Пензенской области и постановлений Законодательного Собрания Пензенской области» под правоинтерпретационной деятельностью понимает разъяснение действительного содержания правовой нормы, содержащейся в нормативном правовом акте [5], Закон Орловской области «О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области» говорит, что правоинтерпретационная деятельность есть толкование нормативного правового акта, даваемое уполномоченными органами и должностными лицами, содержащееся в письменном документе [4], а Закон Нижегородской области «О нормативных правовых актах Нижегородской области» под правоинтерпретационной деятельностью понимает толкование, даваемое уполномоченными органами государственной власти, их структурными подразделениями и должностными лицами, содержащееся в специальном акте и влекущее юридические последствия [3].

Стоит констатировать, что понятие «правоинтерпретационная деятельность» нуждается в серьезном осмыслении и проработке. Современной юридической науке требуется модернизировать устоявшиеся представления о ней.

Исходя из этого, под правоинтерпретационной деятельностью предлагаем понимать механизм работы государственно-властных субъектов по раскрытию смысла норм права, реализуемый в определенных рамках (пределах), оканчивающийся изданием интерпретационных актов, вызывающих юридические последствия у субъектов права.

Правильное и точное определение понятия «правоинтерпретационная деятельность» имеет огромное теоретическое и практическое значение. Дело в том, что от этого зависит итог разработки таких важных документов, как Концепция развития правоинтерпретационной деятельности в РФ, а также разработка проекта Федерального закона «Об основах правоинтерпретационной деятельности в РФ». Более того, точное определение понятия «правоинтерпретационная деятельность» будет оказывать единообразное воздействие на имеющие место в отдельных субъектах РФ законы, посвященные региональному официальному толкованию норм права.

Литература

1. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 508 с.
2. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М.: Юридическая литература, 1976. 119 с.
3. Закон Нижегородской области от 10.02.2005 г. № 8-3 (с изм.) «О нормативных правовых актах Нижегородской области» // Правовая среда. 2005. 26 февраля.
4. Закон Орловской области от 15.04.2003 г. № 319-ОЗ (с изм.) «О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области» // Орловская правда. 2003. 18 апреля.
5. Закон Пензенской области от 05.10.2012 г. № 2296-ЗПО «Об официальном толковании законов Пензенской области и постановлений Законодательного Собрания Пензенской области» // Российская газета. 2012. 7 октября.
6. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 511 с.
7. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. 166 с.

ПОЛУЧЕНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕРПЕВШИМИ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ И КОМПЕНСАЦИЮ ПРИЧИНЕННОГО УЩЕРБА

К.А. Тимонин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Фонд поддержки пострадавших от преступлений, г. Москва
timoninkirill@soprotivlenye.ru

Конституция РФ, а именно статья 48, закрепляет, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. В рамках уголовного процесса пользоваться бесплатной юридической помощью в безусловном порядке могут задержанный, заключенный под стражу и обвиняемый в совершении преступления [1]. Потерпевший в перечисленном списке отсутствует. Однако из ч. 2.1 ст. 45 Уголовно-процессуального кодекса РФ следует, что по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем,

следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета [2].

Вопросы оказания бесплатной юридической помощи на территории Российской Федерации регламентируются также положениями Федерального закона от 21.11.2011 N 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [3] и аналогичных законов, но субъектов федерации. Законы субъектов федераций фактически дублируют положения федерального закона без каких-либо добавлений. Одно из немногих исключений – Закон города Москвы от 04 октября 2016 года №49 «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» [4], но и данным законом не предусмотрена возможность для предоставления бесплатной юридической помощи потерпевшим по уголовным делам.

Согласно данным Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ за период с января по май 2019 года на территории России было зарегистрировано 835777 преступлений, за аналогичный период 2018 года было зарегистрировано 819220 преступлений (+2,02%) [5]. Безусловно, факт регистрации сообщения о преступлении не означает, что по данному факту было или будет возбуждено уголовное дело и пострадавший будет признан потерпевшим, но статистика наглядно демонстрирует, что все больше и больше людей становятся жертвами преступлений, особенно против собственности.

В части 1 статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса РФ указано, что предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня возбуждения уголовного дела [2]. На практике данное требование соблюдается при производстве по одному уголовному делу из ста.

В статье 52 Конституции РФ [1] указано, что государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Один из главных принципов осуществления правосудия по уголовному делу – разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ при определении разумного срока уголовного судопроизводства, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства [2].

Потерпевший, как участник процесса, имеет право обратиться в суд, при нарушении разумного срока, с административным иском заявлением о компенсации за нарушение соответствующего срока [6]. Данное исковое

заявление подаётся в соответствии с требованиями Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (главой 26) [7].

Из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [8] следует, что в административном исковом заявлении в обязательном порядке необходимо указывать:

1. Что может служить подтверждением факта непринятии различными должностными лицами мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и необходимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, осуществления предварительного расследования по уголовному делу и установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

2. Размер требуемой компенсации, обоснование.

3. Факты, которые фактически привели к лишению лица права на судебную защиту.

На этапе подготовки и подачи административного искового заявления у потерпевшего и возникает острая необходимость в получении квалифицированной юридической помощи, а в ряде случаев и бесплатной, так как.

Во-первых, большинство потерпевших не обладают юридическим образованием и не всегда могут корректно составить необходимые юридические документы.

Во-вторых, в силу части 1 статьи 55 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ представителями в суде по данной категории дел могут быть только лица, обладающие юридическим образованием. Таким образом, даже близкие родственники, будучи юридически подкованными, не могут быть представителями в рамках процесса.

В-третьих, при определении размера компенсации суд должен принимать во внимание и поведение потерпевшего (обращался ли он с жалобами в надзорные органы, обжаловал или не обжаловал действия (бездействие) должностных лиц при производстве по уголовному делу). Подготовка каждой из жалоб также требует изучения множества юридических аспектов, которые не всегда верно и правильно может толковать даже человек, обладающий юридическим образованием.

Исходя из вышеизложенного, государство гарантирует гражданам право на получение квалифицированной юридической помощи и доступ к правосудию. К сожалению, в рамках действующего законодательства как федерального, так и на уровне субъектов федерации, отсутствует возможность для получения бесплатной юридической помощи потерпевшим в рамках уголовного процесса. Далеко не все категории граждан имеют финансовую

возможность для оплаты услуг юристов и адвокатов, не всегда знают свои права и обязанности.

Обращение в суд с административным исковым заявлением о нарушении разумного срока уголовного судопроизводства является одним из немногих механизмов, стимулирующих работу правоохранительных органов в положительном значении этого слова. Как правило, после вынесения решения в пользу потерпевшего, в отношении должностных лиц правоохранительных органов выносятся различные дисциплинарные взыскания. В результате, расследование уголовного дела начинает происходить в строгом соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса, устанавливаются лица причастные к совершению преступления, дело передается в суд, как итог, потерпевший может взыскать с преступника материальный и моральный вред, причиненный преступлением.

Законодательное закрепление права потерпевшего на получение квалифицированной бесплатной юридической помощи в рамках уголовного процесса позволит с одной стороны получить такую помощь людям, находящимся в тяжелой жизненной ситуации (особенно, когда причинен вред здоровью, либо имуществу человека), с другой стороны, позволит снизить количество уголовных дел, по которым нарушаются сроки, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ, а, следовательно, реализовать права, предусмотренные Конституцией РФ и федеральными законами.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2G3YhWp> (дата обращения: 09.07.2019).

2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 13.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2XV7MkK> (дата обращения: 09.07.2019).

3. Федеральный закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2Jrip7m> (дата обращения: 09.07.2019).

4. Закон города Москвы от 04 октября 2016 года №49 «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/3668435> (дата обращения: 09.07.2019).

5. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 09.07.2019).

6. Федеральный закон от 30.04.2010 N 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2XXNGWY> (дата обращения: 09.07.2019).

7. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.12.2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2YS15Nq> (дата обращения: 09.07.2019).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «СОВЕСТЬ» В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

И.Г. Федин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул
fedinig@mail.ru

По общему смыслу правовые принципы – это прямо или косвенно зафиксированные в законодательстве основополагающие руководящие положения, отражающие своеобразие национальной правовой системы и имеющие прямое регулятивное значение.

Между тем, правовой принцип совести, который в законодательстве России принято выражать понятием «добросовестность», не рассматривается в отечественной науке в качестве начала, отражающего своеобразие национального права. Традиционно, данный принцип рассматривается как концепт, вытекающий из древнеримского *bona fides*, что не является обоснованным, поскольку идея совести пронизывает российскую правовую культуру с древности и до настоящего времени, заставляя субъекта, принадлежащего к соответствующему правосознанию, анализировать любые юридические действия на предмет их соответствия самым высоким эталонам нравственности.

В иностранных языках нет понятия «совесть». На это указала лингвист А.В. Сергеева, по мнению которой: «Слово «совесть» как отдельная лексема отсутствует в европейских языках, поскольку переводится словом производным от латинского *consientia*, что соответствует русскому «знание» [4. С. 137].

Российское законодательство и правовая практика всегда отличалось ориентацией на концепт совести. Например, еще в 1775 году в Российской Империи был учрежден особый орган «Совестный суд», который не имел аналогов в Европе [3. С. 122]. Данный суд был призван рассматривать дела не по закону, а «по совести».

Примечательным является другой пример. Еще в конце XIX века если русский купец давал слово, уже не требовалось подписывать какие бы то ни

было соглашения [1. С. 322]. Данный пример указывает на то, что неформальные совестные акты в деловой практике страны заменяли письменные документы.

Как указал В.В. Сорокин: «В России же всегда признавалось существование естественной духовности. В русском искусстве это называется художественным вкусом, в науке - чувством истины, в религии - Богосозерцанием, а в правовой (а значит, и нравственной) сфере – совестью» [5. С. 3].

Законодательство и на сегодняшний день уделяет существенное внимание развитию данного концепта в праве. Согласно «Основам государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» необходимым является формирование добросовестности как преобладающей модели социального поведения [2]. Существование данных программных актов показывает необходимость, с точки зрения законодателя, поддержания концепта совесть как традиционного регулятора.

Примечательно, что ни один отечественный нормативный акт никогда не обделялся вниманием населения с точки зрения концепта «совесть». Так «мелкое воровство» на заводе было всегда незаметным с точки зрения отечественного правосознания, так как в обществе действует общественное сознание, не совпадающее с законодательными установками. Субъект такого правоотношения в условиях низкой заработной платы всегда рассматривал такие действия как использование «своего имущества» без угрызений совести, хотя в рассматриваемой ситуации нарушались нормы уголовного права. В другом случае совесть этого же субъекта не позволяла ему украсть у ближнего и обязывала отдать последнее страждущему. Все этой полностью совпадает с каноническими предписаниями и евангелие, отсылающими к добросовестности.

Таким образом, принцип совести в российской правовой культуре всегда заставлял производить анализ любого правового акта на предмет правомерности его содержания и добросовестности при его составлении. При этом законодательный акт, противоречащий концепту «совесть», всегда игнорировался населением, тогда как документ, соответствующий идее добросовестности, получал стабильную реализацию.

Если говорить о современности, то совесть продолжает заставлять каждого из нас как представителей отечественной правовой культуры, в первую очередь, анализировать те или иные действия на предмет данного концепта. Обычно это проявляется в высказывании: «Мне совесть не позволит». Это показывает регулятивный потенциал и правовую сущность концепта «совесть».

Именно совесть все чаще заставляет нас задумываться о неправомерности установления искусственного срока устаревания товаров, генной модификации животных и растений, противоестественности легализации наркотиков и однополых браков, как бы усиленно нас не

убеждали в другом. Только для лишенного совести человека такие реалии могут восприниматься как нормальные.

Таким образом, принцип добросовестности в российском праве всегда обязывал корректировать любые правовые акты в сторону их соответствия царящим в российском обществе эталонам нравственности и концепту «совести».

На сегодняшний день официально постулируется, что одной из угроз национальной безопасности является размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Совесть является одной из таких, находящихся в поругании ценностей.

Исходя из этого, сохранение и укрепление рассматриваемого концепта в праве является важнейшей задачей. В законодательной практике для нивелирования правового нигилизма необходимо уделять существенное значение соответствию принимаемых законодательных решений общественной совести. Такой подход приведет к укреплению законодательства и социальных отношений в стране на традиционных началах.

Литература

1. Ефименко А. Исследования народной жизни. Обычное право. Вып. 1. М., 1884.
2. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: Утверждены Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168 // Российская газета. 2011. № 151.
3. Разумов Е.В. Правоприменительная практика совестных судов Российской Империи // Теория и практика общественного развития. 2014. №17. С. 122–123.
4. Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2012.
5. Сорокин В.В. Понятие совести в правовом измерении // История государства и права. 2009. № 21. С. 2–6.

К ПОНЯТИЮ СОГЛАШЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ

А.Ф. Хакимова

Казанский инновационный университет им. В.Г.Тимирязова
Als206@mail.ru

С принятием Федерального закона от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон) и появлением в праве новых понятий «соглашение о государственно-частном

партнерстве» и «соглашение о муниципально-частном партнерстве» вопросы квалификации договоров в сфере государственно-частного партнерства получили новое развитие.

В статье 3 Федерального закона дано определение понятия «соглашение о государственно-частном партнерстве». Это гражданско-правовой договор между публичным партнером и частным партнером, заключенный на срок не менее чем три года в порядке и на условиях, которые установлены Федеральным законом. Таким образом, договор будет являться соглашением о государственно-частном партнерстве и регулироваться нормами Федерального закона в случае заключения его строго в порядке и на условиях данного Федерального закона. Федеральный закон насчитывает более 11 существенных условий соглашения о государственно-частном партнерстве, однако для выделения именно видообразующих признаков данного договорного обязательства потребуется значительно меньшее их количество. Как правило, законодателем такие признаки включаются в само определение договора [3. С. 288]. Одним из таких является возникновение у частного партнера права собственности на объект соглашения при условии обременения объекта соглашения в соответствии с законом.

Это условие отличает соглашение о государственно-частном партнерстве от иных соглашений в сфере государственно-частного партнерства, которые справедливо названы учеными формой осуществления государственно-частного партнерства. Как указывает А.В. Белицкая, соглашение о государственно-частном партнерстве является формой, аналогичной концессионному соглашению, однако более гибкой, так как предполагает возможность передачи объекта соглашения в частную собственность [1. С. 25].

Согласно статье 6 Федерального закона при принятии решения о реализации проекта государственно-частного партнерства определяется форма государственно-частного партнерства посредством включения в соглашение определенных условий. К примеру, в соглашение может быть включено условие о наличии у частного партнера обязательства по передаче объекта соглашения о государственно-частном партнерстве в собственность публичного партнера по истечении определенного соглашением срока. В этом случае государственно-частное партнерство, действительно, приобретает иную форму – концессионного соглашения.

Однако из сферы регулирования Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» исключены отношения, возникающие по поводу концессионных отношений (часть 2 статьи 2).

При этом понятие государственно-частного партнерства законодателем дано таким образом, что сотрудничество публичного партнера и частного партнера юридически может быть оформлено только на основании соглашения о государственно-частном партнерстве. Таким образом, из

предмета Федерального закона исключаются иные договорные формы государственно-частного партнерства. Среди договорных форм государственно-частного партнерства выделяются также соглашение о разделе продукции, договор доверительного управления, договоры аренды с инвестиционными условиями [2. С. 9].

Таким образом, предоставляя право партнерам избирать ту или иную форму партнерства, законодатель не оставляет такую же широкую сферу применения всех видов соглашений, в которых может быть воплощено государственно-частное партнерство.

Считаем, что поскольку Федеральный закон направлен на определение основ правового регулирования отношений, возникающих в связи с государственно-частным партнерством, то он должен включать в себя регулирование всех договорных форм государственно-частного партнерства, гарантируя тем самым свободу определения сторонами договора условий соглашений.

Литература

1. Белицкая А.В. Инвестиционная политика государства и ее отражение в законодательстве Российской Федерации//Право и бизнес: Прил. к журналу Предпринимательское право. 2016. № 1. С. 20–25

2. Белицкая А.В. Государственно-частное партнерство: понятие, содержание, правовое регулирование: автореферат дис...кандидата юридических наук:12.00.03/Москва, 2011. 24 с.

3. Витрянский В.В. Некоторые аспекты учения о гражданско-правовом договоре в условиях реформирования гражданского законодательства// Проблемы развития частного права: сб. ст. к юбилею В.С. Ема. М., 2011. С. 288–336.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ США И РОССИИ

Д.О. Шадрина

Новосибирский государственный педагогический университет
skornyakovadarya@gmail.com

Преступность среди несовершеннолетних – это растущая проблема во всём мире. В целом выделяются следующие причины совершения преступлений несовершеннолетними: неблагополучная семья и случаи пренебрежения ребёнком в семье; негативный пример (например, насилие со стороны родственников); употребление наркотиков и алкоголя; прессинг и унижение со стороны сверстников; неблагополучный район проживания ребёнка; незнание юридических последствий совершения преступления; совершение преступлений ради веселья; религиозные причины и т.д.

В данной статье рассмотрим основные положения систем правосудия в России и Соединённых Штатах Америки (далее – США), занимающихся разрешением вопросов, связанных с правонарушениями, совершёнными несовершеннолетними. Несмотря на отсутствие термина «ювенальное право» в законодательном пространстве РФ, мы считаем возможным использовать указанный термин в силу того, что он наиболее полно помогает охарактеризовать правовое положение лиц, не достигших возраста уголовной ответственности в различных странах, а также рассмотреть законодательно предусмотренные меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Для проведения полноценного компаративного исследования двух систем уголовной ответственности необходимо выделить критерии для сравнения. Здесь мы вслед за Сулеймановой И.Е. назовём следующие: система нормативно-правовых актов, предусматривающих уголовную ответственность несовершеннолетних, возраст, с которого наступает уголовная ответственность, и система наказаний, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям [1. С. 76], а также правила привлечения несовершеннолетних к ответственности [1. С. 77].

Вся система уголовного права в Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки отличаются, во-первых, системой законодательных актов. Так на всей территории РФ, как в стране, относящейся к романо-германской правовой семье, действует единый Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый 13 июня 1996. В свою очередь в США, относящихся к англосаксонской правовой семье, действует целая система нормативно-правовых актов об уголовной ответственности – отдельный закон для каждого штата.

Переходя к возрасту уголовной ответственности, стоит отметить, что в РФ по общему правилу лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, подлежит уголовной ответственности, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 20 УК РФ, где возраст уголовной ответственности снижен до 14 лет. В США возраст уголовной ответственности может варьироваться, начиная с 10 лет. Но согласно положениям уголовных кодексов большинства штатов к ответственности могут быть привлечены только лица, достигшие 14 лет [1. С. 77].

Меры уголовной ответственности, применяемые к несовершеннолетним преступникам, как в России, так и в США, значительно мягче, чем для лиц, достигших возраста уголовной ответственности. Рассмотрим данный тезис на примере уголовного дела, где подросток обвиняется в совершении грабежа с применением огнестрельного оружия. Так, в суде по делам несовершеннолетних в штате Калифорния подростку будет присуждён минимальный срок в 3 года, когда 12 лет - это минимальный срок за это же преступление, совершенное лицом, достигшим двадцати одного года. В соответствии же с п. «г» ч. 2 ст. 161 максимальный срок лишения свободы – 7 лет для лиц, достигших возраста уголовной ответственности, и 3,5 лет для несовершеннолетних (ч. 6.1 ст. 88 УК РФ).

При рассмотрении уголовного дела, судья обращает внимание на ряд факторов, связанных с совершением преступления, в частности на обстановку в семье, а также характеристику ребёнка из школы. В соответствии с материалами уголовного дела виды наказаний могут варьироваться. Так, в США приговор может предписывать выполнение общественно полезной работы в определённом объёме или условно-досрочное освобождение, содержание под стражей в центрах содержания несовершеннолетних, а также нахождение несовершеннолетних преступников в различного рода исправительных институтах: лагерях и ранчо, лагерях военной подготовки, образовательных центрах, проживание в небольших «Жилых центрах» и даже предлагается «отсроченное судебное преследование» для некоторых ненасиленных правонарушителей, что в свою очередь минимизирует коэффициент рецидивизма, т.е. в США осуществляются программы реабилитации, а не просто восстановление социальной справедливости. Благодаря в том числе политике «отсроченного судебного преследования», где правонарушителю предоставляется время для реституции или предоставления общественных услуг для исправления вместо преследования и отправления в государственную тюрьму, а также созданию «Жилых центров», которые действуют как гибриды структурированной реабилитации и контролируемой стажировки, удалось сократить число заключённых в США [3. С. 7]. В свою очередь в России предусмотрены следующие виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним: штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; ограничение свободы; лишение свободы на определённый срок (ч. 1 ст. 88 УК РФ).

На наш взгляд, некоторые ювенальные технологии США могут быть внедрены в систему ювенальной юстиции РФ, что позволит уменьшить процент повторного совершения преступлений и соответственно уменьшить число возвращающихся в исправительные учреждения для несовершеннолетних. По данным ФСИН России за последние 5 лет число возвращающихся в воспитательные колонии уменьшилось с 5,2% до 1,4 %, но тенденция на снижение не постоянна и есть периоды роста рецидивов.

Литература

1. Сулейманова И. Е. Сравнительный анализ законодательства зарубежных стран по противодействию молодежной преступности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. №1. – С. 75-79.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018).

3. Федеральная служба исполнения наказаний [Электронный ресурс]: офиц. сайт /Росстат. – Режим доступа: <http://фсин.рф> (дата обращения: 28.06.2019).

4. Proposition 57: Criminal Sentence, Parole, Juvenile Criminal Proceedings and Sentencing. "The Public Safety and Rehabilitation Act of 2016» p. 19. URL: https://www.mcgeorge.edu/documents/Publications/prop57_CIR2016.pdf (дата обращения: 28.06.2019).

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРИРОДЕ КВАЗИСУДЕБНЫХ ОРГАНОВ И ОБ ИХ ИСТОРИИ

А.В. Шевченко

Сибирский институт управления (филиал) РАНХиГС, г. Новосибирск
a_shevchenko_1990@mail.ru

Квазисудебные органы, как правило, существуют в странах, относящихся к англо-американской правовой семье. Так в США квазисудебные органы – органы не входящие в федеральную систему судов, однако часто состоящие из профессиональных судей, действующих независимо. Однако практика создания квазисудебных органов существовала в разное время и в странах с континентальным правом. Как правило, квазисудебными органами называли административные органы, которые были уполномочены выносить как бы судебные решения, при этом выступая скорее в качестве органов административной юстиции. Нечто похожее наблюдается и в некоторых странах британского содружества, чьи правовые системы развиваются своим путём [4. С. 292-293]. Представляется дискуссионным вопрос о том, можно ли квазисудебные инстанции считать разновидностью общественных судов или же нет. Например, если мы исходим из приведенного выше определения – то, пожалуй, нет. Типичные примеры общественных (негосударственных) судов – третейские суды, религиозные суды (например, суды шариата и канонические суды в католических странах). Главным критерием общественного суда является его невключенность в государственную судебную систему и непрофессиональность (или же узкую профессиональность) лиц, на которые возложены общественно-судебные функции. Однако ряд квазисудебных инстанций можно считать общественными судами в силу исторически сложившейся уникальности этих институций и предмета их юрисдикции. В первую очередь – это т.н. товарищеские суды, существовавшие в советский период, суды офицерской чести (в России) и их аналоги в других странах, а так же (наименее известный институт) т.н. суды любви (куртуазные собрания дворян, существовавшие на юге Франции в XII веке). На обсуждении особенностей этих трех видов инстанций мы и остановимся подробнее.

Товарищескими судами назывались выборные общественные органы, существовавшие в послевоенном СССР. Как правило, такие суды были привязаны к какому-либо трудовому коллективу (колхозу, заводу и т.д.), являлись выборными и рассматривали дела, связанные с нарушениями трудовой дисциплины, мелкими хищениями, пьянством и аморальным поведением, противоречащим идеалом коммунистического, братского отношения людей друг к другу. Товарищеские суды существовали абсолютно официально и их деятельность была регламентирована Положением о товарищеских судах [1]. Решения товарищеских судов могли быть использованы в качестве доказательств в случае передачи материалов по тому

или иному делу в суд общей юрисдикции. Однако необходимо понимать, что основная обеспечительная сила решений такого квазисудебного органа была заключена в общественном порицании действий гражданина и объявлении ему консолидированного мнения коллектива (к которому он принадлежал) по поводу недопустимости дальнейших аморальных и антиобщественных действий. Органы общественного контроля, являвшиеся предтечей товарищеских судов существовали в СССР и до войны, в первую очередь таковыми являлись дисциплинарные товарищеские суды, создаваемые на отдельных предприятиях с целью повышения трудовой дисциплины и политической сознательности рабочих.

Суды чести (суды общества офицеров, товарищеские суды чести) – общественный судебный орган, состоявший из старших офицеров полка или корабля и судивший за мелкие правонарушения или действия, порочащие корпоративную честь, младших (как правило, хотя и не всегда) офицеров. Суды чести существовали во многих армиях мира, особенно они прижились в армиях, созданных по прусскому образцу (германской, австрийской, русской). В России суды офицерской чести разрешали споры между офицерами одного полка и их решением военнослужащий мог быть даже исключен из товарищеского круга. Иногда суд чести мог рассматривать конфликт между двумя офицерами полка и, к примеру, признать одного из них правым, а другого нет или признать, что средства побуждения к примирению исчерпаны и между военнослужащими неизбежна дуэль [6]. Так же суды чести могли рассматривать щекотливые ситуации, когда затронута честь дамы, когда какая-либо женщина скомпрометирована поведением одного из офицеров полка. Пикантности таким делам добавляет тот факт (и это подтвердит всякий, кто жил даже в наше время, в военных городках), что часто ситуация закручивалась вокруг влюбленности младшего офицера в жену более старшего офицера, к примеру прибывший в распоряжение молодой поручик влюбляется в супругу капитана, чем делит военную часть на два лагеря болельщиков, а командование ставит перед настоящей головоломкой. Во флоте аналогом полкового суда чести являлся т.н. суд кают-компаний. Прекрасный художественный пример подобного суда мы имеем в киноповествовании пикулевского Моонзунда. Командир российского корабля смалодушничал и пытался сдать немцам. Сражение закончилось, тем не менее, победой и тем же вечером суд кают-компаний решил, что лишь кровью может командир корабля смыть свой позор. Повинуясь решению офицеров, командир написал письмо своей супруге и застрелился. В советское время дуэли были запрещены, да и не было к ним пристрастия ввиду ломки классового характера офицерского корпуса, однако (и это мало кому известно) суды чести, были восстановлены уже в 20-е годы под названием товарищеские суды чести. Отныне на них возлагался ряд дисциплинарных функций.

И наконец, самый любопытный и наименее известный из квазисудов, который мы рассмотрим сегодня – куртуазный суд любви. Суды любви – это уникальные учреждения, существовавшие во Франции (преимущественно на

юге – в регионе, именованном тогда Окситанией) в XII веке (позднее создавался его «ремейк» в XV веке). Именно XII век стал веком расцвета т.н. куртуазной придворной культуры с её культом интимности, воспеванием любви к прекрасной даме, любви не предполагающей обладание объектом вожделения, и предполагающей гипертранслюминацию. В формировании культурного контекста описываемого времени и места немалую роль сыграли дуалистические ереси, в том числе т.н. секты катаров, которые проповедовали совершенно иное отношение к богу и, что немаловажно, к любви. Суды любви создавались, как правило, при дворах наиболее знатных и богатых феодалов. Всего известно порядка десятка подобных судов. Об их деятельности в основном мы знаем из сочинений Капеллана Андрея и некоего Нострадамуса. Их сочинения приводит Стендаль в приложениях к своему трактату «О любви» [5. С. 273-283]. Суды любви состояли, как правило, из знатных дам, к которым представители аристократии обращались с просьбами разрешить споры относительно своих амурных дел. Суды любви не делились на вышестоящие и нижестоящие, однако негласная их градация существовала. Так, Нострадамус пишет: «... вопрос этот был предложен на рассмотрение дам на суде любви в замках Пьерфе и Синь; но так как трубадуры остались недовольны решением, то он перенесли дело в верховный суд любви дам из Романена» [5. С. 276].

Куртуазные правила любви, выработанные в ходе практики и судебных диспутов, были записаны на латинском языке в виде т.н. Кодекса любви. Сей кодекс содержал тридцать одно положение. Вот некоторые из них: (I) Ссылка на брак не может служить поводом для уклонения от любви, (VIII) Никто без наличия оснований более чем достаточных не может быть лишен своих законных прав в любви, (IX) Никто не может любить, если он не поощряется к любви надеждою (на то что его полюбят), (XXXI) Ничто не препятствует одной женщине быть любимой двумя мужчинами и одному мужчине двумя женщинами. Как мы можем видеть, формулировки данного кодекса по своей грамматике и содержанию очень похожи на стиль варварских правд того времени, а так же, отчасти, на римские юридические формулы (многие положения кодекса начинаются со слов «Qui pop», «Nemo», «Nehil» и т.д.). Сами же судебные заседания были (насколько это можно судить из источников) вполнину схоластическими спорами, а вполнину поэтическими соревнованиями трубадуров.

Один из самых известных приговоров суда любви – т.н. приговор графини Шампанской. Суд попросили разъяснить его позицию по следующему вопросу: возможна ли истинная любовь между лицами, состоящими в браке друг с другом. Приговор графини был следующим: «Мы говорим и утверждаем, ссылаясь на присутствующих, что любовь не может простирать своих прав на лиц, состоящих в браке между собою. В самом деле, любовники всем награждают друг друга по взаимному соглашению совершенно даром, не будучи к тому понуждаемы какой-либо необходимостью, тогда как супруги подчиняются обоюдным желаниям и ни в чем не отказывают друг другу по велению долга... Пусть настоящий приговор,

который мы вынесли с крайнею осмотрительностью и согласно мнению большого числа других дам, будет для вас истиной, постоянной и неоспоримой. Постановлено в 1174 году в третий день майских календ, индикта VII». Так было на уровне прецедента подтверждено первое правило кодекса любви. Позже (уже в период восстановления судов любви в XV веке) на этот прецедент ссылались при рассмотрении аналогичного дела. Один рыцарь обратился в «Суд любви», заявив, что он и другой рыцарь любили одну даму, которая, в свою очередь, любила второго рыцаря, но обещала уступить истцу, если она разлюбит своего избранника. Немного позднее дама благополучно вышла замуж за второго, и первый рыцарь потребовал исполнения дамой своего обещания. Суд торжественно постановил: иск рыцаря справедлив, ибо между мужем и женой любви быть не может. Иначе говоря, обязал замужнюю женщину переспать с любовником [2]. К сожалению, синхронные источники не донесли до нас подробностей способов обеспечения исполнения этого и других решений судов любви, а равно как и то, было ли исполнено вышеназванное решение.

Возникновение, существование и функционирование подобных инстанций всегда тесно связано с благоприятствующим этому состоянием всего общества. В частности для этого важны такие факторы как наличие развитых горизонтальных связей внутри социальных групп, устойчивая идентификация человека в качестве представителя той или иной группы (рыцарство, офицерский корпус, пролетариат и т.д.). Так же *sine qua non* квазисудов является развитость социального контроля людьми друг за другом и мер внеюридического принуждения (давление общественного мнения, морального осуждения внутри коллектива и т.д.). Квазисудебные инстанции подобные вышеописанным всегда возникают там, где есть осознание себя общностью какого-либо класса (советский пролетариат), корпорации (офицерство) или сословия (феодалы и рыцари), и там, где принадлежность к общности или ассоциация себя с ней осознается её членами в качестве привилегии или во всяком случае важной составной частью самоидентификации.

Литература

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1961, №26, Ст. 371.
2. Ворчалки об истории. Электронный ресурс. URL: http://www.abhoc.com/arc_vr/2004_06/272/ (дата обращения: 06.06.2019).
3. Кодекс канонического права. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 624 с.
4. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. М.: Юристь, 2003.
5. Стендаль. О любви. Новеллы: Пер с фр. / сост., вступ ст. и примеч. В. Мильчиной; Ил. Л. Дурасова. М.: Правда, 1989.
6. Швейковский П.А. Суд общества офицеров и дуэль в войсках российской армии. "Санкт-Петербург, В. Березовский", СПб.: 1898.

БИОЭТИКА

СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОСТИ

Н.А. Синюкова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sinuknat@gmail.com

Внедрение передовых научных технологий в сферу медицины привело к практически неограниченным возможностям воздействия на человека на клеточном, молекулярном, генетическом уровнях. В медицинской практике изменились как способы оказания медицинской помощи, так и характер взаимоотношений «врач-пациент», а точнее их ценностная значимость в процессе оказания медицинской помощи. Основное противоречие заключается в несоответствии моральных норм и экономических аспектов врачевания.

Внедрение научно-технологических достижений в реальную медицинскую практику сопровождается «вытеснением» нравственно-экзистенциальной сферы взаимоотношений врач-пациент. Современная клиника представляет собой ни что иное, как продуктивную технико-финансовую систему. Ориентация на законы рыночной экономики способствовала эскалации принципа эффективности как базового принципа организации и работы современной клиники. При этом необходимость создания особой атмосферы, способствующей лечению и исцелению больного, необходимость достаточного внимания больному и его проблемам если не игнорируется полностью, то не рассматривается как значимый фактор лечебного процесса. Устройство и развитие современных «фабрик здоровья» абстрагировано от многомерных аспектов человеческого бытия, которые невозможно поместить в рамки рационализированной системы или своего рода «конвейера» по производству здоровья. Речь идет как об элементах, составляющих уникальности каждого конкретного человека, так и о вопросах смысла «бытия-в-болезни». В современной клинике не находится ни времени, ни пространства, ни подходящей атмосферы для решения фундаментальных вопросов «бытия-в-болезни» [1].

Биомедицинская модель современной медицины, лежащая в основе «фабрик здоровья», основана на редукционистском, биологически-детерминированном представлении о человеке. Человеческий организм рассматривается в рамках данной модели как идеальный механизм или машина, а его жизнедеятельность объясняется действием естественных законов. Практически не учитывается индивидуальная реакция организма на внешнее и внутреннее воздействие и особенности конкретного больного. Медицинская практика в рамках биомедицинской модели ориентирована

целиком и полностью именно на устранение сбоя в функционировании организма человека, на борьбу с заболеваниями, а не сохранение и улучшение здоровья.

В биомедицинской модели болезнь рассматривается как абстракция медицинской теории, отделенная от того, кто ее переживает. В реальности же болезнь не может быть отделена от того, кто ей болеет. Именно на этом делается акцент в рамках гуманистической модели медицины, которая развивается с конца прошлого столетия, как «противовес» биомедицинской модели. В рамках гуманистической модели основное внимание уделяется процессу ухода за больным, а точнее тому, кто переживает заболевание.

В рамках гуманистической медицины ренимируется комплексное представление о человеке, основанное на многомерных холистических теориях понимания его природы. Человек рассматривается как открытая и динамическая целостность, которая находится в когерентной, гармоничной взаимосвязи с миром и природой. Человек предстает как живой организм, в котором все взаимосвязано со всем.

Восстановление целостности больного является важнейшей задачей медицинской практики. Гуманистическая модель медицинской практики ориентирована на идеал заботы, учитывающий уникальность больного в его целостности и предлагает теоретические и практические средства для реализации этой идеи во взаимоотношениях «врач-пациент». Идеал заботы восходит к античным практикам «заботы о себе», предписывающим определённый способ действий, направленный на изменение личности человека.

Перспективы дальнейшего развития медицинской практики сегодня связываются с грядущей смысловой и технологической трансформацией медицины, ассоциированной с такими понятиями как геномика, виртуальное здоровье, «большие данные», индивидуализация лечебного процесса. Речь идет о проекте «прогностической, профилактической, партиципаторной, персонифицированной медицины – 4П-медицины (4ПМ). Модель 4П-медицины представляет собой практическое использование в медицинской практике достижений молекулярной биологии, методов математического моделирования и теории систем, а все вместе принципов, описывающих организованную целостность.

Как утверждают исследователи, модель 4П-медицина основывается на так называемом технонаучном холизме [2], предполагающим генерализованный и динамический технологический взгляд на человека и его жизнь. Человек рассматривается как нелинейная система, в которой все взаимосвязано. Развитие человека есть процесс сложного взаимодействия средовых и генетических факторов, где факторы среды включают психосоциальные аспекты. Здоровье и болезнь определяются как динамические, функциональные состояния, возникающие в процессе гено-средового взаимодействия; как эмерджентные свойства человека в его целостности, которые можно научно объяснить и спрогнозировать.

Принципиально важно, что проект 4П-медицины пытается описать и понять индивидуальность в терминологии естественных наук.

Технологии 4П-медицины включают в себя создание виртуальных моделей или своеобразных аватаров человека. В данных моделях отражена динамика взаимодействия всех элементов человека как биологической системы. Виртуальные модели «расшифровывают» биологический комплекс организма, показывая как все элементы в нем взаимодействуют, формируя состояния здоровья и болезни. Они представляют собой попытку изучить способ перехода телесной системы между здоровьем и болезнью и спрогнозировать будущее здоровье человека, для того, чтобы не бороться, но предотвратить заболевание.

Проект 4ПМ пытается описать и объяснить целостную человекомерную реальность в терминологии естественных наук, прочерчивая вероятностную биологическую траекторию жизни человека. В рамках 4ПМ вводится такой инновационный концепт, как биоздоровье или благополучие и целостность человека как результат применения биомедицинских технологий. Технологическая оптимизация здоровья представляет собой перспективную и профилактическую практику, сфокусированную на прогностических допущениях о будущем здоровье человека для того, чтобы не бороться, но предотвращать заболевания.

Методологический редукционизм позволил медицине осуществить стремительный прорыв в методах диагностики и борьбы с заболеваниями. Тем не менее, «одномерные» представления о человеке в медицине, успешно и эффективно функционирующей в случае острого заболевания, оказались неадекватны современным вызовам «хроникализации» болезней, когда от медицинской практики требуется прежде всего поддержание определенного уровня здоровья. Последнее предполагает длительное и комплексное сопровождение больного, учитывающее весь сложный комплекс условий жизни больного.

Литература

1. Maio G. Mittelpunkt Mensch // Schattauer GmbH, Stuttgart. 2007.
2. Vogt H., Hofmann B., Getz L. The new holism: P4 systems medicine and the medicalization of health and life itself // Medical Health Care and Philosophy. 2016. P. 307–323.

ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ПАЦИЕНТА: СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Е.С. Кливакова

ФГБОУ ВО Новосибирский медицинский университет
msm_smsm_smsm@mail.ru

Один из разделов современной биоэтики посвящен определению и практической конкретизации принципов взаимоотношений между врачом и пациентом. С одной стороны, существует богатая традиция в определении

того, что должно служить основанием этих взаимоотношений. Достаточно вспомнить принципы «не навреди» (модель Гиппократа), «делай благо» (модель Парацельса, отражающая христианские ценности), «соблюдай долг» (деонтологическая модель) и другие. С другой, современные условия взаимодействия врача и пациента кардинально отличаются от тех, что были в далеком прошлом. Все большую значимость в коммуникации приобретают индивидуально-личностные характеристики пациента, его желания, стремления. Именно поэтому своеобразным фундаментом современной биоэтики выступает уважение прав, достоинств, автономии пациента, уважение пациента как личности. Это предполагает правдивость, наличие информированного согласия, конфиденциальность, сохранение врачебной тайны

В современной литературе отсутствует единая классификация того, что является принципом, а что – правилами, которые его конкретизируют. Так, например, в некоторых источниках речь идет о «правиле справедливости», а в других он фигурирует как «принцип справедливости» [1]. Аналогичная ситуация и с «правилами-принципами» правдивости, информированного согласия [2]. Некоторые принципы близки по своей сути, но формулируются по-разному [3].

Однако общим практически для всех источников является провозглашение значимости «личностного начала пациента» во взаимоотношениях «врач-пациент». Квинтэссенцией этого выступает принцип автономии пациента. Согласно данному принципу пациент воспринимается врачом как самостоятельная, мыслящая личность, способная принимать решения и нести за них ответственность. Принцип автономии пациента предполагает со стороны врача уважение к пациенту как к личности, признание его права принимать самостоятельные решения (а значит и признание того, что это возможно), признание значимости мнений, желаний пациента. Принцип автономии пациента является выражением тех ценностей, которые характеризуют современное миропонимание: свобода личности и ее право на самоопределение, права личности на публичное выражение собственных взглядов, самостоятельность, самоидентификация и другие.

Для того, чтобы принцип автономии из теоретического основания современной биоэтики стал практическим, реализуемым в рамках медицинской деятельности должен быть выполнен ряд условий. Первое. Врач должен предоставить пациенту полную, правдивую, понятную информацию о состоянии здоровья, возможных видах лечения, последствиях каждого из возможных видов лечения (как положительных, так и отрицательных), а также – информацию о возможных последствиях при отказе от лечения. Принципиально важно, что врач не должен воздействовать на пациента в пользу какого-то решения, и тем более не должен манипулировать пациентом. На мой взгляд, соблюдение первого условия уже вызывает ряд сложностей. Предоставление полной, подробной информации предполагает время и желание врача сделать это. Учитывая фиксированный норматив времени на

каждого пациента, загруженность врачей, объем информации, которой они владеют (в отличие от пациента), то реализации поставленных условий вызывает неизбежные трудности. Не менее сложно, в том числе и самому врачу, определить воздействует он на пациента или нет. У врача есть собственное мнение об оптимальном методе лечения. И ему сложно в ходе диалога с пациентом быть абсолютно нейтральным в изложении «правдивой информации».

Второе условие практической реализации принципа автономии пациента связано с тем, что пациент принимает самостоятельное, взвешенное, ответственное решение, которое согласуется с его дальнейшими жизненными планами. Выполнение этого условия, также как и первого, связано с рядом сложностей. У пациента должен быть сформирован навык принятия решений, то есть у него должно быть развито критическое мышление [4] для того, чтобы воспринять, проанализировать, систематизировать информацию. Причем информацию достаточно сложную для восприятия, которую необходимо «обработать» в критической ситуации. И после «обработки» информации пациент еще должен принять самостоятельное решение. Учитывая, что решение пациент принимает в непривычной, стрессовой ситуации, не имея опыта принятия решений, то реализация этого шага еще больше усложняется.

Принципы современной биоэтики, с одной стороны, сохранили вечные смыслы медицинской деятельности: «делай благо», «не навреди», «выполняй свой долг» и другие. С другой стороны, деятельность врача, его общение с пациентом должны учитывать одно из основных требований современности – уважение личности пациента. Однако практическая реализация принципа уважения личности пациента/уважение автономии пациента неизбежно сталкивается с рядом трудностей. Они обусловлены неготовностью пациентов к принятию самостоятельных решений и отсутствием объективных возможностей предоставления полной, правдивой, исчерпывающей, объективной информации со стороны врачей.

Литература

1. Биомедицинская этика / Под ред. В.И. Покровского. М., 2007.
2. Васкес Абанто Х.Э., Васкес Абанто А.Э., Арельяно Васкес С.Б. Современная этика медицинских исследований – биоэтика / Х.Э. Васкес Абанто, А.Э. Васкес Абанто, С.Б. Арельяно Васкес // Российский гуманитарный журнал. 2015. Том 4. № 4. С. 292–303.
3. Пустовит С.В. Европейская биоэтика: Теория и практика / С.В. Пустовит // Интегративная антропология. 2013. № 2. С. 9–15.
4. Барбашина Э.В. Необходимость критического мышления в условиях трансформации образования // Профессиональное образование в современном мире. 2018;8(2):1777–1787.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАКА В КИНЕМАТОГРАФЕ XXI ВЕКА

Э.В. Тарасенко

НИУ Высшая школа экономики, школа культурологии, г. Москва
emitarasenko@gmail.com

Серьезный диагноз связан не только с состоянием здоровья человека, с объективными физиологическими показателями, но также отражается на его социальном статусе и отношении социума к человеку. Серьезное заболевание становится определяющим жизнь человека, его физические возможности, мировосприятие, опыт тела, смысл времени и пространства. Опыт проживания болезни конкретным человеком достраивается тем, как эта болезнь представлена в обществе, какие устойчивые представления уже сформировались о том или ином диагнозе, его причинах, проявлениях и последствиях.

Сьюзан Зонтаг в эссе «Болезнь как метафора» пишет, что в обществе существует определенная «мифология» болезни: например, болезнь может восприниматься как наказание за грехи или результат подавляемых страстей [2]. Вокруг болезни существует ореол метафоричности, который формирует унифицированное восприятие больного обществом. Этот «образ болезни» формирует и отношение к больному, практики взаимодействия с ним и с болезнью. Более того сформировавшийся «образ болезни» во многом определяет и восприятие болезни самим человеком.

Одним из важнейших аспектов конструирования образа является массовая культура [3]. Практика репрезентации в массовой культуре создает определенное поле отношения, которое может способствовать как интеграции больного в общество, так и, напротив, стигматизировать.

Исследования кинематографа открывают широкое поле для анализа этих репрезентативных практик. Согласно В. Митчеллу после «визуального поворота» именно на визуальной репрезентации лежит ответственность за формирование восприятия [4]. За последние десятилетия все более возрастает интерес к тематике рака в популярном кинематографе. После появления культового фильма «Достучаться до небес», растет количество картин, посвященных данной теме, появляются тематические подборки.

Рак предстает некоторой «точкой сингулярности», пределом переосмысления жизненных ценностей. И переосмысление может относиться как к самому больному, так и к его окружению. Фильмы, затрагивающие тематику смертельной болезни, аффицируют эмпатию. Фактически, визуальная репрезентация работает в рамках внеадекватности – участного, интенционального стремления к другому [1. С.100].

К настоящему времени сформировались два типа репрезентаций, служащих основой для сюжетов:

Первая категория репрезентации – болезнь как наказание за неправильный образ жизни. Генезис этой формы репрезентации можно

проследить через христианство до древнегреческих трагедий. В кинематографе эта форма чаще всего апеллирует к ценностным ориентирам больного. Классическим примером фильма в этой категории служит «Пока не сыграл в ящик» (2007). Главный герой фильма – бизнесмен, узнавший о смертельной болезни, предпринимает попытку сделать за оставшиеся ему дни то, чего не успел. Болезнь понимается не только как трагическое и неизбежное наказание, но фактически как дар. Это шанс осознать и постараться исправить ошибки, изменить что-то в своей жизни, исполнить мечту. По сути фильм о необходимости переосмысления жизненных смыслов, ценностных ориентиров. Болезнь – как шанс «пробиться» к подлинному существованию, как способ реализации собственного «Я».

Вторая категория репрезентации – рассказ о невинных жертвах болезни. Зачастую таким жертвами выступают дети, юноши и девушки. Примером могут служить такие фильмы как «Виноваты звезды» (2014), «Третья звезда» (2010), «Не сдавайся» (2008). Во всех этих фильмах главные герои молоды, иногда даже не достигли совершеннолетия, и уже столкнулись со смертельным заболеванием. Так поднимается вопрос о взаимодействии юных пациентов с болезнью и обществом, разрыва между осознанием «еще не начавшейся жизни» и скорой смерти. Эта тематика демонстрирует тенденцию, направленную на разрушение устоявшейся мифологизации рака как наказания за грехи. Однако возникает и другая тенденция – к репрезентации болезни как подавляющей силы.

Итак, с одной стороны, образ болезни инструментализирован. Болезнь выступает воплощением рока или судьбы. Это фактически ретрансляция веры в сверхъестественное, свойственной религиозным или мифологическим практикам. Болезнь – это и кара, и шанс. Воплощенные в «экранном другом» они призывают изменить что-то в собственной жизни. Такая репрезентация направлена скорее не на де-стигматизацию болезни, но на переосмысление ценностей собственной жизни.

С другой стороны, практика появления раковых больных в кинематографе выводит тему из области умолчания, показывая их взаимодействие с обществом, их чувства, мечты и «обратную сторону болезни», что особенно характерно для второй категории репрезентации, обращающей внимание на «невинных больных».

И в первом, и во втором случае произошел принципиально новый сдвиг в смысловой артикуляции рака визуальными средствами.

Литература

1. Бахтин М. М. К философии поступка//Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-1985. М., 1986.
2. Зонтаг С. Болезнь как метафора. М: AdMarginem. 2016. 175 с.
3. Медведева Л. М. Болезнь в культуре и культура болезни. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ. 2013. 252 с.
4. Mitchell W.T.J. Picture Theory. University of Chicago Press. 1994.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СОМНЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА

В.Ю. Безрук

ФГБОУ ВО Новосибирский государственный медицинский университет
mirasof@mail.ru

Актуальность. В душе каждого ответственно мыслящего человека заложено противоречие между стремлением к истине (в широком смысле) и сомнением в ней. С одной стороны, человек хочет быть уверенным, что принимаемые им решения являются правильными, посылки на которые он опирается в принятии решений – истинные. С другой стороны, любой мыслящий человек сомневается в правильности принятого решения, и особенно сильно, если от этого решения зависит состояние, а иногда и жизнь другого человека. Особую актуальность вышеобозначенное противоречие приобретает в деятельности врача, от правильности решения которого (диагноз, методы диагностики и лечения) зависит состояние и жизнь пациента.

Цель. Определить необходимо ли сомнение врачу в его профессиональной деятельности, как оно соотносится с убежденностью в правоте, и каков допустимый уровень сомнения.

Методы. Сравнительный анализ, синтез, системный подход.

Рациональное сомнение, рациональный скептицизм в наличии какого-либо надёжного критерия истины есть основание философской позиции, называемой скептицизм. Первоначально скептицизм возник в древнегреческой философии и само это слова в переводе означает «разглядывающий, расследующий». Возникновение скептицизма обусловлено беспопытностью суждений многих античных мыслителей, уверенных в абсолютной правильности собственных философских рассуждений и в истинности получаемых выводов. Скептицизм отрицает уверенность как таковую, его единственным принципом, смысловым основанием является так называемое «догматическое сомнение» – убежденность в необходимости сомневаться ввиду принципиальной недостоверности любых доводов, принципов и теорий.

Что же объединяет философский скептицизм с медициной, существуют ли между ними точки соприкосновения и в чем они заключаются?

Одной из значимых проблем, объединяющих философию и медицину, является проблема причинности. И философия, и медицина суть формы знания, а любое знание состоит, прежде всего, в выявлении причинно-следственной связи, способность установить цепочку взаимообусловленных событий. Принципиальный отказ признавать наличие причинно-следственной связи неминуемо приводит к агностицизму – отказу от самой возможности знания. Собственно, сама философия началась с поисков первой причины – первоначала, из которого возникло все мироздание. В медицине проблема причинности также является фундаментальной. В любом заболевании врачи

пытаются установить его этиологию – причину возникновения вообще и у конкретного человека в частности. Специфика познания в медицине состоит в последовательном и логическом наложении симптомов и условий, точка соприкосновения которых и является диагнозом. Отсюда следует недопустимость медицинского агностицизма – то, что в философии является всего лишь мировоззренческой позицией, делает профессиональную деятельность врача в принципе бессмысленной. При этом сомнение, заставляющее врача в поисках причин возникновения патологии анализировать разные возможности и не верить непроверенным фактам, побуждающее врача к постоянной самопроверке, напротив, является продуктивным, поскольку способствует уменьшению количества врачебных ошибок.

Одним из основных методов, применяемых как в теоретической, так и в практической медицине является индукция (неполная индукция). Несмотря на то, что вывод, получаемый с помощью индуктивных рассуждений является вероятностным, он необходим в рамках врачебной деятельности. Именно сомнение, рациональная критика позволяет повысить степень вероятности получения правильного вывода с помощью метода единственного сходства, единственного различия, смешанного метода сходства и различия. Правомерность индуктивных умозаключений обусловлена тем, что человек, человеческий организм по своей сути биологический организм. Природная сущность является онтологическим основанием возможности индуктивных умозаключений. Задача врача, учитывая вероятностный характер индукции, как раз и заключается в проявлении максимального сомнения. В конкретных действиях врача это должно проявляться как в постановке диагноза (поиск исключений, расширение качественного разнообразия рассматриваемых случаев), так и в выборе методов лечения (учет различий и индивидуальных особенностей)

Вывод. Из всего сказанного следует, что сомнение в медицинской деятельности (теоретической, практической) является необходимым и плодотворным в той мере, в какой заставляет врача искать истинные, даже неявные причины заболевания, рассматривать и анализировать различные схемы лечения пациента. Только таким образом врач может добиться в своей работе подлинного успеха.

ВРАЧЕБНЫЙ АСПЕКТ В ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Р.В. Ситников

ФГБОУ ВО Новосибирский государственный медицинский университет
mirasof@mail.ru

Экзистенциализм (экзистенциально ориентированная философия) – направление континентальной философии, ищущее ответы на вопросы, которые определяют смысл жизни человека. Смысловое ядро

экзистенциализма определено вопросами о подлинности человеческого существования, о свободе и ответственности, о страхе и ужасе перед лицом мира, об абсурдности и враждебности мира, в который человек «заброшен» и о том, какое повседневное бытие человека в мире способствует его реализации как конечно мыслящего, ответственного существа.

Вопросы, которые были артикулированы как основные в экзистенциализме, формулировались задолго до XX века, в философии киников, стоиков, в рассуждениях Эпикура. Последний обязательным условием счастливой жизни полагал избавление от страха смерти. Обоснованием возможности этого служили рассуждения о том, что встреча человека и смерти не возможна: пока человек жив, смерти нет, а когда смерть наступает, тогда уже нет человека. И хотя подобные рассуждения не понятны современному человеку, они отражают попытку избавиться от одного из основных страхов человека – страха смерти. В отличие от рассуждений Эпикура, в римской философии присутствует иной мотив отношения к смерти: о ней следует помнить и жить достойно. Неизвестность последней даты создает иллюзию бесконечности человеческой жизни, позволяет забыть о неотвратимости конца жизни и жить так, как будто жизнь никогда не закончится. И в современности достаточно распространено такое отношение к смерти, своеобразное ее «забывание». Однако в пограничных ситуациях, связанных с тяжелой болезнью, человек неизбежно оказывается перед лицом смерти и делает свой экзистенциальный выбор.

Пограничные ситуации характеризуются тем, что существующая шкала ценностей, жизненных приоритетов и смыслов, теряет свою значимость. Как правило, пограничные ситуации связаны с выбором, причем выбор осуществляется исходя из ценностей подлинного существования, если человек делает его ответственно. Этот выбор, возникающий в критической ситуации, и прежде всего - в ситуации жизни и смерти, неизбежно связан с осознанием кратковременности и хрупкости собственного существования и неотвратимой близости своего конца. Одним из распространенных вариантов пограничной ситуации, сопряженной с неизбежностью выбора, является тяжелая болезнь человека.

В современной философской, художественной литературе, в кинематографе пограничные ситуации, спровоцированные болезнью, описываются как правило, применительно к больным, т.е. к тому человеку, который пере-живая болезнь. Однако фигура врача, как одного из участников экзистенциально значимой пограничной ситуации, остается, как правило, вне рамок рассмотрения.

Отношение к смерти в современном обществе, сам процесс ухода из жизни человека обусловлены социальными, культурно-антропологическими изменениями, произошедшими в обществе. От всех предшествующих этапов, современный этап, сформировавшийся во второй половине XX века, отличается «технологизацией, медикализацией» смерти. В современном высокоразвитом обществе смерть стала делом врачей и предпринимателей

похоронного бизнеса (Ф. Аръес) [1]. Родственники, как правило, дистанцированы от процесса умирания, который все чаще происходит в стенах больницы или паллиативных учреждений. Более того благодаря развитой высокотехнологичной медицине, смерть современного человека пролонгирована во времени. Успехи современной медицины позволяют врачам возможность в определенной степени управлять процессом умирания человека, например, «вернуть» его из состояния клинической смерти. Или же, в тех странах, где это разрешено на юридическом уровне, отключить от аппаратов жизнеобеспечения.

Именно врач, а не кто иной, очень часто в современном мире сопровождает человека на его пути к смерти либо к продолжающейся жизни. И практически на каждом этапе, начиная с постановки диагноза, его озвучивания, и заканчивая последними идами медицинского вмешательства, врач пребывает в ситуации выбора. Пациентом врача является больной, страдающий человек, что делает врача необходимым участником экзистенциальных взаимоотношений с больным, участником пограничной ситуации и экзистенциального выбора.

Во взаимоотношениях врача и тяжело больного пациента неизбежно возникают нравственные коллизии, обостряющиеся по мере ухудшения состояния здоровья пациента.

Врачу необходимо вступить с пациентом не только в профессиональный, но в нравственный контакт, выбирая наилучшее в данной ситуации решение и оптимальный подход к пациенту и помогая ему выработать собственное отношение к происходящему. Но для этого врач должен быть способен сам взять на себя труд осознать смысл жизни и смерти. Однако этот духовный труд в дополнение к профессиональной деятельности часто оказывается непосильным для врача и способен привести к двум крайностям – либо к преждевременной смерти самого врача, либо тому, что обычно называется профессиональным выгоранием, и что, по сути, является для врача одновременно самозащитой и условием успешного выполнения непосредственных обязанностей. Согласно статистике, наиболее рано умирают врачи скорой помощи, онкологи, кардиологи, реаниматологи - словом те, от которых непосредственно зависит жизнь и смерть человека. Отсюда с очевидностью следует, что, по крайней мере представители этих специальностей уже ответили на собственные экзистенциальные вопросы, пожертвовав свои жизни не только ради спасения пациентов, но сопровождая их до самого конца.

Литература

1. Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М.,1992. 351с.

МУТУАЛИЗМ КАК ОРИЕНТИР В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СОЦИУМОМ И ЖИВОТНЫМ МИРОМ

С.С. Сергеев

Новосибирский государственный аграрный университет
Sergeevs09@mail.ru

Цель – рассмотреть мутуализм как оптимальный способ взаимоотношений между людьми и животными с биоэтической позиции. Для этого необходимо сравнить мутуализм с другими способами сосуществования различных биологических видов, встречающихся в природе и культуре.

Важным является вопрос о необходимости биоэтического исследования возможных отношений между двумя различными биологическими видами, одним из которых является человек. Человек, в свою очередь, не является чисто биологическим видом, а социокультурно-биологическим видом. Это значит, что он может строить свои отношения с тем или иным видом животных, не только исходя из эволюционно сложившихся биологических отношений, но осознано и активно выстраивать их.

Автор выделяет четыре основных способа межвидового взаимодействия: эксплуатация, паразитизм, комменсализм и мутуализм.

Под эксплуатацией, как правило, понимается процесс в которой человек эксплуатирует животных для собственных нужд, то есть использует животных исключительно исходя из собственных интересов и целей. Существуют различные оценки данной ситуации, но основными являются следующие: эксплуатация рассматривается либо как данность, либо отрицательно. При этом отрицательная характеристика носит предельно эмоциональный характер и эксплуатация животных изображается как некое «зло». Подобная характеристика видится нам деструктивной, так как подразумевает отказ от эксплуатации, но не предлагает никаких альтернатив животным ресурсам, без которых человечеству пока не выжить. А если альтернативы и предлагаются, то они, как правило, утопичны.

Комменсализм – это форма отношений между организмами двух разных видов, причем один из них (комменсал) живет за счет другого, не причиняя ему вреда. Понятие комменсализм является достаточно близким к понятию «эксплуатация» однако имеет смысл разграничить эти понятия. Эксплуатация подразумевает нанесение вреда эксплуатирующей стороной, тогда как при комменсализме вред отсутствует для обеих сторон.

Паразитизм – одна из форм биологических связей между двумя организмами разных видов, при которой один (паразит) использует другого (хозяина) как источник питания и среду обитания, нанося ему вред. В рассматриваемом нами случае паразитизмом можно назвать обратное отношение, при котором уже животные используют человеческие ресурсы, не давая ничего взамен, а зачастую даже принося вред. Здесь мы говорим не о биологических паразитах, а о тех видах животных, которые живут в

техносфере созданной человеком, то есть те, что получили в результате человеческой деятельности, новую, удобную среду обитания. При этом несколько парадоксальным является то, что несмотря на активную борьбу, люди не могут победить вредных для цивилизации животных.

Самым сложным для содержательного определения является понятие мутуализм. Более распространенным понятием является понятие симбиоза, «...под симбиозом понимают любое длительное сожительство двух организмов разных видов, относя к симбиозу также паразитизм и комменсализм» [1. С. 479]. Для избегания двусмысленности терминологии, предпочтем более четкий термин «мутуализм».

Мутуализм подразумевает взаимовыгодное сотрудничество двух видов, в нашем случае человека и животных. Отношения между человечеством и каким-либо видом животных в глобальном масштабе могут быть охарактеризованы как мутуализм только при условии взаимной пользы. Однако проблема состоит в том, как соотносить ту пользу, которую несет человечество животным, с той пользой, что получает от них.

Ярким примером мутуализма является начало процесса одомашнивания собак: «... у (...) доисторических собак развился совершенно новый интерес для них интерес к крупному зверю. Раньше шакалы не должны были интересоваться стадами оленей или диких лошадей, поскольку хищники не могли надеяться убить и пожрать столь крупную добычу. Однако не слишком трудно допустить, что после того как шакалы неоднократно получали внутренности этих животных и другие неиспользованные человеком куски, у них мог появиться стимул преследовать стада копытных, чей запах напоминал им о вкусной пище» [2. С. 150]. В приведенном выше описании явно виден процесс совместной охоты, который позволил, с одной стороны, людям сделать охоту более успешной, а, с другой стороны, позволил доисторическим собакам увеличить объем собственного питания.

Однако, рассматривая мутуализм как осознанный процесс со стороны человека, мы получаем проблему ответной реакции животных, как отдельной особи, так и вида. Соответственно «права и обязанности сторон» не формируются стихийно, и животные не могут являться полноправной стороной отношений, выдвигающей свои осознанные требования. В результате. вместо «договора» двух равных сторон мы имеем перекося в сторону активности человека, а значит именно человек несет всю этическую ответственность за процесс и результат выстроенного взаимодействия.

Выбор тех видов животных, построение отношений с которыми возможно в форме мутуализма, во многом упирается проблему уровня интеллектуального развития интересующего человека вида и его определения. Но дело не только в «уме» животных и поэтому «подход» – чем вид считается более развитым, тем более вероятен с ним мутуализм, не всегда работает. Несмотря на множество примеров замечательных отношений между исследователями и высшими приматами (особенно шимпанзе), есть примеры, которые можно охарактеризовать как мутуализм и с животными,

считающимися, в общественном сознании, совсем лишенными «разума». Например, аквариумные рыбки, человек создает им комфортную и безопасную среду обитания, а рыбки «отвечают» ему принесенным удовольствием. Несмотря на то, что рыбы также демонстрируют сложные реакции на окружающую среду и друг друга [2. С. 42–59], в нашем примере это не является доминирующим. Однако если мы рассматриваем не процесс декоративного разведения рыб, а промысловые задачи, то в этом случае мутуализм невозможен. При этом заметно, что в случае с промысловым рыболовством доминирует экологическая проблематика, тогда как речь о защите прав рыб не заходит.

Иллюстративным является использования различных насекомых для личных и хозяйственных нужд, хотя насекомые и принадлежат к животному миру, защита их прав так же не является объектом активного обсуждения. Насколько полезно для насекомых взаимодействие с людьми в рамках мутуализма, рассмотреть достаточно сложно. Проблемными являются категории «польза» и «благо», очень сложно определить полезность чего-либо небологического для человека, а тем более для животных. При этом важнейшим проблемным аспектом является выведение животных из их естественной среды обитания, и создания для них искусственной среды. Трудно определить насколько помещения животных в искусственно созданную для них среду является для них благом и полезным процессом, даже если при этом животным обеспечивается своевременное питание, защита от хищников, медицинская помощь и т.п.

Для разработки отношений в рамках мутуализма с каким-либо видом животных нужно вывести ряд принципов взаимопомощи, при этом очень важен уровень развития мышления целевого вида животных и его места в современной культуре. Ведь животное может быть практически полностью включенным в культурное поле, как, прежде всего, домашние животные. А может сталкиваться с людьми на периферии культуры, т.е. пересекаться с людьми, но не быть одомашненными.

Естественно, мутуализм, не являясь единственным способом сосуществования видов, может быть сравнен с другими. В общем, у нас получается, что одна группа отношений (эксплуатация и паразитизм) несет в себе негативное влияние на одну из сторон, другая группа этих сторон лишена (комменсализм и мутуализм). При этом с чисто биологической позиции, все эти видов отношений имеют место быть и, более того, их нельзя менять. То если мы начинаем эти отношения окультуривать, то данный процесс сопровождается появлением этических оценок. Паразитизм несет явно отрицательный оттенок, эксплуатация так же является нежелательной. Комменсализм несет скорее этически нейтральный характер, т.к. не причинение вреда уже не вызывает прямого осуждения. Но все же этически правильным традиционно считается «отвечать на добро добром». Именно последней этической потребности и отвечает мутуализм.

Таким образом, наиболее этичным был бы уклон взаимоотношений человека и животных к мутуализму. Это позволило бы снять многие биоэтические проблемы связанные с другими формами отношений между людьми и животными. При этом если рассматривать те области, где переход на полный мутуализм невозможен, то современные биоэтические тенденции позволяют, минимизировать жестокость при обращении с животными.

Литература

1. Малая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1960. 1280 с.
2. Лоренц К. Кольцо царя Соломона / Пер. с англ. Панова Е.Н. М.: РИМИС, 2011. 240 с.

Оглавление

Пленарные доклады	3
<i>Аблажей А.М.</i> «...Я сторонник еще более радикальных изменений»: реформирование науки глазами молодежи	3
<i>Ламберов Л.Д.</i> Эпистемологические проблемы компьютерных доказательств..	5
<i>Моисеева Е.Ю.</i> Нормативно-интерпретационная конституционализация соматических прав человека и гражданина: сравнительно-правовой аспект ...	8
<i>Петров В.В.</i> Проблемные точки реализации концепции «Университет 3.0» Й. Виссемс.....	10
Философские исследования	14
<i>Антипова С.П., Смолина Л.А., Рябко С.А.</i> П. А. Флоренский о физическом и субъективном восприятии времени	14
<i>Арутюнян К.С.</i> Элементы управления в структуре общественного сознания как определяющие атрибуты постиндустриального общества	16
<i>Багаева О.Н.</i> «Подлинная солидарность» и «человечное сопереживание» как возможность экклесии – главные признаки общества новой формации в философских исследованиях А. А. Мейера	20
<i>Безлепкин Е.А.</i> Классификация отношений между физическим и психическим.....	22
<i>Бровкин В.В.</i> Феодор Безбожник о богах	25
<i>Валуев О.С.</i> Персонализм Н. А. Бердяева как духовное упражнение в эмерджентности свободы и творчества.....	28
<i>Воробьева С.В.</i> Типология и способы аргументации в социальной аналитике	30
<i>Гавриков А.Р.</i> Табличное построение логики сослагательного наклонения...	32
<i>Галлямов Р.И.</i> Биополитика и политизация научного знания.....	36
<i>Golubinskaya A.V.</i> Epistemic Mowgli: the nature of speculative knowledge acceptance	38
<i>Гущин И.А.</i> Об условиях конструктивного диалога между онтологическими концепциями в аналитической философии.....	41
<i>Думов А.В.</i> Концепт сложности как организационная эпистемологическая метафора.....	43
<i>Дьяконова Л.Г.</i> Рациональность от критериев этического разума.....	46
<i>Евдокимова К.Н.</i> Тема насилия в философии Ж.-П. Сартра	49
<i>Егорова О.С.</i> Образ Аристотеля в русской общественной мысли 18 века.....	51

<i>Зайкова А.С.</i> Скептический аргумент Крипке и проблема познания слова	53
<i>Исмаилова М.В.</i> Логический анализ и нейтральность философии	56
<i>Козырева О.А.</i> Аргумент С. Шумейкера от самозаблуждения: возможные возражения	58
<i>Кондакова А.С.</i> Концептуализация проблемы критической и политической ответственности историка философии на примере историко-философской практики XX века	61
<i>König E.</i> The problem of interconnectivity: why climate change is also a philosophical crisis	63
<i>Магомедова Ю.С.</i> Концепции «эстетической жизни» в неопрагматизме (Р. Рорти и Р. Шустерман)	66
<i>Маслов Д.К.</i> Разногласие как условие экспертного знания	68
<i>Моисеева А.Ю.</i> Объяснение и интерпретация в социологии: против методологической критики П. Уинча	70
<i>Овчинников С.Е.</i> Теория биологической эволюции и эпистемология	73
<i>Равочкин Н.Н.</i> Генезис и динамика идей	76
<i>Рахматулина А.Т.</i> Соотношение свободы воли и божественной благодати в философии Августина Аврелия	79
<i>Санжсенаков А.А.</i> Моральная эпистемология, или как истинность суждений влияет на наши моральные действия	81
<i>Tarasenko E.V.</i> Concept of «schema» and specifics of film (cinema) perception .	84
<i>Тулянов В.А.</i> Использование образа Флорентийской унии в риторике современной Русской Православной Церкви: к 580-летию заключения религиозной унии между католическим Западом и православным Востоком в 1439 году	86
<i>Шабалина А.О.</i> Нейрофеноменология: субъективный опыт как объект нейронауки	89
<i>Юрчук Е.В.</i> Историко-философская критика в контексте концепции диалога	91
Социальные исследования	94
<i>Аксютин Ю.М.</i> Эвристический потенциал конвергенции конструктивизма и примордиализма в изучении процессов функционирования регионального социума	94
<i>Асылгузина А.М.</i> Отношение молодежи России к образованию и науке	96

<i>Ботева Т.А.</i> Оценка влияния учета ценностей общества при формировании видео-рекламы продовольственных товаров в интернете на количество просмотров.....	99
<i>Булай Т.К.</i> Массовая печатная продукция как идеологический инструмент	104
<i>Ван И.Д.</i> Территориально-поселенческое неравенство в субъектах Байкальского региона	107
<i>Васильева Е.Ю.</i> Восприятие искусственного интеллекта аудиторией соцсети «ВКонтакте»	110
<i>Витковская Т.Б.</i> Муниципальные депутаты в городской политике и городских конфликтах (случай уральских малых городов).....	113
<i>Гавриленко М.В.</i> Культура и языки народов РФ как основа гармонизации межэтнических отношений в военном вузе	115
<i>Горбунова Е.В., Ерохина Е.А.</i> Тело, гендер, идентичность в кризисном обществе: в поисках нормы.....	117
<i>Гуриева С.Д.</i> Актуальные проблемы изучения культурного многообразия .	120
<i>Давыдов А.А.</i> Информирование населения в случае аварии на атомном объекте как этическая проблема: общественное мнение против мнения специалистов.....	124
<i>Евдокимов А.И.</i> Этнокультурные особенности мигрантов из государств Центральной Азии.....	127
<i>Евдокимова М.В.</i> Информатизация образовательного процесса и преподавательской деятельности в высшей школе.....	130
<i>Ефанов А.А.</i> Социологическое мышление как базовая компонента социологической культуры специалистов в сфере медиа	133
<i>Журавлева И.А.</i> Образование в ресурсном пространстве молодежи	136
<i>Заседателева Е.И.</i> Особенности мотивации к обучению студентов, приехавших для получения образования из села в город.....	139
<i>Кононцева Н.Б., Слободяник Д.С., Татаринцева А.В.</i> Гендер и культура: морфологический пол и адаптация в социуме.....	141
<i>Лапина Н.В.</i> Репрезентация культуры польского населения города Омска в интернет-пространстве	144
<i>Лбова Е.М.</i> Влияние англо-саксонской системы образования на российскую науку	146
<i>Магомедова М.А.</i> Проблемы распространения религиозного экстремизма в информационном пространстве и способы противодействия.....	149

<i>Мадюкова С.А.</i> Потенциал этнокультур в пространственном развитии регионов	152
<i>Малых С.В.</i> Бренд университета в восприятии горожан	155
<i>Никитин А.П.</i> Экзамен в вузе как этически нагруженная ситуация.....	158
<i>Новикова Е.Э., Кропачева Д.С.</i> Социокультурный портрет как основной способ анализа состояния территории	161
<i>Орлов М.М., Башмак А.Ф.</i> Различия конфликтного восприятия спортсменов, занимающихся настольным теннисом, в российском и зарубежном вузе (исследования на базе Самарского ГАУ и Технологического института Джорджии).....	165
<i>Персидская О.А.</i> Этнонациональная политика РФ: социокультурные трансформации и модели регулирования	168
<i>Полюшкевич О.А.</i> Общественное недовольство в городском пространстве .	171
<i>Розов К.В.</i> Основы искусственного интеллекта в современном педагогическом вузе: нужно ли изучать экспертные системы и язык Prolog?	174
<i>Руденкин Д.В.</i> Интернет как пространство распространения экстремистского контента среди молодежи: постановка проблемы.....	178
<i>Сапон И.В, Леденев Д.Е</i> Стратегии использования настроек приватности в социальной сети «ВКонтакте»: гендерный аспект	182
<i>Сибушева А.Р.</i> Трудный путь к родительству: бесплодие как социально-демографическая проблема	185
<i>Терентьев В.И.</i> Некоторые особенности восприятия монголами иностранцев	187
<i>Тернов Н.М.</i> Образ «другого» как фактор формирования национальной идентичности (на примере учебных пособий Республики Казахстан)	189
<i>Трескин П.А.</i> Анализ социальной активности некоммерческих организаций Иркутской области	192
<i>Трипузова А.А.</i> Актуальные вопросы диагностики мотивации государственных служащих в Республике Беларусь	195
<i>Яколенко А.Д.</i> Образ правозащитных организаций в общественном мнении	198
<i>Ясников Н.Н.</i> Социальный капитал и семья: взаимосвязь и результаты.....	200
Правовые исследования	204
<i>Артемова А.Н.</i> Доктрина «снятия корпоративной вуали» и субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц в рамках процедуры банкротства	204

<i>Брашнина О.А.</i> Объективные признаки преступления, предусмотренного статьей 229.1 УК РФ	207
<i>Вайшнарович Г.В.</i> О разделении списка кандидатов на общерегиональную часть и региональные группы в законодательстве субъектов Российской Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа	210
<i>Воевидка А.С.</i> К вопросу о разграничении составов п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ	212
<i>Гаврилов Е.В.</i> Самоплагиат в научных исследованиях: между правом и этикой	215
<i>Гайнулина Г.С.</i> Современные проблемы при квалификации государственной измены, шпионажа и разглашения государственной тайны.....	218
<i>Ивликова А.Н.</i> Правовая природа юридической ответственности перед корпорацией лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа корпорации	220
<i>Коновальчиков Я.А.</i> Нейтрализация права политической партии на участие в выборах	224
<i>Коновальчикова С.С.</i> Проблема ограничения права на жилище в практике конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации	226
<i>Конопацкий А.А.</i> Теории происхождения юза как предшественника траста	228
<i>Константинова Н.А.</i> Совершенствование механизма государственных закупок в России.....	231
<i>Лебедев Д.С.</i> Устранение процедурных барьеров: вопросы теории и практики	233
<i>Окутина Н.Н.</i> К вопросу о роли сословно-мещанского самоуправления в развитии правовой культуры в дореформенный период	236
<i>Сидорова Т.В.</i> Основания привлечения учредителей (участников) к гражданско-правовой ответственности по обязательствам корпорации: коллизии законодательства и пути их преодоления	238
<i>Сирик М.С.</i> Доведение до самоубийства и смежные составы преступлений	242
<i>Тарабара Д.О.</i> К вопросу о недостаточности налоговых доходов местных бюджетов.....	245
<i>Терехов Е.М.</i> К вопросу о проблеме понятия «правоинтерпретационная деятельность»	248
<i>Тимонин К.А.</i> Получение бесплатной юридической помощи при реализации потерпевшими права на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба	250

<i>Федин И.Г.</i> Некоторые проблемы использования понятия «совесть» в юридической практике.....	254
<i>Хакимова А.Ф.</i> К понятию соглашения о государственно-частном партнерстве	256
<i>Шадрина Д.О.</i> Сравнительный анализ систем ювенальной юстиции США и России.....	258
<i>Шевченко А.В.</i> Размышляя о природе квазисудебных органов и об их истории	261
Биоэтика	265
<i>Синюкова Н.А.</i> Специфика и перспективы развития медицинской практики в современности	265
<i>Кливакова Е.С.</i> Принцип автономии пациента: сложности реализации	267
<i>Тарасенко Э.В.</i> Репрезентация рака в кинематографе XXI века	270
<i>Безрук В.Ю.</i> Роль и значение сомнения в профессиональной деятельности врача	272
<i>Ситников Р.В.</i> Врачебный аспект в философии экзистенциализма	273
<i>Сергеев С.С.</i> Мутуализм как ориентир в отношениях между социумом и животным миром.....	276

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы XVII Всероссийской научной конференции
молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук

Редакционная коллегия
В.В. Петров, А.Н. Артемова,
О.А. Персидская, А.А. Санжениаков

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 29.08.2019 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman
Уч.-изд. л. 17,6. Усл.-печ. л. 16,4.
Тираж 300 экз. Заказ № 202
Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2